Гуманитарный университет

Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии

Материалы XIX Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета 12–13 апреля 2016 года

к 25-летию Гуманитарного университета

Том первый

Традиционные ценности в устойчивом развитии российского общества: pro et contra

Социально-психологические аспекты развития современной России: проблемы и перспективы

Туризм в устойчивом развитии России и региона

Отечественная индустрия одежды в контексте потребностей и возможностей современного российского общества

Екатеринбург
2016

УДК 30
ББК 87.6
У 81

Рекомендовано к изданию Ученым советом АНО ВО «Гуманитарный университет»

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
д-р юрид. наук А. П. Семитко
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова
канд. пед. наук Л. В. Росновская
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов
д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова
канд. социол. наук С. А. Рамзина
д-р юрид. наук, проф. З. А. Незнамова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

У 81 Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии : материалы XIX Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета, 12–13 апреля 2016 года : доклады / редкол. : Л. А. Закс и др. : в 2 т. – Т. 1. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 503 с.

ISBN 978-5-7741-0276-1 (т. 1)
ISBN 978-5-7741-0275-4

Какой смысл вкладывается в понятие «устойчивое развитие»? С какими проблемами развития столкнулись современный мир, Россия, регионы? Какие факторы способствуют или препятствуют устойчивому развитию? Каковы возможности и перспективы устойчивого развития в современном мире и в России? Какую роль играют в устойчивом развитии различные отрасли деятельности и познания? Эти и другие, близкие к ним, вопросы обсуждаются на конференции.

В томе I представлены материалы, в которых философы, культурологи, психологи, а также специалисты в области гостеприимства, туризма и конструирования одежды обсуждают роль и место традиций и традиционных ценностей в устойчивом развитии; проявления устойчивого развития на основе социокультурных ценностей в различных формах культуры и общества; социально-психологические аспекты современного общества; проблемы психологической безопасности и благополучия личности и общества; роль туризма в современных условиях России, проблемы, особенности и перспективы отечественной индустрии одежды.

ISBN 978-5-7741-0276-1 (т. 1) © Сборник. Гуманитарный ун-т, 2016
ISBN 978-5-7741-0275-4 © Оформление. Гуманитарный ун-т, 2016

Содержание

Раздел первый
Традиционные ценности в устойчивом развитии российского общества: pro et contra 13
Закс Л. А.
Устойчивое развитие – системный вызов нашего времени 15
Брандт Г. А.
Традиционные ценности
в социокультурном развитии России: тупик или опора? 33
Мясникова Л. А.
Способствуют ли традиции
устойчивому развитию общества и культуры? 39
Паин Э. А.
О политической инерции в донациональном обществе 42
Харитонов В. В.
Роль традиции в структуре культуры 61
Романова К. С.
Факторы, влияющие на устойчивость социальных ценностей 65
Игнатова Н. Ю.
Традиционные ценности
как часть доминантного дискурса глобализации 70
Рейфман Б. В.
Массовый человек и глобальная культура
(почти публицистический пролог к исследованию
философской истории понятия «разрыв») 75
Бенбутриф Д.
Глобализация и суверенитет
в Исламской Республике Иран 80
Устюгова Е. Н.
Историческое самосознание как ценность диалектики
стабильности и динамизма общества 86
Лисовец И. М.
Ценности истории российского общества
в гуманитарном пространстве современного города 91
Погорельская Е. Ю.
Развитие устойчивости человека 96
Монина Н. П.
Традиционные ценности русской цивилизации
как ответ на вызовы истории 101
Пивоваров Д. В.
О культе государства 104

Ашраф М.
Традиция общественного договора
в политической философии 108
Суворов Д. В.
Вторая мировая война: психотехники манипуляции
и технологии создания образа «вождя-спасителя»
в тоталитарных державах 114
Кныш Е. В.
Религиозные ценности в устойчивом развитии российского
общества: место европейского постсекулярного опыта 124
Галбацев С. М.
Традиционные ценности в устойчивом развитии
дагестанского общества:
факторы устойчивости и вызовы 128
Сигнаевская О. Р.
Философия управления в России:
противостояние двух цивилизационных парадигм 132
Орлов Б. В.
«Транс-традиционность» ценности современной эстетики ... 137
Сверлов Д. С.
Устойчивое развитие российского общества
в эмоциональном плане.
Природа смеха и средства его достижения 142
Ильченко М. С.
Российский мегаполис в логике постфордизма:
«точка роста» или «зона неопределенности»? 149
Кенигштейн М.
Аккультурация иммигрантов –
важнейшее условие устойчивого развития 154
Фан И. Б.
Традиционное отцовство:
между политической утопией и реальностью 157
Нагевичене В. Я.
Феминизм как источник ломки
традиционной патриархальной семьи 161
Крутеева О. В.
Культурная традиция как источник сохранения народных
художественных промыслов Уральского региона 166
Антонова И. А.
Дом как воплощение внутреннего пространства человека:
утеря и поиск традиции 170
Сергеева О. Б.
Личностное развитие в нарциссической парадигме 174

Ковалева А. Ю.
Богема: отношения с традиционными стилями жизни 178
Гилязова О. С.
Функциональный анализ дискурса в контексте проблематики
взаимосвязи власти, идеологии, норм и ценностей 183
Бельцева Е. А.
Специфика коммуникации в понимании субъекта
гуманитарного знания 188
Мезенцева Т. А.
Понимание как гуманитарная ценность 191
Пацюкова Ю. А.
К вопросу об обосновании неприменимости модели
толерантности как морального идеала в отношении
трансгендерной субъективности 194
Болдыгин Г. В.
Утопия или проект? 199
Курюмова Н. В., Полякова А. С.
Танец постфолк: звено в развитии современной
хореографической культуры 205
Козева М. Б.
Контактная импровизация
как направление современного танца 211
Шестопалова О. Н., Кирилюк Л. С., Чуркина В. С.
Система жизненных ценностей современной молодежи:
опыт социологического исследования 217
Уймина Ю.
Бхагавадгита – культурный памятник и один из источников
учений современных индийских новых гуру 222
Бушикки Л.
Политика счастья 227
Кага Леинда Х. М.
Международное признание африканского философствования:
к критике периферийности африканской философии 231
Смит Р. Дж.
Война против лишнего веса и возникновение культуры диеты:
отвращение к лишнему весу, одержимость эталоном телесной
красоты и зарождение «стройняшки» как механизм
устойчивости при капитализме 237

Раздел второй
Социально-психологические аспекты развития современной России: проблемы и перспективы 243
Ананьина И. И.
Выбор типа жизненной стратегии и психологическая зрелость личности 245
Горбатко С. Г.
Представление о профессии психолога в современном обществе 250
Матыяшкойть А. В.
«Номадическая идентичность» как реальность современности 254
Махмутова Н. В.
Социально-психологические аспекты аккультурации иммигрантов в России 257
Мосягина О. А.
Неоднозначность представлений об одиночестве: контент-анализ 261
Неволина Е. В.
Социально-психологические характеристики пользователей социальной сети ВКонтакте 265
Оплетина И. А.
Психологические особенности восприятия участников дорожного движения в современных городских условиях 271
Чернышева Е. В., Ермош В. О.
Социально-психологическое осмысление коррупционного поведения 275
Шинкевич А. Б.
Механизмы психологической защиты подростков 281
Шишигин А. В.
Социальные факторы, определяющие гражданско-политическую идентичность жителей Перми 286

Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества 290
Донцов А. И., Перелыгина Е. Б.
Взаимодействие в условиях социальных изменений: доверие, субъективное благополучие и психологическая безопасность 291
Зотова О. Ю.
Субъективное благополучие как социально-психологический конструкт 297

Веракса А. Н., Якупова В. А.
Страхи дошкольников: связь с познавательным и социальным развитием 303
Яворский А. А.
Социальное неблагополучие, терроризм и психическое здоровье 306
Тарасова Л. В., Рикель А. М.
Субъективное благополучие и реализация личностью стратегии жизни 310
Белоусова Н. А.
Факторы, влияющие на формирование информационно-психологической безопасности детей младшего школьного возраста в России 314
Игишева Е. Г.
Субъективное благополучие и его социально-психологические особенности 317
Мостиков С. В.
Миграционные намерения россиян и субъективное ощущение безопасности 323
Соловьева М. А.
Современные концепции психологии безопасности 325
Солодухина О. С.
Субъективное благополучие и эмоциональная безопасность личности 330
Сюткина Е. Н.
Архетипические аспекты доверия 335
Чеботаева Я. Э.
Счастье как предикат субъективного благополучия в картине мира суворовцев 338
Шинкевич А. Б.
Социально-психологические особенности психологической безопасности подростка 343

Раздел третий
Туризм в устойчивом развитии России и региона 349
Мясникова Л. А.
Туризм в условиях кризиса 351
Бекшенев О. Г.
Туризм как составляющая устойчивого социально-экономического развития Уральского рекреационного региона 356
Лазо Е. А.
Тенденции развития въездного и внутреннего туризма в Свердловской области 360

Киселева Н. А., Киселев Е. А.
Коллекция путешествий (выставка «Восточных коллекций» в Свердловском областном краеведческом музее) 364
Шумихина М. Н.
Политический миф как форма сохранения культурного наследия и ресурс туризма 367
Андреева Е. В.
Паломничество в Екатеринбургской епархии в устойчивом развитии регионального туризма 371
Калужникова Е. А.
Светское паломничество в устойчивом развитии туризма (на примере объектов Екатеринбурга и Свердловской области) 376
Слободчиков Н. А.
Имитация культуры под влиянием туризма 383
Хохрякова Е. В., Чудиновских М. В.
Страхование гражданской ответственности туроператоров как инструмент повышения качества туристского продукта 386
Заякин С. В.
Гостеприимство как основа устойчивого развития России 391
Рамзина С. А., Семензато М.
Инфраструктура гостеприимства в устойчивом социально-культурном туристском пространстве Свердловской области 394
Минина О. Ю.
Роль туризма в развитии малых городов Урала 402
Баранникова Ю. О.
Рынок ивент-услуг: процесс развития в современной России 407
Боровкова А. С., Нивчик А. В.
Возможности и ограничения деятельности внутренних и внешних ивент-менеджеров 410
Кравчук Т. А., Савенкова Д. А.
Классификация событийных мероприятий Омской области по основным сферам событийного менеджмента 414
Пуспитасари Ни Вайян Радита Нови
Коммодификация культуры: танцоры Бали как товар при капитализме 419
Филиппова Е. С., Чукреева И. И.
Ивент-технологии и рынок ивент-услуг: перспективы развития в современной России 424
Самарина И. А.
Студенческий спортивный туризм как фактор устойчивого развития 429

Сметанина М. В., Слукина А. С.
Инструментарий развития устойчивого туризма в регионе 435
Арсланова Ю. И., Батырева В. Д.
Туристские практики в региональном маркетинге территорий 439
Минина О. Ю.
Жизнь и смерть как традиционные ценности и основание социально-культурных практик «черного туризма» 443
Юдина Е. В.
Сельский туризм в устойчивом развитии муниципального образования (на примере Сергиево-Посадского района Московской области) 449
Холодова А. Д.
Гостиничный сервис для особых гостей как фактор развития устойчивого туризма 456
Хузина Е. В.
Особенности работы хостела в туристском пространстве ... 459
Теплых Е. П.
Специфика туристского восприятия города Екатеринбург 461

Раздел четвертый
Отечественная индустрия одежды в контексте потребностей и возможностей современного российского общества 465
Анохина А. С.
Многонациональная Россия как источник вдохновения дизайнеров одежды 467
Бакеркина О. А., Краюхина О. Е.
Школьная форма как вариант возрождения производства корпоративной одежды 471
Лаврова Л. Б.
Специфика российского дизайна одежды 475
Перина О. С.
Тенденции «модного» потребления в периоды экономической нестабильности 480
Росновская Л. В.
Проблемы и перспективы российской модной индустрии 485
Степанченко Л. В.
Унификация методов технологической обработки одежды как основа повышения эффективности ее производства 490
Трушина Т. Л.
Мода как социальный феномен современной культуры 495
Черных О. В.
Детская мода в России: вчера, сегодня, завтра 500

Раздел первый

Традиционные ценности в устойчивом развитии российского общества: pro et contra

Л. А. Закс*

Устойчивое развитие – системный вызов нашего времени

В статье анализируются основные содержательные составляющие концепта «устойчивое развитие», показаны причины рождения этой системной концепции в наше время: возможности современной культуры, в особенности ее социально-организующей подсистемы, и вызовы современной социокультурной реальности, факторы устойчивого развития; характеризуется проблематичность устойчивого развития в современной России в связи с особенностями ее социально-организующей культуры и отсутствием заинтересованности в устойчивом развитии основной массы населения и властной элиты.

Ключевые слова: устойчивое развитие; универсальность; системность; глобальность и сбалансированность устойчивого развития; возможности и вызовы современной социокультурной реальности; факторы устойчивого развития; социально-организующая подсистема культуры; ситуация с устойчивым развитием в России; ее объективные и субъективные основания.

О собственном развитии человечество думает и говорит давно. Об устойчивом развитии – сравнительно недавно. Пожалуй, с последних десятилетий прошлого века. Тема эта, вообще-то, находится в противоречии с общим духом эпохи постмодерна, ценностно узаконившей относительность всего и вся и, значит, на то, что принято считать прогрессивным развитием (а тут ведь речь явно о развитии прогрессивном, развитии как движении к более совершенному миру) тоже смотрящей скептически. Кому-то этот скепсис сегодня весьма кстати. Однако тем интереснее и важнее, что тема устойчивого развития не уходит в тень, а, наоборот, становится все более активно и широко во всем мире обсуждаемой[1]. В ней сегодня концентрируются и интегрируются клю-

* ***Лев Абрамович Закс*** – д-р филос. наук, профессор, ректор АНО ВО «Гуманитарный университет»; завкафедрой эстетики, этики, теории и истории культуры УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

[1] Еще немного о соотношении нашей темы и постмодерна. Принципиальное противоречие между ними и концентрированно выражающими их мировоззренческими ориентациями дает возможность так осмыслить их соотношение: постмодернизм выражает ценностно-мировоззренческие

© Л. А. Закс, 2016

чевые проблемы, потребности и риски нынешнего (конец XX – первые десятилетия XXI в.) глобализировавшегося человечества, стратегические цели и конкретные задачи его реальной эволюции на основе уникальных ресурсов современной культуры.

Чтобы подтвердить, что это именно так, нужно кратко обозначить содержание концепта «устойчивое развитие», тем более что этот русскоязычный термин является весьма неточным (значит, уводящим от адекватного понимания темы) переводом английского термина sustainable development. Как отмечает А.М. Березина, «слово sustainable имеет и другие значения: “поддерживаемое, самоподдерживаемое”, “длительное, непрерывное”, “подкрепляемое”, “защищаемое”» [1]. Однако и эти значения не вполне передают реальное содержание вдруг ставшей актуальной темы-проблемы, обозначенной, как теперь ясно, и по-английски весьма неточно.

На мой взгляд, содержательно мы имеем дело с принципиально новым, модернизированным пониманием развития как объективной социальной необходимости, осознанной общественной потребности и практической программы обществ нашего времени, человечества в целом – развитием нового качества и масштаба. В чем эта новизна?

Стоит напомнить, что если философия достаточно давно осознала развитие как имеющий определенную объективную направленность процесс качественных изменений = изменений, ведущих к новым степеням/уровням внутреннего разнообразия, организованности, возможностей и, в конце концов, *сложности* эволюционирующей системы (такому видению очень способствовал опыт биологической науки), то в «позитивных» общественных науках, прежде всего в науке экономической, развитие сводилось к накоплению количественных изменений системы = «росту». И по сей день именно экономический рост (его темпы, увеличение ВВП, производительности труда, уровня зарплаты и размеров потребительской корзины и т. п.) остается главным показателем и критерием общественного развития. Хотя уже давно (как минимум с 60-х гг. прошлого века) стало понятно, что при всей очевидной фундаментальной важности экономического роста этот аспект общественного развития характеризует последнее неполно, односторонне и потому недостаточно. С одной стороны, даже описание и оценка развития самой экономики требует картины не только ее

разочарования человечества в результате опыта XX века, а концепция устойчивого развития – его насущные потребности и упования; первый весь принадлежит сфере духовной культуры (умонастроения/мироощущение, ценностные представления и ориентации, мировоззрение), а вторая – сфере современной глобальной практики и обеспечивающего ее научно-практического сознания.

количественных, но и качественных изменений. С другой, и это еще более существенно, – даже качественное состояние экономики не является «необходимым и достаточным» показателем/индикатором уровня и направленности развития общества как социокультурной системы в целом. Ведь последняя включает и многие другие существенные для жизни людей и для существования целого аспекты (сферы, подсистемы), вовсе не находящиеся в «прямо пропорциональной», однозначной зависимости от экономического роста и экономики вообще. Так, стремительный экономический рост СССР в процессе индустриализации 1930-х гг. не определял всецело и «в прямой прогрессии», а потому не позволяет оценить даже материальное благосостояние советских граждан (он, например, сопровождался обнищанием и страшным голодом населения целых регионов страны). Тем более он не позволяет оценить такие существенные аспекты *состояния* (= *уровня развития*) страны, как социальные отношения, политическая организация, духовная культура, здравоохранение, свободы и права человека, наконец, ее отношения с природой и международные отношения (= «место на политической карте мира»).

Концепция устойчивого развития ориентирована на все аспекты развивающегося общества, к тому же взятые в их целостности и взаимовлиянии. Она, таким образом, предполагает *универсальность* (всеохватность) и *системность* процесса и результата развития каждого социума. Развитие социокультурной системы (в любую эпоху, в эпоху глобализации – тем более) системно, как системна и его детерминация, включающая и интегрирующая в качестве факторов все без исключения элементы и структуры, все подсистемы системы. Правда, эта системность может – при доминировании тех или иных факторов и подавлении/отставании других – «размазываться», растягиваться во времени и пространстве, демонстрируя так называемую «неравномерность» развития. Но *логика системы* такова, что, рано или поздно, все в системе приходит в единство, приводится к «общему знаменателю», выражающему общий, прошу прощения за тавтологию, *системный* прогресс или регресс системы.

Другой важный аспект системности «устойчивого развития», как ясно из уже сказанного, – *пространственно-временной*. Он подразумевает, прежде всего, временну́ю продолжительность: длительность и стабильность/неизменность характера направленных качественных изменений (т. е. собственно «устойчивость»). Что предполагает нейтрализацию факторов торможения, остановки, обратных («попятных», регрессивных) движений. Но тут весьма важен и пространственный комплекс развития: охват («захват») развитием, подчинение процессам развития всех территорий, геоло-

кусов (регионов) системы, знаменующий, в конечном счете, тенденцию *глобализации* развития и преодоления *отставания* одних регионов от других, *неравномерности* их развития, логику их системного социокультурного *выравнивания*.

Наконец, важнейшей составляющей концепции устойчивого развития представляется введение в нее добровольных для субъектов развития *самоограничений* количественно-качественных трансформаций. Это не проблема объективных «пределов роста», связанных с производительными возможностями человека, природными, технико-технологическими и энергетическими ресурсами общества, достаточно давно и продуктивно разработанная. Речь идет, наоборот, о признании необходимости субъективной регуляции развития на основе одобренных культурой системы ценностей. Обобщенно говоря, это аспект (он же и критерий) *«цены вопроса»*. А точнее: его, развития, *человеческой* цены, где основополагающим критерием оценки выступают и конкретные люди (их жизнь, личные возможности, потребности и ценности), и человечество в целом как единство существ одной природы с их общими потребностями и ценностями (безопасность/самосохранение; здоровье и благополучие, права и свободы; всестороннее развитие). Рационально и духовно-ценностно он давно поднимался в культуре. Например, Руссо, Пушкиным в «Медном всаднике», В. Гроссманом в повести «Все течет» и В. Распутиным в «Прощании с Матёрой». Знаменитой стала строчка А. Вознесенского «Все прогрессы реакционны, если рушится человек» – лапидарное выражение гуманизма XX века. Новый вариант гуманизма – «трансгуманизм» выдвигает свои критерии, сообразные процессам и человеческим перспективам новейшей технологической революции. Но при всех различиях это все же «теоретические» и весьма отвлеченные точки зрения на развитие, его противоречия и издержки.

Идеология же устойчивого развития мыслит о сознательно устанавливаемых пределах («табу») развития как о практических императивах. Они задаются совершенно реальными угрозами, рисками, необратимыми утратами, которые могут быть порождены самим развитием и являются его негативной «оборотной стороной», его опасными для человечества и человека издержками: экологическими, геополитическими, демографическими, социальными, духовными, наконец, в прямом смысле слова антропологическими. Общий вектор регуляторов-табу, призванных исключить, нейтрализовать, компенсировать риски и издержки, обеспечивающих *безопасность* и *сбалансированность* (относительно гармонические отношения компонентов развивающейся системы) как существенных особенностей именно устойчивого развития: не навреди! Но этот общий вектор в практических программах устойчивого развития «раскладывается» по конкретным сферам и в каждой конкретизируется целой системой научно обоснованных норм ее «правильного», или «нормального», состояния. Так, сегодня вполне разработаны конкретные параметры нормального экологического состояния (состояния окружающей среды) социокультурной системы: чистота атмосферы, качество питьевой воды, уровень радиации, санитарно-эпидемиологическое состояние водоемов и сетей водоснабжения и т. п. И любые практические трансформации природной и социокультурной среды (вырубка леса, застройка поля, ирригационное строительство, создание новых производств и поселений и т. п.) должны соответствовать сформулированным наукой и кодифицированным нормам.

Почему идеология устойчивого развития стала актуальной именно в наше время? Ведь многие лежащие в ее основе идеи были сформулированы гораздо раньше. Тут уместно вспомнить известную мысль Маркса: человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить. В конце прошлого – начале текущего века сформировались как общественная потребность в новом типе/способе развития современных обществ, человечества в целом, так и интеллектуально-духовные и практические предпосылки для него. Именно наличие реальных предпосылок-возможностей: накопленных культурой человечества, прежде всего, развитых стран мира, духовных и материальных ресурсов стимулировало рост, усиление и осознание потребности в новом социокультурном состоянии и ведущем к нему *устойчивом, универсальном, системном и сбалансированном развитии*. И трансформировало проблемы развития в практически, технологически, управленчески воспринимаемые-осмысляемые «вызовы». Последние (препятствия и риски, противоречия и издержки, «перекосы» процессов развития) на фоне современных новообретенных и обретаемых возможностей переживаются особенно болезненно и в этом качестве становятся мощными аттракторами устойчивого развития. Правда, так происходит не всюду – но только там, где это происходит, и уместно говорить о практическом целеполагании и реализации устойчивого развития.

К новейшим возможностям современной культуры как факторам устойчивого развития можно отнести следующие:

1) технологическую революцию (освоение и все более широкое распространение НБИК-технологий, новый уровень автоматизации производств на основе применения роботов);

2) удлинение трудоспособного возраста людей на основе успехов здравоохранения и, отсюда, увеличение численности занятого производительным трудом населения;

3) распространение образования и образованности, рост уровня образования работников всех сфер;

4) глобализацию как предельный масштаб пространственно-временной системности и интеграции разных стран, народов и культур, субъектов, форм и процессов производства и потребления, природных и культурных ресурсов, превращающих и развитие обществ Земли в системный глобальный процесс (глобальные рынки, институты, капиталы, проекты, коммуникации, взаимодействия и обмены, но также и глобальные проблемы и риски).

На фоне растущего влияния названных и иных[2] культурогенных факторов снижается роль фактора природных ресурсов, а «ресурсная», или «рентная», экономика становится симптомом социокультурной периферийности, вторичности, отсталости. Зато возрастает понимание значимости и реальное влияние свойств и структур социально-организующей (см. о ней и ее роли: [4; 5]) и духовной (см.: [9; 10]) подсистем культуры.

Главными структурными единицами социально-организующей подсистемы культуры выступают *институты*, или социальные организации: устойчивые и нормативно структурированные *социальные формы,* что было точно сформулировано еще Брониславом Малиновским [7]. В частности, сегодня неплохо изучен и осмыслен вклад в устойчивое развитие следующих институциональных подсистем современной социально-организующей культуры (продолжая начатое выше перечисление факторов устойчивого развития):

1 (5) правовой подсистемы (системы юридически санкционированных и кодифицированных социальных норм – законов и нормативных процедур – и обеспечивающих их реализацию правоохранительных институтов, судебной системы прежде всего), создающей и регулирующей универсальные «мегаматрицы» организации, функционирования и развития социокультурных систем (отсюда знаменитая кантовская оценка права: «самое важное, что есть у Бога на Земле»);

2 (6) политической подсистемы с ее важнейшими институтами, государством прежде всего;

3 (7) экономической подсистемы с институтами производства, обмена, распространения (торговли) и потребления, финансовыми

[2] В частности, в качестве сравнительно нового культурогенного фактора устойчивого развития можно назвать изменение форм и содержания жизни современных людей: увеличение доли свободного времени и досуга в общем бюджете времени, ставшая нормой пространственная мобильность (туризм всех сортов), переориентация частной жизни на потребление товаров и услуг, массовых зрелищ и развлечений, информации и сетевого общения и т. п. Сегодня это ведущие отрасли экономики и локомотивы социального развития.

институтами и встраивающим в себя все названные мегаинститутом *рынка*, транснационального, в пределе – глобального;

4 (8) социальной подсистемы с институтами социально-групповых, демографических, территориальных, семейно-бытовых и т. п. отношений, социального обеспечения, здравоохранения;

5 (9) подсистемы институтов «гражданского общества» (общественных организаций и объединений неполитического характера различной содержательной направленности);

6 (10) подсистемы информационной культуры с ее институтами (индустрией) массовой информации и коммуникаций, хранения, накопления и актуализации информации (архивы, библиотеки, фоно-, кино- и видеотеки, музеи), образования и воспитания;

7 (11) подсистемы «духовная культура» с институтами производства, хранения и распространения, рецепции и освоения научных знаний и духовных ценностей, формами духовного общения, воспроизводства духовных традиций, рефлексии (самопознания и самооценки) культуры, общества и личности.

Все эти подсистемы как продуцированные культурой формы соединения, самоорганизации и интеграции многих людей на основе и для достижения целей различных видов деятельности, для материального, ментального и духовного освоения мира (природы, социума, культуры, самих себя) вместе образуют общий для данной системы общественной жизни *тип социальности*. Социально-организующая культура и созданный ею тип социальности (способ самоорганизации и функционирования общественного организма, так сказать анатомии и физиологии социального «тела») способствуют саморазвитию всей социокультурной системы: создают возможности и стимулы рождения и усложнения качественно нового во всех сферах человеческой деятельности. Или, наоборот, тормозят этот процесс, препятствуют ему и ведут к застою, стагнации и затем, неизбежно, к упадку и саморазрушению системы.

И тут надо сказать главное о связи социально-организующей культуры и устойчивого развития, назвать главную закономерность (она же «пусковой механизм») этой причинно-следственной связи. Более того, эта закономерность относится не только к одной, социально-организующей подсистеме, но ко всей всеохватной для общества системе культуры, всем без исключения компонентам социокультурной системы, включая ее неутилитарную духовную подсистему. В цепочке «социально-организующая культура (или любой другой социокультурный фактор) – устойчивое системное развитие общества» есть узловое, решающее для успеха дела промежуточное звено. Благоприятное отношение социокультурных детерминант к этому звену оказывается решающим фактором устойчивого развития. Потому что, в конечном счете, именно это

звено непосредственно определяет и осуществляет развитие: продуцирует, совершенствует, распространяет и внедряет/воспроизводит новое. Именно оно (повторюсь) *непосредственно* заинтересовано в новом. Иногда как в цели и ценности, а чаще и прежде всего как в средстве достижения своих целей и самореализации, самоудовлетворения, самоутверждения.

Звено это, конечно же, сам человек (или группа подобных ему) как субъект, деятель, творец, предприниматель, организатор и адресат результатов развития. Как показывает исторический опыт разных стран и народов, вся социокультурная система становится системным фактором подлинного устойчивого развития и все ее компоненты также эффективно работают на общий прогресс жизни, если они создают условия для раскрепощения, поддержки, поощрения и стимуляции главной движущей силы всякого общественного развития в любую эпоху: *человеческого капитала*, компетенций, потребностей и заинтересованной самодеятельности миллионов людей, их самоотверженной и увлеченной, т. е. по-настоящему свободной *самореализации* на основе собственных, личных потребностей и интересов.

Не случайно выделяющий «вехи “восхождения Запада”» Стефан Хедлунд, и не он один, первой, «самой очевидной» вехой называет римское право, «благодаря которому были сформулированы до сих пор используемые правовые составляющие понятия частной собственности, а именно право пользования (usus), право получения дохода (usufruct), право распоряжения (abusus). Что еще более важно, древние римляне провели четкую границу между властью государства (imperium или potestas) и правом граждан на собственность (dominium или proprietas)» [11. С. 254–255]. Так на века были юридически обеспечены частные интересы собственника, гарантии свободного владения, распоряжения и использования им своей собственности, т. е. ее неприкосновенности. Что стало мощным средством защиты интересов и стимулом эффективной работы с собственностью, работы по ее умножению и плодотворному использованию. Были обозначены защищающие собственника и обеспечивающие безопасность самой собственности «границы политического вмешательства» [11], прежде всего со стороны государства – наиболее мощной властной силы общества.

Когда эта властная сила разумна, умеренна, осмотрительна и конструктивна, когда она стоит на страже интересов общества и его развития, ради кого и чего, в конце концов, и существует, она имеет великое прогрессивное значение. По недавней информации Александра Идрисова на телеканале «Дождь», в США благодаря гарантиям собственности и свободы предпринимательства, государственной поддержке предпринимательской активности возникает 530 тысяч старт-апов в месяц. Обратный случай – безграничная, безоглядно, тупо и агрессивно распространенная на все сферы социокультурной системы, начиная с экономики, власть государства или, еще хуже, вершащего именем государства произвол чиновника. Как верно писал в конце 20-х годов прошлого века, в момент торжества тоталитаризма в Европе, Хосе Ортега-и-Гассет, «…главная опасность [цивилизации] – полностью огосударствленная жизнь, экспансия власти, поглощение государством всякой социальной самостоятельности – словом, удушение творческих начал истории, которыми в конечном счете держатся, питаются и движутся людские судьбы. <…> Кончится это плачевно. Государство окончательно удушит всякую социальную самодеятельность, и никакие новые семена уже не взойдут» [8. С. 218].

Утрата стимулов сразу для многих объективно главных субъектов-двигателей означает, следовательно, утрату самих возможностей устойчивого развития и реальную угрозу стагнации и регресса. Для социокультурных систем, чья социально-организующая культура, начиная с государства, устроена именно таким образом, эта угроза и становится главным, поистине судьбоносным вызовом.

Но и для «нормально» устроенных и развивающихся систем, для всей современной глобальной «мир-системы» (И. Валлерстайн) вызовов устойчивому развитию хватает. А, как уже сказано, накапливаемые прошлым развитием возможности множат и обостряют видение-понимание числа и «веса» таких вызовов. Общий знаменатель всех вызовов: они – антиподы желанной устойчивости во всех ее смыслах, симптомы и факторы «неустойчивости».

Вот основные из них, вызывающие практическую обеспокоенность, настоятельную потребность преодоления, притом что некоторые давно были известны и – NB! – считались непреодолимыми, неизбывными:

1) экономические, точнее говоря, финансово-экономические; традиционные кризисы капиталистической экономики (замедление темпов роста, тем более их прекращение и сокращение объемов ВВП, рост безработицы и т. п.) и новые кризисные явления (финансовые «пузыри», ипотечные кризисы и др.) представляются нонсенсом в контексте возможностей и идеологии устойчивого развития. Тут, кроме прочего, негативную роль играет «субъективный фактор»: известный экономист Р. Гринберг говорит об «отчетливо обнаружившейся тенденции восстановления асоциального плутократического капитализма» [3. С. 8], чья корыстная активность (безудержная и часто противозаконная, преступная погоня за прибылями) несовместима с общесоциальной, общечеловеческой логикой устойчивого развития. Он же говорит, что «заметным становится упадок доверия к действующим политическим элитам

вследствие гипертрофии денежного фактора в жизни общества и значительного сужения среднего класса в самых развитых государствах» [3. С. 8];

2) экологические: здесь речь о поистине глобальных угрозах здоровью и жизни миллионов людей разных стран, всему человечеству вследствие хищнического отношения к природной среде, игнорирования современной промышленностью закономерностей и особенностей природных экосистем планеты Земля и ближнего космоса. Р. Гринберг, в частности, озабочен «слабой солидарностью народов в противодействии глобальному потеплению» [Там же], хотя тут нельзя не отметить исторический прорыв: договоренности на недавней (2015) Всемирной конференции ООН по изменению климата в Париже;

3) многоплановые угрозы, вызванные неравномерностью глобального развития, растущим разрывом между богатым, относительно благополучным Севером планеты и ее бедным, но все более многочисленным Югом. Бедность, нищета растущего населения стран Африки и Азии, вызываемые отсталостью этих стран и бедностью их жителей голод и болезни, отсутствие жизненных перспектив и высокая смертность обостряют племенные, этнические и межгосударственные противоречия, порождают рост насилия и вооруженные конфликты в этих регионах, приводят к настроениям обреченности, отчаяния, но и озлобления миллионов людей. В результате, с одной стороны, все это порождает и воспроизводит новую форму глобальной (пусть пока и мирной) экспансии/агрессии: проблему беженцев. А с другой – питает главную современную угрозу международной безопасности, жизни миллионов людей и устойчивому развитию – терроризм. И, чем дальше, тем больше, становится понятно: политическое и военное противостояние международному терроризму не даст эффективных результатов без серьезной структурной помощи и значительных инвестиций мирового сообщества в беднейшие страны, их реального включения в процессы модернизации и устойчивого развития;

4) духовные (ценностно-мировоззренческие, философско-идеологические и социально-психологические) вызовы. Названные выше и другие «несовершенства» жизни в конкретных странах и в масштабе всей планеты, периодически возникающие кризисы, провал много обещавших проектов, другие проявления «попятных», регрессивных тенденций порождают массовое разочарование, ожесточение и пессимизм, способствуют влиянию реакционных идей, повороту национального и интернационального интеллекта к, казалось бы, давно преодоленному прошлому, к мировоззренческой архаике, примитивной мифологии и мракобесию. На почве сомнения и отказа от базовых ценностей современной цивилизации (свободы, демократии, творчества, культурного равноправия и многообразия, толерантности, интернационализма, открытости, ненасилия и устремленности к новому) утверждаются их ценностно-мировоззренческие антиподы. Все эти духовные явления становятся основой реакционных политических и в целом социокультурных практик, начиная с терроризма и кончая сепаратизмом, воинствующим национализмом, автаркией, ставкой на военную силу на международной арене и насильственное подавление прав и свобод человека, разномыслия и мировоззренческого плюрализма, жизненных интересов конкретных социальных групп, этносов, регионов в собственной стране. О каком же устойчивом прогрессивном развитии в этом случае можно говорить?!

5) геополитические угрозы. В мире растет озабоченность возвращением риторики холодной войны, атмосферы недоверия и конфронтации, бряцания оружием, имеющие место в отношениях разных стран и регионов планеты. Израиль и его соседи, Южная и Северная Корея, Иран и «остальной» мир (особенно Израиль), Россия и Турция, а до этого Россия и Грузия, Украина и Россия, наконец, самое главное и неприятное, пугающее, Россия и США, Россия и НАТО. Когда послевоенный мир, мир Ялты и Потсдама, мир двух противостоящих друг другу военно-политических систем перестал существовать, а Россия стала «нелагерной» (неблоковой) частью и потенциальным союзником своих бывших соперников из западного «лагеря», появились надежды на новый гармоничный и безопасный мировой порядок без лагерей, конфронтаций, полюсов силы и господства, сфер влияния, гегемонии и диктата в международных отношениях. «Новое мышление» обещало приоритет общечеловеческих, в данном случае – «планетарных» ценностей, равноправие, опору на международное право, отказ от применения и даже угрозы применением силы, сотрудничество в мирных и военных сферах, особенно в противостоянии общим для всех угрозам. Это была отличная геополитическая предпосылка для реализации глобальной программы устойчивого развития. Увы, пока победило взаимное недоверие, подозрительность, власть стереотипов прошлого, неумение вести диалог, понимать и учитывать интересы другого и, что еще труднее, планетарные интересы и вытекающие из них политические императивы, гордыня и комплексы превосходства у одних против гордыни и комплексов неполноценности у других.

По оценке М. С. Горбачева, «лидеры ведущих держав оказались не готовы к кризисам и потрясениям последних лет. <…> Вместо вопросов сотрудничества на первый план в мировой политике вновь, как и в годы холодной войны, вышла проблема “войны и мира”» [2. С. 11]. Мир, похоже, стоит на пороге нового витка гонки вооружений, а это укреплению международной безопасности

и глобальному единству не способствует. По мнению Горбачева, «все началось с провозглашения “победы Запада” в холодной войне. Общую победу над холодной войной объявили триумфом одной стороны, которой теперь “все позволено”. Это тот корень, из которого выросла нынешняя глобальная смута» [2. С. 11].

Интересно, что цитируемые мной Р. Гринберг и М. Горбачев сходятся не только в общей оценке нынешнего состояния мира (неудовлетворенность и тревога), но и в констатации *системности* нашего мира и угроз его устойчивому развитию. Горбачев: «Мы живем в глобальном, взаимосвязанном, взаимозависимом мире. <…> За прошедшие два-три года мы не раз и не два убеждались в этой взаимозависимости. Она лишь усиливается и дальше будет нарастать» [Там же]. Гринберг: «Состояние, в котором находятся сегодня страна и мир, действительно вызывает огромную тревогу. И это не новость. Новость в том, что к привычным проблемам присоединяются новые, причем те и другие только усиливают друг друга, существенно затрудняя поиск нужных решений» [3. С. 8].

Каковы же ситуация в России, ее место в глобальном мире в контексте проблемы и цели устойчивого развития? Если сказать коротко: системный кризис в ситуации нарастающего технико-технологического отставания от развитых стран, неконкурентоспособной промышленности, ресурсной (сырьевой) экономики, падения темпов роста и сокращения ВВП, существенного ослабления курса рубля. Как недавно заметил Г. Явлинский, «мы имеем у себя в стране малоэффективную, очень простую по своей структуре и крайне маленькую по объему экономику, с которой претендовать на роль глобальной силы просто нелепо» [12. С. 8]. При этом мы еще находимся в условиях серьезного ослабления экономических связей с Западом в результате санкций, т. е. сегодня фактически отрезаны от мирового рынка технологий и товаров, что усиливает ситуацию экономического кризиса. Другой его фактор – падение мировых цен на нефть, что для сырьевой российской экономики удар, обрекающий страну на сворачивание инвестиций в экономику, социальных программ и растущую бедность (снижение покупательной способности и социально-экономической защищенности) большинства населения. Но это отнюдь не главные причины экономического кризиса.

Нынешнее состояние нашей экономики – закономерный результат общего состояния российского общества как социокультурной системы. Начав 25 лет назад радикальные преобразования во всех сферах жизни, отвечавшие системной задаче построения основ современной цивилизации западного типа, Россия сумела решить, да и то весьма непоследовательно, только небольшую часть этих задач. Сегодня она соединяет половинчатое, противоречивое (нередко имеющее больше недостатков, чем достоинств) и сплошь и рядом бесправное новое с сохранившим свое влияние старым: субъектами, традициями, политическим режимом, управленческими моделями и стилями, социальными отношениями, ментальными привычками и склонностями масс, чуждых ключевым ценностям и реалиям современного капитализма (демократия, частная собственность, свобода и права человека, предприимчивость, трудолюбие и забота об экономической эффективности всякой работы). В книге Стефана Хедлунда общий итог работы по переходу России на новый способ существования (новый тип культуры и цивилизации) оценен жестко: «системный провал» [11]. Спорить с этим выводом трудно.

Среди его важнейших объективных причин – если остаться в русле уже принятой здесь логики, вытекающей из представлений современных социально-гуманитарных наук – состояние российской социально-организующей подсистемы культуры как, прежде всего, институциональной системы. Главное препятствие устойчивому развитию и причина нашего отставания – это даже не дефицит институтов «хороших и разных». Хотя этот дефицит, в конечном счете, имеет ту же причину, что и решающий недостаток нашей социальной организации.

Дело – в условиях и стимулах деловой (продуктивной) самодеятельности миллионов людей. С учетом живучего советского «патерналистского» менталитета и воспитанного уже новым обществом менталитета потребителя, с учетом, с другой стороны, потребности в развитии бизнесов и производств во всех сферах и «точках» общества, люди дела должны были бы пользоваться не только общей правовой, но и специальной юридической и материальной поддержкой государства (обеспечение свободы предпринимательства и права собственности, широкие налоговые льготы, помощь в обустройстве дела, страхование рисков и т. п.). Однако главный институт страны – государство Российское, как это имело место с незапамятных времен, – не работает на интересы своих граждан, не создает условий для их предприимчивости, производительного труда и творчества, для защиты и поддержки их собственности. Для этого оно должно быть, прежде всего, демократическим (= подконтрольным гражданам). Наше государство не является демократическим: в нем нет главного атрибута демократии – свободных выборов, а также гарантированной свободы объединения по политическим интересам и взглядам (наше избирательное законодательство этому, наоборот, препятствует). Отсюда верный тезис М. С. Горбачева: «Нам сегодня не хватает главного – демократии» [2. С. 11]. Во-вторых, оно должно быть правовым: уважать права и свободы граждан, защищать их от любых

незаконных посягательств, включая посягательства исполнительной власти[3], отдельных ее представителей, что обеспечивается независимым судом и строгим соблюдением конституции страны и ее законов. У нас нет ни того, ни другого. Поэтому субъекты деятельности и развития, как правило, бесправны и беззащитны перед лицом сил, фактически приватизировавших государство, его право и основные учреждения (включая судебную систему), поставивших их на защиту собственных интересов. Это, во-первых, очень малочисленная, объединенная общностью корыстных интересов (сохранение и умножение своего политического и экономического господства, сверхдоходов) политическая и экономическая элита. Во-вторых, это малоэффективные, но многочисленные госчиновники, «стерегущие» конкретные участки большого государственного «хозяйства» и за это получившие их в «откуп» – произвольное управление и использование в личных целях («на кормление», как говорили в Древней Руси). Люди, рядовые граждане, особенно наиболее активная их часть – предприниматели, значимы для них не как «локомотивы» развития страны и региона, а как поле личной власти чиновника и средство его обогащения. Отсюда – чиновничий произвол («закон как дышло»), неуважение к собственности, свободам и правам человека, мздоимство и казнокрадство («распил» госбюджета, «откаты»), постоянное вмешательство в чужой бизнес и почти узаконенный рэкет (отъем успешного бизнеса, эффективной собственности). Даже крупные бизнесмены становятся его жертвами, как, например, в недавнее время олигарх Евтушенков и владелец аэропорта Домодедово Каменщик. Что же говорить о малом и среднем бизнесе: иметь такой бизнес в России, тем более – успешный, требует немалого мужества и настоящего героизма.

Можно ли при таких условиях, такой социально-организующей культуре всерьез говорить о стимулах и возможностях устойчивого развития?! Прав Григорий Явлинский: «Государства, которое уважает граждан, нет до сих пор. Вот в чем наша задача: создать такое государство. Его не смогли создать в течение веков, а мы обязаны» [12. С. 8]. Опускаю за неимением места разговор о других

[3] «Громадную роль, сыгранную римским правом в западной традиции, можно сопоставить с отсутствием в российской традиции четкой границы между властью и собственностью. Хорошо известно, что Возрождение не затонуло Россию ни в какой значимой степени. Римское право не оказало серьезного влияния на правовые традиции России, и по сей день в стране нет ничего, даже отдаленно напоминающего границу, проведенную когда-то Цицероном и Сенекой между властью государства и собственностью индивидов. В отсутствие сферы частной собственности не имеет смысла говорить о разделении государства и общества» [11. С. 255–256].

объективных предпосылках и перехожу к обобщающему выводу. Системность объективных предпосылок, которые сегодня в большой мере отсутствуют и должны быть созданы и задействованы, позволяют сделать принципиальный вывод именно системного характера. Обеспечение устойчивого развития (условий для него) совпадает с созиданием *современно устроенной и эффективно работающей культуры и ее онтологического «тела» – цивилизации,* способных отвечать на вызовы времени, удовлетворять потребностям регулярных (устойчивых) прогрессивных изменений природного и социального мира.

Но тут мы «упираемся» и, увы, «спотыкаемся» о состояние так называемого субъективного фактора, также препятствующего устойчивому развитию России вместе со всем миром. Для создания ориентированного на людей, человечного государства тоже, кстати, нужен и субъективный фактор. А с ним в России дела обстоят ничуть не лучше, чем с объективными предпосылками. Вот вопросы, отвечая на которые можно понять «субъектно-субъективное» отношение к устойчивому развитию в России, прояснить важное с точки зрения возможностей реальных социокультурных изменений «состояние умов», ментальной готовности российского общества к переменам: хотят ли рядовые россияне устойчивого развития? Хочет ли российская правящая политическая элита устойчивого развития? Какие конкретно социальные силы заинтересованы в устойчивом развитии, хотят и требуют его?

Если верить опросам, подавляющее большинство россиян (вплоть до ставших притчей во языцех 86 %) одобряет политику руководства страны, уже много лет на деле менее всего занятого развитием, тем более в том содержательном объеме, который стоит за термином «устойчивое развитие». Большинство опрошенных разделяет и отношение верховной власти к международной ситуации России. О вреде и опасности международной изоляции страны, утраты ею своего места в международном разделении труда, обмене идеями и технологиями, товарами и финансами, а главное – о необходимости приводить внутреннюю и внешнюю политику в соответствие с требованиями международного права, Декларацией прав человека и решениями ЕСПЧ, позицией мирового сообщества и наиболее значимых для нас зарубежных партнеров говорит меньшая (хотя и наиболее образованная и креативная) часть общества. Большинство же, поддерживаемое и возбуждаемое пропагандой официальных СМИ, склонно считать позицию меньшинства «предательской», враждебной интересам России. О необходимости серьезных структурных реформ правового, политического и экономического характера тоже думает и говорит только меньшинство. А большинство? Его позицию иронично выразил недавно Юлий

Ким: «Пока что вся наша энергия уходит на то, чтобы никуда не поворачивать, а только с чувством глубокого удовлетворения и национального самодовольства смотреть в телевизор» [6. С. 11]. Большинству, как и прежде, нужны – для состояния внутреннего покоя и стабильности, чувства безопасности и уверенности в завтрашнем дне – покровительство и материальная (а также пропагандистско-психологическая) поддержка государства. Нужно сохранение выращенных и укорененных еще в советские, а для молодежи – в масскультовские времена, времена общества потребления ценностные стереотипы и ментальные привычки, помогающие сохранить не имеющие отношения к реальности приятные иллюзии, субъективный комфорт и самоуважение. Нужен образ врага и чувство превосходства над ним. Культивируемая СМИ имперская великодержавная мифология и психология решает эти задачи и потому вполне устраивает большинство. Связи нарастающих повседневных проблем и трудностей с характером социально-политического устройства и неизжитыми консервативными традициями, непроработанностью, фактически – отсутствием адекватного современного мировоззрения и системы ценностей большинство не видит. Пока, во всяком случае, не видит. Конечно, большинству хочется, чтобы зарплата была повыше, а цены пониже, чтобы образование и медицина были бесплатными, и можно было бы отдыхать недорого в Турции и Греции. А «устойчивого развития», да еще требующего «вкалывать» до седьмого пота и чего-то все время выдумывать, искать, рисковать, большинству, похоже, не хочется. Большинству своих проблем хватает.

Властной элите устойчивое развитие тоже ни к чему. На наш век, полагает она, хватит и того, что есть, даже детям хватит с лихвой, а там видно будет (не хочется думать, что у кого-то в «элитной» душе людовиковское «после нас хоть потоп»). К тому же она-то, элита (хотя бы умная ее часть), отдает себе отчет в том, что устойчивое развитие вместе с миром, да еще выход на уровень настоящей конкурентоспособности в науке, технологиях, производительности труда, производстве, качестве продукции, образовании, здравоохранении, уровне жизни возможны только при глубоких трансформациях всех сторон общественной жизни. При изменении соотношения между государством и обществом, между властью и собственностью, между подчинением и свободой, между богатыми и бедными. Делиться придется, а так не хочется! Да и зачем?

Кому же оно нужно, устойчивое развитие России, кто его хочет и требует? Боюсь, тут тоже надо разделить «хочет» и «требует». Потому что в наших условиях уже мало кто и мало чего требуют. Другие времена. Но малочисленный отряд действительно способных к бизнесу людей (сколько их: 5 %? 3 %?) на самом деле хотят устойчивого развития, нуждаются в нем по природе своей человеческой индивидуальности, масштабу личности и собственному, непропагандистскому пониманию патриотизма – для радости от самореализации и процветания любимого Отечества. Того же хочет и немногочисленный пока, но растущий креативный класс – по тем же причинам. Не сомневаюсь также, что свободомыслящие и творческие люди есть и среди чиновников, которым противны ложь, показуха и воровская «мораль». Им хочется настоящего дела, они верят в творческие силы великой нации, не раз удивлявшей и восхищавшей человечество великими открытиями, свершениями, взлетами творческого духа. Нужно, я уверен, устойчивое развитие и созревающей в школах и вузах честолюбивой и дерзкой молодежи. Им совсем не все равно, какой будет их родная страна, какое место она будет занимать в мировом, планетарном содружестве наций. Система, конечно, и не таких зеленых способна обстругать, подчинить, опошлить и сделать себе подобными. Но тут уж я, как философ, знаю: в человеке – способном, талантливом, творческом, в самом существе своем свободном – сидит великая сила трансценденции = выхода за собственные и, тем паче, кем-то установленные пределы. Сидит гамлетовская сила сопротивления обману, насилию, убожеству, пошлости, небытию. «Оковы тяжкие падут» – это написал молодой русский человек, ставший образцом всемирной отзывчивости и внутренней свободы для своей страны.

Литература

1. Березина А. М. Концепция устойчивого развития как модель гармоничного управления процессами развития общества // Экономика, государство, общество. – 2010. – № 1. – URL: http://ego.uapa.ru/ru/issue/2010/01/01/ (дата обращения: 01.03.2016).

2. Горбачев М. Я уверен: не все потеряно // Новая газета. – 2016. – 29 января (№ 21).

3. Гринберг Р. Почему я не пессимист? Размышления накануне юбилея // Новая газета. – 2016. – 26 января (№ 20).

4. Закс Л. А. Общество для творчества: социально-организующая культура как основание креативности // Институциональная культурология. – СПб. : Эйдос, 2013.

5. Закс Л. А. Социально-организующая культура и ее роль в историко-культурных исследованиях // Альманах кафедры эстетики и философии культуры СПбГУ. № 3. Юбилейный выпуск. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2012.

6. Ким Ю. 1956-й – год Обезьяны // Новая газета. – 2016. – 26 января (№ 20).

7. Малиновский Б. Научная теория культуры. – М. : ОГИ, 2000.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Камень и небо. – М. : Грант, 2000.
9. Харрисон Л. Кто процветает? – М. : Новое издательство, 2008.
10. Харрисон Л. Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. – М. : Новое издательство, 2008.
11. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. – М. : ИД Высшей школы экономики, 2015.
12. Явлинский Г. Человек выше любой идеологии // Новая газета. – 2016. – 2 марта (№ 22).

Г. А. Брандт*

Традиционные ценности в социокультурном развитии России: тупик или опора?

Я верю в мужество и нежность
Во времена смещенья вех,
Когда обманчивая внешность
Разочаровывает всех;
Когда ломают все устои,
Как разрушают купола,
И кажется, что всё пустое –
Слова, и цели, и дела.
...
Расплывчатость или небрежность
Губительны на этот раз.
И только мужество и нежность
От пустоты спасают нас.

Давид Самойлов

В статье доказывается, что важно развести отношение к традиции как к продуктивной опоре и как к мертвому архаическому тупику. Поскольку открыто декларируемая сегодня государственными структурами апелляция к традиции призвает не к выявлению ее жизнеспособных для развития страны потенций, а для консервации жизненных установок, народных представлений о неизбывности «русской души» и нравственно-религиозных опор.

Ключевые слова: традиционные ценности; опора; тупик; агрессия; бережность; мужество; нежность.

В маленьком екатеринбургском театре – Центре современной драматургии – идет спектакль «Мне мое солнышко больше не светит» (фраза из современной песенки), где на протяжении всего полутарочасового спектакля перед нами два молодых человека, достаточно симпатичных, современно одетых, полулежат, глядя (но не видя) в телевизор, «тупят в комп», ходят в душ, открывают двери случайным людям, о чем-то как будто общают-

* ***Галина Андреевна Брандт*** – д-р филос. наук, доцент, профессор, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Г. А. Брандт, 2016

ся. Они как будто друзья, один каждое утро приходит «в гости» и уходит только вечером. Но только – и актеры, своими вялыми телами, лицами, которые забыли, что такое улыбка, да вообще какое-либо выражение чувств, это передают замечательно – они не дружат в привычном смысле, и даже не общаются, они, как бы это сказать, коммуницируют. Есть такое понятие «хипстеризм», которое в Википедии определяется, в частности, как «воплощение обессиленного постмодернизма, то, что происходит, когда ирония и игра со стилями и смыслами исчерпывает себя как эстетика» (и, добавим, как этика тоже). Перед нами ребята, у которых есть, в принципе, все, что нужно, кроме… желаний. Потребности есть: девчонки, пиво, курица в холодильнике. Они могут вдруг обнаружить неслабую эрудицию, увлекшись вдруг (у них все непредсказуемо) разговором об истории европейского унитаза… Хозяин квартиры, правда, один раз робко спрашивает у регулярно посещающего его ангела-мажора, любителя спиртного, что-то про смысл жизни, но когда тот, на мгновенье все же запнувшись, продолжает свое, про пиво, первый не настаивает. Они вообще ни на чем на настаивают, полная толерантность и к полиции, и к бомжу, и к менеджерам по рекламе швейцарской посуды, что посещают их квартиру по разным поводам. Непробиваемое безразличие ко всему. Вот если тапочки ночью не находятся, когда тебе нужно в туалет, это еще может вызвать хоть какую-то живую эмоцию…

Исследователи утверждают, что эпоха постмодерна с ее бесчисленными «смертями» традиционных ценностей (философии, морали, искусства, человека) – закономерное завершение гуманистического проекта Просвещения. И сегодня очень модно ругать просветителей, их идеи исторического прогресса, понимания человека как свободного по природе, творческого, живущего по высшему нравственному закону существа. Конечно, когда в 1944 году об этом в своей «Диалектике просвещения» громко заявили Адорно и Хоркхаймер, то, учитывая социально-исторический европейский контекст, невозможно не признать справедливость и своевременность (хотя авторы сами считали, что опоздали, поскольку фашистские режимы уже свершили свои основные злодеяния) этих прозрений. Но сегодня, в середине второго десятилетия XXI века, думается, надо видеть более широкие горизонты. Ведь то, что для нас стало классикой, во время ее создания было абсолютным отрицанием *классической традиции*, просветители задавали абсолютно *новую* траекторию базовых значений. Ее смысловое зерно состояло в субъектном статусе человека. Не только Бога или над-личного, метафизического Начала, а и самого человека. Именно в эту эпоху возникает так называемая «философия подозрения», когда в хитростях ли мирового разума, в объективном ли становлении производственных отношений стали пытаться увидеть те невидимые при обычном «здравом» рассмотрении детерминанты человеческого существования, которые необходимо присвоить, осознать как необходимость для обретения свободы. Стремление же человека к свободному, достойному, творческому, т. е. субъектному, бытию рассматривалось как *естественное* его качество. То есть, иными словами, утверждалось, что если люди обретут адекватные социальные условия, при которых надо будет не выживать, а жить, не думая о материальных детерминантах, то большинство из них станут теми самыми представителями Человечества, о которых так красиво писал, например, Кант.

С самого начала XX века, да еще и раньше, художники, как самые чуткие к социальным процессам люди, начинают опровергать эти установки. Модернизм – и две мировые войны стали для него прекрасной питательной средой – доводит это опровержение до отчаянья. Стоит вспомнить изображение человеческого ужаса немецких экспрессионистов, полых людей Т. Элиота, портреты распадающихся людей Пикассо, трагическую тошноту экзистенциалистов, театр абсурда. К концу века новые поколения художников и мыслителей призвали нас не отчаиваться по данному поводу, а воспринять эту несостоявшуюся надежду на кантовского Человека с иронией, усмехнуться над ней, поиграть. Поиграть с ней, а вместе и со всей вокруг нее образовавшейся культурой, да и вообще со всей культурой, всех народов и времен, поскольку в Европе, мыслящей себя форвардом человеческого прогресса, настало время «пост-». Человека постмодерна. Для которого нет верха и низа, истины и лжи, добра и зла, здорового и больного, красоты и уродства – есть лишь бульон жизни, где все эти четкие некогда ценностные ориентиры растворились и стали желеобразными взаимоперетекающими значениями. Какого человека мы находим на выходе – показывает описанный спектакль. «Солнышко ему больше не светит», и надо что-то делать.

Интересную мысль выразила недавно главный редактор НЛО Ирина Прохорова: «В каком-то смысле мы сейчас находимся в западноевропейском XVIII веке, когда было жизненно необходимо сформулировать новую гуманистическую систему ценностей, сделать ее этической нормой для всего общества и тем самым оградить светскую культуру от клерикальных нападок. XVIII век был сложным переходным периодом в истории европейского модерного времени. После свирепых и изнурительных религиозных войн XVII века все интеллектуальные силы были направлены на осмысление и преодоление травматического опыта, на поиск основ нового социального порядка. Центральным нервом эпохи был поиск философской и нравственной легитимации нарождающегося светского об-

щества» [1]. Что должно стать центральным нервом нашей эпохи? Что нам, гуманитариям, надо прежде всего искать?

Мне кажется одной из важнейших задач сегодня – не допустить «расплывчатости и небрежности» в отношении традиционных ценностей, развести отношение к традиции как к живой плодоносной опоре, которая всегда обеспечивает новый воздух, провоцирует движение, и как к мертвому архаическому тупику. Всем известно, что российская власть сегодня открыто декларирует курс на традиционные ценности. «Государство будет выделять средства только тем деятелям искусства, которые ориентированы на духовное и физическое благополучие народа», – заявил первый замминистра культуры России Владимир Аристархов. «Мы не обязаны и мы не будем поддерживать все подряд. В принятых в прошлом году Основах государственной культурной политики написано ясно, что мы ориентированы на поддержку традиционных ценностей нашего общества», – сказал Аристархов на слушаниях в Общественной палате [2]. И это очень опасный ход, опасный – потому что запутывает стратегическую перспективу. Потому что подменяет, в ответ на действительную потребность России в устойчивом, опирающемся на традиции развитии, установкой на архаизацию. Потому что апелляция к традиции здесь призвана не к выявлению ее жизнеспособных для развития страны потенций, а для консервации жизненных установок, народных представлений о неизбывности «русской души», ее нравственно-религиозных опор, ее отношений к власти и т. п., всего того, что А. Архангельский назвал «невзламываемым кодом русской культуры». Опять утверждается, что «умом Россию не понять», а надо только «верить». Например, Министерству культуры, что мифы, связанные с Великой Отечественной, если они героические – это святое, даже если историческая правда не соответствует действительности. Верить, что наша национальная мифология может быть описана только через войны и победы над врагом. И удержать целостность нашей «великой Родины» тоже можно, только опираясь на политическое подпитывание страха вражеского окружения как вне страны, так и внутри.

Еще в конце прошлого века исполненный надежд на успешное будущее развитие России известный философ и культуролог Л. А. Закс писал о необходимости осторожного, отрефлексированного отношения к традициям, к ценностям исторического опыта, которые необходимо «*осмыслять* (анализируя и оценивая)», которым надо «*доверять*… выбирая действительно проверенные, подтвержденные историей как плодотворные мировоззренческие принципы и базисные духовные ценности», ими «*вдохновляться*» и, наконец, «*использовать*… осторожно и органично брать на вооружение самим и предлагать обществу проверенные историей и заслуживающие доверия способы мироориентации...» [3. С. 33–35].

Чему научила нас история XX века – и этот урок был «закреплен» в постмодернистском мировоззрении очень основательно! – так это особой чувствительности к насилию в разных его модификациях, в поступках, идеях, ритуалах, формах. Именно *несиловой*, бережный, «нежный», как сказал поэт, способ мироориентации оказывается востребованным сегодня. Наше отношение к традиционным ценностям, если оно живое, сегодняшнее, вырастающее из действительной потребности обретения устойчивой опоры, не может не быть оплодотворенным этим новым чувством-знанием. Знанием по крайней мере двух опорных методологических основ. Первое: традиция – не колея, а путь, который начинался с поиска, путаницы, блужданий, и потому, чтобы воспринять ее ценность, надо обращаться к ней не как к авторитету, а как к удачному в результате решению той первоначальной задачи, боли, вызову, на которой она ответила. Второе: традиция – явление многомерное, и сейчас может быть самые востребованные в художественных, моральных, религиозных и даже политических ценностях прошлого те, которые сумели заявить о себе не громко, властно, заставив мощью энергетики таланта творцов подчинить людей своей истине, а как раз другие. «У нас гораздо больше, чем когда-нибудь, внутреннего неприятия агрессии и отвращения к пресловутой воле к власти. Больше, чем у Бетховена, больше, чем у Рафаэля. Всего другого меньше, но этого явно больше. <…> И ту бережность, которую мы сейчас могли бы полюбить, мы совсем не часто встретим во всем, что сделано до сих пор, в великие времена человеческого гения», – замечает поэт и культуролог Ольга Седакова [4]. В социально-философском ключе по сути о близких вещах говорит Ирина Прохорова: «Нам необходимо вернуться в прошлое и переосмыслить историю собственной страны, чтобы найти нужные слова и образы, делающие идеи свободного устройства, светского государства и гражданского общества более привлекательными, нежели идея великой священной империи» [1].

Ну и, наконец, перезагрузка как самого отношения к традиции, так и критерия выбора ценностей для устойчивой опоры в современном развитии бросает вызов словарному аппарату, самим способам говорения. Особенно чувствительная сфера для гуманитария, переживающего ситуацию «захвата» языком рождающихся мыслей в привычные паттерны речи-дискурсы и с удивлением наблюдающего, как из свежих младенцев они тут же оборачиваются дряхлыми стариками.

Поэт свидетельствует, что во времена «смещения вех» – а наши, конечно, из таких – он верит прежде всего в мужество и

нежность. Нам, действительно, в первую очередь сегодня необходимы – мужество отказа от привычной пустоты расплывчатых идеалов и нежность в поиске и означивании традиционных ценностных опор.

Литература

1. Прохорова И. Светское общество и традиционалистское сознание. – URL: https://snob.ru/selected/entry/84749#comment_ 760257

2. Минкульт поддержит только искусство с традиционными ценностями // Новая газета. – 2015. – 2 апреля. – http://www. novaya gazeta.ru/news/1692837.html

3. Закс Л. А. Кризис духовной культуры России // Экономическая, правовая и духовная культура России на рубеже тысячелетий : научно-практическая конференция Гуманитарного ун-та 20–21 мая 1999 г. : тезисы докл. : в 3 т. – Т. 3. Кризис и развитие духовной культуры России. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 1999.

4. Седакова О. Пустота: кризис прямого продолжения. Конец быстрых решений : выступление на Международной научно-богословской конференции: «Духовное противостояние пустоте в церкви и обществе» (Москва, 29 сентября – 1 октября 2008 года). – URL: http://olgasedakova.com/Moralia/286

Л. А. Мясникова*

Способствуют ли традиции устойчивому развитию общества и культуры?

В тезисах поднимается вопрос о роли традиции в развитии культуры и общества. Традиция понимается как живая связь настоящего с прошлым, как наследование и «распоряжение наследством». Обращается внимание как на позитивную роль традиции в развитии общества и культуры, так и на возможность манипулирования людьми и их сознанием через обращение к «традиции»

Ключевые слова: традиция; традиционные ценности; преемственность; наследие и наследование; традиция и предрассудки.

С одной стороны, выведенный в заглавие вопрос кажется риторическим. Безусловно, без традиции культура и общество не могут существовать. Если культуру в соответствии с гегелевской позицией понимать как способ воссоздания всеобщности и целостности человеческого рода, то совершенно ясно, что культуры нет без преемственности. Именно традиция обеспечивает уникальную неповторимость, связь, целостность, единство культуры и общества. Б. Малиновский доказал, что выпадение (уничтожение, изъятие) какого-либо одного элемента культуры (традиционного обычая, ритуала и т. п.) ведет к разрушению культуры и этноса. В культуре нет пережитков; если что-то живет и воспроизводится, то оно для чего-то нужно обществу и нельзя волюнтаристскими усилиями этот элемент изымать или «прикрывать». Тем более представления Б. Малиновского верны, если речь идет о святая святых, о квинтэссенции культуры – ее традиционных ценностях.

Традиционные ценности хоть этнической, хоть региональной, хоть профессиональной… – любой культуры, являются вариацией и специфическим воплощением общечеловеческих универсалий: истины, блага, добра, красоты, счастья, любви…

Разумеется, каждая локальная культура модифицирует их в соответствии со своей природой. Универсалии в каждой культуре предстают в разных обличиях и образах, хоть и выражают обще-

* ***Людмила Анатольевна Мясникова*** – д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма, проректор по научной работе, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Л. А. Мясникова, 2016

человеческие ценности. Поэтому «возвращение» традиционных ценностей как основы устойчивого развития культуры и общества, безусловно, явление позитивное.

Вместе с тем культура не может долго существовать и, тем более, развиваться без обновления. Новации, модернизация тоже необходимы, иначе культура «скукожится», «усохнет», закостенеет, превратится в «мумию культуры». Для жизни необходима изменчивость. Но «изменчивость» – не значит «измена». Модернизация порой способна убить традицию, а вместе с ней, лишить культуру самобытности и оригинальности. Без чего и общество распадается, оно ассимилируется в иных культурах и исчезнет в своей особости.

Традиция предполагает не просто копирование, воспроизводство «того же самого». Традиция должна быть живой. А живая традиция – это связь настоящего с прошлым и будущим, это постоянно вновь и вновь оживающее единство. Причем запрос идет от настоящего, от актуального момента и состояния. Только через настоящее способно ожить то, чего «уже нет», что стало прошлым. Конечно, прошлое не исчезает совсем, оно становится как бы «осевшим временем», точнее, временем, перешедшим в пространство и превратившимся в почву, в которой укореняется живое настоящее. Укоренение может сдерживать настоящее, не давать ему развиваться, может заставить «выполнять долг», т. е. длить то, чем жили люди раньше. Тогда прошлое может поглотить живое настоящее, стать оковами, путами, веригами.

Чтобы традиция стала живой, нужно к прошлому относиться как к наследию, как к данному богатству. А богатство должно «работать», приносить дивиденды [1. С. 18–20], только тогда оно служит развитию. Поэтому из прошлого наследуется не все, а то, что нужно и полезно настоящему и будущему. Как замечал Х.-Г. Гадамер, плохие, неистинные предрассудки умирают, а истинные предрассудки остаются и в обновленном виде живут в настоящем, детерминируя будущее.

Все вышеприведенные рассуждения – не новость. Вот только вопросы существуют: во-первых, всё ли, что мы пытаемся вытащить из старых закромов, из бабушкиного сундука, представляет собой «истинный предрассудок» ? элементы традиции? Во-вторых, кто и зачем обращается к традиционным ценностям? Будет ли использование хранимого наследства служить на пользу всему обществу и культуре? Не идеологический ли фокус – вытащить из-за манжета карту (т. е. «предрассудок»)? Не крапленая ли эта карта? Эти опасения небезосновательны. Особенно если речь идет о властных структурах. Легко можно сослаться на специфику России, ее необъятные просторы, необходимость централизации, особую славянскую цивилизацию (и все будет, в принципе, правильно). Но

с помощью подобных ссылок (отсылок, якобы, к традиции) начинают обосновывать административное государство – государство контроля – авторитарное государство – дисциплинарное общество. В результате «власть становится такой социальной силой, которая постоянно увеличивает свой потенциал в процессе концентрации, централизации, институционализации» [2. С. 121]. Появляется вариант «нового политбюро», многопартийность превращается в спектакль, оппозиция признается только «системная», общество становится «социальной лабораторией», в которой власть экспериментирует с различными «очагами контроля» [Там же. С. 145], а граждане становятся вновь винтиками. Но при этом и власть превращается в ее имитацию, в один из симулякров.

Может ли подобного рода «традиция» стать основой развития? Может. Только «развитие» разным бывает, в том числе и регрессивным. Устойчивое развитие – движение между Сциллой и Харибдой. То есть между безумным следованием некоему безликому абстрактному образцу «модернизации для всех единой и одинаковой», что плохо, ибо культуры – уникальные живые организмы, рожденные в особых условиях и приобретшие самобытность.

Еще О. Шпенглер доказал невозможность переноса «универсалий» из одной культуры в другую, всегда вместо «хотели как лучше», получится «как всегда». И, с другой стороны, между оправданием отжившего, но кому-то весьма полезного для защиты групповых интересов, возвращения «к традиции», точнее же – к манипуляции, к иммитации.

Литература

1. В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбура как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : коллектив. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина и др. ; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011.

2. Лоскутов В. А. Управление несвободой. Дисциплинарная модель развития современного российского общества // Управление несвободой в современной России : сб. статей 2007–2014 гг. – Екатеринбург : Уральский институт управления РАНХиГС, 2014.

*Э. А. Паин**

О политической инерции в донациональном обществе[1]

В статье рассматривается феномен политической инерции («бег по кругу»), проявляющейся в системе повторяющихся, возвратных политических процессов, волн («reverse wave», по С. Хантингтону) как общемировая закономерность, имеющая в то же время свои особенности в России. Автор связывает эти особенности, во-первых, с сохранением «имперского синдрома»[2] и замедленным, вследствие этого, процессом формирования политической нации в нашей стране (в этом смысле в названии использован термин «донационального общества»); во-вторых, со слабостью культурных традиций и высокой зависимостью массового сознания от внешних воздействий, манипуляций.

Ключевые слова: демократия; «обратная волна» (reverse wave); аскриптивная идентичность; традиционализм; неопатримониализм.

Циклические концепции

С приближением 2017 г. в отечественном политическом дискурсе все чаще возникают аллюзии по поводу повторения революционного цикла в России. Такие намеки получают подкрепление в актуальных экономических сводках и усиливаются после признания факта экономического кризиса президентом России, а еще больше, после неоптимистических заявлений главы его правительства и президента Сбербанка РФ [2; 17; 5].

Я считаю дискурс такого рада симптоматичным и отражающим не только реальные проблемы в экономики, но и дефекты в восприятии исторических процессов. С уменьшением исторического оптимизма в России, у власти и оппозиции в ходу один и тот же миф о фатальной предопределенности судьбы страны и в этом смысле – ее «особом пути». Я уже не раз писал о том, что некоторая часть либерально ориентированной интеллигенции, отвергая

* ***Эмиль Абрамович Паин*** – д-р полит. наук, профессор, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (г. Москва).

[1] Статья подготовлена в рамках научной работы по гранту Российского Научного фонда (РНФ) № 15-18-00064.

[2] Подробнее об «имперском синдроме» см.: [19. С. 60–62].

© Э. А. Паин, 2016

идею «особой цивилизации» как «тысячелетнего величия России», охотно принимает тот же миф в другой упаковке – как цивилизацию «тысячелетнего рабства». И в этом отношении противоречия между властью и частью либеральной оппозиции оказываются мнимыми, поскольку и те и другие признают фатальную неизбежность сохранения авторитризма в России, связывая этот фатализм с традиционностью сознания и архаичностью культурных ценностей российского народа (см.: [22]). На мой взгляд, представление о повышенной традиционности всего российского народа (в сранении со среднестатистическим европейцем) не имеют научного подверждения, и я еще вернусь к этому в своем выступлении, пока же хочу заметить, что в науке изменяются представления о цикличности истории.

Образ истории как круговорота циклов – один из древнейших приемов описания исторического процесса, начиная с древнеегипетской, древнегреческой и древнеиндийской мысли – вновь становится популярным в академических кругах мира по мере того как освобождается от идеи фатальной предопределенности, рассматривается всего лишь как вероятность и опирается при этом на научно установленные рациональные закономерности. Такой закономерностью, например, выступает изменение мировой нормы в отношении политических режимов. Если до конца XIX в. нормой были авторитарные режимы, монархические династии, основанные на наследственной передаче и традиционной легитимации власти, то на рубеже XX и XXI вв. нормой стали демократические режимы, основанные на различных формах признания власти населением, обществом.

Согласно С. Хантингтону, существовало три волны (или этапа) глобальной демократизации, которые привели к росту на планете числа стран с демократической формой правления. Первая волна, охватывающая, по Хантингтону, 1828–1926 годы, привела к становлению в мире 29 демократий. Вторая волна прилива демократии (1943–1962) увеличила число демократических стран до 32. Третья волна (1970–1990-е годы) обеспечила самый массовый приток стран в зону демократии [27]. По данным *Development Alternatives Inc.*, к началу 2000-х годов из 193 независимых и признанных государств мира 70 % декларировали себя как демократические [23]. Однако на каждом этапе обратная волна вымывала значительную часть новообращенных стран из зоны демократии и вновь уносила их обратно к авторитаризму. В каком-то смысле волны демократизации и откаты укладываются в схему «два шага вперед – шаг назад». Для истории России возвратные процессы характерны (не стану даже перечислять бесчисленное количество описаний российской истории как непрерывного бега по кругу), но не в большей

мере, чем для многих других стран Европы. Например, вся новейшая история Греции – это череда срывов демократического процесса: 1924 г. – в Греции пала монархия и провозглашена республика, а в 1935 г. – вновь реставрировали монархию, при этом в 1936 г., после военного переворота, наступил полный запрет массовой политической деятельности. Не лучшие времена для демократии были в следующее десятилетие: 1940–1945 гг. – война и оккупация, так же как и гражданская война 1947–1949 гг., надолго отодвинули восстановление демократии в этой стране. В 1967-м – новый срыв демократического процесса – путч «черных полковников», удерживавших до 1974 г. режим военной диктатуры [7]. Небогатый для новейшей истории опыт участия греков в демократии дает о себе знать прорывом на политический олимп Греции радикальных политических сил – как ультраправых, так и ультралевых (последние одержали победу в 2015 г). Вместе с тем в этой стране, как и в других странах Европы, процесс демократизации развивается, несмотря на отливы обратных волн.

Наиболее характерной чертой третьей волны демократизации стал принципиально глобальный характер этого процесса, охватившего практически все континенты. Само стремление подавляющего большинства государств мира, включая авторитарные, хотя бы называться демократиями, свидетельствует о том, что демократические режимы стали к концу XX века наиболее влиятельной политической силой в глобальном масштабе. Вместе с тем в Греции, в России, как и в любой другой стране, глобальные циклические процессы сохраняют свои особенности.

Особенности русской идентичности: имперский традиционализм сильнее этнического

Распад многонациональных государств, таких как СССР, неизбежно вызывает «кризис идентичности», выходом из которого чаще всего является усиление так называемой «аскриптивной идентичности». Суть ее в том, что при такой идентификации человек ассоциирует себя с общностями, которые он не выбирает, а чаще всего получает от рождения (с семейными, родовыми, земляческими, этническими, религиозными). В таких условиях усиливается влияние традиционализма, как повышенного интереса к прошлому, обращение к истории, к национальным традициям как канону нравственных оценок.

Рост традиционализма наблюдался во всех постсоветских государствах, включая страны Балтии. Если что и выделяет Россию из этого процесса, так *это значительно меньший интерес к этническому традиционализму у большей части населения России (прежде всего этнических русских)* по сравнению с жителями

других новых государств. В начале 1990-х, когда этнически ориентированные национальные фронты пришли к власти во многих постсоветских странах, а десятки национальных движений, партий и группировок появились уже и в автономиях Российской Федерации, уровень этнического самосознания этнического большинства населения Федерации – русских оставался таким же низким, каким он представал и по материалам этносоциологических исследований в СССР в 1980-х годах. Тогда только 15 % русских респондентов использовали этническую идентификацию для самоописания и называли себя русскими, подавляющее же большинство опрошенных использовали территориально-государственную идентификацию, определяя себя «советскими» [1. С. 165]. В первые постсоветские годы (1991–1992) этническая самоидентификация русских мало изменилась. Более 90 % русских демонстрировали этнический нигилизм, безразличие, подчеркивая в опросном листе подсказку: «я никогда не задумывался, какой они национальности», и лишь 8 % подчеркивали свой этноцентризм, указывая: «я никогда не забываю, что я русский». В 1994–1999 гг. этнические самооценки русских возросли, но и в это время они охватывали не более четверти опрошенных, тогда как у других обследованных групп респондентов Российской Федерации (башкир, татар, осетин и якутов) они преобладали, существенно превышая половину, а у осетин 2/3 опрошенных[3]. При этом рост этнического самосознания русских в значительной мере стал ответом на предшествовавшее ему возбуждение этнических меньшинств. Сильное влияние на этнические процессы в России оказали две чеченские кампании, которые резко взвинтили античеченские, а затем и антикавказские настроения среди этнического большинства. Однако рост негативного отношения к другим «чужим» народам не привел к росту этнической самоидентификации русских [20].

У этнического большинства России развивался не этнический, а государственнический державный традиционализм – ощущение гордости за принадлежность к государству с тысячелетней историей, в которой главные события связаны с военными победами и завоеванными территориями. Об этом можно судить по устойчивому пантеону героев, в котором в первой декаде 2000-х гг. доминировали цари, вожди и полководцы (Петр I, Александр Невский, Дмитрий Донской, Екатерина II, Иван Грозный, Иосиф Сталин и

[3] По материалам исследовательских проектов, выполненных под руководством Л. М. Дробижевой: «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» (1993–1996) и «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999–2001).

Георгий Жуков), а в качестве ключевого события, бесспорно, с большим отрывом от всех других, выделяется Великая Отечественная война[4]. Примечательно, что многие русские националисты, особенно их теоретики, хорошо понимают разницу между державным и национальным самосознанием. Например, самый цитируемый из них (Константин Крылов) неоднократно подчеркивал, что для националиста первичным является общество, нация («государство для нации, а не нация для государства» и «Россия для русских, а не русские для России») (см.: [19. С. 60]). В то время как в границах имперского сознания доминируют прямо противоположные приоритеты: народ должен служить государственному величию.

К проявлениям имперской, государственнической идентичности я бы отнес и такую особенность российского массового сознания, как склонность к инверсиям – к радикальным изменениям (вплоть до полной противоположности) политических оценок под влиянием государственных (или зависимых от него) средств массовой информации, которые, скорее, можно назвать средствами пропаганды.

С середины 1990-х годов российское общественное мнение демонстрирует инверсивные перемены в отношении к большинству фундаментальных политических явлений, например к оценке советской системы. В 1991 году свыше половины (57 %) опрошенных ВЦИОМ соглашались с тем, что в результате коммунистической революции «страна оказалась на обочине истории и принесла людям лишь нищету», а в 1995 году точно такая же доля россиян поддерживала совершенно иное мнение: «Советская система была не так уж плоха, однако негодными были ее правители». Еще через два года в общественном мнении началась и реабилитация советских лидеров. По данным ВЦИОМ, к 1997 году советская власть характеризовалась сравнительно наибольшей частью опрошенных (36 %) как «близкая народу, своя», а новая российская («власть Ельцина и демократов») – как «далекая от народа, чужая» (41 %) [9. С. 132–133].

В этих оценках проявилась одна из особенностей русского национального сознания, отличающих его от коллективных представлений в большинстве других посткоммунистических стран[5]. Русское население, хоть и понесло самые значительные потери (человеческие жертвы и разрушения национальной культуры) в результате небывало длительного, более чем 70-летнего тоталитарного правления, не воспринимало этот режим как внешне навязанный. Для россиян он оставался «своим» и даже «близким народу». При этом если немецкое общество, также самостоятельно на своей культурной почве породившее германский тоталитаризм, связывало с ним национальную катастрофу, поражение в войне, то русское общество, при некоторых внешних пропагандистских усилиях со стороны истеблишмента, оказалось способным связать с тоталитарным режимом Великую победу над фашизмом.

[4] См. обзор социологических исследований конца 1990-х – начала 2000-х гг. на эту тему: [6].

[5] Этнические русские в этих опросах составляли 85 % опрошенных.

В период, когда в элитарном и массовом сознании преобладало критическое отношение к советскому прошлому, большинство россиян смотрело на Запад как на эталон движения в будущее. В 1989 году 60 % опрошенных оценивали западный образ жизни как образцовый [10. С. 137]. В середине 90-х начался демонтаж этого эталона, а к 2000 году оценки конца 80-х поменялись на противоположные. В это время 67 % опрошенных определили западный вариант общественного устройства как «противоречащий укладу жизни русского народа» [Там же. С. 150]. Отказ от иллюзий перестройки с ее прозападными настроениями сопровождался усилением утешительной веры в то, что «у России свой особый путь». При этом образ «особого пути» в массовом сознании чрезвычайно размыт, лишен какой-либо конкретности и в основном связан с идеализацией традиционно русских норм поведения, которые противопоставляются западным. «Есть опыт наших дедов, и мы должны держаться за него» – с этим суждением в конце 1990-х годов были согласны 65 % опрошенных [9. С. 133].

Прочность и масштабы российских антизападных настроений также демонстрируют особенности российского варианта разложения тоталитаризма. Процесс усталости от политических и экономических реформ наблюдался и в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. В некоторых из них также проявились ретроградные политические процессы. Например, в Польше и Румынии в 1990–2000-х годах на какое-то время к власти пришли левые партии и вернулись на политическую сцену персоны, сделавшие политическую карьеру в годы коммунистического правления[6]. Однако движение европейских посткоммунистических обществ на Запад не прервалось, поскольку с ним было связано долгосрочное и фундаментальное стремление «вырваться из им-

[6] С 1995-го по 2005 год президентом Польши дважды избирался А. Квасневский, член ПОРП с 1977-го по 1990 год, член прокремлевского правительства (министр по делам молодежи) Польши с 1985-го по 1990 год. В 2000 году, после периода правления правых партий в Румынии, президентом этой республики избирается И. Илиеску, который был руководителем идеологического отдела ЦК РКП во времена диктатуры Н. Чаушеску.

перии». В России же такой «автоматики» не было. Советская империя рухнула, но элементы имперского сознания остались. С ними связан и такой феномен общественной жизни России, как «имперский национализм», противоречащий принятым канонам теории национализма, рассматривающей его только как противоположность имперскому сознанию.

В 1991 году большинство опрошенных в России (49 %) полагало: «Зачем искать врагов, если корень наших бед в нас самих?» – и лишь 12 % были уверены, что источником проблем русских являются их враги. В 1994 году уже 41 % опрошенных видели во врагах главный источник своих бед, но почти столько же придерживались противоположного мнения. Понадобилось еще пять лет, чтобы образ «врага» прочно утвердился в сознании россиян, и в 1999 году уже подавляющее большинство опрошенных (65 %) стало объяснять свои проблемы происками врагов [8]. Вряд ли кого-нибудь удивит тот факт, что привычная, стереотипная и удобная идея переноса ответственности за проблемы русского народа на «врагов» приобретала все новых сторонников по мере роста негативного восприятия жизни в России. Понятно, что возвращение к старому всегда требует меньших усилий, чем освоение новых ценностей. Поражает другое – сравнительно прочная устойчивость новой для посттоталитарного мышления идеи: «корень наших бед в нас самих». Позволю себе выдвинуть предположение о том, что за девять десять лет с начала «перестройки» и до середины 90-х годов в российском обществе начала формироваться новая, либеральная по своей сути, традиция, основанная на идеях индивидуальной свободы и персональной ответственности, которая оказалась способной, на какое-то время, сопротивляться возвращению советских стереотипов. Либеральная идеология в постсоветской России оказывала влияние на массовое сознание, пока у россиян сохранялась надежда на перемены к лучшему в результате реформ. В период, когда такие надежды стали таять, усилился интерес к традиционализму, возросла идеализация прошлого, в котором многие пытались увидеть «Золотой век».

Такие процессы можно назвать «естественным ростом» традиционализма, поскольку они, как правило, почти неизбежно сопровождают распад империй и разложение тоталитаризма. Похожие процессы наблюдались и в других постсоветских странах, хотя и с некоторым своеобразием, обусловленным особенностями исторического опыта разных народов. Однако как только такой традиционализм проявляется, он тут же становится ходким товаром на политическом рынке и сырьем для политических **технологий, конструирующих новый, искусственный традиционализм**. Воспроизводство такого традиционализма становится подлинной

индустрией, особенно в тех случаях, когда его разработку ведут влиятельные средства массовой информации, контролируемые государством.

Интерес к конструированию традиционализма проявляла уже администрации первого президента России. В эпоху Б. Ельцина вернулись в качестве государственных символов и имперский двуглавый орел на государственном гербе, и имперский триколор в качестве государственного флага. В это время были идентифицированы и захоронены по православному обряду останки последней царской семьи России. Постоянные публичные манифестации религиозности новой власти и многочисленные фотографии президента вместе с патриархом Русской православной церкви даже дали повод шутникам того времени сложить анекдот о том, что в постсоветской России место коммунистического политбюро заняло «метрополитбюро». Ельцин хотел противопоставить исторически традиционные царские символы коммунистическим. Возрождение Православной церкви, разрушенной большевиками, также должно было, по мысли Ельцина, символизировать его стратегическую линию возврата России в естественную историю, прерванную коммунистическим переворотом; а также возврата ее в семью цивилизованных европейских народов, из которой страна была вырвана большевиками. Получение администрацией Б. Ельцина согласия членов британской королевской семьи участвовать в генетической экспертизе останков царской семьи Романовых преследовало не только утилитарные цели, оно должно было подчеркнуть историческое кровное родство русской и европейской элиты[7].

Второй президент России, В. Путин, воспринял от предшественника не только пышность ритуала инаугурации президента России, больше напоминающей коронацию русских царей, но и небывалый объем полномочий, сосредоточенных в руках президента России, тех полномочий, которые при Ельцине были внесены в Конституцию страны. Он перенял и технологию исторической легитимации президентской власти, но в отличие от своего предшественника легитимировал советский режим.

Ельцин проводил политику «возвращения России в Европу», Путин возродил сталинскую политику «осажденной крепости», антизападническую риторику холодной войны и шпиономанию. Ельцин символизировал разрыв России с тоталитаризмом; при Путине же российские власти рассылали ноты протеста тем европейским странам, которые признали сталинизм и гитлеризм равно недопустимыми формами тоталитаризма.

---

[7] См. подробнее: [13].

Ельцин подчеркивал антиимперский характер своей политики. При Путине доминирующей линией политики России стало «великодержавие», т. е. фактически культ империи. Для этой цели возрождается, в том числе и публицистами, близкими администрации Путина (М. Леонтьев, В. Третьяков), культ Сталина. Для «державников» Сталин стал «новым собирателем империи, новым Петром Великим, новым супергосударственником, которому прощалось народом многое» [3].

Второе пришествие культа Сталина – это образец сугубо искусственной, «изобретенной традиции». Даже в период, когда значительная часть населения России отказала в доверии власти «демократов» и предпочла им власть советскую, это совсем не означало возрождение любви к Сталину. Еще в 2002 году время правления Сталина не рассматривается общественным мнением как эталон «хороших советских времен». Наибольшая часть опрошенных (39 %) предпочла бы жить во времена Л. Брежнева, и лишь 3 % выбрали в качестве предпочтительного сталинский период, и при этом – в мирные годы первых пятилеток [18. С. 20]. Выбор брежневского времени во многом был продиктован восприятием его как стабильного, сытного, без репрессий и потрясений, поэтому особенно привлекательного для людей, уставших от 15-летнего периода бурных политических трансформаций. Российским политическим технологам 2000-х гг. нужно было очень сильно постараться, чтобы наперекор таким настроениям превратить Сталина в один из символов современной России.

Ныне образ Сталина «раскручен» и популярен настолько, что эту золотую жилу активно разрабатывают представители разных политических сил, например бывшие либералы, ныне политические перебежчики, обосновавшиеся в стане «державников». В рядах левых сил, подлинных наследников Сталина, который безжалостно разрушал и русские национальные традиции, и церковь, гноил в лагерях как русских националистов, так и видных представителей русского клира, создаются движения с невероятной идеологической начинкой из смеси сталинизма, национализма и православия [15]. Однако все разновидности такого изобретенного традиционализма недолговечны – это скорее мода, чем традиция.

Традиционализм без традиций

Традиционализм как политический интерес к опоре на традиции в России, безусловно, есть, а вот в какой мере сохранились сами традиции – т. е. накопленный культурный опыт, передающийся из поколения в поколение и воспроизводящий своеобразие форм, норм и ценностей культуры? Понятие «традиция» генетически восходит к лат. *traditio* и к глаголу *tradere*, означающему «передавать».

Воспроизводство традиций возможно лишь при наличии особых социальных каналов для диахронной, межпоколенной передачи (трансляции) ценностей и норм культуры, а также механизмов социального контроля, поддерживающих устойчивость традиционных норм.

Многие народы бывшего Советского Союза сохранили и то и другое вопреки тоталитарной политике борьбы с «традиционными пережитками». Что касается русского общества, то в нем практически не сохранились те партикуляристские институты, которые все еще выполняют важные социокультурные функции у народов Средней Азии и Кавказа. Намного ниже в России, чем, например, в христианских странах Латинской Америки или в Южной Европе (не говоря уже об исламских странах мира), социальная и политическая роль церкви. Ф. Фукуяма полагает, что уровень проявлений семейно-родственных отношений и передаваемых по этим каналам традиций в России ниже в сравнении не только с такими откровенно традиционными обществами, как китайское, но и со многими европейскими, например французским и итальянским. По его мнению, «фамилистические» общества, «то есть те, в которых наиглавнейшим путем реализации общественного инстинкта является семья или более широкие родственные структуры: кланы и племена», обладают «более высоким уровнем социализированности, чем современная Россия; члены российского общества “не умеют объединяться друг с другом”» [26. С. 57].

Действительно, на большей части территории России почти полностью демонтированы механизмы традиционного социального контроля вместе с институтами, которые их хранили. О сельской общине прочно забыли уже в середине прошлого века. Религиозные общины, православные церковные приходы были разрушены в советское время, и их роль, скорее всего, не восстановится ныне, учитывая, что свыше 97 % православных верующих не считают себя частью какого-либо одного прихода и посещают церковь эпизодически, по случаю и какую придется. Еще недавно были дворы, в которых пенсионеры, играя в домино, все же приглядывали за соседями, а бабушки, сидевшие на лавочках перед парадным, судачили о нравственности тех или иных семей. Это хоть как-то восполняло отсутствие полноценного механизма социального контроля, действующего по принципу: «Что люди скажут?» Сегодня и этого нет. А родственные отношения? Их разрушение в российской, и прежде всего в русской, среде, доведение некогда плотных родственных контактов до уровня эпизодического общения – общепризнанный факт. Об ослаблении семейных и родственных связей в русской среде свидетельствует почти полное забвение основных

терминов родства, обозначающих родственников за пределами малой нуклеарной семьи.

Соседские связи в городах наполнены реальным содержанием лишь в границах лестничной площадки. Уже в пределах одного подъезда они ограничиваются в лучшем случае эпизодическими приветствиями друг друга. Договориться же о чем-то жителям всего многоквартирного дома обычно очень сложно. Как отмечает И. Шмерлина, в современных российских городах «соседи воспринимаются отчасти как вынужденный, навязанный элемент окружающей среды» [29].

Социологический мониторинг российского общества (Левада-Центр, 1991–2005) указывает на монотонное ослабление всех видов социальных связей и сжатие сферы межличностного общения до уровня своей квартиры. Две трети опрошенных устойчиво ограничивают свои еженедельные контакты во внерабочее время лишь общением с членами своей семьи и родственниками. Более или менее регулярно во внерабочее время и за пределами своей квартиры общаются: с коллегами по работе – 20 % опрошенных, с членами одной добровольной общественной, политической, культурной организации либо спортивного клуба, секции – 5 %, с людьми, принадлежащими к той же церкви, – 2 % (см.: [11]).

Не вызывает сомнений тот факт, что представление о российском обществе как коллективистском, соборном и общинном – это миф. Напротив, сегодня это общество – одно из наиболее атомизированных в современном мире. Это признает большинство экспертов, по крайней мере в академической среде. Менее освоено следствие из этого факта – атомизация общества существенно ухудшает условия трансляции социокультурных, и особенно этнических, традиций.

Таким образом, традиционализм в России лишен своих естественных социальных корней, но он и не является в российских условиях основным механизмом подержания авторитарного режима. Эту функцию в России выполняет разобщенность. «Российский социум, – пишет Б. Дубин, – причем именно в образованной и урбанизированной его части, стал более простым и однородным, уплощенным и раздробленным, но тем самым и более податливым для внешних воздействий на всех и каждого из его атомизированных членов» [Там же].

«Российская система» не традиционна, но инерционна

Новое, развившееся уже в постсоветское время состояние социальных связей, их прогрессирующая атомизация наряду с традиционной склонностью к патернализму и отсутствием исторического опыта самоорганизации и самоуправления создают благоприятную почву для воспроизводства в современной России особой разновидности авторитарного политического режима – патримониального. Эта модель была обоснована М. Вебером, подчеркивавшим ее переходный характер, проявляющийся в обществах, находящихся на пути между традиционными и рационально-легальными отношениями. В ее рамках права и обязанности представителей разных страт общества не легитимируются традицией, не опираются на нее. Это уже рациональные отношения, порожденные страхом или выгодой, но они еще не легальные, не опирающиеся на закон. Вся система патримониальных отношений основывается на личной (неправовой) зависимости бюрократии от правителя, народа от бюрократии.

Веберовская модель ныне стала особенно популярной в мировой политологии и часто используется для объяснения как самой специфики политических режимов в посткоммунистических странах, так и причин их устойчивости[8]. Вебер выделил разные типы личной зависимости бюрократии от властителя – от самых жестких, основанных на страхе наказания смертью («султанский тип»), до сравнительно мягких, покоящихся на взаимной экономической выгоде. Все эти разновидности проявляются и сегодня. Скажем, взаимоотношения нынешнего правителя Чечни Р. Кадырова не только со своей личной гвардией, но и со своим чиновничеством – это образец патримониальных отношений султанского типа. Отказ от подчинения султану карается смертью. При этом «изменники» при невыясненных обстоятельствах погибают не только в Чечне, но и в Москве и даже в городах Западной Европы.

Султанский тип патримониализма проявляется и в ряде других регионов постсоветского мира, но все же в России, как и в большинстве постсоветских стран, преобладает не деспотия, а более мягкая экономическая зависимость клиентов от патрона. В такой системе патримониальный чиновник служит не из страха, он вознаграждается за верность возможностью использования служебного положения в личных целях.

М. Вебер считал такие отношения не только переходными, но и принципиально неустойчивыми. Этот вывод в основе своей верен, особенно применительно к неопатримониальным атомизированным обществам, однако жизнь показала, что такие режимы более устойчивы, чем предполагалось в начале XX века.

Прежде всего, с тех пор кардинально изменилась возможность манипуляции общественным мнением, и дело не только в росте могущества информационных технологий, но и в ослаблении традиционной культуры. Атомизированные общества с ослабленными

[8] Наиболее полный обзор этих работ см.: [25. С. 155–178]; см. также: [16].

механизмами традиционной саморегуляции становятся более пластичными, податливыми к конструированию квазитрадиций (жизни «по понятиям»), на какое-то время заменяющих полноценные нормы.

В сегодняшних условиях значительно возросли возможности использования так называемого административного ресурса. В современных патримониальных системах шансы на приход к власти политической оппозиции в результате выборов крайне малы, даже если оппозиция не запрещена полностью, как в Туркмении, и не уничтожается физически, как в Чечне. Скажем, в Грузии, где количество легальных партий велико, политические ресурсы оппозиции примерно так же малы, как и в России, где осталась едва ли не единственная оппозиционная партия – КПРФ – и разрозненные группировки либерально-демократического толка. Да и сами партии трудно отличить от патримониальной власти, поскольку они построены на личных отношениях – это всего лишь группы поддержки популярных личностей.

В неопатримониальных политиях перевернута с ног на голову система взаимоотношений между партиями, представленными в парламенте, и исполнительной властью. Не власть зависит от партий, а партии от исполнительной власти. В таких условиях даже при честных выборах мала вероятность демократического управления страной.

Что особенно важно, при современном могуществе политических технологий и разнообразии административных ресурсов простейшие электоральные демократии обречены на вырождение, на подмену имитационными формами, если они не опираются на свои естественные корни – институты гражданского общества. Но в том и состоит проблема развития постсоветских обществ, что в большинстве из них институты гражданского общества очень слабы и к тому же искусственно подавляются. Именно это делает весьма вероятными ретроградные политические процессы.

Хочу подчеркнуть, что элементарные и неустойчивые демократии сносит в сторону авторитаризма почти вне зависимости от личных особенностей и биографии лидера страны или региона, будь то бывший агент специальных служб, партийный функционер или бюрократ новой постсоветской формации. Так, академик А. Акаев пришел к власти в Киргизии на волне перестройки. Поначалу он демонстрировал и свой демократизм, и прозападную ориентацию, но затем его режим выродился в обычный авторитарный патримониализм и был свергнут в ходе «цветной революции». Просвещенный юрист Н. Федоров, член Межрегиональной депутатской группы времен горбачевской перестройки, демократ из демократов в 1980-х годах, став президентом Чувашии, создал «демократуру», мало отличимую от режима соседней Башкирии, где с советских

времен правил М. Рахимов. М. Саакашвили по демократичности фразеологии может быть занесен в книгу рекордов Гиннесса, но его оппоненты, победившие в Грузии на парламентских (октябрь 2012 г.), а затем и президентских (октябрь 2013) выборах, добивается уголовного наказания Саакашвили, упрекая его, не без оснований, в авторитаризме, в злоупотреблении властью.

Наряду с общими механизмами самосохранения патримониальных режимов, в России проявляются и специфические, вытекающие из ее собственного исторического опыта. Так, знаменитую фразу В. Черномырдина: «В России, какую партию ни строй – получается КПСС», – можно трактовать не как фатальную предопределенность истории, а как традиционно российский технологический прием сведения новаций к известным шаблонам. По крайней мере последние два века правители на Руси боролись с опасными для них инновациями тем, что противопоставляли им заготовки местного производства, которые похожи на зарубежные новации по форме, но противоположны им по содержанию. Так, термин «нация» стал известен образованному обществу России в самом начале XIX века, почти тогда же, когда он стал обсуждаться в интеллектуальных кругах Франции. Однако сразу же французская идея нации как согражданства, основанного на народном суверенитете, в России была подменена доктриной «официальной народности», или, как ее называет Р. Суни, доктриной «официального национализма». Согласно ей, народ – вовсе не суверен, это дитя, опекаемое самодержцем как любящим, но строгим отцом. Официальный национализм, по мнению Суни, явился «ответом правящих групп, преимущественно династических и аристократических, на угрозу исключения или маргинализации последних в воображенном сообществе… и был связан с попытками аристократии и монархии сохранить империю» [24. С. 65]. После Первой мировой войны на месте мировых империй стали складываться федерации, но российский «особый путь» проявился в создании Союза Советских Социалистических Республик как формы сохранения империи, лишь декорированной некими атрибутами федеративного устройства. Последний по времени пример культурной подмены – это доктрина «суверенной демократии».

Повторим: «Российская система» не традиционна, но инерционна. Основой этой инерции является господство сырьевой экономики. Как торговала Россия сырьем при Петре I, так и торгует, только вместо леса и пеньки продает нефть и газ. Сырьевые товары составляют 85 % российского экспорта и охватывают более 50 % российского ВВП, в то время как в развитых странах этот показатель составляет менее 20 %. Проблема «ресурсного проклятия» известна давно: множество стран со значительными природными

ресурсами получают весьма малую выгоду от их использования. Главное же, что тотально сырьевая экономика уменьшает стимулы к модернизации. Зачем менять отношение к труду, жизненные устои, если можно сносно жить на нефтедоллары? Впрочем, подобные формы самосохранения авторитаризма наблюдались и в других странах. Т. Ворожейкина приводит в качестве примера Мексику в период более чем полувекового правления Институционно-революционной партии, которая обеспечила свое долголетие, осуществляя «обмен политических прав и свобод на перераспределение дохода в пользу средне- и низко доходных групп населения через государственно-корпоративистские механизмы» [4]. В России используется примерно тот же механизм, но в нашей стране сверхдоходы от ресурсной экономики еще в большей мере облегчают процесс выкупа демократии у населения.

Сложившаяся структура экономики препятствует утверждению собственнических начал среди большей части российского населения. В России, как отмечал В. Розанов, вся собственность выросла из того, что была либо пожалована государем, либо украдена у кого-то. Вот и в постсоветский период нефтяные поля и газовые месторождения не были заработаны новыми российскими бизнесменами или получены ими по наследству. Эта собственность досталась им от государства, поэтому и сохраняет свое значение диагноз Розанова: «Труда в собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается» [21. С. 45].

Существует прямая связь между ресурсной экономикой и структурой элит. В России главенствует элита, связанная с ТЭК, в наибольшей мере зависимая от государства, поэтому и наиболее сервильная по отношению к власти. Такая элита в наименьшей мере склонна к опоре на гражданское общество.

Засилье нефтегазовой экономики обусловило избыточную роль государственной власти в жизни России. С. Кордонский назвал такое государство «ресурсным» [14. С. 219]. Главным ресурсом всегда была территория, с ее землями и недрами, поэтому ресурсное государство в качестве высшей цели выдвигает удержание, а по возможности и расширение территории. «Имперский тип государственности, – отмечает А. Захаров, – оказывается естественным оформлением режима, построенного на экспорте сырьевых ресурсов» [12. С. 41]. В таком государстве не приживается федерализм с его децентрализацией власти и широкими полномочиями региональных центров в сфере самоуправления. Политическая апатия нулевых годов еще в большей мере увеличила вероятность возврата России от декоративной федерации к типу правления, напоминающему имперский, который всегда опирается на власть наместников в провинциях.

Господство природных ресурсов в экономике при дефиците человеческих требовало прикрепления населения к территории, а после отмены крепостного права – прикрепления его к власти. И то и другое было связано с лишением основной части жителей их гражданской и политической субъектности. Используя формулу Дж. Хоскинга, можно сказать, что «строительство государства в России мешало строительству нации» [28. С. 11]. Но одновременно происходил и рост безответственности государева человека: «Барин правит – пусть он и отвечает за все». Мало что изменилось с тех пор, и не приходится удивляться тому, что как не было на Руси общества, способного контролировать государственный аппарат и осознавать свою ведущую роль в политической системе, так его и нет. Более того, в этом отношении наблюдается даже регресс, связанный с утратой традиционных институтов социального контроля. Отсюда и гигантские качели инверсии ценностей, о которой я уже говорил.

Неопатримониальные режимы устойчивы, как Матрица[9]. Они изменяются только в результате внутреннего раскола элиты или революции, которые тоже чаще всего являются всего лишь формой перераспределения власти между ячейками все той же Матрицы. В ходе революции в Киргизии президента А. Акаева сверг К. Бакиев, бывший его премьер-министр. А кто такие два последних президента Украины В. Ющенко и В. Янукович? Премьер-министры президента Л. Кучмы. А М. Саакашвили? Министр в правительстве свергнутого им президента Э. Шеварднадзе.

Матрица прочна. Но она не вечна. Инерция – не фатум и не вечный двигатель. Инерция ограничивает возможность произвольного движения, задает некоторую особенность исторического пути народа и страны, однако само понятие инерции предполагает возможность ее преодоления при определенных изменениях условий среды и усилении импульсов внешних воздействий. Эти условия меняются уже потому, что в современном мире (и в России особенно) наблюдаются многие признаки, подтверждающие предпо-

[9] В данном случае термин «матрица» используется примерно в том же значении, как в знаменитом одноименном фильме Э. и Л. Вачовски. В фильме матрица – это рукотворная компьютерная программа, которая при всем ее могуществе подвластна воле людей и в принципе может быть перенастроена или уничтожена. Вот и патримониальная матрица, в моем понимании, – это всего лишь модель легитимации господства, которая поддается изменению, хотя и обладает высокой инерционной устойчивостью. Совершенно иная трактовка исторической матрицы проступает в произведениях многих современных российских квазикультурологов, использующих понятие матрицы в мистическом смысле как рок, предопределяющий некий «особый» исторический путь.

ложения о неизбежности уменьшения зависимости мира от природных (например, углеводородных) ресурсов. Еще в начале 2000-х об этом предупреждал своих коллег по ОПЕК бывший министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии шейх Ахмед Заки Ямани, напоминая им, что «каменный век закончился совсем не потому, что закончились камни».

Сохраняют свое значение выводы М. Вебера о принципиальной неустойчивости патримониальных систем. Она порождается прежде всего хроническим дефицитом легитимности власти. Власть уже не от Бога, но и не от закона, не от выборов. Пока терпят лидера в расчете на то, что он защитит от совсем отвязавшихся бояр, но ресурс личного авторитета – продукт скоропортящийся. Отношения внутри элит не легитимированы ни религией, ни законом, ни традицией. Почему московские элиты должны признать верховенство питерских? Почему одним жирные куски, другим объедки? Признать это элитарные группы не могут, к тому же они во все большей мере ощущают, что власть не готова к демонстрации декларированной поначалу «равной удаленности» от всех олигархических групп. В неправовом государстве высока вероятность доминирования неких кланов, отраслевых или региональных групп интересов. В таких условиях высока вероятность того, что элита, которая не может укрыться за традицией и рассчитывать на постоянное благоволение к ней патрона, будет пробиваться к защите закона, будет заинтересована в переходе от власти авторитета к власти правовой нормы, следовательно, рано или поздно станет поддерживать политическую модернизацию.

Литература

1. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. – М. : Аспект-Пресс, 1999.
2. Большая пресс-конференция Владимира Путина : текстовая трансляция // ТАСС : информационное агентство. – 2015. – 17 декабря. – URL: http://tass.ru/politika/2534355
3. Бондаренко В. Народ вседержитель // Завтра. – 2000. – 4 января. – № 1 (318).
4. Ворожейкина Т. Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия // Вестник общественного мнения. – 2009. – № 4. – С. 50–68.
5. Герман Греф причислил Россию к «странам-дауншифтерам» // Свежий ветер : информационное агентство. – 2016. – 15 января. – URL: http://www.riasv.ru/entry/243595/
6. Горкунова О. С. Массовое историческое сознание россиян на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – Вып. № 2 (139). – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/massovoe-istoricheskoe-soznanie-rossiyan-rubezha-xx-xxi-vv#ixzz3yHUfqm8p
7. Греция // Википедия : [сайт]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%B8%D1%8F
8. Гудков Л. Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 1997. – № 2. – С. 25?33.
9. Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. – М. : ИФ – ИЭА РАН, 2002. – С. 124?147.
10. Дубин Б. Запад для внутреннего потребления // Космополис. – 2003. – № 1 (3).
11. Дубин Б. Массмедиа и коммуникативный мир жителей России: пластическая хирургия социальной реальности // Вестник общественного мнения. – 2006. – № 3 (83). – С. 33–46. – URL: http://www.polit.ru/research/2006/09/06/dubin.html
12. Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. – М. : МШПИ, 2008.
13. Императорский том. Следственный комитет идентифицировал детей Николая II // Время новостей. – 2008. – 17 июля (№ 127). – URL: http://www.vremya.ru/2008/127/51/208516.html
14. Кордонский С. «Патриоты» и космополиты в ресурсном государстве // Российское государство: вчера, сегодня завтра / ред. И. Клямкин. – М. : Новое издательство, 2007.
15. Квачков В. Сталин сегодня: русский православный социализм // Народное ополчение. Официальный сайт В. Квачкова. – URL: http://www.kvachkov.org/narod.php?narod=social_sphere/182-vladimir-kvachkov-stalin-segodnya-russkij.html
16. Масловский М. Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 95–109.
17. Медведев призвал готовиться к «худшему сценарию» в экономике // РБК. – 2016. – 13 января. – URL: http://www.rbc.ru/economics/13/01/2016/56961d689a79470cee438640
18. Общественное мнение – 2002. По материалам исследований 1989–2002 годов. – М. : ВЦИОМ, 2002.
19. Паин Э. А. Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // Общественные науки и современность. – 2015. – № 2. – С. 54–71.

20. Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. – М. : Институт социологии РАН, 2004.
21. Розанов В. Уединенное // Розанов В. В. Сочинения. – М. : Советская Россия, 1990.
22. Сергеев М., Куликов С. В провалах модернизации виноват народ // Независимая газета. – 2010. – 29 сентября. – URL: http://www.ng.ru/economics/2010-09-16/1_modernize.html
23. Сигл Дж. Демократия и процветание. – URL: http://usinfo.state.gov/dd/ru_democracy_dialogues/ru_prosperity/ru_prosperity_essay.html
24. Суни Р. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / Институт этнологии и антропологии РАН ; под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. – М. : Наука, 2007.
25. Фисун А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. – Харьков, 2006.
26. Фукуяма Ф. Доверие. – М. : АСТ, 2004.
27. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М. : РОССПЭН, 2003.
28. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). – Смоленск : Русич, 2000.
29. Шмерлина И. Социальная экология соседства // Социальная реальность. – 2006. – № 9. – URL: http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=211&print=yes

В. В. Харитонов*

Роль традиции в структуре культуры

Представлено тезисное рассмотрение вопроса о роли и месте традиции в содержательной, языковой и морфологической структуре культуры.

Ключевые слова: традиция; содержание; язык; морфология; культура.

Человечество открывает, хранит и передает культурные ценности в качестве культурных норм, или традиций, от общества к обществу. Традиционные ценности условно можно поделить на два вида. Первые в меньшей степени поддаются осовремениванию, обладают стабильной ценностью в силу своих формальных, чаще всего морфологических особенностей (архитектура, изобразительное искусство, эпос и лирика в литературе). В плане смыслового дискурса они имеют ту общезначимость, которая их делает, по словам М. Мамардашвили, «осадками в виде классической культуры» [3. С. 293].

Благодаря названным ценностям мы сопереживаем чувствам героев гомеровской «Илиады», средневекового эпоса («Песнь о Роланде»), «Божественной комедии», лирическим героям Петрарки и Ронсара, любуемся картинами Боттичелли и Брейгеля. Образ Афродиты Книдской Праксителя (IV в. до н. э.) демонстрирует идеал женской красоты, которой уже почти два с половиной тысячелетия поклоняется человечество.

Второй вид традиционных ценностей отличают большие возможности соответствовать новым требованиям: драматургия и театр в целом, музыка с ее особенностями оркестровки и исполнения. Эти виды могут быть функционально актуализированными и играть существенную роль в содержательной, языковой, морфологической структуре культуры.

Человечество всегда осознавало необходимость определенного постоянства традиций в содержательной структуре культуры. Усвоение прошлого определяет культурную деятельность, направленную на сохранение традиционных ценностей, с помощью

* ***Владимир Васильевич Харитонов*** – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии ИГНИ, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

© В. В. Харитонов, 2016

которых передается и актуализируется в мировой культуре то, над чем не властно время, в силу ее всечеловечности.

По этому поводу М. Мамардашвили пишет: «…мы обращаемся к прошлому и понимаем его лишь в той мере, в какой можем восстановить то, что думалось когда-то, в качестве нашей способности мышления, и то, что мы можем сейчас сами подумать» [3. С. 8]. Многочисленные копии античных мастеров обогащают визуальную картину мира. Духовный и материальный мир человека был бы беднее без сокровищ, содержащихся в художественных музеях, от Рафаэля до Шагала, без музыки Баха и Бетховена, без Гёте и Достоевского, без архитектуры Брунеллески и Аалто.

Это не просто традиционные художественные ценности. Театральные и кинематографические, музыкальные и живописные «подключения» классики к современной культуре содержательно обогащают и развивают современный процесс. Безусловно, истоки содержательных традиций кроются в самой жизни и культуре. Субъекты культурной деятельности испытывают влияние предшествующих содержательных структур, наполняют их конкретно-исторической определенностью и обогащают культурную картину мира.

Материалом, питающим искусство прошлых эпох и современности, служат библейские (из Ветхого Завета и евангельские) сюжеты. Человек пересматривает на своем веку множество интерпретаций «Вишневого сада», и восприятие среднестатистического спектакля для него превращается в медитацию. Созданные на основе традиционных содержательных ценностей, философские фильмы Г. Бардина и Ю. Норштейна позволяют понимать содержательную преемственность как непрерывный диалог, как смысловое общение между культурами разных периодов.

В современных условиях человеку необходимо усвоение предшествующего опыта. Происходит обмен информацией, человек не только актуализирует согласие на диалог, но и получает мировоззренческую опору, овладевая культурно-историческим опытом мышления и чувствования. Г. Гарсиа Маркес пишет: «История – это воистину бездонный колодец, из которого мы, наверное, вечно будем черпать мудрость, глупость, полезный и бесполезный опыт, знания, массу открытий» (цит. по: [4. С. 302]).

В языковой структуре культуры традиция обеспечивает устойчивость языковых форм. Сама языковая структура представляет собой знаковую систему и выразительные средства языка (вербальные, музыкальные, пластические и др.). Стабильность и определенность этой системы вырабатывались веками и наконец обрели то, что позднее стали называть собственно традицией.

У каждой сферы культуры есть свои, ставшие каноническими, языковые средства. В античной скульптуре канонизатором пластической формы стал Поликлет (V в. до н. э.), который в теоретическом труде «Канон» определил совершеннейшие пропорции человеческого тела. Подобное происходит и в других сферах культуры, где новации обеспечиваются традициями, опираются на базовую языковую структуру и учитывают нарождающиеся тенденции социально-психологических форм. Языковой арсенал любого нового культурного феномена пополняется стилями, сюжетами, приемами, т. е. элементами предшествовавшей знаковой системы.

В социокультурной практике мы постоянно сталкиваемся с подобной дихотомией, при которой традиционные языковые ценности сочетаются с поисками нового мышления в модернизированных формах. Как говорит Л. Баткин, «уже античная риторика всегда менялась в зависимости от тех или иных содержательных историко-культурных функций» [1. С. 555]. Каждая сфера культуры набирала соответствующие требованиям времени средства выражения. Ее язык обновлялся и изменялся эволюционно.

Знаковые изменения могут быть и резкими, революционными при смене стилей (барокко, рококо, классицизм). Культура XIX и особенно XX века наиболее активна в поисках нового языка. Переходы, например, в живописи происходили на протяжении одного-двух поколений. В. Вишневецкий по этому поводу пишет: «Возможны ли восторги Пюви де Шаванна, доживи он до славы Пикассо?» [2. С. 589].

Морфологическая структура культуры в основе своей на протяжении веков оставалась достаточно традиционной. Однако изменяющаяся действительность порождала культурный полиморфизм. Полная культурная картина могла быть представлена морфологической совокупностью культурных феноменов.

С античных времен сферы культуры выстраивали иерархию видов, родов и жанров. Однако в последнее время морфологическая структура культуры меняется, в основном, путем жанрового расширения информационного пространства. Жанровые изменения – результат перестройки выразительных средств языка. Появляются новые жанровые подвиды, морфологические симбиозы в кинематографе, литературе, театральном искусстве. Сегодняшний потребитель культуры ориентируются в ней, как правило, по жанрам, которые приобретают новое содержание.

Литература

1. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. – М. : РГГУ, 2000.
2. Вишневецкий И. Г. Сергей Прокофьев. – М. : Молодая гвардия, 2009.
3. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. – М. : Аграф, 1997.
4. Марков С. А. Гарсиа Маркес. – М. : Молодая гвардия, 2014.

К. С. Романова*

Факторы, влияющие на устойчивость социальных ценностей

Автор анализирует изменяющиеся условия страны и мира, которые определяют выбор или разрушение социальных ценностей, связанных с устойчивостью развития общества.

Ключевые слова: ценности; общество; личность; устойчивое развитие.

В социальной жизни человека доминирующим является ценностное отношение к определенным объектам или субъектам, которое фиксируется в ценностных формах сознания (мораль, право, религия, искусство и др.) и определяется как гуманизм. Проблема ценностей в предельно широком смысле неизбежно возникает в эпохи перемен, когда происходит обесценивание культурных традиций и расшатывание идеологических устоев общества. Весь мир сегодня находится в состоянии ценностных изменений под влиянием распада Советского Союза и тех трансформаций в мире, которые он повлек за собой. Кризисы, сотрясающие общество, в основе своей не отличаются от тех конфликтов, в которых действия и мысли личности противостоят враждебным силам, тормозящим их и отклоняющих их с пути. Может утратить ценность и то, что является повседневной жизнью индивидов, если история вообще не имеет значения, кроме ее точек соприкосновения с индивидуальным существованием.

Надо иметь в виду, что социальные изменения – это двусторонний процесс. Это, с одной стороны, изменение тех отношений, из которых складываются организации-структуры, на их основе воплощаются социальные институты. С другой стороны, происходит изменение тех норм, которые интериоризованы в сознании людей. Изменение норм влияет на трансформацию ценностных ориентаций и убеждения личности, тем самым способствуя процессу адаптации к новым условиям существования. Поэтому социальные институты невозможно просто скопировать у других стран, которые в экономическом и политическом развитии кажутся более благополучными.

* ***Кира Степановна Романова*** – канд. филос. наук, доцент, ст. научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

© К. С. Романова, 2016

Не следует забывать, что человек получает и наследует знания, усваивает социальные нормы и национальные традиции, формирует свои идеалы, мотивы действия и поведения как разумом, так и сердцем. Вот почему взаимная привязанность между поколениями, чувство любви и уважения имеют существенное значение не только для счастливого долголетия пожилых и старых людей, но и для воспитания молодого поколения.

В основе ценностей культуры лежат мораль и нравственность, которые отражают не только представления о добре и зле, но и доминирующие идеи о чести, достоинстве личности, смысле жизни. Они выступают внутренней преградой при столкновении с чуждыми ценностями, которые воспринимаются разрушающими собственную культуру. В настоящее время эта базисная культурная составляющая почти исчезла или утратила свое значение в главном – в качестве способа смыслополагания, наделения мира значениями, выбора ценностей, как материальных, так и духовных.

Идеологически и реально уничтожая и обесценивая ценности, созданные старшим поколением, его традиции и памятники, власть имущие отчуждают молодое поколение от прошлого своей страны, от своих предков, в том числе и родителей. Обязательным условием непреходящей положительной значимости жизни любого человека является следование понятным и доступным каждому гуманистическим ценностям и принципам морали. «Будь таким, каким ты сам себя взрастишь в твоем свободном самоопределении. Но общезначимые ценности остаются непреложными. Они нуждаются в защите и поддержке, в том числе и твоей. Ты свободен во всем остальном, но за общезначимые ценности ты в ответе» [6. С. 192].

Исторически изменились формы коммуникаций и способы передачи и хранения информации. Это, в свою очередь, привело к изменению способа мышления. Оно стало «клиповым», т. е. лишенным причинно-следственной связи, целостной картины мира. На этом основании, а также по ряду других причин меняется ментальность народа. Создаются принципиально новые, виртуальные сети, способные покрыть и уже покрывающие весь мир и выполняющие функцию всеобщего контроля (и даже шпионажа) за всеми, цель одна – выиграть в конкурентной гонке. Продукт, добываемый этой сетью, самый дорогой в мире. Все научные изыскания включены в эту сеть, подчинены ей. «Жизнь» в сети и ее ценности принципиально отличаются от реальной, формируя иное видение мира.

Глобальные изменения общества существенно влияют на жизнь современного человека. К примеру, возможность его членов быстро перемещаться и моментально передавать разнообразную информацию обусловила эффект «сжатия» планеты и одновременно расширила жизненное пространство человека. Это привело к изменению роли пространства и времени в качестве маяков в окружающем мире. Однако эти новые возможности и блага большинству людей недоступны. Эти возможности – для избранных, принадлежащих к миру элит. Как отмечает социолог З. Бауман, «эти люди существуют везде и в то же время нигде. Созданная ими сеть власти имеет преимущественно финансовый вид и лишена территориальной принадлежности» [1. С. 139].

Линейно понимаемая история закончена. Об этом написано много (Ф. Фукуяма, С. Хантингтон и др.). История была могучим мифом, ибо связывала причины и развитие событий, признавала как бы причинно-следственные связи (Бодрийяр). Эта «история» закончилась незаметно, ибо еще продолжает жить поколение, вышедшее из нее, ностальгирующее по ней, готовое вернуться в нее и позвать за собой других. Постмодернизм отмечен другим видением. История не линейна (Деррида), а следовательно, нет причины, вызывающей однозначное и конкретное следствие, нет прямой и необратимой связи, к которой привыкло наше мышление. События развертываются алогично, непредсказуемо; прошедшее не всегда является основой для будущего, связь между ними все более призрачна и сомнительна. Мы живем без специальных разметок и изначальных координат (Фуко), и «невозможно единое зеркало мира». Постобщество состоит из разрозненных и отчужденных индивидуумов, которые не порождают никакого нового единства. Люди живут вместе, но по отдельности, ничего не зная, и не желая знать, друг о друге. В постообществе преобладает принцип полной гетерогенности, абсолютно разные по социальным и личностным характеристикам люди могут находиться рядом. Началась другая история, не естественная, а технологичная, которая определяется человеком. Рождение – искусственное, родительство искусственное (суррогатные матери, дети из «пробирки», однополые браки и т. п.), обучение и воспитание – дистанционны и виртуальны (живые педагоги, как и живая педагогика, утратили свою ценность). Так называемая «трудовая» жизнь перестала быть «созиданием» и ограничивается одной целью – добыванием уже не средств жизни, а денег, а лучше – капитала. При этом годятся любые способы – кража, мошенничество, обман, которые уже таковыми и не считаются. Примером могут служить рухнувшие пирамиды Мавроди, «фирмы» для наращивания капитала типа «Гермес» и др., куда вкладывались ваучеры народа. Одна из моральных проблем сегодня в России – это проблема консюмеризма: увлечение успехом (славой), деньгами. Проблема добиться денег любой ценой, а не трудовым созиданием, культивируется в обществе и является губительной для молодых людей. Развивающийся в России капиталистический способ производства создает условия для всеобщей продажности и всеобщей покупаемости.

В России произошел культурный сдвиг: изменение нормативно-ценностных установок под влиянием западного сообщества. Процессы глобализации и информатизации обусловили и культурный сдвиг в общественной жизни развитых западных стран как на коллективном, так и на индивидуальном уровне, кардинально изменив ценностные установки членов западного общества. В эпоху модерна западная цивилизация разработала собственную систему ценностей, среди которых следует выделить индивидуализм, возникший на почве провозглашенных Великой французской революцией прав человека и буржуазных свобод; частную собственность, закон, рационалистический прагматизм, культ денег и всего, что с ними связано: славы, успеха, богатства; стремление непрерывного развития и прогресса, а также постоянного совершенствования окружающей среды. Нормативные установки на дисциплину, самоотречение и достижения, прежде всего экономические, формировали человека как вполне рациональное экономическое существо, которое стало отождествлять экономическое развитие с общественным прогрессом. Нормативно-ценностные ориентации западного человека, сформированные в капиталистических обществах, по мнению известного американского социолога Д. Белла, всегда были и остаются амбивалентными. Поскольку, с одной стороны, капиталистическая система нацеливает людей на упорный труд и признание обществом их особых заслуг в сфере труда, а с другой – в значительной мере под влиянием СМИ и рекламной продукции «общества массового потребления» – на беззаботную жизнь, полную разнообразных наслаждений, несовместимую с тяжким, однообразным и неинтересным трудом. В связи с этим в западном обществе обостряется конфликт между традиционными буржуазными ценностями и «квазиценностями массовой культуры», с одной стороны, и их носителями – с другой, причем этот конфликт приобретает глобальный характер. Если ценности эпохи модерна ориентировали индивида на упорный труд ради достижения общественного прогресса и, в конечном счете, собственного благосостояния, то ценности, возникающие в условиях постмодернизации, благодаря СМИ, решительно отрицают классические буржуазные ценности и формируют потребительское и гедонистическое отношение к жизни [2. С. 237].

В настоящее время в России создано аморфное государство, отражающее политическую борьбу за власть различных социально-классовых сил, имеющих различную политическую ориентацию: демократическую, либеральную, либерально-демократическую, социалистическую и др. Как отмечал А. Зиновьев, «социальная организация постсоветской России умышленно сконструирована так, чтобы не допустить ее возрождения как социального феномена, способного конкурировать с Западом за доминирование в процессе эволюции человечества, способного препятствовать Западу в его борьбе за мировое господство» [4. С. 287].

Как отмечает известный писатель Захар Прилепин, «сейчас в России существует несколько поколений: “советское”, “перестроечное”, “ельцинское”, “путинское”. Как они уживаются вместе? Иногда эти поколения пересекаются. Первое и второе совпадают. Первое потеряло все ценности и убеждения в 90-е и стало вторым. Те, кто родился в 90-е, вообще безумные – их никто не воспитывал. И не окормлял. И сейчас это бедовые мужики: им говорили, что главное – гедонизм, религия человечества. Отсюда удовольствия без ответственности. Третье поколение увидело, что честь, мужество, Родина реально работают. Эти ценности могут объединить всех» [5]. Современные реалии общественной жизни способствуют превращению личности не в индивидуальность с богатым душевным миром и разносторонними духовными потребностями, а в индивидуалиста, для которого главным сокровенным смыслом является его «кошелек» как символ всемогущества и богатства. Идеалы и ценности с изменением условий жизни человека исторически постоянно изменялись. Абсолютность в человеческом существовании имеет только смерть. Всё остальное относительно. Особенность и загадка человека в том, что на конечность своего существования человек смотрит в перспективе бесконечности. Отсюда живет и «тратит» себя как существо бесконечное. Может быть, ключом к отгадке этого противоречия могут служить кантовские слова о звездном небе над человеком и моральном законе внутри его.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2002.

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 1998.

3. Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – М. : Евразийское движение, 2009. – С. 82–83.

4. Зиновьев А. А. Гибель русского коммунизма. – М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001.

5. Прилепин З. Если не победить, так выйти из драки с честью и достоинством // Комсомольская правда. – 2015. – 7 июля. – URL: http://www.ural.kp.ru/daily/26402/3278694/

6. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. – Новосибирск, 1998.

*Н. Ю. Игнатова**

Традиционные ценности как часть доминантного дискурса глобализации

Автор рассматривает традиционные ценности как часть дискурса глобализации. Акцент делается на традиционных религиозных ценностях.

Ключевые слова: дискурс; глобализация; традиционные ценности; мировые религии.

Теоретический конструкт глобализации был введен в 70-х гг. XX в. Долгое время происходила его теоретическая интерпретация правительствами, экономическими корпорациями и академическими исследователями. Глобализации сопутствуют экономическая маргинализация регионов, увеличение неравенства в большинстве стран сводит на нет успех в области либерализации финансов. Появляются встречные гегемонистские ответы: идея несовместимости культур (С. Хантингтон), дискурс гибридной идентичности (Х. Бхабха), антиколониальный дискурс (Э. Саид, А. Эткинд). При анализе повседневного общественного дискурса конструкция глобализации является спящей и работает скрыто. Доминантные устремления дискурса глобализации проявляются в дискурсе традиционных ценностей [4].

Традиционные ценности выполняют в обществе двоякую роль – они обеспечивают доверие внутри группы, ретроспективную и перспективную прозрачность намерений ближайшего окружения, ценностей совместного проживания, взаимодействия и торговли. Нормативность позволяет традиционным ценностям выполнять функции символических границ, отделяющих своих от чужих (Р. Гиртлер). Как часть используемых сообществом коммуникативных практик, они внутренне противоречивы: в них можно обнаружить мифопоэтическую и дискурсивную составляющие. Нормативность мифа и нормативность дискурса подчинены целям регуляции поведения, но технологии регуляции, как, впрочем, и последствия, – разные. Власть мифа опирается на предустановленное неравенство патерналистского типа. Власть дискурса – на установленное и поддерживаемое публичностью процедуры равенство возможностей и способностей рациональных субъектов.

* ***Нина Юрьевна Игнатова*** – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарного и социально-экономического образования Нижнетагильского технологического института (филиала) УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Нижний Тагил).

© Н. Ю. Игнатова, 2016

Отказ от рационального дискурса, от идей естественных прав, гражданского общества в пользу традиционных, нерациональных выводов и паттернов поведения позволяют некоторым исследователям делать вывод о тренде архаизации. В некоторых случаях это выглядит как ресентимент. Но в других случаях интерес к традиционным ценностям рассматривается как альтернатива гибридной идентичности, экспансии неолиберализма и вызовам глобализации [1; 7]. Именно поэтому термин «традиционные ценности» оказался востребован в социологических, экономических, политических либеральных и консервативных концепциях, объяснительных схемах в кросс-культурных исследованиях. Традиционные ценности в значении *beliefs* и *commonsense* стали объектом исследования в социальной эпистемологии, когнитивной науке.

Приверженность традиционным ценностям в образовании, нравственности и правовых обычаях принято связывать с мировыми религиями. Мировые религии выработали собственную дискурсивную традицию. Дискурсивная традиция каждой мировой религии – результат долгой и сложной истории комментирования, диспутов, соглашений и разногласий по поводу основополагающих текстов и догматов веры. Католическая дискурсивная традиция в виде схоластики поддерживала духовную жизнь Средневековья. Православная дискурсивная традиция трактуется как фундамент не только русской духовности, но и так называемого Русского мира. Мусульманская дискурсивная традиция нашла свое продолжение в математическом дискурсе. В какой-то степени дискурс глобализации отвергается, поскольку в нем видят продолжение протестантской дискурсивной традиции.

В мировых религиях различение нескольких трактовок традиционных ценностей обладает принципиальной важностью. Прежде всего, выделяют буквальный уровень традиции, некое ядро ценностей, где догматы и ритуалы определяют специфику данной веры. Далее традиция, традиционные догматы и ритуалы выступают критерием для отличия ортодоксальных и еретических учений (старообрядчество, обновленчество в православии, биды в исламе, синкретические секты в буддизме). Кроме того, и христианство, и ислам, и буддизм отделяют собственную традицию от языческих традиций, отношение к которым исторически рассматривается как священная война (Евангелие от Марка 7:8-23; Коран 2: 190-191, 8:12-13, Тантра Калачакра). Трудно уйти от силового содержания идей христианского миссионерства, протестантского культуртрегерства, перманентного и нескончаемого противостояния Дар аль Ислам и Дар аль Хар или доктрины всемогущей дхармы.

Осмысление традиционных ценностей в дискурсе глобализации сегодня происходит в нескольких плоскостях в качестве основы для анализа определяющих друг друга либо противоречивых концепций, характеризующих множество форм демократии, национальных и постколониальных отношений:

во-первых, как актуальное, начиная с эпохи Просвещения, противостояние традиции и Модерна, глобальная модернизация (Ю. Хабермас, А. Мартинелли). Традиционные ценности антагоистичны идеям прогресса, свободного рынка и рассматриваются как их альтернатива (Ф. Хайек). В этом ключе традиция понимается как мракобесие, реакционность, нечувствительность к прогрессивным изменениям. Отказ от традиции возможен только как тотальная эмансипация (Г. Гегель). Под влиянием большевизма на уровне повседневности широко распространены метафоризированные дискурсивные практики рассуждений о замшелой ветхости и отсталости «старых» религий, недостаточном стремлении иерархов и муфтията России к реформам образования, проблемам национального самосознания и культуры. Более взвешенные оценки отношений улемов к идеям прогресса (джадидизм) появились только в конце XX века вместе с осмыслением негативных последствий глобализации [5. С. 130];

во-вторых, как противостояние религии, тесно соединенной с идеями религиозного местничества, национального государства и национальной культуры, гомогенизированой глобальной культуре [6]. Открытые ценности и прозрачные границы делают все более популярной в различных странах идеи веротерпимости и осознанного и свободного выбора веры. Религия выступает источником наибольшего сопротивления глобализации, поскольку слишком очевидно, что глобализация разрушает традиционные общины. Конфликт традиционных ценностей и ценностей глобализированной культуры представляет собой конфликт дискурсов. Конфликт дискурсов конца XIX – начала XX в., раскрывающийся в понятиях прогресса, религии, традиционных ценностей, под влиянием глобальных процессов стал актуальным вновь. Эта актуальность предполагает две оговорки: с точки зрения множества верующих, модернизация в области образования и семьи не обладает приоритетной необходимостью. Приоритет должен отдаваться сохранению традиционной православной/мусульманской/буддийской культуры, нравственным идеалам, целостности религиозной/национальной общины, живущей в светском государстве, т. е. обеспечивать идею «дома». Это было важным в XX в., когда светское государство фактически запретило религиозный дискурс, навязав общинам дискурс модернизации. Это важно сегодня, когда мировые религии и национальные культуры стали более открытыми и, тем самым, чувствительными к деструктивным последствиям глобализации, но при этом выступают убежищем для тех, кто стоит в оппозиции к власти. С точки зрения папы Франциска, Далай-ламы XIV, некоторых иерархов православной церкви (архимандрит Рафаил Карелин), сторонников раскрепощения ислама [2], остановить процесс либерализации нравов и секуляризации менталитета современного человека невозможно. Как следствие, христианство поворачивается лицом на «Юг» к «черным», мусульманство – к «Азии», а буддизм – на «Запад» к «белым» [3. С. 69];

в-третьих, как преодоление дискурса глобализации. Это преодоление может происходить в разных направлениях, условно обозначим их как «гиперсовременность» и «недосовременность».

Гиперсовременность (постмодернизм) отталкивается от критики европоцентризма, линейности, жесткого детерминизма, признает религиозный плюрализм, развитие постсекулярных культов, гибридную идентичность. Способствуют ли традиционные ценности взаимоотношениям, культурному следованию или обрекают на тотальную закрытость? Следование за великими идеями, изобретениями, освободительными движениями предполагает передачу паттерна и «радость следования» (Данте), которую в прошлом испытывали деятели культуры молодых национальных государств. Мир современности знает только убогий «страх влияния» (Х. Блум). У Блума это связано с попыткой уйти от фрейдистских и квазифрейдистских механизмов защиты от навязываемой глобальной идентичности (С. Жижек).

Однако быстрое освоение странами третьего мира множества важных для человечества текстов иных, более развитых культур порождает архаичность как вторичность, намеренное упрощение важнейших смыслов, символов, технологий, т. е. открывает «недосовременность». «Недосовременность» проявляется в тотальной архаизации как государственно-идеологическом тренде, стилизации под архаику ради политических целей манипулирования слабо индивидуализированным сознанием.

Можно отметить, что социальные сети начали переопределять параметры дискуссии о традиционных ценностях в России. Страх части российского общества относительно победы клерикализма и фундаментализма в значительной степени преувеличен, так как фактически не существует никакой институциональной структуры, внутри которой традиционалисты могли бы выразить свои политические интересы. Ограниченное узким общественным пространством, движение против глобализации и просвещения с большой степенью вероятности не трансформируется в политическую борьбу, останется конфликтом различных дискурсов.

Литература

1. Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки. – 2005. – № 3–4. – С. 161–192.

2. Халид А. Ислам после коммунизма. Религия и политика в Центральной Азии. – М. : НЛО, 2010.

3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М. : АСТ : Мидгард, 2006.

4. Brenner N., Pek J., Theodor N. Variegated Neoliberalization: Geographies, Modalities, Pathways // Global Network. – 2010. – № 10 (2). – P. 182–222.

5. Garipova R. The Protectors of Religion and Community: Traditionalist Muslim Scholars of the Volga-Ural Region at the Beginning of the Twentieth Century // Journal of the Economic and Social History of Orient. – 2016. – Vol. 59, Issue 1–2. – P. 126–165. – URL: http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/10.1163/15685209-12341395;jsessionid=11jrx0clsun5b.x-brill-live-02

6. Giddens A. Modernity and Self-Identity. – Stanford (Cal.) : Stanford Univ. Press, 1991.

7. Kumaravadivelu B. Global Mandarin: Promoting Chinese Language and Culture in an Age of Globalization // Journal of Chinese Language Studies. – 2012. – December. – Vol. 8. – P. 1–7. – URL: http://www.bkumaravadivelu.com/articles%20in%20pdfs/2012%20Global%20Mandarin.pdf

Б. В. Рейфман*

Массовый человек и глобальная культура (почти публицистический пролог к исследованию философской истории понятия «разрыв»)

В статье подвергаются сомнению концепции, абсолютизирующие способность «слепой», «бессубъектной» логики рыночной экономики или средств массовой коммуникации радикально трансформировать культурные основания тех или иных обществ. Выдвигается предположение, что, как таковая, экономическая или медийная «слепая логика», например наиболее активная в начале XXI века социально-сетевая, в состоянии реально, а не теоретически воздействовать на «обывателей» лишь тех социумов, которые пережили и идеологические времена «массового человека», и генезис коллективно-психологических установок «массового общества» и «глобальной культуры», происходивший в 1950–1970-х годах одновременно и в связи с указанными теоретическими абсолютизациями «бессубъектных» факторов социальной динамики.

Ключевые слова: «массовый человек»; «массовое общество»; «глобальная культура»; «обыватель»; медиа; рыночная экономика; «ценностно-горизонтальный» мир; «бессубъектный» фактор; множественная идентичность; толерантный.

В опубликованном в 2008 г. интервью «Новой газете» известный российский экономист Е. Гонтмахер, говоря о задачах постсоветской модернизации, высказал пожелание, «чтобы у нас было цивилизованное, демократическое развитие, чтобы большинство населения были обывателями, чтобы люди выходили на свой газончик, садились, жарили шашлыки, играли со своими детьми. Не интересовались политикой, получали хорошую зарплату» [2].

В такой установке, вполне характерной для неофитского периода приверженности англосаксонскому экономическому либерализму, в то же время угадывается связь приоритета «повседневности», доминирующего сегодня и в гуманитарном знании, и в его

* ***Борис Викторович Рейфман*** – канд. культурологии, доцент кафедры истории и теории культуры отделения социокультурных исследований, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва).

© Б. В. Рейфман, 2016

медийных проекциях, с феноменологическим контекстом понятия «глобальная культура». Описанная здесь форма бытования мало чем отличается от уже давно привычного нам жизненного уклада многих соотечественников. Однако указанием на ее причастность к «цивилизованному, демократическому развитию» она заявляется как обладающая несомненной новизной цель прогрессивных социальных преобразований. И разрешается данный парадокс именно предположением, что провозглашенный Е. Гонтмахером в качестве «светлого будущего» обывательский стиль жизни обладает по отношению к «прежнему», т. е. нынешнему, внешне тому же самому, обывательскому стилю жизни новым, изменившимся под воздействием глобализации, содержанием. Ведь глобальная культура в феноменологическом плане, как правило, понимается как определенное всемирное «ментальное» единство, представляющее собой так называемый «ценностно-горизонтальный» мир. Это мир одновременно и родственных индивидуальных самосознаний, которые принимают в данном случае форму множественной идентичности, и родственных толерантных, в идеале внеиерархических, восприятий «других», если их жизненные практики не опасны для такого рода социума.

Генезис «глобальной культуры» чаще всего связывается с теми или иными «бессубъектными» вариантами детерминизма. С точки зрения упомянутого выше радикального экономического либерализма «ценностно-горизонтальный» социум рассматривается как производное от обратной связи между своего рода «базисом» и «надстройкой» в виде, соответственно, «открытой ориентации на получение прибыли» [5. С. 305] и «гражданского общества и правового государства» [Там же]. С другой, более распространенной сегодня позиции и механизм обратной связи между рыночной экономикой, и демократическое общественное устройство, и внеэлитарный «ценностно-горизонтальный» мир мыслятся как автоматические следствия воздействия на социальную реальность «слепых» медийных причин, объединенных так или иначе понимаемой маклюэновской формулой «the medium is the message».

Доверившись подобному ходу мысли, следовало бы признать, что «обыватель» Е. Гонтмахера, отдыхающий на даче от «не обывательских», но находящихся с приготовлением шашлыка на одной «горизонтали» своих ипостасей, например от «Я» профессиональной специализации, как раз и является, по крайней мере потенциально, наконец-то не «архетипической», а вполне рациональной и современной толерантной персоной, чуждой коррупции, ксенофобии, великодержавности, желанию «сильной руки» и т. д. Однако с временнóй дистанции, отделяющей нас от процитированного интервью, возможно, даже самому Е. Гонтмахеру все яснее видится,

что мировому экономическому или медийному разуму никак не удается «обхитрить» российского «обывателя» и *без его собственного деятельного участия*, причем *направляемого вполне «субъектными», «личностными» факторами*, органично вписать его в этот желанный «ценностно-горизонтальный» мир. Все отчетливее проступает другая, «обратная перспектива», постепенно укрупняющая обыденно живущего лишь частными интересами человека до протагониста совсем иной, хотя и хорошо нам известной, социокультурной динамики. Закрадывается подозрение, что *как таковая* та или иная, например наиболее активная в начале XXI века социально-сетевая, «слепая воля» в состоянии *реально, а не теоретически* воздействовать лишь на те социумы, которые, *пережив* свои *идеологические времена* с их вполне «зрячими», в самых разных смыслах именно «субъектно-личностными», формами влияния на «массого человека», проживают сегодня этап не «массового человека», а «массового общества» и «глобальной культуры», по-видимому, как раз и соответствующий и этому «слепому» воздействию, и его теориям. Что же касается *нашего* «обывателя», то его слишком избирательный способ общения со средствами массовой информации, которые «говорят им», пока еще не позволяет ему превратиться в такого актора, в котором любовь к приготовлению шашлыка на своем газончике или бурное выражение чувств болельщика естественно сочетались бы с этикой толерантности и экологическим сознанием, а не с фантомно-болевым синдромом «великой нации» и его разнообразными, но тождественными вариантами символического «нашего всего». Можно предположить, таким образом, что *сами по себе* одни и те же «мейнстримы», рыночные отношения, туристические маршруты, компьютерные игры и телевизионно-компьютерные новости, как и *сама по себе* причастность к миру мало отличающихся друг от друга джинсов и автомобилей, мобильных телефонов и ноутбуков, не в состоянии интегрировать порой фундаментально различающиеся символические миры и формы обыденного знания. Различия эти обусловлены многими причинами, важное место среди которых занимают неодинаковые истории идей, рассматриваемых в данном случае «и как индикаторы “схваченных” ими внешних (не языковых) реальностей – в виде изменяемых социальных структур исторического процесса, – и как факторы исторического развития – в виде социального руководства к действию» [1. С. 35].

В статье «Всемирное торжество памяти» французский историк П. Нора пишет, что «смерть Освободителя (Шарля де Голля. – *Б. Р.*) в ноябре 1970 года тут же положила конец безраздельному господству в военной историографии “сопротивленческой” версии» [4], согласно которой «все французы, за исключением горстки преда-

телей и недоумков, восстали против немецкой оккупации» [4]. Такая трансформация, последовавшая за уходом «последнего героя нации на вершины бессмертия» [Там же], была одним из проявлений более общего понимания, что, как выразился в 1978 году в книге «Постижение Французской революции» Ф. Фюре, «Французская революция завершена» (цит. по: [4]) и «война окончена»[1]. Закончилась двухвековая ***история*** той нации, которая имплицитно не отделяла себя от семнадцать раз раненного в грудь полумифического героя наполеоновских войн Николя Шовена и само понятие которой после 1789 г. «приобрело новый и вызывающий политический смысл» [3], связанный с семантикой «суверенитета, конституции и т. д.» [Там же]. Началась же, по словам П. Нора, «мемориальная эпоха», «реабилитировавшая идею традиции» [Там же], причем не той, «для которой мы являемся наследниками и продолжателями, а традиции, от которой мы на самом деле навсегда оторваны и которая именно поэтому стала драгоценной, таинственной, исполненной неясного, взывающего к истолкованию смысла» [4].

Эти изменения, неотделимые от фундаментальных сдвигов в области обыденного знания и выразившие общие для Западного мира тенденции, несмотря на кажущуюся их радикальность, имели свою, как минимум, двадцатилетнюю предысторию. Ее наиболее очевидным, зримым воочию, событием стал начавшийся со студенческих волнений майский кризис 1968 г., оказавшийся кульминационным моментом контркультурных 1960-х. Однако, возможно, более глубокие причины этого «разрыва» связаны с теми, как будто бы очень разными, но воспринятыми большими группами молодежи как нечто единое, течениями гуманитарной мысли, которые почти одновременно по обе стороны океана отменили «субъекта», «автора», «личность» в качестве реального творца или сотворца «разрывов», и, в частности, с тем, что «средство коммуникации есть сообщение» стало «сообщением». Именно здесь, в воздействии этих течений, произраставших в 1950-х гг. из нового чувства жизни не слишком многочисленных «белых негров»[2] и «рассерженных», коренилось одно из ключевых условий той, уже мало похожей на родившийся после Первой мировой войны вариант Ричарда Олдингтона, «смерти героя», которая, как было сказано выше, как раз и выразилась через два десятилетия в отмеченном П. Нора уже тотальном превращении ***истории*** в «мемориальную эпоху».

[1] «Война окончена» – название созданного в 1966 году фильма Алена Рене, связанного, как мне представляется, с темой цитируемой статьи П. Нора.

[2] В написанном в 1956 г. Норманом Мейлером эссе «Белый негр. Поверхностные размышления о хипстере» речь идет именно об этом новом чувстве жизни и его «обладателях».

Возвращаясь же к современной российской ситуации, выскажу предположение, что ей едва ли в полной мере соответствуют звучащие, если возможен такой оксюморон, несколько фальшиво *теории* «бессубъектного» фактора перемещения «обывателя» в «горизонтально-ценностный» мир по причине их *практической* недееспособности. Наша социокультурная реальность пока еще нуждается в абсолютно «личностном», не завершившем *свой* модерн, можно сказать проективно-просвещенческом, а не проективно-постмодернистском выведении «обывателя» из состояния еще не преодоленного «омассовления», чреватого неуправляемой коллективной агрессией. Ведь у нас еще вполне актуальными являются концептуализированные в 1920-х годах различные формы «забвения бытия» и «овеществления», и важно не позволить этим формам развиться так, как это случилось в XX веке.

Литература

1. Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. – М. : Новое литературное обозрение, 2010.
2. Гонтмахер Е. Я за то, чтобы люди выходили на свой газончик и жарили шашлыки // Новая газета. – 2008. – № 47. – С. 5.
3. Миллер А. «Нация» и «народность» в России XIX века : расшифровка лекции. – URL: http://polit.ru/article/2008/12/29/nation/ (дата обращения: 12.01.2009).
4. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – URL: . http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (дата обращения: 15.12.2013).
5. Разлогов К. Э. Массовая культура – универсальная парадигма современности // Теоретическая культурология. – М., 2005.

*Д. Бенбутриф**

Глобализация и суверенитет в Исламской Республике Иран**

Глобализация – феномен, оказывающий значительное влияние на все государства и сообщества мира, как на развитые, так и на развивающиеся страны. Но, поскольку каждая страна имеет собственный суверенитет, форма воздействия суверенитета зависит от его типа. В статье автор пытается найти краткие, но полные ответы на вопросы: как различные страны реагируют на влияние глобализации в условиях своего собственного суверенитета? как глобализация воздействует на Исламскую Республику Иран? Для ответа автор сначала обращается к более частным проблемам: что такое глобализация и каковы ее признаки? что такое суверенитет и его разные виды? каково специфическое влияние глобализации на страну в свете ее суверенности? какова реальность взаимодействия глобализации и суверенитета в Иране, ее положительные и отрицательные эффекты?

Ключевые слова: культурная глобализация; суверенитет; Иран; скрытая диктатура; демократия; равноправие мужчин и женщин; система «государство-нация»; абсолютная власть.

Globalization is the integrated closeness of cultural, political and economic aspects of different societies and countries, both human and non-human activities and aspects [1]. Nowadays, globalisation has removed the limitations of trading of goods and services and has passed from boarders of countries and nations. Globalization needs some efficient tools for economic, political, social and cultural performance like WTO and IT. Globalization of Politics which has the slower speed of influence, in comparison with the other types, as the state-nation system of countries has deep roots inside the body of society and structure of government, but political globalization is the most important aspects of globalism which can change and open people mind about some facts like democracy and make them familiar with their important human rights like the equality of men and women.

In a short and simple meaning, sovereignty is higher political authority. This concept provides the foundation of modern international system and legitimizes the state-nation system. The five different kinds

* ***Далал Бенбутриф*** – магистрант ИСПН, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Алжир; Россия, г. Екатеринбург).

** Печатается в авторской редакции.

© Д. Бенбутриф, 2016

of sovereignty are as follow: Nominal and Real Sovereignty, Legal Sovereignty, Political Sovereignty, Popular Sovereignty and «Deo Facto and De Jure» Sovereignty. As much as sovereignty becomes closer to the real democracy, the movement of a society towards the globalism is faster and easier. In case of popular sovereignty, as the control of power directly is in hands of people's representatives, international interactions and relationships are in the lowest levels of limitation, in contrast, in case of absolute dictatorship government like North Korea, the government obviously controls and limits people to have free access to media and the speed of globalism in these countries is too slow. In a country like Iran which has the De Facto (actual) and De Jure (legal) Sovereignty, government places a lot of barriers and walls on the way of globalization of society by for example filtering of internet, making noise on satellites, spreading non-real news and advertisements, prevention of import of some specific foreign goods like fashion clothes due to have fear of a phenomena which is called cultural invasion and etc. The move of globalization phenomena in these types of countries is slower, but the power of globalisation phenomena is more than the government restraints and the movements of capital, labour, information and ideas. It is important to mention that both positive and negative effects of globalisation phenomena in all types of sovereignties, either popular ones or dictatorship types, can pass through the control points of sovereignty [2].

Iran also known as Persia which officially is called Islamic Republic from around the past 3 decade, has the Islamic system and apparently republic system. According to the republic system, the «Mr Ali Khamenei» which has the absolute power of everything in Iran, is selected by a council of experts, that all members of this council, indirectly are selected or replaced and covertly must be approved by the leader himself first!! After the Supreme Leader, the Constitution defines the President of Iran as the highest state authority, which is selected every 4 years by Iranian people votes in an apparently free elections system, but the truth is that the next president of the country secretly is chosen by the leader. Also the leader has the right to disqualify the president whenever he wants. In fact, a hidden dictatorship sovereign controls the whole government system of Iran which this hidden power is the leader that is protected by the army completely [3]. As Iran was under the economic sanctions which were imposed by USA and west European countries for a long time, economic globalisation has have high negative impacts on the economy status of Iran. Increase level of awareness and information in society by media especially internet and satellite which is called IT development, becoming familiar with the democracy in developed countries and privatization (means transferring the economy from the public sector to the private sectors), are the positive effects of

globalization on contemporary Iran, however the fact is that the army controls the whole economy system in Iran to have more control on people and always tries to avoid from privatization. Global Warming and Severe droughts are other negative effects of globalization, as an example, one of the famous rivers of Iran in Isfahan city which is called «Zayanderood» has been dried nowadays.

Fig. 1. Zayanderood river of Iran, affected by global warming and severe droughts

The absolute sovereign in contemporary Iran has severely limited cultural globalization and tries to close the ways of transformation of cultural globalization by filtering internet and networks, taking satellites dishes from the roof of houses, hiding the world true news at Iran TV and radio, repressing of any voice of dissent included closing publications and news-papers and etc. However people of Iran always find the ways to communicate with other cultures of the world by using anti-filtering of internet, replacing new satellite dishes, connecting to global networks like CNN and VOA and holding peaceful protests against the injustice.

Fig. 2. Destroy of satellite dishes by police

Fig. 3. Filtering of political sites and news by the Iran's government

So we can say that the government of Iran cannot stop the impacts of cultural globalization on Iranian community and just can make the ways of access slow and hard. On the other hand, cultural globalization will open the people minds to know their basic and primary human rights better, and push the government to change its manner (like the protests of Iranians at 2009 called the green movement, because of distorted the votes of peopleto keep Mahmoud Ahmadinejad in power). Freedom of speech, equality of men and women, youth employment and worldwide communications are the natural rights of every society and globalization will help to societies to be more familiar with their rights.

Fig. 4. A political movement, arose after the 2009 Iranian presidential election, in which protesters demanded the removal of Mahmoud Ahmadinejad from office

During this term paper I tried to find the influence of globalization on the countries with specific sovereignty and I found that in countries with popular sovereign which people representatives have the power of the community, speed and methods of globalisation transformation is faster and easier, whereas in those countries with dictatorship governments, it is harder as they make a lot of problems and use all methods to decrease the communications of their people with the rest of the world. Also I tried to survey the impacts of globalization in a country like Islamic Republic of Iran with a republic apparent but hidden dictatorship of the leader and his army. This is absolutely true that Iran is not a global country at the moment from the aspects of economic and political, however Iranian people always try to resist against the applied pressure by the government and always find new ways to keep their communications with the world.

References

1. Farhad N., Mohammad Reza N. Globalization and Challenges; What are the globalization's contemporary issues? // International Journal of Humanities and social science (IJHSS). – 2011. – Vol. 1, №. 6. – June. – P. 216–218.

2. Ku J., Yoo J. Globalization and Sovereignty // Berkeley Journal of International Law. – 2013. – Vol. 31, Iss. 1. – URL: http://scholarship.law.berkeley.edu/bjil/vol31/iss1/6

3. Leadership in the Constitution of the Islamic Republic of Iran : Retrieved 21 June 2013 // Leader.ir. – URL: http://www.leader.ir/

Dalal Benboutrif
MSc student of Political Philosophy
Ural Federal University (Yekaterinburg)

GLOBALIZATION AND SOVEREIGNTY IN ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

Globalization is a phenomena which has a lot of influences on all communities and states all over the world, on both developed and developing countries, but as each country and state has its own specific sovereignty, the impacts of Globalization are dependent on the type of sovereignty. During this paper I have tried to find the best brief but complete answers of the following questions:

- How different countries of the world by their specific sovereignty can be affected by globalization phenomena?

- How have Islamic Republic of Iran been affected by globalization?

In order to respond the above questions, first we need to find answers for some minor questions as follow:

1. What is Globalization? What are globalization tools and its aspects?
2. What are sovereignty and its different types?
3. How globalization phenomena can positively and negatively influence on countries, according to the type of sovereignty of those countries?
4. What are the reality and apparently sovereignty in Iran?
5. What is the situation of globalization in contemporary Iran? What are positive and negative effects of globalisation on Iran nowadays?

Key words: Cultural Globalization; Sovereignty; Iran; Hidden Dictatorship; Democracy; Equality of men and women; State-nation system; absolute power.

*Е. Н. Устюгова**

Историческое самосознание как ценность диалектики стабильности и динамизма общества

Условием устойчивого развития общества является историческое самосознание, определяющее основание, цели и направленность развития. Противоречия российского исторического самоопределения состоят в соединении ускоренных ритмов изменений, заимствовании моделей развития извне и декларации стабильности. Особенность современной исторической самоидентификации общества состоит в имитации образа и смысла истории, в абсолютизации настоящего, утрате вектора развития. Для преодоления кризиса идентификации необходимо выстраивание системы координат исторического процесса, его структурирование, поэтапное переосмысление и разумное соотнесение традиций и новаций, соблюдение реальной сопряженности в развитии каждого социокультурного организма своего собственного и чужого опыта.

Ключевые слова: история; идентификация; процесс развития; направленность развития; структурность истории; повседневность и настоящее время; дискретность развития; стабильность и динамизм развития.

Качество «устойчивого развития» может быть достигнуто при условии, что определены основания процесса развития и его направленность к тем или иным идеалам и целям. Тогда можно говорить о тенденциях развития, о характеристике его этапов и стадий. Всякий процесс развития, в отличие от эволюционного изменения, предполагает выявление структуры и направленности процесса и распознавание местоположения его различных фрагментов относительно системы координат его рассмотрения. Историческое измерение, выступающее как форма социокультурной и личностной идентификации, является необходимой системой координат анализа любого процесса развития.

До тех пор пока осмысление истории не явилось сущностным аспектом мировоззрения и проблемой самосознания общества и

* ***Елена Николаевна Устюгова*** – д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

© Е. Н. Устюгова, 2016

личности, считалось, что время вечно, абсолютно, не направлено, следовательно, неизменность и повторяемость неких сущностных характеристик является гарантом сохранения стабильности общества, устойчивости его ценностного фундамента. В XIX веке с рождением понимания того, что история – это процесс направленного изменения, а не вечное повторение, по принципу которого строилась традиционная культура, открывается другой тип бытия культуры и общества, основанный на принципах исторической динамики. Одновременно с этим возникают вопросы о природе этой динамики, ее движущих силах, направленности, структурности и о том, является ли исторический процесс эволюционным или же он подчиняется определенным закономерностям развития, включающего в себя периоды переломов, кризисов, революционных скачков. С утверждением, взамен традиционалистской модели «вечного и объективного времени», проекта «модерна» – современности как ценности, значимым оказывается не совершенное и ставшее, а совершаемое и становящееся, а реальность мыслится как изменчивая, преходящая.

В XIX веке возникли две модели понимания истории. Согласно концепции Гегеля, в основе истории заложена логика идеи, претворенной в закономерно разворачивающийся процесс развития, каждый период которого содержательно и формально неповторим, а их смена объективно детерминирована. Методология историзма, вошедшая в картину мира с середины XIX века, напротив, обращала к видению в истории не развития, а эволюции равноценных исторических образований, последовательность и язык выражения которых условны, что означало, по сути, отказ от гегелевской концепции логики и векторности истории как всеобщего процесса развития. А это, в конечном счете, привело к опасной деформации исторического самосознания в последующем XX и даже XXI веке. С утратой общего смысла истории как основания идентификации субъекта, в историческом мире сначала происходит разрыв с прошлым, а затем, вслед за разочарованием в футурологических проектах авангарда и осознанием их утопичности, – и разрыв с историческим вектором в будущее. Историческое время постепенно лишается протяженности и спрессовывается в одновременность настоящего. Да и сама повседневность предстает как абсурдная видимость прошлых псевдоценностей. Постмодернизм погружает человека в игровую действительность релятивизма исторических и культурных ценностей, предъявляя их в образах симулякров, дискредитирующих когда-то значимые смыслы. На смену подлинности приходит тотальная имитация.

Затерянный в повседневности субъект культуры теряет ощущение себя частью большого целого, своих исторических корней

и проективных жизнестроительных идеалов, а вместе с этим и ответственность перед прошлым и перед будущим. Исчезновение субъекта в его исторической и культурной определенности связано с глубочайшим кризисом самоидентификации, ставшим неизбежным при условии, что любая самосоотнесенность происходит в пространстве взаимодействий с бесконечным множеством равнозначных «других», располагающихся в горизонтальном синхроническом измерении, когда кажутся бессмысленными даже сами вопросы – откуда мы и куда идем, а значит, и кто мы? Так исторический вектор самосознания выпадает из мировоззренческой парадигмы современного социокультурного субъекта.

Если смотреть на историю как на хаотичный поток событий и фактов, отрицая возможность осмысления материи истории, то тем самым снимается вопрос об историческом самосознании субъекта, история превращается в видимость, следовательно, оказывается возможным только игровое, дистанционное манипулирование некими историческими симулякрами, то есть имитация самого образа истории. На таком основании своей ценности лишаются как традиции, так и опорные вехи процесса развития, он превращается в спонтанное, хаотичное, изнутри не структурированное изменение, результатом чего оказывается кризис идентичности, диагносцируемый многими исследователями современного общества, культуры и личности.

Критика релятивизации исторического сознания не означает апологию консерватизма, а обращает внимание на то, что история – процесс не спонтанный, а упорядоченный, структурированный. Структура истории – не ее первопричина, а проявление ее интенций, обусловленных диалогами ценностных смыслов. Говоря об истории, мы подразумеваем не самодетерминированное саморазвитие абсолюта, а развитие общества, культуры и личности, ценностно выразительное, запечатлевающее диалог смыслов. Место и значение каждого периода исторического процесса определяются относительно всей исторической системы координат и каждой ее точки в отдельности. Историческая идентификация раскрывает содержание соотнесенности, соизмеримости, указывает на направленность процесса, последовательность этапов, позволяет оценить приобретения и утраты каждого периода по сравнению с предыдущим и вынести определенные уроки, которые следует учитывать в дальнейшем.

Но современная социокультурная реальность, безразличная к историческим урокам, поклоняется культу обновления, неструктурированной плюральности смыслов. Массовая культура стремится к упрощению, стандартизации языков и смыслов. В. Беньямин писал об угрозе развитию культуры со стороны этой тенденции

«ликвидации традиционной ценности в составе культурного наследия» [1. С. 196] и подчеркивал, что «в каждую эпоху необходимо вновь пытаться вырвать традицию у конформизма, который стремится воцариться над нею» [Там же. С. 240], так как «невозвратимый образ прошлого оказывается под угрозой исчезновения с появлением любой современности, не сумевшей угадать себя подразумеваемой в этом образе» [Там же. С. 239].

Сегодня потребность в переосмыслении задач исторического самосознания становится насущной, так как без этого преодоление кризиса культуры, кризиса идентичности, кризиса социокультурного субъекта представляется неразрешимой задачей. Прежде всего необходимо выстраивание системы координат исторического процесса, его структурирование, поэтапное переосмысление и разумное соотнесение традиций и новаций, соблюдение реальной сопряженности в развитии каждого социокультурного организма своего собственного и чужого опыта. Следует видеть разницу между лишенной ценностных различий плюральностью и разноязыкостью культур, хранящих свой дух и атмосферу. Тогда станет понятней, что, почему и для чего может заимствоваться культурами друг у друга, ибо «внимание к другому, который говорит на своем языке, – непременное предварительное условие, если мы хотим прийти к солидарности» [2. С. 345].

Для российского общества тема исторической идентификации очень важна, поскольку ритмы новой и новейшей российской истории столь ускорены, пружина истории столь сжата, а взаимосвязь с европейской историей столь тесна, что возникает ощущение, будто бы российское общество, не успевая утвердиться в каком-то устойчивом социальном и культурном качестве, опять устремляется к новым изменениям, вслед за очередными западными социокультурными инициативами.

В российской истории последних столетий наблюдается противоречие: с одной стороны, идет незавершаемый процесс реформирования и всяческих перестроек, ломающий и обесценивающий весь предшествующий опыт, с другой стороны, на фоне этого процесса обнаруживается страстная привязанность идеологов российского общества к оперированию такими метафорами стабильности, как «скрепы», «вертикаль власти» и т. п. Объяснение этого противоречия можно было бы найти, пользуясь аналогией с земледельческой практикой: в России изменения всегда происходили не как засеивание национальной почвы новыми плодородными культурами с частичной прополкой слабых и отживших, а как всегда идущее «сверху», руководимое государством, радикальное взрывание всех основ, с выкорчевыванием и снятием уже образовавшихся плодородных пластов почвы и дерна. Чтобы вырастить

что-либо на такой оголенной целине, не успев накопить свой собственный опыт, требуется, с одной стороны, перенос извне приемов и форм, а с другой – психологическое и идеологическое затушевывание политики бесконечной «перестройки» разговорами о стабильности, с целью успокоить общественное сознание и удержать его от идущих изнутри общества инициатив по обновлению уже самих государственных институтов.

Склонность российского общества к подчинению и ориентации на авторитеты давно известна. Заимствование форм, подражание стилям других европейских авторитетов или возведение собственных лидеров государства в ранг непререкаемых вождей, вплоть до культа личности, традиционно происходит на фоне постоянных разговоров о самобытном пути развития нашей страны. Вспоминается фрагмент из фильма Александра Сокурова «Русский ковчег». Авторский голос, сопровождавший героя фильма-*европейца* в путешествии по эпизодам русской истории, разворачивавшимся на фоне собрания великих произведений европейского искусства, в момент, когда герой покидает бал в императорском дворце середины XIX века, говорит ему: «Прощай, Европа!» Эта фраза в контексте фильма и исторических размышлений режиссера может быть прочитана как разворот страны-подростка от авторитета своих европейских воспитателей в сторону самостоятельного пути, полного метаний и ошибок. Но само название фильма говорит о том, что «ковчегом», дающим надежду на возрождение российского общества и культуры, является его собственная история и исторический опыт мировой культуры. Но сколько же еще потребуется времени, чтобы наше отечественное самосознание обрело, наконец, историческую зрелость, чтобы общество и культура могли развиваться стабильно и уверенно, а не скачками, спровоцированными извне, или воодушевляемыми очередными придуманными идеологами вариантами «национальной идеи»?

Литература

1. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012.

2. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб., 2007.

И. М. Лисовец*

Ценности истории российского общества в гуманитарном пространстве современного города

В статье рассматривается новейшее институциональное утверждение значимых для развития российского общества ценностей в гуманитарном пространстве Екатеринбурга на примере многофункционального культурного комплекса «Ельцин-центр». Функционирование такого культурного центра развивает пространство современного города и гуманитарную культуру его жителей, способствует необходимой актуализации исторических ценностей российского общества в переходных для него условиях третьего тысячелетия.

Ключевые слова: социальные ценности; гуманитарное пространство современного города; многофункциональный культурный комплекс; социокультурная идентичность города.

В переходных условиях России третьего тысячелетия очевидны поиски исторически оправданных систем ценностей, определяющих деятельность человека и направление развития общества. Человеку необходимо понимать, во имя чего он живет, в какого рода деятельности способен себя реализовать, какие социальные трансформации инициирует своей деятельностью в культуре и обществе. Современная культурология трактует ценность как смысловое ядро культуры, и социокультурные особенности исторической эпохи, региона, грядущих изменений прямо зависят от ценностных приоритетов.

Ценности культуры как духовные детерминанты материализуются в пространствах городов, предметно-вещной среде повседневного человеческого существования. Понятно, что существует группа культурных институций, деятельность которых обеспечивает социально значимые ценности. В городе, являющемся непосредственной средой человеческой жизнедеятельности, необходимо гуманитарное пространство, презентирующее, сохраняющее и развивающее социокультурные ценности. Свою систему институций имеют все подсистемы культуры, их тесное взаимодействие

* ***Ирина Митрофановна Лисовец*** – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

© И. М. Лисовец, 2016

обеспечивает единство и оптимальное функционирование ценностей. В этом отношении не случайно, например, обращение власти к искусству, взаимодействие религии и искусства. Ценности как внутренние ориентиры деятельности должны быть приняты и чувством, и разумом: правители всех эпох утверждали свою власть в истории и современности уникальными по своей выразительности архитектурными сооружениями, так же, как и религиозные ценности, благодаря храму, становились доминантными в повседневности и пространстве средневекового города.

В каждом из исторических и современных городов можно выделить группу сооружений и пространств, которые составляют гуманитарную среду города и определяют его лицо. В наступившем веке сфера гуманитарного пространства городов получила значительное расширение по формам, функциям, размерам, что закономерно определяется актуальными потребностями развития культуры. Традиционные компоненты гуманитарного пространства города, конечно, требуют актуального изменения: музей уже не может функционировать как хранилище истории, он должен работать в современной культуре и утверждать ее ценности. То же относится и к галерее искусств: не случайно, что крупные российские города обязательно имеют галереи современного искусства.

Пространство российских городов уже в первое десятилетие третьего тысячелетия стало трансформироваться в зависимости от активного поиска своей культурной идентичности в настоящем времени. В особенности это коснулось крупных исторических городов, среди которых Екатеринбург, считающийся третьей столицей России, занял одно из ведущих мест. Возникла потребность в многофункциональном публичном пространстве города, развивающегося в условиях перехода к новому типу общества.

От прежнего века в Екатеринбурге осталось обилие вышедших из оборота и переживающих не лучшие времена зданий домов культуры, не вписывающихся в рыночные условия современной жизни и обреченных стать разрушающимися памятниками социалистического прошлого. «Постсоветский» город нуждается в соответствующем времени пространстве культуры, где присутствуют и реализуются все ее уровни и сферы. Понятно поэтому, что не только духовные потребности, приоритетные для прежних т. н. досуговых учреждений, должны удовлетворяться в институциях культуры общества потребления. В этом отношении опыт торгового центра «Европа» в Екатеринбурге, включающего экспозицию «Белой галереи», абсолютно органичен современному городу.

Современный многофункциональный городской культурный центр, способный стать ключевой точкой нового гуманитарного пространства города, возник в Екатеринбурге: 25 ноября 2015 года состоялось открытие «Ельцин-центра» с арт-галереей, кафе «1991», книжным магазином, а главное – масштабным интерактивным музеем, посвященным спорной фигуре первого президента России. Уже к сегодняшнему дню «Ельцин-центр» стал уникальным, активно осваиваемым жителями и гостями города пространством, где живет и взаимодействует прошлое и настоящее. Не останавливаясь подробно на архитектурном решении «Ельцин-центра», созданном Борисом Бернаскони, который сумел удачно преобразовать недостроенный бизнес-центр на набережной Исети в точное выражение жесткости и графики пространства-времени 90-х России XX века, отметим внешнее и внутреннее соответствие пространства концепции «Ельцин-центра» – представить значение и актуальность ценностей демократического общества, попытка утверждения которых была предпринята на том переломе истории. Новизна Музея, системообразующего пространства в «Ельцин-центре», состоит в том, что он выстроен как путешествие сквозь 90-е. Драматургию погружения в то время, т. е. образ пути, выраженный и в архитектурной конструкции «Ельцин-центра», прописал кинорежиссер Павел Лунгин, представив драматизм времени в неожиданной организации и динамизме музейной экспозиции. Лунгин создал масштабную метафору библейских дней творения, сосредоточив события десятилетия вокруг ключевых семи дней 90-х. Каждому из них посвящен набор медиа и артефактов – от кадров событий того времени до ядерного чемоданчика, прилавка разоренного дефицитом магазина и всамделишного троллейбуса, на котором Ельцин ездил на работу в Моссовет. Вот что говорит Павел Лунгин, автор идеи экспозиции «7 дней»: «Когда ко мне Юмашевы обратились с предложением сделать музей, то я сразу согласился. Я считаю, что отношение нашего общества к Ельцину – одно из самых неумных и неблагодарных, насколько это возможно. Мой долг был рассказать его историю. Концепция музея в XXI веке поменялась. Из ангара, где сложены вещи, музей превращается во время, которое ты в нем проводишь. Но эти два часа в музее должны быть определенным образом организованы: ты с чем-то сюда приходишь и с чем-то должен выйти. В этом смысле современный музей похож на фильм. У меня не было никаких сил выставлять фотографию Бориса Николаевича в седьмом классе и рассказывать, как Ельцин родился и женился. Концепция возникла, когда я побывал на месте будущего музея и увидел недостроенный массив здания с круглой шайбой посередке, где гулял ветер. Я понял, что шайбу надо разрезать как пирог – на семь дней, семь моментов из жизни. Мне хотелось брать сложные дни, когда Ельцин был в критических ситуациях, ведь это свойство его характера – выходить из кризисов. Получилась история про семь дней, которые

изменили Россию. Каждый зал – это один день, и в каждом – информация вокруг этого дня, где заодно рассказывается история из жизни Бориса Николаевича. Получилось что-то вроде семисерийного сериала, который цепляет так, чтобы хотелось смотреть дальше. Он не доводит сюжет до конца и будто требует продолжения…»[1].

Каждый, кто попадает в пространство музея, оказывается прямо вовлеченным в водоворот времени, благодаря динамике проходов и поворотов, встрече с оживающими на многочисленных экранах людьми. Посетитель Музея становится не просто сопричастным к тому разлому времени, но начинает в нем жить. П. Лунгин акцентирует на киноэкранах важнейшие смысловые итоги 90-х, среди которых принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года Конституция Российской Федерации. Текст конституции, например ст. 2, утверждающей высшую ценность прав и свобод человека, на экранах в человеческий рост прямо перед проходящими посетителями Музея произносят широко известные и любимые российские актеры, каждый со своей, но неизменно втягивающей в коммуникацию-диалог интонацией. Далеко не простой путь преобразований, через который прошла Россия и который еще предстоит, оживает для посетителей в Музее Ельцина.

Современный культурный центр, конечно, не может обойтись без галереи современного искусства. На втором этаже, недалеко от входа в музей размещается выставка, посвященная искусству 1990-х. Это временный проект, который собирала хозяйка и куратор «XL-галереи» Елена Селина. Всего представлено более 50 работ из частных фондов, так или иначе связанных с политикой или реакцией на политику того времени. Осмысление искусством социально-политической ценности времени прямо втягивает в его сопереживание. Уже прошедшие новогодние и первые весенние праздники 2016 года показали, что популярность «Ельцин-центра» у гостей и жителей города возрастает: в него идут люди всех возрастов и, что важно, культурный комплекс предусмотрел пространства для всех. Кроме экспозиции Музея и Галереи, есть библиотека, функционирует образовательный центр и детский центр «Ньютон», конференц-зал на первом этаже стал центром документального кино, дискуссионных городских трибун, местом работы «Народного университета конституционализма», поэтических вечеров; открыт современный по интерьеру и направленный на радостную встречу с интересной книгой магазин «Пиотровский», который предлагает литературу для посетителей самого разного интеллектуального и образовательного уровня, а также регулярно

[1] «Ельцин-центр»: как сделать музей из торгового центра // Афиша-Daily. – URL: https://daily.afisha.ru/cities/253-elcin-centr-kak-sdelat-mzej-iz-torgovogo-centra/ (дата обращения: 29.02.2016).

устраивает встречи с людьми, работающими в сфере современной гуманитарной культуры. В центре работает кафе «1991», где кормят и бургером, и блюдами советской кухни, и черемуховым пирогом по рецепту Наины Ельциной. Всеми этими пространствами также занималось архитектурное бюро Бориса Бернаскони, и многие пространства «Ельцин-центра» еще ждут своего события.

Нужно заметить, что значительная часть персонала «Ельцин-центра» – молодые люди, обучающиеся или закончившие обучение на гуманитарных факультетах Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Очевидно, что развитость гуманитарного пространства города находится в прямой зависимости от развитости гуманитарного образования в его вузах.

За три месяца работы центр успел превратиться в важную городскую достопримечательность и новый привлекательный туристический объект. Конечно, его оценка и восприятие неоднозначны, и это понятно – слишком трудными были 90-е, сокрушительными и болезненными прошедшие реформы, противоречивым их отклик в настоящем. Но очевидно, что Ельцин-центр стал уникальным, сомасштабным настоящему времени культурным комплексом, где интересно, куда люди стремятся, чтобы понять значение места, себя и деятельность первого Президента новой России.

Актуальное переживание советской и постсоветской истории, которую могут делать и делали незаурядные личности, обретение понимания ее ценности и ценностей, которые она утверждала, ее продолжения в сегодняшнем дне, идентификация жителей со значением города, где они сейчас живут, наконец, формирование современного гуманитарного сознания горожан практически по всему спектру ценностей современной культуры – важнейшая миссия «Ельцин-центра».

И в заключение еще мнение П. Лунгина: «“Ельцин-центр” притягивает людей в огромном количестве просто потому, что они ничего такого никогда не видели. Но сквозь это “никогда не видели” проступает послание, что свобода была выбором России, а не то, что она досталась нам сама собой. Это и была главная идея этого времени: что за свободу надо бороться, что свобода – это хорошо, хотя и тяжело»[2].

[2] См. также: сайт «Ельцин-центр Екатеринбург», пресс-релизы «Ельцин-центра», за которые благодарю Елену Волкову – специалиста по связям с общественностью «Ельцин-центра».

Е. Ю. Погорельская*

Развитие устойчивости человека

Чтобы стоять, я должен держаться корней.
Борис Гребенщиков

В статье рассматривается память как феномен, конструирующий человеческую идентичность.

Ключевые слова: развитие; память; время; бытие; жизнь.

Термин «развитие» употребляется очень часто. Употребляют этот термин студенты, которые хотят быть лучше, а для этого надо развиваться. Этот термин употребляют политики, которые считают, что развитие страны, региона, города, деревни – это лучше, чем неразвитие, т. е. стояние на месте, а следовательно, стагнация, а от нее и до упадка недалеко. Термин «развитие» употребляют и философы, понимая, что за этим стоит историчность многих вещей, по крайней мере историчность социальная безусловно. Во всех случаях фиксируется ценность движения, изменения a priori к лучшему, но непонятно, на какой основе все это будет осуществляться и есть ли вообще основа для развития. И связана ли основа развития с целью развития.

Мы обречены на историю, в том смысле, что можно вообще ничего не делать – история будет идти, идти через нас и с нами. Временность и историчность человеческого существа дана вместе с фактом рождения. Вообще в мире есть глобальная тенденция на рассеивание. Если бы не память… Человек – предохранитель времени. Предохранитель, в самом общем смысле – это то, что защищает. *Человек защищает время внутри себя от рассеивания*, коль скоро, время есть принадлежность внутреннего мира – «В тебе, душа моя, измеряю я время» [1. С. 354].

Человек появляется в истории – каждый для себя выбирает меру божественного. И в этом смысле все мы потенциальное бытие, поскольку имеем степень. И только память может напомнить нам, насколько мы иногда бываем живы. Поэтому, пока жив – торопись, фиксируй документ – запоминай, держи внимание, а то

* ***Елена Юрьевна Погорельская*** – канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Е. Ю. Погорельская, 2016

придет сон, а с ним беспамятство. Платон говорит, что ложь связана со сном. «Имя “ложь” выражает лежание спящих. “Сущее” же и “сущность” согласуется с именем “истина”, ибо “существующее” означает “шествующее”… А “истиной” называется божественный порыв сущего, так как если бы это было божественным наитием» [3. С. 658]. Платон повторяет Гераклита, который говорит, что люди подобны спящим и не видят истинной сути вещи, хотя и встречают их в опыте (1 и 17-й фрагменты по Дильсу/Кранцу). Отсюда – память активна пока бодрствует – «шествует» – ходит.

Что такое память? Традиционно память связана с ощущением времени, причем времени ушедшего. Именно постановка человека в рефлексивную позицию в отношении прожитых, прочувствованных событий позволяет сформироваться памяти.

Рефлексивная позиция в отношении прожитых феноменов, загоняющих их в некий памятный ресурс, возможна только тогда, когда эти феномены целостны. А что определяет их целостность? Э. Гуссерль в «Феноменологии внутреннего сознания времени» [2] обращает внимание на следующую особенность протекания наших мыслей: любая мысль, появляющаяся в настоящем, в моменте «теперь», походя внутри сознания как единое целое, модифицируется тем не менее в темпоральных аккордах и уходит куда-то в прошлое. Эти темпоральные перемены в мысли, ретенции – «хвосты кометы», как говорит Гуссерль, обеспечивают целостность мысли, не дробят ее, а, напротив, схватывают. Пока мысль течет, она целостна. Но интенсивность мышления, при сохранении целостности, всегда максимальна в стадии «теперь», в то время как «продуманное» уже теряет остроту окраски, хотя остается, не забывается. Гуссерль апеллирует к простому примеру прослушивания мелодии, когда первая нота меняется второй, третьей и т. д., и пока звучит мелодия, ухо воспринимает целое, но целое не как какофонию, а как гармоничную последовательность звуков, которые исчезают в номинале реальности, оставляя свои хвосты в памяти. Нельзя нажимать все клавиши одновременно – мелодии не будет. Мышление так же подвижно, как мелодия, как речь, потому что оно подчиняется закону временных рядов – погружению в прошлое. Можно сказать, что мелодия длится, пока она прослушивается и соответствует целостности переживания; как только она закончилась, ее уже можно вспомнить, т. е. погрузить эту целостность в некий резервуар – назовем его резервуаром памяти.

Сделаем промежуточный вывод, восприятие предметов происходит во времени, непрерывность восприятия чего-либо свидетельствует о его целостности – это одно из условий целостности предмета. Но восприятие не память. А. Бергсон разделяет восприятие и чистую память. Восприятие длительно, оно связано с

временным характером человеческого бытия, но оно не идеально. Любое восприятие зацеплено на работу органов чувств – в нем есть материя. Память носит принципиально идеальный характер.

В полном состоянии осознания, но без чувственных переживаний живут ангелы в фильме Вима Вендерса «Небо над Берлином». Взяв карандаш, ангел берет образ карандаша. Взяв камень – образ камня. И карандаш, и камень сами по себе остаются на месте. Мир ангелов черно-белый – этим фактом усилено понимание внечувственности ангелов. Ангелы помнят все – они помнят каждую деталь от возникновения мира, они помнят, как появился человек. Ангелы – это воплощенная память. Поэтому им так легко летать: пространство для них не имеет значения, и время тоже. Память с такой же легкостью переносится в любую точку прожитого, Гуссерль говорит, что этим память демонстрирует свободу человека. Ангелов играют взрослые, примерно пятидесятилетние актеры – все одного возраста. С чем это связано? Это ведь неспроста, что ангел не ребенок. Возможно, что возраст около пятидесяти – время максимальной рефлексии. Сознание кристально ясно и бесконечно богато. Ребенок не может столько помнить, сколько помнит взрослый человек, и, возможно, поэтому Вендерс интуитивно делает ангелов немолодыми. В глазах у каждого ангела – глубокое понимание жизни, тихая радость и ощущение вечности. Что такое – «особенное» – дает человеку его память?

Если кратко выразить основную проблему фильма «Солярис», то она будет звучать примерно так: *память объективна.* Не просто объективна, она объективирована, коль скоро внутренние миры героев вынесены наружу. На самом деле это страшно – вынести свое сокровенное, то, что обрекает тебя на всеобщее рассмотрение. Но справедливость фильма в том, что все герои, в общем-то, находятся в равных условиях. Фантазии памяти доктора Сарториуса представлены лабораторными уродцами-карликами. Кибернетик Снаут награжден беспощадным Соляристом маленькими детьми. Почему у одного героя уродцы, у другого дети, а у третьего – бывшая жена, не важно, точнее, вопрос «почему» показывает свою полную бессмысленность. Если ответить на этот вопрос – все люди разные, каждая жизнь уникальна и неповторима – это все равно, что ничего не сказать. Память не отвечает на вопрос «почему». *Память просто фиксирует наличие жизни.*

Внутренний мир героев Соляриса, их память вынесены наружу. Тарковский сделал человека плоским. Плоским и двумерным, как икона. Вот он, я, а вот то, что меня более всего заботит. А если более всего – значит, давно, и – значит – еще не прожито. *Прошлое совмещается с настоящим.* Активизация внутренних переживаний, которые, казалось бы, канули в Лету, демонстрирует одновременность всех внутренних завалов памяти. *Время представлено во всей полноте. Как актуальность. Как целое.*

Память – это не просто идеальное воспроизведение предмета, это воспроизведение времени, и дело не только в том, что предмет вспоминается вместе с историческим контекстом, т. е. в совокупности связей и отношений, присутствующих на тот момент времени, на то «теперь» – уже прошедшее и ставшее прошлым. *Память – это воспроизведение всего континуума времени как такового.* Эту мысль надо почувствовать, хотя проще начать с того, чтобы ее понять. (Понять – это всегда кружной путь рассуждений и доказательств.) Развиваться – двигаться вперед, в будущее, о котором мы постоянно слышим и говорим сами – это просто дань современному мировосприятию, с его разомкнутым временем, идеей прогресса и самовозрастания потребностей. Самый короткий путь – не самый простой, не самый надежный. Мы пойдем в обход.

Звездное небо над головой – оно же прошлое, скажет вам любой физик, ведь свет не может донестись до нас сразу, ему необходимо *время*. Например, свет Полярной звезды до нас идет 300 лет, а ближайшей к нам Альфы-Центавры – 15. Свет от Солнца идет 8 минут 20 секунд – это не много, в традиционном понимании времени-жизни, но очень много, когда понимаешь, что для осознания этого факта требуется гораздо меньше времени и усилий, чем для ожидания того момента, который затерялся где-то в космических полях и прибудет к нам только через 8 минут. Человек думает быстрее, вот она, теория мгновенности – все близко, даже полярная звезда, до которой 300 лет светового пути, даже край галактики, до которого сотня тысяч световых лет. Мысль настолько сокращает расстояния, что когда говоришь, что в данный момент мы видим прошлое звездного неба – люди не верят, по крайней мере испытывают удивление, что прошлое так близко, очевидно и доступно. Что оно мимикрирует под настоящее. Сливается с настоящим. А говорят, что нельзя заглянуть в прошлое…

Оглянемся на лица людей. На дома, на темный мартовский снег. Все это кажется настоящим, однако одному человеку 70, а другому 20, дому напротив 35, но вряд ли кто-нибудь скажет, что дом – мой ровесник. Прошлое толпится вокруг нас, обращая на себя внимание живым существованием, которому мы, сразу и безапелляционно, приписываем статус настоящего. Так же безапелляционно, как звезде. Хотя всё, на что ни посмотри, имеет историю…

Зачем нам столько настоящего прошлого?

Актуальное бытие идеальной объективной памяти ставит человеческое существо вертикально по отношению к горизонтальной

потенциальной истории. Человек как корабль, который плывет по глади океана, руководствуясь сигналам со спутника. Плывем вперед, во времени и в пространстве, постоянно соотнося внешние обстоятельства с верховным образом. Человек в результате развития кристаллизуется, как бы проявляясь вовне из тумана небытия. Мы все что-то значим, но не всегда друг для друга.

Для любого развития нужны основания, которые мы получаем, по сути, в результате развития.

Литература

1. Блаженный Августин. Исповедь. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007.

2. Гуссерль Э. Собрание сочинений. – Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. – М. : Гнозис, 1994.

3. Платон. Кратил. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1.

Н. П. Монина*

Традиционные ценности русской цивилизации как ответ на вызовы истории

В статье рассматривается проблема актуальности традиционных ценностей в современных социокультурных условиях. В качестве примера взята ценность соборного единства, сформировавшаяся в рамках русской цивилизации.

Ключевые слова: соборность; цивилизация; ценность; традиция.

Явно проявляющийся сегодня политический, экономический, социальный, а по большому счету цивилизационный кризис актуализирует, как это ни покажется странным, извечные вопросы и проблемы, стоящие перед русской философской мыслью: что есть Запад? что есть Россия? как соотносятся эти два мира и соотносятся ли вообще? Столь явно выраженное различие в трактовке тех или иных событий истории и современности заставляет нас задуматься над тем, чем вызваны столь различные подходы к оценке действительности. На наш взгляд, корни подобного противоречия следует искать в ментальных, ценностных архетипах, лежащих в основании западной и русской культур.

Ядро любой культуры составляют ценности, те базовые, фундаментальные постулаты, которые и определяют сущность, характер и содержание культуры. А потому именно рефлексия, глубокая и основательная, аксиологических установок отечественной культуры приобретает сегодня важное значение.

Аксиосфера любой культуры складывается под воздействием нескольких факторов: географического, климатического, геополитического, религиозного. На наш взгляд, эти факторы взаимосвязаны и взаимозависимы. Изначальные ценностные представления формируются в обыденной жизни, в процессе освоения новых территорий, приспособления к определенному климату и образу жизни. Общества и цивилизации вообще складываются как стратегии адаптации в конкретных обстоятельствах. Но окончательное свое оформление получают в контексте религиозного мировоззрения.

* ***Наталья Петровна Монина*** – канд. филос. наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск).

© Н. П. Монина, 2016

В свою очередь, религия не является чем-то обособленным, она, скорее, впитывает то, что заложили природа и география, привнося в складывающуюся ценностную картину мира нравственный, моральный, трансцендентный аспект.

Одной из базовых ценностей, формирующих аксиосферу русской культуры, является, на наш взгляд, соборность. Соборность – одна из основных аксиологических доминант русской культуры, ключевая категория русской религиозной философии и социально-философской мысли, не имеющая аналогов в истории западного теоретического и культурологического мышления.

Соборное видение мира, соборное мировоззрение сложилось задолго до принятия христианства, ведь идеи коллективизма, общинности, взаимопомощи и взаимовыручки, послужившие базисом для оформления идеи соборности в контексте религиозного мировоззрения, были актуальны еще в языческий период. В условиях «евразийского неудобья», постоянных набегов кочевников иного способа выжить, кроме как «со-бытие», не было.

После принятия христианства идеи коллективного сожительства не исчезают, а трансформируются, вписываясь в православную картину мира. «Коллективизм “земной” получает освящение и благословление с позиций Церкви и дополняется единством в духе, нравственным, духовным единением» [1. С. 83].

Великий русский писатель Ф. М. Достоевский писал: «Основные нравственные сокровища духа, в основной сущности своей по крайней мере, не зависят от экономической силы. Наша нищая неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек. Все восемьдесят миллионов ее населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде и не может быть…» [2. С. 498].

Коллективистское видение мира, сложившееся в языческий период как единственно возможный вариант выживания в условиях Русской равнины, несшее в себе по большей мере социальные и экономические характеристики, дополняется духовно-нравственной доминантой после принятия христианства. И в таком одухотворенном варианте, синтезе экономики и религии, продолжает существовать на протяжении всей последующей русской истории. Именно в этом, на наш взгляд, специфика русской цивилизации, в отличие от западной. Примат духовных ценностей над ценностями материальными обусловлен именно соборным видением мира в самом широком смысле этого слова. Соборная цивилизация, коей по сути своей является Россия a priori не может быть потребительской, как, к примеру, западная, в которой верх берет именно экономика. Неслучайно одной из основных ценностей западного мира является труд как процесс «делания», создания комфортных

условий существования. В то время как в русской культуре гораздо более ценным считается труд духовный, «духовное делание», а потому – аскетический образ жизни.

Сегодня нам важно не потерять именно эту, духовную компоненту, не выродиться до уровня потребителя, а сохранить нравственный контекст существования цивилизации.

Ценность соборного единства, таким образом, возникшая и из православия в том числе, получила универсальную реализацию в социокультурной жизни русских. Ортодоксальный характер православной религии в национальном сознании, ее выход за рамки веры в более широкую сферу духовной жизни укрепили эту аксиологическую черту, ставшую доминантной в русской культуре.

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что опора на национальные ценности, в частности на соборность, – не просто гарант сохранения нашей культуры, но, по большому счету, гарант сохранения русской цивилизации вообще. Сегодня история формулирует новые вызовы, ответы на которые невозможно дать без опоры на традиционную аксиосферу русской культуры.

Литература

1. Монина Н. П. Философские доминанты русского культурного архетипа // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях : материалы Международной научно-практической конференции 5–6 марта 2011 года. – Пенза ; Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011.

2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. – Л. : Наука, 1988–1996. – Т. 14.

Д. В. Пивоваров*

О культе государства

Кратко изложена авторская концепция социоцентрической религии и ее системы сакрализации. В общих чертах описаны особенности такой социоцентрической религии, как культ государства. Обсуждены основные особенности тоталитарного культа Советского государства, ряд которых восстанавливаются в ныне складывающемся культе современного Российского государства.

Ключевые слова: социоцентрическая религия; система сакрализации; культ государства; монистическая идеология; тоталитарный культ Советского государства; культ современного Российского государства.

Социоцентрические (гражданские) религии [1] сосредоточиваются на сакрализации объектов, возникших внутри общества, а социоцентризм «вообще» есть представление об обществе как безусловном средоточии всего существующего. Общество и государство вырабатывают сложную и тонкую систему защиты и трансляции священного отношения людей к нормам и идеалам сложившихся социоцентрических культов. Трансляция осуществляется согласованными между собой методами и средствами всех форм общественной жизни.

Систему социоцентрической сакрализации составляют:

1) сумма священных для данного общества базовых идей (идеология);

2) психологические приемы и средства убеждения людей в безусловной истинности этих идей;

3) специфические знаковые формы воплощения святынь, сакраментальных и враждебных символов;

4) особая организация (например, правящая партия);

5) специальные практические действия, обряды и церемонии (культ).

На создание такой системы требуется немало времени, она впитывает в себя прошлые и вновь возникшие традиции. Сакрализация, прежде всего, обеспечивается субъективными актами веры,

* ***Даниил Валентинович Пивоваров (1943–2016)*** – д-р филос. наук, профессор, завкафедрой религиоведения, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

© Д. В. Пивоваров, 2016

предметом веры и идеологическими авторитетами. Благодаря сакральным традициям и актуально существующей системе сакрализации общество добивается воспроизводства определенной социоцентрической религии во всех своих горизонталях (социальные группы, классы) и вертикалях (поколения) [2. С. 69–74].

К основным разновидностям социоцентрических религий относят следующие культы: государства, вождя, избранного социального класса, народа, избранной расы, партии, денег, науки, техники. Культ государства и обусловленные им патриотизм и национализм рано или поздно складываются во всех развитых странах в любые исторические эпохи. Он консолидирует сообщество (страну, народ, нацию) и вкупе с определенным космоцентрическим культом (например, с христианством или исламом) позитивно способствует становлению и эволюции этнонациональной культуры. Многие народы формировали в те или иные периоды своей истории священные представления о своей «богоизбранности», исключительности. Они стремились сформулировать собственные национальные идеи, которые бы в достатке питали их патриотизм.

Бюрократия – неизбежное детище всякой государственности, а государственное начало, взятое в обожествленном виде, не знает не только человечности и доброты, но также чести и честности (Н. А. Бердяев). Обожествление государства в первую очередь предполагает выработку специальной сакрализованной идеологии, и идеократия представляет собой наиболее развитую форму культа государства. Согласно Л. Сонди, в моноидеологическом сознании сцены мира занимают многочисленные преследователи, а конфликты и разногласия решаются путем агрессии. Сторонник «единственно истинной идеологии» акцентирован на финалах, прославляет прошлое и будущее, тяготеет к экзотике. Его мышление склонно к черно-белой палитре и к дуализму по принципу «или-или». Такого рода идеология настаивает на том, чтобы человечество было разделено на чистых (посвященных) и нечистых (профанов); она безмерно прославляет харизматический образ основоположника. Для нее пропагандистские лозунги важнее дискуссий, и словесная шелуха становится формой изложения самых сокровенных идей [3. С. 138–141].

Идеократическое государство есть такое государство, для которого характерны авторитарный режим, сверхидеологизация политики и тотальное господство идеологии квазирелигиозного типа (А. И. Овчарова). Характерные примеры идеократии XX века – государства «социалистического лагеря», в которых властвовала гиперидеология марксизма-ленинизма и воинствующего атеизма. Советский атеизм походил на идеологию самодержавного православия: он был такой же политической идеологией, как вера в Бога,

царя и Отечество, и включался в критерий идентичности советского человека. В современной России право на свободный выбор идеологической ориентации «де-юре» закреплено Конституцией, однако «де-факто» идеологический плюрализм в РФ сегодня явно вытесняется массовым идеологическим монизмом.

В СССР тоталитарный культ Советского государства и социалистический патриотизм начали складываться в 30-х годах XX века в условиях «железного занавеса». Мавзолей с мощами В. И. Ленина превратился в мистический центр коммунистической религии. Для монистической идеологии Советской России были характерны: социальный утопизм; конфронтация с западной идеологией; вера в мудрость и непогрешимость партии, государственного аппарата и касты чиновников; вера в светлое будущее – в успешное построение социализма в отдельно взятой стране.

Базовыми идеалами советской культуры стали: преданность коммунистической партии и правительству; интернационализм; коллективизм; любовь к пролетариату и пролетарским вождям; ненависть к классовым врагам; доносительство; трудовая дисциплина; законопослушность; политизация культуры. К идеалам культа Советского государства следует отнести также: любовь к родному языку и родным местам; уважение к прошлому своей Родины и знание ее официально признанной истории; следование традициям и обычаям своего народа; нетерпимость к расовой и национальной неприязни; уважение к армии, готовность защищать Родину и ее интересы.

Вместе с тем в условиях тоталитарной советской идеологии и политической несвободы в Советской России было создано множество подлинных шедевров художественной литературы и искусства, а советская наука и техника прославились своими впечатляющими достижениями. Социалистический патриотизм многонационального советского народа и его искренняя любовь к Родине стали одним из главных источников победы над немецким фашизмом в ходе Великой Отечественной войны. Культ Советского государства, несомненно, способствовал превращению СССР после Второй мировой войны в самую мощную (наряду с США) военную державу.

После распада СССР наша страна влачила жалкое и униженное существование, жила по указкам из-за океана. Ныне ситуация, похоже, коренным образом меняется. В соответствии со всеобщим и объективным законом отрицания отрицания, в обновленном виде в РФ восстанавливаются культы государства и его вождя. Ценности современных отечественных культов суть реставрация на новом уровне ряда священных идеалов большевистско-советской религии. Правда, прошлые идеалы переименованы и сегодня сопряжены с иными идолами. Явно усиливается вертикаль кремлевской власти и авторитаризм. Идет острая борьба государства с «пятой колонной». Разрабатывается государственная программа патриотического воспитания россиян и единый культурно-исторический стандарт преподавания в школах и вузах. Президент и правительство стремятся проводить независимую национальную политику и вводят эффективные контрсанкции в ответ на санкции США и ЕС против Российской Федерации.

По-видимому, дальнейшее укрепление независимого развития Российской Федерации предполагает усиление позитивных черт культа Российского государства и компенсацию его негативных последствий.

Литература

1. Пивоваров Д. В. Социоцентрические религии. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.

2. Пивоваров Д. В. Система сакрализации // Пивоваров Д. В. Философия религии. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – Т. 3.

3. Сонди Л. Судьбоанализ. – М., 2007.

*М. Ашраф**

Традиция общественного договора в политической философии**

Насилие, которое с необходимостью коренится в естественном состоянии человека, зафиксировано в теории общественного договора. Насилие появляется из-за отсутствия законов и правительств, и риски такого положения вещей снижаются изначальными положениями общественного договора, а именно Pactum Unionis (Актом Соединения) и Pactum Subjectionis (Актом подчинения). Первый акт общественного договора охранял человеческую жизнь и собственность. Следствием его был мир и взаимное уважение между людьми. Второй акт, названный актом подчинения, объединял и организовывал людей, но отчасти ограничивал их свободы и основные права в пользу властей. В обмен на обязательства по этому договору высшая власть обязывалась защищать права людей на жизнь и имущество. Соблюдая этот договор, люди принимали решение установить коллективную и взаимовыгодную форму общества и наделяли властью одного или нескольких человек. Они соглашались жить совместно, подчиняться одному закону, чтобы уйти от природного состояния, и создавали механизмы поддержки закона в рамках общественного договора. В результате этого взаимного соглашения появились правители или государства.

Ключевые слова: общественный договор; самосохранение; самозащита; естественное состояние; право собственности.

1. Hobbs's Social Contract

Thomas Hobbes published his book *Leviathan* in 1651, in which he described social contract theory first time. His social contract based on legal theory, according to him before such hypothetical contract man lived in state of nature. His meaning of the "state of nature" is that man lived under the fear and by nature is selfish. Further, he explained that man lived in confused condition of continued fear and threat. Hobbes described the human nature as "*Man has a natural desire for security and order*". So, that for self-preservation and escaped from pain he entered into social contract. Due to the idea of self-protection and self-preservation which are inherently found in human genes,man voluntarily surrender their freedom to sovereign authority by this bilateral

* ***Мухаммад Ашраф*** – магистрант ИСПН УрФУ (г. Екатеринбург); Университет Бахаудин Закрия Мултан (Пакистан).

** Печатается в авторской редакции.

© М. Ашраф, 2016

contractand become obedience citizen of state. In the result of this, the apex authority is pledge to protect the property and lives, this contract become the reason of the institute of the monarchy, dictatorship or any other form of government. The ruler became the absolute head of state, and people had no rights against the absolute power, they have to obey in all situation even the rulerbad. However Thomas Hobbes said that there is some ethical obligation which shall be perform to bounds the laws. Hobbes was the supporter of absolute power, in his opinion "Government must have absolute power to run the state, without power authorities could not secure the rights of man and all laws should be under of sovereign authority.

"Might is always Right"

Therefore, above principle is always right to run state and enforces civil laws. Hobbes always assumes that humans are necessarily and by nature selfishness and self-interested. All human beings prefers their interest rather than collective benefits so everyone pursue what he perceive better for himself. Hobbes said that due to these self-interest, we could judge human being is reasonable and due to rational capacities to pursue their desire as possible. For these characteristic of human nature, Hobbes has constructed the argument that rationality and selfishness enforced man to submit himself to political authority. Other reason of submission to authority is to well known the history of their forefather's situation, who harmed each other. Hobbes urges people surrender their rights and freedom to sovereign only for the sake of peace. We can say that natural law become the moral law to guide sovereign for natural right of people. According to Hobbes consent of Ruler is called civil law, and these laws limited the natural liberty of man to protect the fellow man. In social contract theory of Hobbes, the concept of liberalism, utilitarianism and individualism are interconnected.

1.1. John Locke's Social Contract

John Locke theory of social contract is different than of Hobbes due to state of nature. He also considered that man live in nature of state but his idea is totally different from Thomas Hobbes. Hobbesian concept of the state of nature is more miserable then Locke. According to Locke state of nature was enjoyable and reasonably good but it never secure property. He considered state of nature was peace, goodwill and man have all rights which nature assign them. He justify all this by saying, the natural condition of mankind is perfect and complete liberty as a best and fit for themselves. He called its golden age, it was free from any interference and all were independent and equal.

"My right to swing my fist ends where your nose begins"

(Oliver Wendell Holmes)

Locke stated there is no absolute freedom and not everything could be done what one wish. However the state of nature a state wherein no

authority or state punishanyone, the laws only abandon when some harm other human being. In such state, people considered to be equal to each another so that they treated equally by the law of nature. Some time he called state of nature, as a state of liberty, wherein people allow to pursue their interest and plans.

Locke's argument for civil government and the contract, property plays an important role. He said that private property is produced when a person blends his labor with raw material of nature. He also explained the limits of property that according to the law of nature someone how much property could keep. One cannot keep more property than their use so he that leaves remaining for others because nature gives all mankind equal maintenance. The concept of property is considered the backbone argument of Locke's civil government and social contract theory because it is the protection of property. Further, he said property in the state of nature is insecure due to the three conditions, absence of impartial judgment, absence of natural power to act upon the natural law and absence of established law. Thus, the subjects entered into the social contract to protect their properties so, the only reason protects their assets. According to Locke's view man never surrender all their freedom and rights in front of some individuals to protect his interests, he surrender only for maintain order and enforce the law of nature.

After creating a political society and government with their consent, peoples achieved three things which are not the part of state of nature. Locke's creates the structure of modern state with pillar of constitution, judiciary and executive. Without executive coercion people did not protect so that in modern state coercion became more viable. The basic purpose of the laws and government is to protect the natural rights of individual, so to fulfil these purposes government implemented laws with forcefully, if laws not implemented government would have no validity and most probable to thrown out of power.Locke thought unlimited sovereignty is contradict to natural law.

1.2. Jean Jacques Rousseau's Social Contract

Rousseau in his work *The Social Contract and Emile* gave a new interpretation of social contract. He claimed that social contract is not real or historical it just hypothetical and abstract. He said that before the social contract, the life of mankind in state of nature was happy and equal.

"Man was born free, and everywhere he is in chains"

However, as time passed the humanity faced many troubles and certain changes, the reason of suffering and change is increasing population and the change people's needs. Rousseau said people stared to live together in small communities with their families. As time passing people invented and discovered many thing which made life easier. In

result of inventions, peoples have much free time to make comparisons between each others, this lead to shame and pride.According to Rousseau the creation of private property produced inequality, greed and moral corruption. He said that invention of property fall humanity from grace and this is out of the state of nature. For the aim of accumulation of wealth and other greed human being surrender themselves not a single individual but to the community as a whole. Rousseau called this type of contract "general will". He thought freedom, happiness, liberty and equality which could found in primitive society now was lost in present civilization. He claimed through social contract a new form of social hierarchy emerged in which state assure the equality, liberty, and freedom. The main agenda of Rousseau's theory is general will, and state and law is producing general will of people.

Rousseau described general will in detail, he said the purpose was, the will of majority of people to which blind obedience to be given, because the majority fallow the majority they believe minority view wrong. Each individual is free and not the subject of other but all under the general will. Rousseau support the individual freedom and sovereignty through his natural law theory. He used state, law, general will and freedom as interchangeable terms. His theory invoked nationalism and inspired French revolution.

1.3. Comparison of Theories

Thomas Hobbes said that man are every time at war without subjection to a common power of their rights and freedom. Locke and Rousseau's views are different, they thought existence of state to preserve and protect the natural right of people. If government fail to protect the citizen and implementation of laws then citizen have right to change the regime or rebellion. Hobbes said state or sovereign have absolute power whatever does is just. Society and the citizen is the creation of the state so it's must be the reflection of Monarch. Locke emphasized the state's role of providing justice and protection. While Rousseau said state must protects individual freedom in any case. Hobbes theory of social contract focused absolute sovereign while Rousseau and Locke prefers individual rather than state. According to Hobbes sovereign and state are same and on the other hand Rousseau differentiate state and sovereign. But Locke did not make any difference. We can space the Rousseau's view of sovereignty between Locke and Hobbes.

Conclusion

Rousseau advocated that laws, government and state are the same but the present situation is completely different. We can criticized the Hobbes concept of absolutism because it is vague and unjust and it is against the spirit of law. In present scenario of Democracy is the best

system and need everywhere. Locke concept state of nature regard to property is vague and controversial, there could not be peace in society when everyone run for property because he justified. His concept of permissive is not welfare dominated and now every state take steps to form a welfare state.

References

1. Aristotle. The Politics and the Constitution of Athens / ed. St. Everson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
2. Hobbes Th. Sovereignty and Security // Western Philosophy : an Anthology / J. Cottingham (ed.). – 2005.
3. Miller J. Rousseau: Dreamer of Democracy. – Yale University Press, 1984.
4. Locke J. Two Treatises of Government / ed. P. Laslett. – London : Cambridge University Press, 2004.
5. Rousseau J-J. The Social Contract. – London : Penguin Great Ideas. 2004.
6. Paine Th. The Rights of Man. – Penguin Group, 1984 (First published 1792).

Muhammad Ashraf
Institute of Social and Political Sciences,
Federal Ural University (Yekaterinburg)
Bahaudin Zakria University Multan (Pakistan)

TRADITION OF SOCIAL CONTRACT IN POLITICAL PHILOSOPHY

The inherent violence apparent in the state of nature ushered in the concept of social contract theory. The violence was due to the absence of laws nor governments, and accordingly these state of affairs with their ensuing risks prompted the inauguration of social contracts namely, PactumUnionis and Pactum Subjection. The first pact of social contract was the preservation of people's lives and protection of their properties. In the consequence of that contract was the peoples enjoy the respectof each other's and lived with complete peace. The second pact which called subjectionis, people more united, organized and partiallysurrenders their freedom to authorities for sake of their basic rights. In return of that contract, the apex authorities had assured everyone's to protect their rights of property and life. They agreed to establish a collective and reciprocal form of society, they choose some person or group of person with authority and power to implement that contract.They both

agreed to live together under common laws to ensure their escape from state of nature and they constituted a mechanism to ensure the laws of social contract. Thus, in the result of that reciprocal agreement the sovereign or the state had emerged.

Key words: social contracts; self-preservation; self protection; natural state; property rights.

*Д. В. Суворов**

Вторая мировая война: психотехники манипуляции и технологии создания образа «вождя-спасителя» в тоталитарных державах

...Пока ценой больших усилий,
Устав от крови и забот,
Пришли к победе... Победили –
Самих себя и свой народ.
Наум Коржавин

Каков правитель народа,
таковы и служащие при нем;
и каков начальствующий над городом,
таковы и все живущие в нем.
Книга премудрости Иисуса,
сына Сирахова

В статье рассматриваются характерные черты идеологии тоталитарных стран – участниц Второй мировой войны и психологический «хабитус» макросоциумов данных стран. Инструментарий исследования – психология манипуляций и методика трансактивного анализа.

Ключевые слова: «драматический треугольник» Ст. Карпмана; трансактивный анализ; манипуляции; тоталитаризм; СССР; Третий рейх.

Среди множества аспектов истории Второй мировой войны, требующих прояснения и осмысления, существует один, хорошо знакомый нашим современникам и имеющий отнюдь не академический характер. Речь идет об устойчивом «культе личности Сталина», бытующем в среде многих ветеранов Великой Отечественной войны и носящем откровенно иррациональный характер. Бросается в глаза не только сама позиция (пускай предельно одиозная), но – прежде всего – именно предельная агрессивность реакции, нежелание (или невозможность?) даже попытки спокойной цивилизованной дискуссии со стороны престарелых экскомбатантов.

* ***Дмитрий Владимирович Суворов*** – кандидат культурологии, доцент, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Д. В. Суворов, 2016

И тут стоит вспомнить, что схожие феномены в годы войны и в первые послевоенные годы имели место во вполне определенных государствах – в Германии и Италии. То есть в тоталитарных державах! Именно там, где существовал аналогичный нашему «вождизм» (и «фюрер», и «дуче» переводятся как «вождь»), где всё или почти всё в политической системе было жестко завязано на конкретном харизматическом сакрализированном лидере. При такой постановке вопроса интересующий нас феномен приобретает явственно типологические черты, и для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к данным психологии.

В так называемой трансактивной психологии известна модель «***драматический треугольник»*** (***диаграмма Ст. Карпмана***). Главная идея модели: в своих ролевых «играх» люди играют в одну из следующих сценарных ролей:

- ***Преследователь*** (***П***): унижает других, считая их ниже себя;
- ***Спаситель*** (***С***): аналогичная позиция, но вместо унижения – предложение помощи («Я должен помочь, ибо они сами не в состоянии это сделать»);
- ***Жертва*** (***Ж***): считает себя неполноценной и сама ищет либо Преследователя, либо Спасителя (см.: [7. С. 105–106]).

В интересующем нас аспекте это означает следующее: в политической имиджелогии есть возможность использовать «драматический треугольник» для выстраивания имиджа лидера или вождя по матрице Спасителя – того, кто играет функциональную роль «приходящего на помощь» принципиально неспособным на самосохранение «унтерменшам». То есть Герой-Спаситель, Гений, ницшеанский Сверхчеловек «принимает на рамена своя» тяжкий крест безграничной власти во имя спасения «маленьких людей», которые расцениваются как Жертвы *по определению* и по отношению к которым Спаситель вынужден – чуть ли не вопреки собственной воле! – играть роль Преследователя (во их же благо!). При этом Жертвы воспринимают своего реального Преследователя именно как Спасителя и благодарны ему за свое «спасение» (даже если оно в реальности является массовым террором, системой концлагерей или мировой бойней, в которой Жертвы выполняют отведенную им роль умирающего и убивающего пушечного мяса). И Сталин, и Гитлер, и Муссолини последовательно выстраивали в глазах собственного «электората» именно такой имидж и весьма преуспели в этом. Ясно, что для достижения данной цели необходимы особые психологические технологии, и здесь мы вплотную подходим к проблеме *манипуляций*.

Для получения искомого результата манипуляторы *всегда* прибегают к определенному набору психотехнических приемов, которые являются, можно сказать, визитной карточкой манипулятора

(и по которым последнего и можно определить и разоблачить!). Эти техники предельно трафаретны и могут быть сведены к следующему набору средств (как сейчас увидим, все они активно использовались в Германии, Италии и СССР): прямому агрессивному давлению; игре на слабостях человека, его нуждах и потребностях; роботизации, или зомбированию, – доведению поведения человека до автоматизма методом постоянного внедрения в его сознание и подсознание клишированных формул; подпороговой подаче информации – по принципу «ложка дегтя в бочку меда», внедрению в подсознание необходимых сигналов на уровне «микродоз»; целенаправленному преобразованию информации (см.: [7. С. 158]). Рассмотрим, как перечисленные приемы и техники работали в тоталитарных державах в интересующую нас эпоху в направлении создания образа «Вождя-Спасителя».

Прямое агрессивное давление применялось пропагандистским аппаратом Сталина, Муссолини и Гитлера постоянно и целенаправленно, причем реализовывалось не только методом угроз, принуждения и террора, но и путем императивного «продавливания» искомых идеологических и имиджевых формул в СМИ, кинематографе и наглядной агитации. Современная психология, анализируя различные аспекты методов управления поведением, пришла в интересующем нас аспекте к весьма поучительным (и печальным) выводам. Так, американский психолог Ф. Вудс (на основе анализа истории 14 монархических государств Средневековья и Нового времени) пришел к заключению: ***правитель определяет психологическое «лицо» нации в соответствии со своими возможностями*** (цит. по: [1. С. 216]). То есть «каков правитель, таков и народ» (слова Ф. Вудса, до известной степени противоречащие известной максиме о том, что «каждый народ имеет такое правительство, какого заслуживает»). А крупнейший мировой специалист по организационному поведению С. Милграм (США) после проведения своих, ставших классическими, экспериментов по управлению человеческим поведением посредством властного давления вынес крайне пессимистический вердикт: «Если бы в Соединенных Штатах была создана система лагерей смерти по образцу нацистской Германии (от себя добавим: и ГУЛАГа. – *Д. С.*), то подходящий персонал для этих лагерей можно было бы набрать в любом американском городке средней величины» [Там же. С. 103]. И всё это достигалось самыми скромными средствами – достаточно было каждый день в газетах и по радию восхвалять Вождя-Спасителя и проклинать его врагов…

«Целенаправленное искажение информации» и «информационное манкирование» в тоталитарных державах середины XX века применялось постоянно и тотально: А. Солженицын в своей Нобелевской лекции справедливо отметил, что любая тирания обязательно держится на «двух китах» – насилии и лжи (и выбывание из игры *любого* из этих двух «китов» мгновенно приводит к энтропии режима!). Причем в Третьем рейхе и СССР дело не сводилось только ко лжи как таковой (хотя и ее хватало с переизбытком): главным было массированное внедрение в сознание и подсознание населения определенных идеократических формоконструкций – вульгаризированного псевдоницшеанства в Германии и вульгаризированного псевдомарксизма в Советском Союзе, причем в обоих случаях указанные псевдоучения носили характер не теории как таковой, а самого настоящего *религиозного откровения*. Не случайно впоследствии философ Франкфуртской школы Г. Маркузе отмечал *магический* характер советской идеологии, а «святая святых» коммунистической «науки» – диалектический материализм – квалифицировал как «убогую схоластику и жесткую теологию». По словам американского историка М. Малиа, «идеологическая партократия одновременно была логократией: и как таковая она являла единое целое с монополистической структурой новой монолитной системы. Без этих логократических чар система не могла бы функционировать» [3. С. 198–199]. Слова М. Малиа относятся к положению в СССР, но фактически аналогичное положение мы наблюдаем и в Третьем рейхе.

Игра на потребностях в манипулятивной практике описываемых стран имела свои характерные особенности. Системой можно считать игру на *низших* уровнях потребностей человека (если воспользоваться типологией Абрахама Маслоу) при игнорировании и даже подавлении *высших* уровней потребностей. Этот момент был принципиальным слабым местом данных режимов (и вообще всяких тираний: французский философ XX века Эммануэль Мунье справедливо диагностировал: любой режим, игнорирующий человеческие потребности, обречен), но на исторически коротком и отграниченном отрезке времени данная практика вполне давала эффект, проявлявшийся в следующем:

- *в иллюзии всеобщей безопасности* (потребность в безопасности и стабильности, по Маслоу – одна из кардинальных), достигаемой насильственной «стабилизацией» (эффект «кладбищенского мира»). Особо подчеркиваю, что это была именно иллюзия: как в свое время подметил Б. Франклин, народ, готовый променять свободу на малую толику безопасности, не получит ни того, ни другого;

- *в иллюзии всеобщей занятости* (при одновременном падении уровня жизни, сводящем зарплату почти до уровня пособия по безработице – в СССР дело обстояло именно так), достигаемой посредством всевозможных «великих строек» (автострады в Гер-

мании, объекты индустриализации в СССР, различные амбициозные и циклопические архитектурные проекты во всех трех тоталитарных державах) и всеобщей милитаризации жизни;

- наконец, в хорошо известном психологам эффекте так называемой *«канализации сознания»*: в любой кризисной ситуации человеку нужны не причины вообще, а именно конкретный «козел отпущения» (тоже своего рода потребность). На этом блестяще сыграли все тоталитарные режимы того времени, создав для собственного населения наглядные образы таких «мальчиков для битья» (а имидж Вождя-Спасителя заиграл новыми красками – как Спаситель от всей этой нечисти, очищающий «авгиевы конюшни»!). Для режима Муссолини «козлами отпущения» стали «демократы» и «левые», для Гитлера – они же, а также (в первую очередь) евреи, цыгане, гомосексуалисты и шизофреники; что же касается сталинского режима, то (и в этом его уникальность) списки «врагов народа» постоянно конкретизировались и модифицировались, в каждый конкретный момент наполняясь новым содержанием. То есть в СССР объекты «канализации сознания» были подвижными и пластичными, охватывая очень и очень многие социальные группы, с тенденцией к расширению списка и к полной непредсказуемости тенденции, кто еще в этом списке окажется. В этом смысле «наш» вариант был много хуже и страшнее немецкого (хотя бы потому, что в число потенциально репрессируемых попадало многократно большее количество даже не индивидов, а целых социальных групп)…

Игра на слабостях во всех трех режимах велась в виде потакания низменным инстинктам, присущим каждому из нас (как, цитируя Достоевского, отмечал о. А. Мень, в любом человеке глубоко запрятаны лебядкины, голядкины и смердяковы). До какой степени эта, говоря словами Дж. Лукаса, «темная сторона силы» сидит в человеке и может в определенных условиях вырваться наружу, показал знаменитый эксперимент доктора Ф. Зимбардо: двум группам школьников предложили в виде ролевой игры поиграть в… тюремщиков и заключенных (сперва одни «сидят», другие охраняют, потом все меняются местами) – буквально на второй день игры вчерашние одноклассники начали проявлять по отношению друг к другу такие запредельные формы садизма и жестокости, что эксперимент пришлось срочно свернуть (а подростки, вернувшись в школу, продолжали там проявлять друг к другу уже совершенно немотивированную ненависть – джинна выпустили из бутылки, и он зажил самостоятельной жизнью). Тоталитарные режимы всегда охотно апеллируют именно к таким инстинктам в человеке, и именно этот момент имел в виду великий психолог И. Павлов, когда в письме к Сталину обвинял последнего в «формировании у советских людей условных рефлексов насилия и ненависти». В таком ракурсе образ Спасителя становится еще масштабнее – мы же все слабы, мелки и гадки, зато Он один безгрешен, и мы без него никуда…

Подстройка под настроение реализовывалась в Италии и Германии в виде эксплуатации страха людей перед лицом послевоенного (имею в виду Первую мировую войну) упадка и разрухи, позднее – бедствий Великой депрессии, а в Германии эксплуатировался и комплекс национального унижения, рожденного Версальской системой. В СССР же постоянно муссировалась идея «враждебного капиталистического окружения» и якобы нависшая над «Страной Советов» близкая угроза войны со стороны «международного империализма» (притом что реально ситуация была зеркально противоположной: философ Русского Зарубежья И. Ильин, издеваясь, называл СССР «осаждающей крепостью» – в смысле того, кто кого на самом деле осаждает). Во всех трех случаях реакцией населения становилась искомая (для диктаторов) консолидация населения вокруг Вождя-Спасителя, который «всегда на посту» и который призван ликвидировать эту угрозу. Оборотной стороной этого становилась нарастающая иррациональность поведения масс (по типу сентенции В. Высоцкого: «Не надо думать – с нами тот, кто все за нас решит»).

Но главным (и самым страшным) механизмом внедрения желанного образа во всех трех тоталитарных режимах стала практика зомбирования (роботизации). Суть в том, что человеческая психика – структура чрезвычайно уязвимая, деформировать ее особого труда не составляет. И с этой позиции зомбировать (причем без особого напряжения) *любого* без исключения человека очень легко: если, скажем, в течение дня постоянно внушать слушателям, что «дважды два – пять» (не показывая им притом таблицу умножения), то к вечеру все в это поверят и правильная информация будет яростно отторгаться. Строго говоря, *вся* литература так называемого «социалистического реализма» носила характер тотальной «промывки мозгов» своего читателя (цит. по: [5. С. 72]). К этому примыкает и технология «подпороговой подачи информации»: суть в том, что в описываемых режимах сами имена фюрера, дуче и Вождя Народов поминались, можно сказать, ежеминутно. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать стихи советских поэтов 30-х гг. (типа того, что солнышко взошло и товарищ Сталин ему улыбнулся – можете поднять подшивки газет того времени и удостовериться, что в моих словах нет ни капли преувеличения); что же касается фашистского и нацистского режимов, то стоит вспомнить, что официальной формой приветствия и прощания в этих странах вместо общепринятых этикетно-речевых установок

стали фразы «Хайль Гитлер» и «Эввива Бенито» – следовательно, имена фюрера и дуче невольно употреблялись по сто раз в день и уже на уровне подсознания откладывались в «подкорку», причем во вполне определенном качестве. Почти по тексту богослужения: «Имя твое именуем» (вот и *именовали* как имя Божье, не иначе). … Всё это, вместе взятое, становилось самым мощным фактором манипулятивного внедрения образа Вождя-Спасителя (в каждой стране – своего) в подсознание масс и в фактическое разрушение сознания каждого конкретного члена этих самых масс.

Как результат – социально-психологическая жизнь в тоталитарных державах середины XX века характеризовалась наличием всех формально определяемых признаков массового психоза. Французский публицист Р. Картье говорит о «почти колдовском наваждении» гитлеровского режима [2. С. 15], о «самоистреблении народа» в 30-х гг. в СССР пишут многие западные авторы (начиная с Р. Такера), а в самом Советском Союзе была популярной следующая расшифровка аббревиатуры РСФСР – «редкий случай феноменального сумасшествия России» (был и более грубый и колоритный вариант – «рваная сраная фальшивая сопливая республика»). «Странно, однако, одно: как немцы терпят такое говно», – вопрошал Гитлера в марте 1944 года коллективный автор известного «Письма Гитлеру от пинских партизан» (цит. по: [6. С. 344]); самое интересное, что совершенно аналогичный вопрос можно было бы переадресовать в Рим и Москву… Увы, ответ здесь возможен только один, и он дословно совпадает с вышеприведенным диагнозом Ф. Вудса: «Каков правитель, таков и народ».

Между тем, как уже отмечалось выше, при манипуляции страдает не только манипулируемый, но и сам манипулятор: этот момент имеет множество аспектов, из которых хотелось бы в данном конкретном случае выделить следующий. В психологической теории мотивации известна так называемая модель В. Вруума – Ф. Йеттон, или теория ожидания. Суть ее в следующем: ожидание вознаграждения способно само по себе стать мощным стимулом и побуждением к действию; но если, в конце концов, ожидаемого вознаграждения не последует – результатом станет полный обвал мотивации не только по отношению к ожидаемому результату, но и вообще ко всему, что так или иначе имеет к этому отношение. (Что-то вроде такого: осла можно заставить идти в гору, подвесив перед ним на удочке морковку – но если на горе ему морковку не скормить, осел не пойдет больше никуда.) Вся история Советского Союза есть прямая иллюстрация действия модели В. Вруума – Ф. Йеттон: Ленин и компания в 1917 году пообещали народам России «морковку» в виде коммунизма (понимаемого как рай земной), и народы России в основном поверили, пошли за большевиками.

При Сталине эта вера еще жила, и это сыграло не последнюю роль в событиях 1941–1945 гг. (хотя в те годы эта вера уже начинала давать сбои, чему свидетельство – многие сюжеты «Архипелага ГУЛАГ»). При Хрущеве веру в коммунизм пришлось уже подновлять и реанимировать (для чего Никита Сергеевич и сделал свое скандально известное заявление о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»); в брежневскую же эпоху произошла натуральная смерть этой веры практически во всех слоях общества – что мгновенно сдетонировало во все сферы общественной жизни и имело следствием глубочайшее разочарование в самых основах советской цивилизации (это состояние ярчайшим образом отражено в позднесоветском фольклоре – в частности, в анекдотной культуре и в так называемых «садистских» стихах, или «садюшках»). В эпоху «перестройки» данное состояние достигает апогея, из пассивного становится активным и, в конце концов, приводит к полному равнодушию большинства населения СССР в момент распада последнего. Фантасмагория, не предвиденная никем на Западе: огромная, вооруженная до зубов, милитаризированная сверх всякой меры и оснащенная ядерным оружием тоталитарная империя развалилась без всякой борьбы, и никто в державе не захотел ее защищать! Не было мотивации к тому – «морковку» не скормили…

Вот этот момент ставит перед тоталитарными владыками очень больную проблему. Суть в том, что имидж Вождя-Спасителя необходимо не только заполучить, но и ежедневно подтверждать: малейшее отступление от него чревато реакцией «по Вруууму – Йеттон» и полным отторжением. Если это всё же происходит (а это обязательно происходит после *первого* же провала диктатора), то в восприятии населения мгновенно формируется образно-ролевая трансформация, афористически переданная Александром Галичем в его «Поэме о Сталине»: «Кум докушал огурец и добавил с мукою: “Оказался наш Отец не отцом, а сукою”»… То есть – обрушение образа Вождя-Спасителя для диктатора обычно становится синонимом политической (а иногда и не только) смерти.

И все события Второй мировой войны в этом отношении дают картину поразительную и поучительную. Так, Италия, достаточно безропотно переносившая диктатуру Муссолини на протяжении 21 года (с 1922-го по 1943-й), после кратковременного ареста дуче *сразу* оказалась в состоянии гражданской войны. Причина на поверхности – арест «вождя». Пускай *потом* Отто Скорцени освободит его, пускай при помощи коллеги-Адольфа синьор Бенито станет главой ублюдочной «республики Сало», вернет себе подобие власти – всё это абсолютно ничего не меняет и не может дезавуировать главного: дуче утерял статус Спасителя, не смог спасти

даже самого себя! Значит, он – *лжеспаситель*, со всеми вытекающими отсюда последствиями…

Тот же эффект (прямо по Врууму – Йеттон) демонстрирует и массовый коллаборционизм на оккупированных территориях Советского Союза на начальном этапе Великой Отечественной войны. Согласно архивным данным (приведенным Б. Соколовым), в 1941–1942 гг. на контролируемых вермахтом территориях на каждого *одного* партизана или подпольщика приходилось 4–5 коллаборционистов – следовательно, в это время антисталинское сопротивление было многократно более мощным и массовым, нежели антигитлеровское! Причина (вернее, одна из причин) та же: Спаситель оступился, перестал быть Спасителем, не смог защитить свой народ – во имя чего же тогда все терпели его как Преследователя? (У Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ» этот момент рассмотрен весьма обстоятельно.)

Впоследствии, в 1953 году, тот же эффект сработал в момент физического ухода Сталина: известный отечественный гуманитарий Л. Баткин в этой связи обоснованно считал, что первым реальным разоблачением «культа личности Сталина» стала собственно смерть диктатора. Многочисленные мемуарные документы рисуют впечатляющую картину смены настроений у населения СССР в связи с этим почти мистическим эпизодом истории. Сначала – недоумение: как точно отметила Евгения Гинзбург в книге «Крутой маршрут», когда по радио передавали сводки о состоянии здоровья умирающего вождя («высокое давление… белок в моче…»), то реакция была примерно такая, как если бы вятичам и кривичам времен Владимира Красно Солнышко сообщили, что у Перуна обнаружен белок в моче. *У Бога высокого давления и белка в моче быть не может!!!* Потом, когда уже наступила смерть, – апокалиптическое ощущение и настроение: если Бог всё же умер (что само по себе немыслимо!), то скоро наступит конец света, и мы все погибнем! (Отсюда – общеизвестная трагедия на похоронах Сталина.) И, наконец, когда пришло осознание того, что никакого конца света не предвидится и вообще продолжается *нормальная* жизнь – обвально нарастающее отторжение от вчерашнего кумира: какой же он Бог, если после его смерти мир не рухнул? (А может быть, и почти по Ницше – «Бог умер, и мы его убили!») И становится возможным не только известный доклад Хрущева, но и (главное) спокойная реакция населения на падение кумира (после стольких лет *такой* пропагандистской обработки!).

Но самый впечатляющий пример образной трансформации «Отца в суку» дает нам поведение германских комбатантов на завершающем этапе Второй мировой войны. Общеизвестно, что, сдаваясь в плен, немецкие солдаты и офицеры произносили ритуальную фразу «Гитлер капут». Поясняю: «капут» по-немецки значит – «разбитый». Германские военные могли бы в этой ситуации говорить что-нибудь более соответствующее моменту – скажем, «пощады», «сдаюсь», «не стреляйте», но они упорно твердили: «Гитлер разбит», и в этой фразе был огромный мировоззренческий смысл. Если фюрер разбит, то он по определению больше не может претендовать на роль и имидж Вождя-Спасителя – *спасителей не разбивают*! В такой ситуации дальше сражаться просто не имеет смысла…

Все сказанное необходимо иметь в виду, когда традиционная сталинистская (т. е. каноническая для официоза) версия событий 1939–1945 гг. подается нам в качестве «традиционной ценности»…

Литература

1. Занковский А. Н. Организационная психология. – М. : Флинта, 2002.
2. Картье Р. Тайны войны. После Нюрнберга. – М. : Вече, 2005.
3. Малиа М. Советская трагедия. – М. : РОССПЭН, 2002.
4. Организационное поведение : хрестоматия. – Самара : Бахрах-М, 2006.
5. Разум власти прирастает наукой. – Екатеринбург : УрАГС, 2001.
6. Соколов Б. В. Оккупация. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
7. Суворов Д. В. Основы делового общения. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2004.

*Е. В. Кныш**

Религиозные ценности в устойчивом развитии российского общества: место европейского постсекулярного опыта

В статье рассматриваются основные тенденции европейского постсекулярного опыта. Анализируются причины роста интереса европейцев к религиозным ценностям. Ставится вопрос о плодотворности рассмотрения европейского постсекулярного опыта для устойчивого развития российского общества.

Ключевые слова: постсекулярная культура; религиозные ценности; религия; постмодернизм; личностная религиозность; церковность.

Религиозные ценности долгое время были на периферии европейского сознания, но за последние десятилетия ситуация начала меняться. Концепция секуляризма постепенно теряет свои позиции, поскольку ни в США, обществе с традиционно сильными и многочисленными религиозными группами, ни в странах Западной Европы (что еще в начале XX века представлялось невероятным) религия не исчезла из повестки дня. Более того, с конца прошлого столетия в европейской культуре происходит рост внимания к сакральному» [4. С. 51]. И целый ряд исследователей на сегодняшний день всерьез говорит о новых европейских тенденциях в сфере религиозного сознания, определяя их как начало новой, «постсекулярной эпохи» или «эпохи постсекуляризма» [7; 2. С. 71]. Что касается российской действительности, то здесь при всех особенностях советского периода (многолетняя открытая борьба с религиозным началом, отсутствие религии в публичном пространстве) эти ценности тоже никуда не исчезали. Они находили воплощение и в традиционных церковных практиках, и в новой религиозности, что вполне соответствует общеевропейским тенденциям XX века. С конца прошлого столетия в постсоветской России происходит «впитывание» как секулярных ценностей европейской культуры, так и активное, хотя и несколько своеобразное, движение в сторону традиционной религии.

Поэтому для осмысления роли религиозных ценностей в устойчивом развитии российского общества в рамках данной статьи

* ***Евгений Викторович Кныш*** – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Е. В. Кныш, 2016

предлагается подробнее остановиться на особенностях еще формирующейся европейской, так называемой «постсекулярной культуры». Мы считаем, что тенденции, связанные с этими процессами, характерны и для российского общества и должны быть учтены при анализе социокультурной действительности.

Под постсекулярной культурой на сегодняшний день мы можем понимать новый тип отношения к традиционному христианству, а также другим религиозным течениям, прежде всего в западноевропейском обществе. Ее характерные черты выявляются через субъект отношения – индивид, церковь, социум, государство. 1. На индивидуальном уровне это экзистенциальный запрос на обретение живой осмысленной разумной веры или, по крайней мере, каких-то твердых ценностных оснований, переосмысление и соотнесение с практикой жизни традиционных библейских истин, церковных практик. 2. Для церкви постсекулярные тенденции выражены в переосмыслении учения в контексте раннехристианского периода, вплоть до попыток очищения от исторических искажений и ошибок, осовременивания различных форм служения при верности изначальному смыслу. 3. Социум – возвращение религии в публичное пространство, различные сферы социальной реальности, возможность апеллирования к сфере религиозного опыта и практик человека. 4. Государство – необходимость соблюдения права и морали, основанных на терпимости к существованию разных религиозных групп, обеспечение равноправного участия в политической жизни представителей как доминирующей в культуре религии, так и других вероисповеданий, субкультур [6].

Этот тип отношения к религии в европейской культуре подготавливался постмодерном, как бы «перезагружающим» все смыслы, санирующим общественное сознание от стереотипов, клише, мертвых форм. Это дает религии возможность уйти от навязанного ей ранее узкого поля действия: возникло пространство свободного действия. Появляются новые возможности для обновления веры как сферы глубокого личного переживания и, соответственно, нового понимания церковных практик. Вследствие этого традиционные религии стали активнее обращаться «к своим истокам», к существу учения для современной интерпретации при сохранении верности изначальному смыслу» [3]. Но самое главное, сам человек на излете эпохи постмодерна уже испытывает потребность в устойчивых смыслах вместо безграничной размытости понятий, их иронического передергивания и даже потребность в действительной, живой вере. Европейский человек, отбросив все религиозные опоры, привязки к Абсолюту, вдруг ощутил их незримое присутствие, и не вследствие воздействия различных внешних институциональных сфер, а как раз из своего внутреннего, личного запроса.

Даже в середине XX века, когда секулярные процессы еще были «в зените», тоску человека, жизнь которого протекает без этих смыслов, выражали многие чуткие художники: например, Сэмюэл Беккет в своей культовой пьесе «В ожидании Годо» (Got – англ. Бог). Анализируя пьесу, Александр Генис замечает: «Все четыре действующих лица представляют отдельные составляющие единой человеческой личности. Они находятся в неизбежном конфликте: тело и разум, скепсис и надежда. Для прекращения этого конфликта необходим отсутствующий элемент – *вера*. Но для ее обретения необходимо смирить тело, очистить разум, использовать весь запас скептицизма, дабы освободиться от бесконечного повторения начитанных истин и ограниченности житейского опыта и со всей возможной надеждой просить о встрече (даровании *веры*)» [1]. В контексте постсекулярной эпохи эти внутриличностные процессы рассматриваются как то, что в человеке никогда не прекращалось, не исчезало, но актуализировалось в современности.

Интерес к собственным религиозным традициям у европейцев подогревают и новые угрозы, зачастую религиозного характера. Западу приходится начинать прислушиваться к призывам учитывать сложную мультикультуральную действительность. Поведение различных «чужих» сообществ, поддерживающих и даже демонстрирующих свою религиозную идентичность, контрастирует с пассивностью на их фоне уже привычных местных представителей христианства. Особенно остро сегодня стоит проблема наплыва беженцев в Европу, широкомасштабной деятельности запрещенной в России организации «Исламское государство», манифестирующей, в том числе, и религиозные идеи. Эти и многие другие общественные конфликты осмысляются как имеющие религиозную почву, что косвенно формирует потребность у европейцев в хотя бы символической маркировке принадлежности к своей религиозной общности. Да и само христианство в данной ситуации получает импульс к обновлению.

Кроме того, в секуляризированных западноевропейских странах, даже при низких показателях регулярного участия в церковных практиках населения, обнаруживается феномен формирования и поддержания в обществе общих ценностей, которые проистекают из религиозной традиции и культуры. Более того, люди, которые вообще никогда не посещали церковные собрания, тем не менее воспринимают эти ценности. Особенно интересно, что в их сохранении и передаче участвуют не только религиозные, но и чисто светские, секулярные институты: средства массовой информации, система образования [5. С. 59]. Таким образом постсекулярная культура как бы инкорпорирована в культуру этих стран изначально.

В современной России постсекулярные тенденции еще не настолько заметны: пока более характерна формальная религиозная идентификация «русский значит православный», сильны фундаменталистские позиции, отвечающие идее сильного национально ориентированного православия, пребывающего в тесной связи с государством. Однако живые ростки новой религиозности, веры, церковности уже активно заявляют о себе. Более того, для многих людей сегодня, прежде всего образованных и считающих себя верующими, но сознательно игнорирующих или лишь эпизодически совершающих церковные практики, европейский постсекулярный опыт может быть интересен. Очевидно, что рассматривать устойчивое развитие российского общества в отрыве от религиозных ценностей населения на сегодняшний день невозможно. Необходимо учитывать не только прежние, часто досекулярные воззрения, но и новый европейский опыт в области религиозного, характерный для еще формирующейся постсекулярной культуры.

Литература

1. Генис А. Бродвей дождался Годо // Новая газета. – 2009. – 20 мая. – № 52.

2. Звеерде Э. Осмысливая «секулярность» // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (30). – М. : ИД «Дело». – С. 69–113.

3. Кырлежев А. Постсекулярная эпоха [Электронный ресурс] // Континент. – 2004. – № 120. – URL: http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/kyr16.html

4. Минченко Т. П. Кризис идей секуляризма и религиозности в постсекулярном обществе // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 51–53.

5. Степанова Е. А. Религия в США и Западной Европе: исключение или правило? // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2012. – Вып. 12.

6. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? – Ч. 1. // Российская философская газета. – 2008. – № 4 (18).

7. Хоружий С. С. Постсекуляризм и ситуация человека [Электронный ресурс] // Институт синергийной антропологии. – URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec _i_sit_chel.pdf (дата обращения: 12.12.2015).

*С. М. Галбацев**

Традиционные ценности в устойчивом развитии дагестанского общества: факторы устойчивости и вызовы

Традиционные ценности играют важную роль в дагестанском обществе. Они могут внести вклад в устойчивое развитие региона, обеспечив стабильность, преемственность традиций, формирование общегражданской идентичности.

Ключевые слова: традиции; ценности; религия; устойчивое развитие.

Специфическое сочетание в Республике Дагестан трех видов личностно и социально значимых идентичностей – этнической, конфессиональной и общероссийской делают республику привлекательной для исследователей.

Республика Дагестан – неисчерпаемое поле для исследования и исследователей, выступающая как кладезь информации. Несмотря на бесконечное множество проблем, республика представляет собой и своеобразный показательный пример укрепления единства народов России.

Несмотря на полиэтничность поликонфессиональность республики, нельзя не учитывать тот факт, что республика смогла преодолеть многочисленные этнические вызовы после развала Советского Союза; на протяжении веков формировались традиции взаимоуважения и толерантности в межэтнических отношениях; отдельные случаи эскалации этнической напряженности так и не привели к острому конфликту; конфликт возникает в результате столкновения интересов или как разрастание бытового конфликта; этническую конкуренцию регулируют негласными правилами, и в нее слабо включены этнические меньшинства (являющиеся таковыми для определенной территории).

Пример Республики Дагестан важен как образец единства, но также необходим сильный культурный стержень, который мог бы служить объединяющим фактором. В то же время в Республике

* ***Сурхай Магомедович Галбацев*** – соискатель, Южно-Российский институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Ростов-на-Дону).

© С. М. Галбацев, 2016

Дагестан сложилась ситуация, когда этнический фактор, традиционные и религиозные регуляторы достаточно актуальны. Село, род и община по-прежнему играют ключевую роль в жизни людей. Помимо закона, у каждой из общин существуют собственные традиционные институты и религиозные лидеры.

В последние годы из-за дефицита земли или ее удаленности, разрушения экономики, сокращения производств, дефицита рабочих мест многие жители республики вынуждены были покинуть свой родной район в поиске перспектив трудоустройства в другом месте. Внедрение такого принципа, как «квотирование», – один из признанных механизмов преодоления межгрупповой (межэтнической) напряженности.

Религия играет все более важную роль в сообществе, которое в какой-то степени можно назвать коллективным. В религии, с ростом раскола общества на множество религиозных течений и их внутренних дроблений, наблюдается и конкуренция в этнической сфере, приводящая к напряженности. Несмотря на отсутствие острой конфликтности, важны шаги по укреплению единства между различными этническими и религиозными группами.

Несправедливость, дисбаланс и неравенство возможностей [1. С. 221] в условиях полиэтничного и поликонфессионального общества [4. С. 171] воспринимаются достаточно болезненно.

Помимо этнического соперничества, угрожающего устойчивому развитию Республики Дагестан, еще одной серьезной проблемой стал вопрос религиозного плюрализма, что породило напряженность и в религиозной сфере. Этноконфессиональные проблемы влияют на политическую стабильность. Дагестан уже испытал на себе вторжение боевиков под религиозными лозунгами. В Республике Дагестан взаимоотношения между этничностью и религией очень интересны – традиционно присутствуют обе эти идентичности, то сливаясь, то разграничиваясь. Поэтому утверждение, которое используют при анализе обществ, по многим параметрам схожим с Республикой Дагестан, что «религии нет места там, где этническая принадлежность является доминирующей» [2], не совсем верно. С другой стороны, общества с сильной этнической традицией приспосабливают религию под себя, так возникает народный ислам, совмещение адатов с религией. И это имеет место в Республике Дагестан. Причем важное.

В последнее время появляется и новая группа, преимущественно молодых людей, настроенных радикально, для которых религия приводит к отрицанию этнического. Появляется новый и сильный актор в конкурентном поле Республики Дагестан. Республика «отличилась наибольшей степенью религиозности и наибольшим противостоянием членов религиозных групп между собой. И что

еще интересней, именно здесь наиболее заметна встреча современного, традиционного и религиозного. В республике встречаются и пытаются бороться два течения глобализации – западная (вестернизация, проникновение массовой культуры) и восточная (арабизация, проникновение арабской культуры)» [5. С. 128].

Согласно одному из недавних исследований, проведенных в Республике Дагестан, проблема этнической идентификации и формирования гражданской идентичности имеет ряд особых характеристик. Так, большинство идентифицируют себя как: «россиянина» – 51 %; «дагестанца» – 43 %; «представителя конкретной нации» – 5 % [3. С. 183].

Приведенные выше количественные данные демонстрируют наличие гражданской идентичности и формирование общедагестанской идентичности, связанной с территориальной и некой общекультурной принадлежностью к Республике Дагестан. Это пример преодоления межэтнических (религиозных) разделений путем формирования общего гражданского и культурного пространства, гражданской принадлежности к универсальной общедагестанской культуре, осознания единства дагестанских народов, несмотря на многие уходящие на второй план и не столь значительные различия. Важно предпринимать шаги по формированию общей культуры как многосоставного явления, как единства множественностей, учитывать интересы не только численно доминирующих этносов, но и более слабых этнических меньшинств, многие из которых попрежнему ведут традиционный сельский образ жизни. Так как в основе конфликта лежит потребительский и статусный интерес, необходимо учитывать интересы разных этнических групп, организовывать диалог и признавать множественность и равноценность идентичностей. В условиях высокой значимости традиционных ценностей важно обращаться к традициям [6], способствующим устойчивому развитию республики.

Литература

1. Adebayo R. I. Ethno-Religious Crises and the Challenges of Sustainable Development in Nigeria // Journal of Sustainable Development in Africa. – 2010. – Vol. 12, № 4. – P. 213–224.

2. Adebayo R. I. Religion and National Unity: The Gap Between Theory and Practice // Ado Journal of Religions. – 2003. – № 2 (2).

3. Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты : монография. – М. : Перо, 2014.

4. Сиражудинова С. В. Гендерное равноправие как условие развития гражданского общества на Северном Кавказе // Социология власти. – 2010. – № 4. – С. 170–177.

5. Сиражудинова С. В. Современные социально-политические процессы в Республике Дагестан // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 1. – С. 128–133.

6. Сиражудинова С. В. Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе : монография. – Ростов н/Д : АзовПечать, 2012.

*О. Р. Сигнаевская**

Философия управления в России: противостояние двух цивилизационных парадигм

Философия управления является новой отраслью философского знания. Она призвана служить общим концептуальным и междисциплинарным основанием, обеспечивающим целостное восприятие и понимание феномена управления. В российском обществе обнаруживает себя духовно-цивилизационный конфликт, раскрывающий политическую природу глобализации XXI века. С позиций управления это противостояние двух цивилизационных парадигм: утилитаристки-потребительской и созидательной моделей национального развития в контексте русской православной цивилизации, а также развитие потенциала новых форм общественной жизни, не входящих с ней в резкий диссонанс.

Ключевые слова: философия управления; общество; духовно-цивилизационный конфликт; цивилизационная парадигма управления; культура; ценности; методология; постантропологическая парадигма.

В российском академическом и образовательном пространствах появляется новое полноценное междисциплинарное направление исследований – философия управления. Это связано с тем, что современная «текучая», мультикультурная реальность обнаружила новые вызовы и угрозы. Происходит геополитическое переформатирование мира. Россия ищет новые пути и управленческие стратегии, позволяющие противостоять негативным тенденциям, найти «точки опоры» для более прогнозируемого, устойчивого развития. Именно эти проблемы в контексте широкого общефилософского анализа и пытается решить новая цивилизационная парадигма российского управления. На первый план в современных условиях выходит ценностный уровень управления.

Для России важно осознавать культурно-исторические истоки российской государственности, правосознания, образования и воспитания – традиционную систему ценностей. Возможно, такие ценности, как нестяжательство, целомудрие выглядят в настоящей

* ***Ольга Романовна Сигнаевская*** – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург).

© О. Р. Сигнаевская, 2016

ситуации злой пародией на моральные качества политической элиты, но в проекте «Основ государственной культурной политики» именно традиционные ценности, составляющие ментальную матрицу русского мира, объявлены системообразующими. Важно видеть суть православной цивилизации, которая впитала в себя многое из того, что имелось в разных культурно-исторических типах, творчески переосмысливая их наследие и синтезируя свое уникальное отношение к Богу, миру и человеку в новых, постантропологических условиях и в контексте «соблазнов антропоцентризма» выстроить ценностный уровень философии управления в России как самостоятельной области научного знания. Только глубокая и общефилософская рефлексия в палитре самых разных направлений социально-гуманитарного знания сможет выстроить ценностный уровень управленческой деятельности в России. Противостоять идеологическому зомбированию молодежи (исламофобия, русофобия и т. п.), а также утилитаристски-потребительскому разрушению солидарности, социальному геноциду, вседозволенности может только новая философия управления, вектор этой философии – это созидательная модель национального развития в контексте русской цивилизации, или «Русского мира».

Не вызывает сомнения, что интерес философии к проблемам управления появился и проявился еще в Античности и связан, прежде всего, с именами Платона и Аристотеля. Безусловно, следует также отметить Н. Макиавелли, Т. Гоббса, И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса, М. Вебера, которые строили социально-философские концепции функционирования государства и общества. В то же время, как отмечает Г. В. Сорина, «в трудах ведущих теоретиков в области менеджмента и организационного поведения можно “вычитать” (философский характер данному глаголу придал И. Фихте) целый ряд классических философских идей. Например, в теории человеческой мотивации А. Х. Маслоу “вычитываются” идеи А. Шопенгауэра. Концепция П. Друкера, направленная на обоснование необходимости формирования “класса” работников умственного труда, вполне согласуется с идеями И. Канта о необходимости формирования класса мыслителей и так далее» [6. С. 436]. В России имеется целый ряд научных монографий, посвященных «вычитыванию» философских идей из праксиологических теорий управления [3; 4; 5]. Л. Болтянски и Э. Кьяпелло – авторы фундаментального труда «Новый дух капитализма» [1], в качестве источника информации о духе капитализма использовали именно литературу по менеджменту. По их мнению, «в литературе по менеджменту второй дух капитализма находит свое самое естественное выражение. Можно полагать также, что в ней фиксируются и его модификации, его преобразования в сторону иных умст-

венных представлений» [1. С. 123]. Они остроумно отмечают, что «менеджмент неизменно сводится к умению делать так, чтобы кто-то делал что-то» [Там же. С. 767].

Необходимо отметить, что эффективный менеджмент является сегодня важнейшим фактором развития любой страны. Для современной научной междисциплинарной дискуссии, под *философией управления* вполне можно понимать систему обобщающих суждений философского характера о предмете и методах управления, его месте среди других наук и в системе научного знания в целом, познавательной и социальной роли управления в современном обществе. Философия управления призвана рассматривать аксиологические, гносеологические и методологические основания человеческой деятельности в процессах управления. Она должна ответить, в том числе, и на вопрос: как возможно созидательное управление в России? Философия управления является новой областью философского знания, которая пока еще находится в стадии становления [3. С. 19–23]. Философия управления призвана дать философский синтез знаний об управлении и предложить новую методологию исследования этого феномена [Там же. С. 59].

С позиций макроуправления это ситуация мирового духовно-цивилизационного конфликта. В российской действительности идут не просто дебаты о национальной идентичности, религиозной вере, ценностях русской культуры, но разворачивается сильнейшее противостояние двух цивилизационных парадигм: утилитаристски-потребительской, переполненной самоуверенной бездуховностью, вседозволенностью, ненасытностью и т. п., и моделью национального развития, в основе которой сохранение русского народа, его духовно-нравственного наследия, генофонда, исторических традиций, а также новых форм общественной жизни в резонансе с национальной культурой. Парадокс в том, что правящая элита порой рассматривает себя как представителя интересов Запада в собственной стране. Эти ценностные деформации в ментальности властных групировок приводят к радикальной ломке культурно-исторической матрицы российской цивилизации, которая развернута под флагом преодоления тоталитаризма. В реальности инволюция в подобном направлении такой высокоразвитой страны, как Россия, делает сразу излишними индустрию, современную науку и образование, исключает перспективы экономического роста и подъема культурного уровня населения. По сути, «демократический транзит» в нашем обществе – это защита интересов тончайшего слоя номенклатурно-олигархической буржуазии, «гулаг на дому» для большинства социальных групп и полный разрыв с нашей культурно-исторической ментальностью, радикальная ломка матрицы российской цивилизации. За либеральным фасадом в России рождается колониальное

общество периферийного полукапитализма, сильно осложненного патриархальными и раннеклассовыми отношениями, не исключая и быстро распространяющихся рабских. Это война правящей элиты против собственного народа на стороне его давних противников, так как идет столкновение несовместимых ценностей, культур и образов жизни. Фокусом идейно-ценностной атаки перманентной, либеральной, духовно-ценностной контрреволюции остается русская культура, цементирующая общность российских народов.

Таким образом, философия управления производит синтез гносеологической, методологической, аксиологической, социокультурной проблематики, что вводит в сферу интересов философии управления целый ряд проблем из других областей философского знания: этики, социальной философии, философии политики, философии культуры, философской антропологии. Феномен управления является синтезом науки и искусства, знания и опыта. Вследствие этого, в его осмыслении правомерны многие философские и методологические подходы, используемые как в науке, так и в искусстве. Философия управления призвана служить общим концептуальным и междисциплинарным основанием, обеспечивающим целостное восприятие и понимание этого феномена. Философия управления в России должна ответить на актуальнейшие вопросы: насколько возможна гуманизация (очеловечивание) социальных отношений в России? исчерпала ли себя идея социальной справедливости, ценности коллективизма как основы усовершенствования общества? каковы перспективы развития отечественной культуры и межцивилизационного сосуществования на фоне глобализации? в чем истоки и смысл духовного кризиса в реформируемом обществе. Важно совместно с философией политики вырабатывать ценности и смыслы общей концепции устойчивого развития страны, осмысляя при этом роль и значение традиционных ценностей.

Литература

1. Болтянски Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с фр. ; под общ. ред. С. Фокина. – М. : Новое литературное обозрение, 2011.

2. Сигнаевская О. Р. «Мир человека» в контексте смыслов философии постмодерна: смыслотворческая природа духовности // Европейский журнал социальных наук (European Social Sciance Journal - ESSJ). – М. ; Рига, 2012. – № 1. – С. 21–24.

3. Сигнаевская О. Р. Культурно-антропологические смыслы политического и образовательного пространств в информационную эпоху : монография. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011.

4. Сигнаевская О. Р. Философия организационных практик: восхождение к Человеку (философия и методология менеджмента организации XX века) : монография. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2004.

5. Сигнаевская О. Р. Человек в сетях полипарадигмальности: кризис смыслоутраты XXI века : монография. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2009.

6. Сорина Г. В. Философия менеджмента. Как это возможно? // Философия науки. Методология и история конкретных наук : учеб. пособие (книга для чтения). – М. : «Канон+» : РООИ «Реабилитация», 2007. – С. 431–448.

Б. В. Орлов*

«Транс-традиционность» ценности современной эстетики

Статья посвящена рассмотрению важных особенностей ценности современной эстетики, существенно влияющих на изменение ее статуса и позиционирования; плодом размышлений стал предлагаемый проект создания электронного словаря по философии художественности и современного искусства.

Ключевые слова: современная эстетика; транс-традиционность ценностей; словарь философии современного искусства; художественность.

К основному вопросу о традиционности ценностей: конечно, их значимость бесспорна, вроде бы, но… Современность предлагает (и с этим нельзя не считаться) и предполагает другой «сценарий» – не консервативный – их использования = применения, который может быть условно обозначен с помощью концепта «транс», т. е. «через», если следовать идее, предложенной ментальностью «пост-современности», в терминологии «трансгрессивности».

Постараемся в этом разобраться, обратившись, в основном, к материалу современной эстетики, культурологии, а впрочем, и всей гуманитаристики в целом.

В настоящее время эстетика, как и другие интеллектуальные феномены современной культуры, не только нуждается в переосмыслении своего статуса и потенциала, но и, более того, не может развиваться далее, не считаясь с другими актуальными реалиями «повседневного бытийствования в современности», никак не учитывая своих перспективных особенностей, т. е. не будучи ей синхронной, несколько иначе говоря, застаиваться и отставать от «времени человеческого бытия» в своей асинхронности ему, что с неизбежностью приводит, так сказать, к «смерти эстетики» (если не более того).

Как философская дисциплина с многовековой историей, эстетика, казалось бы, может по-прежнему традиционно отстояться в

* ***Борис Викторович Орлов*** – канд. филос. наук, доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

© Б. В. Орлов, 2016

стороне от современной культуры и от повседневности, как это и было до того – оставаться маловостребованной и не быть актуальной, при этом продолжая свое существование в рамках ею же установленных привычных историко-эстетических границ, отстраняясь от вызовов современности, особенностей принципиально новой культуры и ее «неудобств», не слыша голоса и не понимая языка современного искусства, не видя «маргинального» Homo aestheticus и т. д., т. е. не вкушая вкуса современности – весьма непривычного для нее Вкуса Нового.

Но, хотим мы этого или нет, веление времени таково, что эстетика должна не только считаться с новыми правилами игры, чтобы быть в игре и хотя бы сохраняться как значимый игрок институционально, сохраняя при этом традиционно присущую ей культурную ценность; дело в том, что она может набирать при этом новые жизненные силы и придавать новые смыслы здесь-и-сейчас происходящему, обогащая и направляя его философски – духовно, теоретически и методологически потенциируя его адекватный «эстезис-и-артезис», столь значимый для весьма перспективной будущности.

«Как Это Сделать?» – вот ведь основной вопрос самой современной эстетики.

Конечно, прежде всего, нужны и важны свежие содержательные концептуальные идеи, но в нашу информационную эпоху, пожалуй, основным «формальным» трендом становится коммуникационно-медийный: «Media are the Messages» & «Connect in the Aestheticians».

Если попытаться помыслить об этом нетрадиционно, то тогда, как можно и нельзя не обойтись без новых электронных технологий в коммуникативности современной эстетики? Коммуникационный тренд современной эстетики предполагает своего рода «шизоэстетику» (Делез – Гваттари), когда в соответствии с одним из слоганов их манифеста «Ризома» нужно быть подвижным, даже оставаясь на месте. В этой связи нужно обратить внимание прежде всего на самодвижущуюся первооснову современной коммуникации, т. е. на саму «ризому» («корневище»). Если «ризома» не только образ переплетенности всего и вся в современной культуре, а принцип медийной ментальности (которая уже не парадигмальна, как прежде, традиционно, но синтагмальна), репрезентативно представленный виртуальной реальностью Интернета прежде всего, то как это относимо к медийно, по преимуществу, интересующей нас (и не только профессионально, но и гуманитарно и гуманитаристски, если хотите) эстетике и к тому, что с ней связано в других контекстах?

Необходимо медийно ризоматизировать современную эстетику, чтобы быть как можно ближе к ризоме современного бытия, более того, нужно переплестись с повседневностью, например с весьма условной «массовой культурой». Новая речь в данном случае может идти о «коммуникационной маргинальной эстетике», когда главной оказывается «коммуникация без границ». Это и транс-маргинальность, и транс-коммуникативность, и транс-эстетичность и транс-культуральность тоже, что и означает, в основном, «транс-традиционность» ценности самой эстетики. В предельном отношении, конечно же, имеется в виду феномен «трансгрессивности», который, если не только по-постструктуралистски, предполагает экзистенциальный, причем именно современно экзистенциальный, аспект человеческого бытия с явным трендом в будущее – «через границы», преодолевая их и, что более важно, трансформируя бытие, так как на смену информационной эпохе и информации как средству только, приходит и уже почти пришла «трансформационная эра».

Опыт знакомства с современной эстетикой, как она представлена локально-институционально, да и глобально, показывает, в том числе и лингвистически, что есть огромный дефицит и даже провал понимания, коммуникации, в пределе – отсутствие инварианта языка типа «эсперанто» в общении друг с другом. Это, конечно же, не о лингвистике речение, а о философии в первую очередь, не говоря уж об эстетике – «Строительство Вавилонской башни» здесь ведь так и не завершено. Впрочем, есть надежда на еще не содеянное, но неизбежно творчески прорастающее и вызревающее в современности – в новых технологиях и в новой ментальности, – интенциированное в сторону Коммуникационно-Медийно-Виртуально-Трансформационной Будущности и ее основных «транс-ценностей» в этой связи.

В качестве конкретики предлагается (гипотетически) проект такой вот «коммуникационно-маргинальной эстетики», которая, видимо, наиболее адекватна и сможет находиться в тренде (и максимально ему способствовать), если продолжать далее разговор насчет обозначенного выше вектора современности.

Проект концепции мультимедийного словаря по эстетике «Международный электронный глоссарий философии художественности и современного искусства»

1. Словарь имеет концептивистский характер: он основывается на базисных, ключевых концептах – как актуальных «старых», так и принципиально новых, через которые сейчас только и может

быть «схвачена» аутентичная специфика современной художественности.

2. По своему жанру и стилю философствования словарь, прежде всего, – глоссарий, т. е. набор основных терминов с минималистской, лаконичной разверсткой (в пределах одной емкой фразы, максимум двух-трех: см., например, «Словарь терминов московской концептуальной школы» или см. далее в прилагаемой «Инструкции для авторов словаря»). Словарь является персонифицированным – авторским – и предполагает собственное «высказывание» как собственное «решение» проблемы специфики современной художественности.

3. Структурно весь словарь предлагается строить не по алфавиту или тематически (исключая отдельные разделы и общий финальный список авторов и терминов), а по «отраслевому» принципу, т. е. по преимущественному позиционированию автора как профессионала в той или иной институции, связанной с художественным миром или в качестве агента этого мира. Исходная структура, точнее, контекст позиционирования и представления своих концептов может быть таким: эстетика и философия искусства; философия культуры и культурология; искусствознание и другие науки об искусстве (и не об искусстве тоже); критика; арт-менеджмент и выставочная деятельность; художники (как профессионалы, так и «воскресные художники» – непрофессионалы; реципиенты; «случайные прохожие», etc.). NB: структура словаря – открытая!

4. Конвенции предполагаются разные. Особенно важна, прежде всего, «внутренняя конвенция» – с самим собой как автором и своим – другим (alter ego) для большей точности при продуцировании (порождении, творении) смыслов на фоне значений «своих» терминов, да и собственно новых концептов тоже. Есть конвенциональность и внешняя – как в пределах ближайшего сообщества авторов по разделу (разделам): обсуждение с единомышленниками – по выбору – и возможные коррективы в этой связи, так и в контексте словаря в целом при участии экспертного совета (авторитетной редколлегии). И очень важна будет, так сказать, «гипер-конвенция». Было бы правильно открыть сайт в Интернете под реализацию проекта словаря и организовать форум с той или иной степенью доступа и полномочий, включая также и другие сервисы. Помимо корректировки «статей» с помощью такого инструментария, это приведет к созданию перманентного словаря и так позволит максимально синхронизировать словарь и современное искусство. Выход словаря в Интернет также позволит решить технически проблему мультимедийности и по существу превратит его в электронный ресурс (в том числе и коммуникативно-образовательный). В этой связи особое значение приобретает реальная возможность

давать ссылки на электронные источники самой различной информации и презентации «чистых случаев» художественности в версии автора, наглядно, непосредственно и коммуникативно, через само искусство представляющих тот или иной концепт.

5. Авторы словаря, входящие в команду, «набираются», прежде всего, за счет ресурсов российского и международного эстетического сообщества, а также всех заинтересованных в реализации данного проекта – по всем разделам. Поскольку проект носит открытый коммуникативный характер non finito и потенциально автором может стать любой желающий, то к реально осуществляющейся уже сейчас версии проекта может присоединиться каждый, кто находится или хочет находиться в этой конкретной «транс-традиционной» реальности современной эстетики[1].

---

[1] Полезные ссылки по словарю: «Обращение», «Обоснование концепции», «Инструкция», «Лист персональных данных», «Слоганы и образ проекта» прошу высылать координатору проекта на адрес bvo51@rambler. ru или BorisOrlov51@gmail.com

*Д. С. Сверлов**

Устойчивое развитие российского общества в эмоциональном плане. Природа смеха и средства его достижения

Феномен смеха в разные исторические периоды неоднократно вызывал интерес со стороны ученых. Данная статья рассматривает различные подходы к изучению явления, позволяющие сформировать неоднозначный и во многом противоречивый «портрет» смеха.

Ключевые слова: смех; природа; феномен; зло; парадокс; философ.

О самом смехе как эмоции за тысячелетия человеческой истории написано уже столько, что трудно сказать что-то новое. Однако новизна этой темы остается актуальной, в связи с эволюцией механизмов создания смеха.

Можно сказать, что никому еще не удалось выразить суть смешного лучше, чем Аристотелю в дошедшей до наших времен первой части «Поэтики»: «…смешное – это некоторая ошибка и безобразие; никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное». Разумеется, и это определение несовершенно, но не более, чем тысячи других, пришедших ему на смену.

И все же будем справедливы: история изучения смеха проходит под знаком Аристотеля. Всякому, кто знакомился с ней хотя бы отчасти, известно, что все видимое и устрашающее многообразие теорий комизма имеет единый корень – формулу Аристотеля, согласно которой смешное есть часть безобразного. Одни проводили эту мысль более последовательно, другие – менее, но, по сути дела, никто от аристотелевского определения далеко не ушел. Да и некуда было идти, ибо автор поэтики почувствовал главное, что есть в смехе, – его парадоксальную ценностную ориентацию.

Сегодня, учитывая все основные теоретические варианты, можно осмелиться утверждать: в написанном до сих пор о смехе с неумолимостью повторяются, варьируются две идеи, которые вряд ли могут быть поколеблены в обозримом историческом будущем: сущность смеха, невзирая на всё кажущееся бесконечным многообразие его проявлений, едина; сущность смеха – в обнаружении смеющимся некоторой доли негативности, известной «меры зла» в том, над чем он смеется.

* ***Дмитрий Сергеевич Сверлов*** – аспирант, Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург).

© Д. С. Сверлов, 2016

Собственно говоря, здесь даже не две, а одна мысль: второй тезис просто указывает на то, что́ именно вызывает в человеке желание смеяться. Однако если с первой частью утверждения все более или менее ясно, то вторая часть всегда рождала недоумения и вопросы: сарказм или ирония вроде бы действительно нацелены на обнаружение зла, но как быть с другими видами смеха – с «беззаботным», «доброжелательным» смехом, с «ласковой» улыбкой и «мягким» юмором?

«Мягкий», «добрый» смех взрослого, наблюдающего за неловкими движениями малыша (пожалуй, предельный случай для опровержения аристотелевской формулировки), на поверку оказывается связан хотя и с малой, но все-таки долей негативности: ведь смех взрослого вызывает отнюдь не ловкость детских движений, а их неловкость.

Конечно же, речь идет о зле в самом широком толковании, обнимающем и реальную угрозу, бессильную перед твердостью духа, и бесхитростные цирковые обливания водой, удары по голове, падения на арене, и самые тонкие проявления негативности, возникающие в ситуациях пресловутого «несоответствия формы и содержания»; кстати, приставка «не» уже оповещает нас о какой-то деформации, отклонении от нормы. Яркий пример – рассказанная Версиловым в «Подростке» история о человеке, который – то ли от нервного напряжения, то ли еще от чего – вдруг неожиданно для себя самого «засвистал» на похоронах, охватывает почти всю шкалу вариантов негативности, порождая смех читателя, надежно прикрытого от события эстетической дистанцией. Здесь есть зло и в его мыслимом пределе (смерть, похороны), и в виде аномальной реакции персонажа, и вообще в самом факте абсурдности, нелепости случившегося. Нелепости, впрочем, лишь по меркам нынешним: архаический ритуал хорошо знаком с такого рода превращенными «радостными» формами отношения к смерти…

Главный вопрос, который необходимо задать для того, чтобы приблизиться к пониманию проблемы, должен звучать так: почему смех «ненормален» по сравнению с остальными «нормальными» эмоциями; почему эволюция – биологическая и культурная – подарила человеку столь парадоксальный, веселый способ оценки существующего в мире зла, пусть не всего, но все же значительной его доли?

Наш вопрос сразу же может быть атакован другим. Разве улыбающийся младенец борется со злом? Где в смехе ребенка можно найти что-то такое, что соответствовало бы сущности ис-

тинно человеческого смеха – радости, возникшей в момент усмотрения зла?

Кажущаяся сила этого вопроса сбивала с толку многих и вынуждала их скрепя сердце произнести: увы, единая концепция смеха невозможна. Смех может быть ответом не только на негативность, но и просто выражением радости, чистого удовольствия. Что младенец! Даже молодые здоровые люди смеются так часто и беспричинно лишь оттого, что они просто молоды, здоровы и наивны.

Так намечаются контуры решения проблемы существования двух видов смеха, скрывающихся под одной и той же маской, но выражающих различные чувства: смешное охотно становится радостным, тогда как само радостное совсем не обязательно должно быть смешным. Впрочем, даже и тут мы можем перекинуть мостик: глядя в прошлое нынешнего «здорового» смеха, мы без труда увидим его связь со злом. Энтузиастический порыв, дружелюбная демонстрация мощи особи в актах игры-драки или во время церемонии приветствия-угрозы есть не что иное, как самая первая, грубая и прямолинейная форма связи между потенциальной угрозой и бурно выражаемой эмоцией, которой когда-нибудь предстоит стать человеческим смехом.

Однако вернемся к индивиду. Улыбающийся младенец – обладатель чистой формы, доставшейся ему даром от поработавшей над этой формой культуры. Когда он улыбается, никакого несоответствия между характером формы и предметом, ее вызвавшим, действительно, нет и не может быть: перед нами никакая не парадоксальная, а абсолютно нормальная, естественная реакция – приятное событие (появление матери или новая игрушка) рождает приятное чувство. Такое положение сохраняется довольно долго. Ребенок уже умеет говорить, а смех его все еще остается смехом, условно говоря, «дочеловеческим», хотя по форме своей он ничем от смеха подлинного не отличается. Идет время, ребенок смеется десятки раз на дню, получая от смеха удовольствие, которое ничем другим он заменить не может. Перед нами любопытная и явно переходная по своей сути ситуация: человек уже научился смеяться, но не обрел еще объекта, достойного осмеяния; круг ситуаций, которые смешат ребенка, пока еще остается крайне ограниченным и наполненным на редкость однообразным «материалом». Пока что в смехе разрешается лишь переполняющая ребенка «радость бытия», субъективное физиологическое ликование, родственное восторгу играющего щенка.

Но вот наступает фаза перелома. Незаметно для себя ребенок совершает первые, пока еще нерешительные и не вполне удачные, попытки смеяться над тем, что по-настоящему смешным ему вовсе не кажется. Наблюдая за взрослыми, смеющимися своим «взрослым» смехом над чем-то еще не понятным ребенку, он, подчиняясь заразительной силе смеха, начинает смеяться вместе с ними. Его смех формален, поверхностен, он лишь имитирует понимание того, что на самом деле пока еще не кажется ребенку ни смешным, ни понятным. Но постепенно дело идет на лад: он начинает все чаще угадывать, выделять те ситуации, которые следует оценивать посредством «взрослого» смеха. И в конце концов у ребенка вырисовывается смутный образ того общего, что наличествует в различных осмеянных взрослыми вещах, а в итоге он и сам научается безошибочно узнавать признаки этого общего, чему он еще не знает имени, а если и знает, то уже не осознает, что смеется именно над ним, а не над чем-то иным.

С этого момента перед ребенком встает непреодолимый барьер, заслоняющий от его интеллектуального взгляда источник смеха. Путь назад отрезан решительно и окончательно. Обретя наконец-то истинно человеческий смех, он теряет способность понять, отчего смеется: положительный характер смеха надежно скрывает причину, его породившую. Кто, будучи в здравом уме, увидит в плюсе минус? Собственно, такой барьер сложен не только для ребенка, его не смогли одолеть и многие теоретики комизма. Негативность растворялась в улыбке и не давала возможности себя опознать: смех становился непроницаемым, «зеркальным». Такова амальгама зеркала – в ней можно увидеть все, но только не ее саму…

Переворот в сознании и неприметный для сознания может свершиться почти мгновенно. Вот сидит у цирковой арены мальчик. Клоун падает, растягивается на опилках, но мальчик не смеется. Он еще не знает, не догадывается о том, что случившееся смешно, что над падением человека можно смеяться. Но пройдет совсем немного времени, и уже в следующий раз мальчик будет вместе со всем залом хохотать и хлопать в ладоши. Он совершил открытие – научился видеть мир в зеркале смеха, однако понадобятся годы, прежде чем это зеркало станет двусторонним и заставит его смеяться над самим собой.

История знает множество форм смеха. Хотя в различных культурах люди смеялись над разными вещами и смеялись по-разному, это не меняло главного: сущность смешного остается во все века одинаковой, идет ли речь о «гротескном» образе тела и его отправлений, поэзии английского нонсенса, «надгробном» юморе или же о гоголевском смехе, прорывающемся сквозь невидимые миру слезы. Присутствие в вещи момента негативности, известной «меры» зла, которая и пробуждает в нас способность к смеховой оценке, в любом случае остается непоколебленной. И эта парадоксальная черта смеха – радости, осмеивающей зло, – наводит на мысль о

том, что парадокс, и, может быть, не меньший, кроется в самой гримасе смеха, в самой форме его бытия на человеческом лице.

Большая часть шуток, которые вызывают общий смех, так или иначе связаны с тем, что кто-то терпит неудачу. Казалось бы, что может быть смешного в том, как кто-то поскользнулся на лестнице или упал с велосипеда? Но в этих «шутках» кроются фундаментальные аспекты юмора.

Первое требование к смешной ситуации – игривые обстоятельства, которые ставят событие из реальной жизни в несерьезный контекст. Именно они объясняют, почему большинство людей не находят смешными съёмки горящего 10-этажного здания, из которого выпрыгивают люди и разбиваются насмерть. В данном случае серьезность несчастья препятствует установлению несерьезного контекста. Однако ролики, где какой-нибудь очередной бедолага падает на беговой дорожке, кажутся нам забавными.

В начале 1990-х ученые обнаружили в мозге зеркальные нейроны. Уильям Фрай, психиатр из Стэнфордского университета, считает, что это открытие привело к новому пониманию аспектов юмора, и именно эти клетки могут объяснить, почему мы смеемся, когда кто-то падает. Из собственного опыта мы знаем, что когда мы падаем, мы пытаемся удержать баланс, махая руками и мечась в самых странных позах. Эти движения контролируются нейронами в нашем мозге. Но когда мы наблюдаем, как другой человек спотыкается, некоторые из наших собственных нейронов активизируются так же, будто мы сами начали двигаться в попытке удержаться от падения. Эти зеркальные нейроны как бы дублируют паттерны активности мозга падающего человека из ролика на YouTube в мозг смотрящего этот ролик. Таким образом мозг наблюдателя «щекочет» этот «неврологической призрак»: он испытывает неосознанную стимуляцию, которая усиливает восприятие несоответствия, о котором шла речь выше.

По причине наличия зеркальных нейронов, продюсеры классических ситкомов используют закадровый смех. Он автоматически заставляет нас смеяться, когда мы его слышим. Экспериментально доказано, что зеркальные нейроны активизируются, когда человек слышит и другие окружающие звуки, связанные с триумфом, страхом, радостью и отвращением [2].

Еще одной важной характеристикой смешного анекдота, эпизода из жизни или видео на YouTube является несоответствие или непоследовательные отношения между сутью происходящего и его кульминационным моментом. Падения не так часто встречаются в нашей нормальной жизни и всегда являются неожиданными. Как бы ни было стыдно, несмотря на всю нашу сердечность и участливость, когда коллега в офисе садится мимо стула и получает ушиб копчика, мы не можем сдержать смех. Очевидно, у нас срабатывает другой, более мощный инстинкт.

Одной из причин, по которой история, анекдот или ролик на YouTube кажутся нам смешными, является шокирующий момент, который непременно должен присутствовать в хорошей шутке. Шок может быть связан с насилием, пошлостью, грубостью или страхом.

Приверженцами такой точки зрения были Платон и Аристотель, считавшие, что людям смешно, когда с кем-то другим происходят неприятности, потому что такие ситуации доказывают превосходство смеющегося над неудачником. Объяснить, почему мы хохочем над парадоксальными шутками, эта гипотеза не в состоянии. Третий вариант предполагает, что люди начинают смеяться для того, чтобы снять напряжение, скажем, при чтении анекдотов на табуированные темы. Этой версии о природе смеха придерживался Зигмунд Фрейд, но она, как и остальные, применима только в очень ограниченном числе случаев. Разъяснить, отчего людям нравятся лингвистические шутки или беззлобные карикатуры, «гипотеза облегчения» не может. В последние годы психологи и физиологи, кажется, нашли то направление, которое должно привести их к ответу на вопрос, зачем нужен смех. Не в последнюю очередь прогрессу в изучении назначения смеха помогла щекотка. От прикосновений пальцами к определенным участкам тела смеются не только люди – как обнаружили ученые, щекотки боятся обезьяны и некоторые другие млекопитающие, не входящие в отряд приматов. Нередко животные щекочут друг друга во время игр, когда в шутку дерутся друг с другом. Специалисты предположили, что щекотание других особей – это несерьезная имитация нападения.

Людям кажутся смешными ситуации, в которых случаются неприятности, однако причиняемый вред не должен быть настолько серьезным, чтобы вызвать сильные отрицательные эмоции – страх, горе или жалость. Когда кто-то падает, поскользнувшись на банановой кожуре, мы смеемся, потому что горе невелико, и мы не сочувствуем упавшему. Но если при падении несчастный размозжит себе голову об асфальт, нормальному человеку вряд ли захочется расхохотаться. Все сказанное выше объединила в себе так называемая гипотеза мягкой агрессии, которая постулирует, что ситуация будет смешной в том случае, если а) в ней присутствует насилие; б) это насилие мягкое. Под мягким насилием могут подразумеваться и нарушения принятых норм, например лингвистических или моральных. Правда, последнее покажется человеку смешным только в том случае, если эти нормы для него малозначимы.

Итак, на сегодня большинство исследователей, занимающихся изучением смешного, полагают, что смех вызывает мягкая агрессия, происходящая неожиданно. Эволюционное значение смеха все еще вызывает споры, но, вероятнее всего, он помогает снимать напряжение и улаживать конфликты, не доводя их до насилия настоящего. Даже крысы, не говоря уж о людях, предпочитают больше общаться с теми сородичами, которые активнее и чаще смеются в ответ на щекотку. Могущество смеха сложно переоценить, ведь во времена войн и катаклизмов он давал людям надежду и наделял силой идти вперед, несмотря ни на что. Мир умрет тогда, когда прозвучит последний раскат смеха.

Литература

1. Аверинцев С. С. О духе времени и чувстве юмора // Новый мир. – 2000. – № 1. – С. 139–141.
2. Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. – Л. : Наука, 1977.
3. Скрипник А. П. Моральное зло. – М. : Политиздат, 1992.
4. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – М. : Наука, 1994.
5. Ярхо В. Н. Комедия. – М. : Лабиринт, 2002.
6. Javeau C. De l'auto-dérision à l'humor: le cas belge // 10th International Humor Congress. – P., 1992. – P. 123–124.
7. Kierkegaard S. O powszechnym znaczeniu ironii. Ironia Socratesa // Toeplitz K. Kierkegaard. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1975. – S. 198–206.

М. С. Ильченко*

Российский мегаполис в логике постфордизма: «точка роста» или «зона неопределенности»?[1]

В статье анализируется потенциал использования концепций постфордизма при рассмотрении трансформации крупного российского мегаполиса в постсоветский период. Показано, что сложность изучения динамики развития городов в современной России объясняется одновременным протеканием в их среде разнородных процессов, традиционно относимых теориями социальной науки к различным фазам трансформации городских систем. Отмечается, что использование постфордистских концепций в состоянии не только упорядочить накопленные знания о развитии российского города, но и придать этим концепциям новое звучание.

Ключевые слова: город; городское развитие; постфордизм; социальная трансформация.

В дискуссиях об уровне и темпах социально-экономического развития современной России городам обычно отводится особая роль. На фоне кризисных явлений и общих экономических трудностей в них неизменно стремятся видеть «точки роста», «локомотивы экономики» и «пространство для инноваций». В спорах о соответствии развития российской экономической системы мировым глобальным тенденциям именно фактор городского развития нередко оказывается последним положительным аргументом. И даже, несмотря на то что в крупнейших городах России проживает лишь пятая часть населения, а отдельным стандартам мировых мегаполисов из них соответствует от силы три-четыре, российские города-миллионники продолжают восприниматься как своего рода островки глобализации, в которых могут быть различимы черты «постиндустриальной структуры экономики» [1]. Это кажется неудивительным, поскольку именно в пространстве крупных городов интенсивность изменений, произошедших в стране за последние десятилетия, оказалась наиболее заметной и осязаемой.

* ***Михаил Сергеевич Ильченко*** – канд. полит. наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

[1] Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-8766.2016.6).

© М. С. Ильченко, 2016

Российские мегаполисы стали своеобразной витриной достижений новой эпохи и одновременно выступили в роли призмы, позволяющей более четко разглядеть противоречия и конфликты, неизбежно сопровождающие масштабные социальные преобразования.

Но, как ни странно, попытки осмыслить трансформацию крупного российского города за последние два с лишним десятилетия предпринимались исследователями крайне редко. Города, как правило, рассматривались в русле общей динамики социальных изменений и потому, в зависимости от используемого подхода, обнаруживали в себе черты «постиндустриальных», «постмодернистских», «глобальных» и т. п. Иными словами, оцениваясь через соотношение с мировыми глобальными тенденциями, российские города при этом оказывались как бы вырванными из соответствующего методологического контекста. В этой связи важно понять, насколько сформировавшиеся в западной социальной науке концепции городского развития оказываются применимы к анализу сегодняшнего состояния российских городов и какие тенденции они способны увидеть в динамике их развития.

Понятием, давшим западным исследователям одну из наиболее прочных теоретических рамок для рассмотрения происходящих с современным городом трансформаций, стал постфордизм. По сравнению с другими родственными категориями, образуемыми приставкой «пост», в применении к анализу городских процессов это понятие имело несколько ощутимых преимуществ. В отличие от концепций постиндустриализма с изначально сильной проективной составляющей, постфордизм был ориентирован не на будущее, а на текущий момент и потому видел в башнях стремительно вырастающих в центре мегаполисов деловых кварталов не столько очертания новой информационной эры, сколько переконфигурацию городского пространства «здесь и сейчас». В свою очередь, по сравнению с широким охватом постмодернистских теорий, постфордизм оказывался конкретнее и предметнее, акцентируя основное внимание, скорее, не на самом внешнем облике города, играющего многообразием новых символов, а на тех практиках и механизмах, которые делали такую «игру» возможной. Во многом благодаря этому понятие «постфордистский город» довольно активно вошло в научный обиход, проникнув в совершенно разные области исследований (см., напр.: [5; 6; 7]).

В российской практике изучения города постфордистские концепции практически не прижились, затерявшись в общем объеме «импортируемого» западного знания. Их изначальный теоретический посыл казался смутным и неясным – возникшие как реакция на кризис капиталистической системы 1970-х годов «постфордистские дебаты» были малопонятны в постсоветских реалиях 1990-х

и в этом смысле уступали альтернативным теориям в плане остроты и «приближённости к действительности». Кроме того, новый российский мегаполис представлял собой пространство, в котором наблюдалось «всё и сразу» – резкое, визуально ощутимое проникновение рынка, смена архитектурного облика и градостроительных стратегий, ломка привычной городской географии, появление новых социальных групп и пр. В общей сумятице изменений эти явления не раскладывались по «секторам» и «сегментам», а вполне естественно рассматривались в единой логике масштабной социальной трансформации.

Между тем «постфордистский» взгляд, как никакой другой, оказался способен придать рассуждениям о современном городе стройность и последовательность. Ключевую роль для сторонников постфордистских концепций всегда играла сама приставка «пост». В анализе причин кризиса капиталистической системы и возможных путей его преодоления их интересовало не столько то новое состояние, которое должно было прийти на смену существующей системе отношений, сколько процесс перехода к нему и то, какими условиями этот переход сопровождался (см., напр.: [8]). Другими словами, основным предметом их внимания становился сам системный кризис.

Для анализа городского развития такой подход имел особое значение. Постфордистские концепции были призваны объяснить одну из самых глубоких социальных трансформаций последнего столетия – упадок развития крупных промышленных городов, являвшихся центрами производства, опиравшихся на функциональную пространственную структуру и четко регламентировавших жизнь своих жителей. При этом основной акцент делался на процессе медленного вялотекущего распада фордистского городского уклада – т. е. на состоянии, когда в 1960–1970-х годах старая роль городов была уже утрачена, а новая «еще не была подобрана» [2].

В логике постфордизма развитие городского пространства было неотделимо от изменений состава населяющих его социальных групп, а жизнь самих горожан подчинена сложившимся в этом пространстве структурам и практикам. Так, пустеющий после ухода промышленных предприятий фордистский город постепенно сменялся новым мегаполисом – финансовым центром, играющим роль своеобразного узла в системе глобальных коммуникаций и сосредотачивающим в себе работников всевозможных сфер услуг. В свою очередь, перенасыщенный капиталами «глобальный город» [3] постепенно сталкивался с уже новыми вызовами – потребностями в «гуманизации», необходимостью его «возвращения» людям и поиском новых способов репрезентации не только в экономическом, но и в культурном поле. Каждый из этих этапов занимал минимум

полтора-два десятилетия и при этом вполне мог определяться как «постфордистский», характеризуясь сложными переходными состояниями и постепенным, медленным утверждением новых черт и особенностей городского развития.

В российских условиях выявление таких закономерностей было невозможным. За короткий постсоветский период все эти фазы оказались как бы наложены друг на друга, а характеризующие их черты переплетены и перемешаны в общей, не вполне понятной и не различимой с первого взгляда логике развития. Новый крупный российский город представал одновременно «советским», «постиндустриальным», «глобальным» и «креативным». И хотя подобные характеристики имели отношение от силы к двум-трем крупнейшим мегаполисам, степень выраженности каждой из обозначенных тенденций была достаточно высокой. Это очевидно осложняло не только сугубо аналитическую задачу: где и как проводить границу между различными по своей природе и направленности процессами, но и заметно затрудняло саму проблему управления городом: как просчитывать возможные риски городского развития и выстраивать соответствующие стратегии при фактическом отсутствии каких-либо адекватных примеров.

Так, в отличие от западных государств, Россия не преодолела кризис фордистского города. Во-первых, этот кризис в принципе никогда не осознавался как самостоятельный, а воспринимался исключительно в качестве побочного эффекта распада советской системы в целом. Во-вторых, «советское наследство» до сих пор выступает ключевым фактором, определяющим развитие крупных российских городов как в пространственном, так и в функциональном смысле. При этом с точки зрения городской структуры глубоко индустриальными остаются все крупные мегаполисы страны, включая Москву (см., напр.: [4]).

Проникновение постиндустриальных тенденций в пространство постсоветского мегаполиса также носило сугубо стихийный характер и с трудом укладывалось в какую-либо логику. В большинстве случаев «постиндустриальное преображение» российских городов проявляло себя в неконтролируемом освоении средним и крупным бизнесом тех ниш, которые оставались «пустыми» на фоне ломки старой системы. Характерным примером этого может служить так называемая «точечная застройка» – резкое и бессистемное внесение новых элементов в сложившуюся городскую структуру, при нарочитом отсутствии какой бы то ни было стратегии. Со временем эти тенденции оформились и упорядочились, однако не изменили стержневого противоречия современного российского мегаполиса: развития постиндустриальных черт экономики в пространстве жесткой индустриальной структуры.

В результате наблюдаемые сегодня отдельные и пока еще слабые проявления тенденций к гуманизации городской среды и освоению города как культурно-символического и «креативного» пространства оказываются лишенными необходимого социального фундамента. Ведь, в сущности, они развиваются в условиях, когда неосознанным и неотрефлексированным продолжает оставаться само то явление, реакцией на которое они призваны выступать.

В этом смысле использование постфордистских концепций при анализе современных городских процессов в состоянии выполнять двойную задачу. Оно, с одной стороны, позволяет упорядочить уже накопленные знания о развитии российского города, тем самым концептуализируя саму проблему его трансформации в постсоветских условиях, а с другой – дает возможность подспудно придать этим концепциям и инструментам новое звучание и, вполне вероятно, обнаружить в них новый эвристический потенциал.

Литература

1. Зубаревич Н. Четыре России и новая политическая реальность // Полит.ру. – 2016. – 17 января. – URL: http://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/
2. Каминер Т. Кризис планирования и постфордистский город // Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М. С. Ильченко, В. С. Мартьянова. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – С. 137–155.
3. Сассен С. Город как призма для социальной теории: новые исследовательские перспективы // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Т. 13, Вып. 4. – Екатеринбург, 2013. – С. 74–100.
4. Финогенов А. Градостроительная реальность советского города // Доклад Института территориального планирования «Урбаника». 2012. – URL: http://urbanica.spb.ru/?p=3096
5. Aureli P. V., Tattara M. The Ruins of the Post-Fordist City // Architectural Design. – 2011. – Vol. 81, Issue 1. – P. 110–119.
6. Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. – Wiley-Blackwell, 1991.
7. Mayer M. Post-Fordist City Politics // Post-Fordism: A Reader / Ed. by A. Amin. – Blackwell Publishers, 1994. – P. 316–337.
8. Peck J., Tickell A. Searching for a New Institutional Fix: the After-Fordist Crisis and the Global-Local Disorder // Post-Fordism: A Reader / Ed. by A. Amin. – Blackwell, 1994. – P. 280–315.

М. Кенигштейн*

Аккультурация иммигрантов – важнейшее условие устойчивого развития

И если случится,
что среди нас будут жить
лица других исповеданий
или других национальностей,
они также будут пользоваться
всеми правами
и покровительством государства.
Теодор Герцль.
Еврейское государство

В докладе представлены результаты исследований проблем иммигрантов, прибывших в Израиль из СССР/СНГ. На основе статистических данных и результатов исследований анализируется социальный, этнический и национальный статус иммигрантов, отношение к ним государства и общества, особенности процесса социальной и культурной интеграции.

Ключевые слова: Израиль; иммигранты-неевреи; адаптация; аккультурация; интеграция иммигрантов; общество; ценности.

Одним из условий устойчивого экономического и социального развития любой страны является успешная адаптация и интеграция мигрантов и беженцев, потоки которых резко возрастают как следствие гражданских и международных войн и конфликтов. В этом контексте представляет не только научный, но и большой практический интерес израильский опыт приема и аккультурации иммигрантов (репатриантов).

Израиль был создан 67 лет назад как национальное государство, основанное на массовой репатриации евреев и членов их семей. За время существования Израиля его новыми гражданами стали более 2,5 миллиона репатриантов, этнокультурная принадлежность и исторические судьбы которых тесно связаны со странами исхода, различными этносами и культурами.

Несмотря на политику «этнической гомогенизации», к началу XXI века Израиль превратился в мультиэтническое государство,

* ***Моше Кенигштейн*** – руководитель Дома ученых (Израиль, г. Тель-Авив).

© М. Кенигштейн, 2016

более четверти населения которого (более 2 миллионов человек) – неевреи. Кроме местных этноконфессиональных меньшинств (арабов, бедуинов, друзов и др.) к неевреям относится более 300 тысяч иммигрантов, прибывших в Израиль из СССР и постсоветских стран в составе этнически смешанных семей. За 25 лет, с 1991-го по 2015 г., доля неевреев в среднегодовой численности иммигрантов из СССР/СНГ постепенно увеличилась с 5–10 % в начале периода до 75 % в настоящее время.

Главные причины и мотивы эмиграции неевреев в Израиль обусловлены неблагоприятными – «выталкивающими» – факторами: снижением уровня жизни, социально-экономической и политической дестабилизацией в стране исхода. Неевреи принимают решение об эмиграции, как правило, вместе с еврейскими членами семьи (родителями, супругами), присоединяясь к родственникам, друзьям и знакомым. Этнокультурные критерии (прежде всего, еврейский характер Израиля) принимаются во внимание, но не играют решающей роли. Большинство иммигрантов считает Израиль развитым демократическим государством западного типа, обеспечивающим равные права и достойные условия существования репатриантам и членам их семей – неевреям.

В отличие от этнических меньшинств Израиля, иммигранты-неевреи смешаны с еврейским населением Израиля; они не являются этнически определенной и территориально обособленной группой населения, не стремятся к компактному расселению, не обладают специфическими признаками территориальной, социальной, культурной или конфессиональной общности. Русскоязычные иммигранты-неевреи не ощущают принадлежности к единой, «нееврейской», этнокультурной общности, они не изолированы от еврейского населения Израиля и не проявляют особых чувств групповой идентичности и солидарности. Объективно, по основным этнокультурным и социальным признакам, иммигранты-неевреи входят в состав субкультурной общности русскоязычных («русских») израильтян и, как правило, идентифицируют себя с этой группой населения Израиля.

Отношение к иммигрантам-неевреям со стороны государства определяется, с одной стороны, демократической системой правления и гражданским равноправием, с другой – дискриминационным религиозным законодательством (определение национальной принадлежности, браки и разводы). В израильском обществе нередко культивируются и распространяются стереотипы, демонизирующие иммигрантов-неевреев, наделяющие их негативными чертами. Отделяя неевреев от евреев «по крови», израильское государство и общество навязывают русскоязычным иммигрантам-неевреям искусственные, символические этнические границы, пре-

вращающие их в отдельную группу населения, якобы враждебную и опасную для общества и государства.

Под влиянием неблагоприятных социокультурных факторов в самосознании многих иммигрантов-нееврев генерируются негативные процессы, затрудняющие их аккультурацию в израильском обществе. В результате нередко происходит деформация и полная утрата этнической идентичности, социальная и культурная дезориентация, отказ иммигрантов от стратегии интеграции.

Вместе с тем негативные чувства, связанные с разрушением прежней этнической идентичности, чаще всего компенсируются в сознании иммигрантов-нееврев новыми элементами национальной, гражданской, политической и религиозной принадлежности к израильскому обществу. По данным нашего исследования, в процессах аккультурации большинства иммигрантов-нееврев преобладает позитивная направленность, стремление к социокультурной интеграции в обществе.

Все без исключения иммигранты-нееврев подчеркивают особую значимость и важность для них израильской национально-гражданской принадлежности, позволяющей им чувствовать себя «своими» в Израиле. Они, как правило, считают себя «русскими израильтянами», дорожат и нередко гордятся израильской идентичностью. Во многих случаях связь иммигрантов с еврейством усиливается, становится более прочной благодаря еврейской среде общения, более частым и разнообразным контактам с евреями, приобщению к еврейской истории и культуре, к традициям и праздникам еврейского народа.

И. Б. Фан*

Традиционное отцовство: между политической утопией и реальностью

В статье рассматривается проблема кризиса социального института отцовства в современной России, выявляются социальные и политические аспекты данной проблемы, предпринимается попытка найти глубинные политические и психологические причины и последствия данного кризиса, его значение для социализации и формирования политической культуры молодежи и населения в целом.

Ключевые слова: социальный институт отцовства; традиционное отцовство; кризис отцовства; политический лидер; идентичность; психоисторические основания кризиса отцовства; Сталин.

Известны данные статистики и социологии о плачевной демографической ситуации в России, снижении рождаемости, увеличении числа разводов и неполных семей. Кризисы – демографический, семьи, отцовства, личностной и социальной идентичности, морали и нравственности, – зафиксированы в научной литературе. Специалисты сделали выводы о социальных и психологических патологиях (преступность, насилие, детская агрессивность, распад семьи, разного рода зависимости, плохая успеваемость, психические расстройства, самоубийства и т. п.) как следствии распространения безотзовщины. Эту проблему можно рассматривать в контексте морального коллапса в современном мире и России и его связи с политической ситуацией, с перспективами развития утопий и идеологий, морали, нравственности и правового сознания [4].

Кризис института отцовства И. С. Кон рассматривает как важный аспект трех взаимосвязанных процессов – кризиса семьи, маскулинности и власти [2]. Однако с оценкой политических аспектов кризиса власти со стороны И. С. Кона можно поспорить. Он считает, что в демократических странах граждане являются политическими сиротами, привыкшими жить без «отца» как вождя и защитника. По нашему мнению, И. С. Кон не вполне корректно переносит характеристики российской ситуации на европейский кон-

* ***Ирина Борисовна Фан*** – д-р полит. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

© И. Б. Фан, 2016

текст. Исторически обособление частной жизни в европейских странах в XVIII–XIX вв. происходило, в первую очередь, в буржуазной среде, путем развития частной собственности, правовых и иных механизмов защиты приватной жизни буржуа. Одним из важнейших в этом процессе была дифференциация мужской и женской ролей в семье и обществе. Женщине досталась роль охранительницы частной жизни членов семьи, подчиненной мужчине, а мужчине, отцу семейства – роль гражданина, обладающего гражданскими и политическими правами. Суверенизация индивида-мужчины происходила параллельно суверенизации семьи. «Свобода, равенство, братство мужчин возрастали на семейном деспотизме. Похоже, что развенчание, детронизация и десакрализация власти Монарха сопровождалась увенчанием и сакрализацией главы каждого отдельного семейства, превращавшегося в монарха, деспота, тирана в своем доме» [1. С. 141]. «Мультипликация авторитаризма» отцов как обратная сторона ограничения абсолютной власти монарха выступает в истории Европы одним из элементов модернизации и демократизации. Полная власть отцов над домочадцами в частной жизни стала основой развития политического самосознания и усвоения ими новой публичной роли.

В России многое протекало иначе. Серьезный удар по авторитету отца в семье, обществе и культуре был нанесен в советское время. История, идеология, механизмы и технологии данного процесса – тема отдельных исследований. А. Левинсон описывает важнейшие трансформации, произошедшие в семье, частной и публичной сфере, соотношении мужского и женского в период становления и развития советского строя. «Государственная система детских учреждений, учреждений здравоохранения, образования частично разделили между собой функции семьи, исполнявшиеся женщиной-матерью, приняли на себя задачи социализации. Огосударствление личных внутрисемейных… отношений было совершено в национальных масштабах, т. е. поголовно, как это свойственно тоталитарному государству… Произошло прорастание семьи в государство, а государства в семью» [3. С. 139]. Государство заменило хозяина-мужчину, каким он был в традиционной семье, но также лишило его возможности полноценно исполнять отцовскую функцию социализации детей.

Что произошло вследствие замены отца государством? Во-первых, государство стало заместителем хозяина, отца и мужского в целом. Случилось это в силу множества причин – революции, войны, репрессий, коллективизации. Сокращение количества мужчин – вот «цена» советской модернизации, сказывающаяся до сих пор. Во-вторых, Сталин с помощью силовых структур провел операцию персонификации власти, самовоздвижения на вершину государства. Он стал вождем, устранив не только «ленинскую гвардию», но и потенциальных политических конкурентов. Это стало способом экспроприации им целого государства как хозяйства, собственности и инструмента тотального господства над подданными. Идеологическим и культурно-символическим способом легитимации концентрации власти в одних руках стало присвоение им роли «отца всех народов». Таким образом, посредством такой политики он фактически лишил всех рядовых граждан мужского пола не только политической автономии и экономической роли самостоятельных хозяев или работников, но даже символического значения отца в собственной семье. Произошла двойная рокировка: государство отобрало многие функции у отцов, а Сталин сделал своей собственностью государство. Но стал не подлинным, но мнимым отцом.

Механизм обожествления, создания культа «отца», и цель, ради которой это делается, на примере культа Ленина показывает С. Московичи. Культ личности Ленина, созданный Сталиным и другими их сподвижниками, перешел на «создателей» этого культа – руководителей партии, а потом, после специальной работы, на одного единственного вождя. С. Московичи описывает, как Сталин, уничтожая собственных конкурентов в борьбе за власть – наследство Ленина, пожирает биографии всех «свидетелей революции». «Поднявшийся на позицию единственного великого человека революции, он становится узурпатором вдвойне: узурпатором своих “братьев”, или товарищей, и узурпатором Ленина, который хотел отстранить его от своего наследия. Он провозглашает себя образцом, которому каждый должен следовать и повиноваться, как своему отцу». Он похищает даже любовь, которую массы испытывали к старым революционерам. «И когда любовь становится осиротевшей, массы ее переносят на него» [5. С. 442]. Сталин фактически переписывает историю революции, переводя «коллективную историю в биографию одного человека, ее божественного демиурга» [Там же. С. 444]. Сталин присвоил роль Бога-отца – «отца народов», создав собственную светскую религию и культ. Но сверхотец – это всегда псевдоотец.

Садизм, мстительность и мегаломаническую жажду власти Сталин компенсировал отнюдь не в своей фантазии, а в реальной жизни. Главным источником этих качеств личности Сталина Д. Ранкур-Лаферриер считает не «ущемленный нарциссизм Сталина и его последующую социопатию, а плохие отношения с родителями (особенно с отцом)» [Там же. С. 518]. Фигура Сталина отсылает нас к первому в русской истории квазиотцу – Ивану Грозному. Отождествление Сталина с Иваном Грозным, другими жестокими русскими царями и даже с Гитлером – еще один психоло-

гический механизм, общий для становления деспотических правителей в России. Психоаналитический подход (наряду с прочими) позволяет высветить фактическую, а не мифо-идеологическую роль этого царя в российской истории и культуре. Речь идет об психоисторическом вкладе, «следах» его деятельности, архетипах коллективного бессознательного, сохранившихся в социально-психологических установках индивидуальной (политические лидеры) и коллективной (население) ментальности. Они до сих пор дремлют в политической культуре, определяющей политическое поведение людей, а официальная пропаганда их изымает из коллективной памяти и актуализирует. Очевидно, последующие властители совершенно сознательно использовали ту технологию концентрации власти, которую открыл Иван Грозный, но, чтобы воплотить ее, нужно состояние психики, типологически сходное с психикой Грозного. Любая технология имеет институциональные и ментальные аспекты. Основой технологии, устанавливающей абсолютный произвол первого лица, выступает насилие, осуществляемое силовыми структурами, в том числе с помощью методов разжигания конфликтов между аристократией и простонародьем. России «повезло» с теми, кто внутренне готов к применению такой технологии. Каждый новый псевдоотец в российской истории возводил свою «харизму» к предыдущим. Психологические основы их власти имеют много общего. Возможно ли после такой политической истории и в существующих ныне условиях воспроизводство традиционной модели и культурной роли отца – серьезный вопрос.

Литература

1. Айвазова С. Г. Семья как пространство частной жизни: новые функции и задачи // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М. : ИСП РАН, 2006. – С. 140–158.

2. Кон И. С. Мужчина в меняющемся обществе. Состояние отцовства в России. – URL: http://www.rumagic.com/ru_zar/sci_psychology/Kon/3/30.html (дата обращения: 19.02.2016).

3. Левинсон А. Наши М и наши Ж // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 2 [076]. – С. 136–140.

4. Мартьянов В. С., Фишман Л. Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. – М. : Весь мир, 2010.

5. Райгородский Д. Я. Психология и психоанализ власти : хрестоматия : в 2 т. – Т. 2. – Самара : БАХРАХ, 1999.

В. Я. Нагевичене*

Феминизм как источник ломки традиционной патриархальной семьи

В данной статье делается попытка рассмотрения феминизма как одного из факторов ломки патриархальной семьи.

Ключевые слова: либеральный, радикальный, социалистический феминизм, маскулинизация, феминизация.

В период развития промышленности и сферы обслуживания возникает потребность в работниках, способных обслуживать запросы развивающейся промышленности, сферы услуг, оформления деловых отношений, экономики, культуры, искусства. Ставка предпринимателей делается на возможность привлечения женского труда в процесс массового производства, тем более что их заработную плату можно было значительно сократить по сравнению с мужской.

В этот период возникает движение «феминизм», организованное как борьба женщин за отстаивание своих прав по сравнению с правами мужчин.

«Феминизм (лат. femina – женщина) – общее название движения женщин против дискриминации по признаку пола. Речь идет об одной из форм дискриминации – сексизме (англ. sex – пол), которая бытует в культуре наряду с расизмом – дискриминацией по расовому, этническому принципу и эйджизмом (анг. age – возраст) – дискриминацией по возрасту. Статус человека в обществе определяется участием в экономической и политической жизни, контролем над собственностью и продуктами труда, существующей системой власти. Поэтому по данным параметрам можно проследить зависимое положение женщины в обществе» [1. С. 1120].

Предшественниками феминизма многие философы считают Кондорсе, Дидро, утверждающих различие полов и в то же время их взаимодополняемость. Милль говорил об эксплуатации репродуктивной функции женщин, создающих рабочую силу для расширяющегося капиталистического производства.

---

* ***Валентина Яковлевна Нагевичене*** – д-р философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» филиал ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (г. Миасс).

© В. Я. Нагевичене, 2016

Появление первых женщин-феминисток относят к XVIII веку, движение феминизма обычно делят на два этапа: 1) с середины XIX века и до 60-х годов XX века, когда женщины, в основном, боролись за «равенство полов», за равные права, в частности за предоставление им избирательных прав («суфражизм»). Хотя сам термин «равенство полов» звучит абсурдно, каждый из нас это понимает.

Во многих странах мира – Финляндии, Норвегии, Дании, Германии, Польше, Канаде, США и др. – такие избирательные права им были предоставлены. Временно женская активность была приостановлена. Но к 1960–1970-м годам женское движение вновь вспыхнуло под лозунгом «равенство и различие», эпицентром данного движения стали США. Феминизм, став «женским освободительным движением» в условиях борьбы за демократию, состоял тогда из трех политических форм: либеральной, радикальной и социалистической.

«Либеральный феминизм ориентируется на достижение равенства мужчин и женщин без радикального изменения патриархатной системы, а с переориентацией разделения труда между полами. Отсутствие разделения труда по половому признаку, как предполагается, должно привести к формированию общества андрогинного типа (т. е. такого общества, в котором отсутствует указанное разделение труда и не подчеркиваются анатомические признаки и различия индивидов)» [1. С. 1121].

«Радикальный феминизм борется за новый общественный порядок, в котором предполагается обособленное существование женщин от мужчин и от патриархатных структур общества. Главным инструментом подавления женщин через сексуальное рабство и насильственное материнство здесь считается семья» [Там же]. Радикальный феминизм подвергал критике традиционную семью, любовь, замужество, материнство… Стало формироваться женское самосознание, чувство личностного самоопределения, женской самодостаточности, но, с другой стороны, это направление дало основание обществу критиковать феминизм за излишнюю распущенность, за нездоровое стремление к переделу традиционного общества, за излишнее стремление к власти…

«Социалистический феминизм рассматривает женскую тему с точки зрения классового и расового господства, вместе с уничтожением которых должна быть разрушена и полная дискриминация. Здесь также нередко пропагандируется полная сексуальная свобода, отказ от материнства, отмена всех социальных различий пола» [Там же]. Два последних типа феминизма часто называют неофеминизмом, пропагандирующим идею «женской революции» против «мужского шовинизма».

Можно с уверенностью сказать, что данное направление неофеминизма поставило много философских и социальных задач, связанных с природой женщины, спецификой ее бытия, о социальной и исторической значимости семьи, о роли женщины в социальном и историческом процессе, о ее участии в культуре и прогрессе нации. Можно сказать, что и сегодня феминистская мысль не имеет четкого своего осознания социологического, философского, политологического, антропологического, психологического… по всем вопросам женского движения.

Мужской и женский пол никогда не будут тождественны, они закладываются в основании культуры и цивилизации. Например, для Запада характерна маскулинная доминанта, опирающаяся на рационализм в ущерб эмоциональности, на культ силы и агрессии, на стремление к власти, на насилие над природой. Что же касается социальной роли женщины, то они оцениваются неоднозначно. Скорее всего, женщина по своей сути является носителем и создателем общечеловеческих морально-нравственных ценностей, национальных особенностей культуры этноса, носителем психологических особенностей данной цивилизации, утвержденной в системе воспитания, особенностей кулинарных рецептов, лежащих в основе национальной кухни и т. д.

«В культуре сложилась такая социальная конструкция, в соответствии с которой подлинно человеческими качествами – свободой, активностью к созданию нового – обладают только те существа, которые не выполняют репродуктивную функцию. Женщина здесь – вторичное бытие или вообще небытие. «Человек» в такой культуре отождествляется с «мужчиной», и во всех философских определениях человека как «политического животного» (Аристотель), «политического существа» (Гоббс), «существа, обладающего свободой» (Руссо), «рационального существа» (Кант), «существа, обладающего самодетерминацией свободной воли» (Фихте) и т. п., фигурирует именно мужчина. Женщина была исключена из общественной жизни и считалась носителем противоположных мужских качеств: иррациональности, эмоциональности, чувственности и т. п. Традиционно сущность женщины определялась через ряд негативных характеристик» [1. С. 1121]. Во всех культурах патриархального уклада (т. е. можно сказать, что во всех мировых цивилизациях) женщина считалась неполноценной по сравнению с мужчиной, ограниченным и слабым существом, способным только служить мужчине и быть ему полезной. Ее сферами могла быть только семья, материнство и секс, вне этих сфер ее жизнь лишена смысла. Ей отказывали и в умственных способностях, а следовательно, и в гражданстве. Гегель предлагал не признавать женщин человеческими существами. На подобной

позиции отрицания значимости женщины настаивает и религия. Ева – олицетворение зла, ответственная за грехопадение. Как утверждал Августин Блаженный, «женщина – это животное, которое лишено твердости и постоянства», а Тертуллиан считал женщину «вратами ада», Фома Аквинский – «неудавшимся мужчиной».

В целом можно сказать, что феминистская мысль направлена на то, чтобы сломать традиционные отношения в обществе, семье, изменить некоторые понятия справедливости, свободы, стремления к власти… главное показать, что женщина не хуже мужчины. На большее феминизм не претендует.

Социальное изменение положения женщин было связано сначала с промышленной революцией XVIII века, а затем с периодом научно-технической революции, когда в огромном количестве стали привлекать женщин в массовое производство.

Постепенно уравнивается экономическое положение женщин в семье по отношению к мужу. Женщина включается в предпринимательскую деятельность, что делает ее равноправной не только в брачных отношениях, но и в обществе. Развитие прикладных наук дало возможность женщине включиться в научно-исследовательскую работу, политическую деятельность, активно проявит себя во всех сферах деятельности науки и культуры.

Сексуальная революция внесла свой вклад в изменение семейных отношений. Секс стал иметь самостоятельную ценность, не включенную в семью, а рождение детей приобретает наукообразную форму – «планирование детей» в отличие от знакомой фразы – «плодитесь и размножайтесь».

Внутрисемейные отношения стали утрачивать эмоциональную силу чувств. Чувство любви всегда были редкостным явлением, а в настоящее время уступило свое место чувству влюбленности или симпатии. Удовлетворение либидо выходит за рамки семейно-брачных отношений.

Для мужчин семейно-брачные отношения становятся обузой, многие из них предпочитают холостяцкую жизнь, как и женщины, они более всего склонны к сожительству – конкубинату (гражданским бракам) без оформления официальных отношений. Юридическое влияние на семейно-брачные отношения постоянно ослабевает. Значение приобретают брачные договоры как гаранты сохранения собственности. «Неравные браки» (брак с «папиком») становятся популярными, хотя они явно унижают женщину, показывают ее бесправие, но в то же время и ее самостоятельность в выборе семейной жизни.

Как для мужчин, так и для женщин открывается возможность поиска брачных партнеров, женщина инициирует выбор партнера, берет инициативу в свои руки.

Исключается старая традиция – уважение и ответственность, почитание старших. Нарушается связь поколений, возрастает проблема «отцов и детей», ускоренный темп социального развития приводит к быстрому падению традиционных ценностей, традиционной семьи.

«В России все эти процессы не нашли радикального решения, и потому они пробивают себе дорогу сквозь строй социальных предубеждений. Вероятно, дает о себе знать византийский образ жизни – “домострой”. Поэтому увеличение числа расторгаемых браков, нарушение супружеской верности, утрата мужчиной своего положения главы семьи и т. п. рассматриваются как падение нравов, как явления, разрушающие общество. Дополнительным фактором, осложняющим все общественные отношения, и прежде всего семейные, является то обстоятельство, что Россия никак не может выйти на путь демократического развития капитализма и имеет более низкий уровень жизни в сравнении с жизнью европейского общества, а это предопределяет во всех общественных отношениях непомерную роль денег. Деньги становятся мерилом жизненного благополучия. Приоритетное значение денег особенно пагубно для брачных и семейных отношений» [2. С. 18].

Идет активный процесс ломки патриархальной традиционной семьи, сближаются позиции мужчин и женщин в выборе семейно-брачных отношений, женщины маскулинизируются, а мужчины – феминизируются. «По-видимому, речь идет о формировании нового режима общественной жизни, которое можно назвать дуалистическим. Этот режим является синтезом двух предыдущих – матриархата и патриархата» [Там же. С. 19].

Литература

1. Всемирная энциклопедия: Философии. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, Современный литератор, 2001.

2. Хайкин Я. З., Архипов Ю. С. Историческая судьба брака и семьи // Философские исследования. – 2009. – № 3. – С. 18–24.

*О. В. Крутеева**

Культурная традиция как источник сохранения народных художественных промыслов Уральского региона

Статья посвящена осмыслению традиции как способа сохранения и развития народных художественных промыслов и ремесел. Показана неоднозначность понятия «традиция». Подняты вопросы необходимости изменения традиции для ее жизни и развития.

Ключевые слова: традиция; народные художественные промыслы; сохранение, развитие.

Сегодня много говорится о необходимости сохранения традиционных культурных ценностей в нашем обществе. Изменчивость и непредсказуемость социальных процессов, потоки негативной информации и неуверенность в завтрашнем дне требуют поиска устойчивой основы, а обращение к культурным традициям приобретает особый смысл.

Одна из форм, сохраняющая традиции прошлого, – народное искусство, выраженное художественными промыслами и ремеслами. Корни традиций уральских народных промыслов лежат в горнозаводской культуре нашего края. Освоение окружающего мира, покорение земных недр, обработка камня и металла рождает самобытное народное творчество: тончайшее чугунное кружево каслинских мастеров, художественную медь Турчаниновских заводов, чудо малахитовой мозаики Екатеринбургской гранильной фабрики, златоустовский булат клинков. Появляются мастера, которые на протяжении лишь одного поколения поднимаются «в своем творчестве от знакомства с данной деятельностью и ученичества до массового производства признанных шедевров мирового искусства» [4. С. 133]: Худояровы, Бушуевы, Торокин, Тележниковы, Бояршинов, Перезоловы, Дубасниковы и многие, многие другие. Происходит небывалый взлет народного творчества.

Однако народное искусство не смогло бы достичь таких высот за столь короткое время, если бы не стояла «высочайшая культурная традиция всей допетровской Руси» [Там же. С. 134] за плечами уральских мастеров. Если бы не было целого пласта культуры разных народов, перемешавшихся на уральских заводах, словно металл в котле. Не может на пустом месте распуститься Каменный Цветок, только человеку, сохраняющему и передающему традиции мастерства, откроет свой секрет Хозяйка Медной горы.

* ***Ольга Владимировна Крутеева*** – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© О. В. Крутеева, 2016

Однако традиция – это не просто «зафиксированные в художественной практике ценности, на которых базируется то или иное направление народного творчества» [3. С. 3]. Это не только обычай, навык, правило, передающееся из поколения в поколение, «выраженный в определенных стереотипах и сохраняющийся в определенном обществе в течение длительного времени» [2. С. 4]. Это связь народа со своей историей, преемственность поколений, основа художественной культуры. Традиция – понятие неоднозначное. Мы не можем рассматривать традицию как некое устоявшееся, «неподвижное» образование. Традиция – живая! «Там, где царит традиция, старое и новое всегда вновь срастаются в живое единство» [1. С. 362]. Именно живая традиция может стать источником сохранения народного искусства, ремесел и художественных промыслов.

Сегодня судьба народных промыслов складывается по-разному. Одни, пережив спад, с трудом возрождаются, другие находятся на грани исчезновения, а что-то утеряно безвозвратно.

Но так ли необходимо сохранять то, что, казалось бы, должно уйти? И так ли необходимо сохранение народного ремесла в век развитой промышленности и компьютерных технологий?

Конечно, если раньше промыслы были частью жизни людей, изделия мастеров использовались повсеместно, а ремесло в прямом смысле «кормило» человека, то сегодня эти функции во многом утрачены. Изделия художественных промыслов становятся сувениром. Современный ребенок не будет играть глиняной игрушкой, а городская хозяйка хранить молоко в керамической крынке. Мы живем в век массового производства утилитарных вещей. Нельзя просто взять и перенести промыслы в современный мир.

Но мы можем осмысливать традицию художественного мастерства, анализировать ее, и тогда родится что-то новое. Тогда она станет «мостиком» между прошлым и нашим настоящим. Из традиции необходимо извлечь «то, что важно для настоящего и для его прорастания в будущее» [5. С. 15].

В качестве примера хотелось бы привести опыт костромской ювелирной компании SOKOLOV, мастера которой создали целую коллекцию серебряных украшений в стиле дымковской игрушки. Разве это не прорастание традиции в будущее? Жаль, что наши уральские ювелиры сегодня пытаются работать в соответствии с

западной традицией, забывая о богатом наследии уральской ювелирной школы.

Или всем известная гжель. Все знают о бело-синих изделиях гжельских мастеров. А вот о том, что еще до середины прошлого столетия гжель была цветной, мало кто помнит. Что это, как не рождение нового стиля, который опирается на традицию старинного ремесла?

Если обратиться к работе уральских мастеров-ремесленников, то сегодня мы можем наблюдать две тенденции: работы одних созданы в строгом соответствии традиционному ремеслу, другие пытаются создать что-то новое, соединяя технологии, стили, материалы. Иногда это новое противоречит всем известным канонам и авторитетам, но именно в этом и рождается что-то уникальное. И именно это позволяет промыслу жить дальше.

Создатель удивительных берестяных вещей Владимир Махнюк так рассказывает о своей встрече с исследователем-искусствоведом В. А. Бородулиным: «Однажды, в частной галерее в Москве в здании театра Ермоловой, была моя выставка, и там я встретился с Бородулиным. Он же самый главный эксперт России по бересте. И вдруг он мне говорит: “Вы не имеете права делать самовары из бересты! Они должны быть из металла! Вы не имеете права квасники делать из бересты, они должны быть глиняными!” – раскритиковал в хвост и в гриву. А я ответил: “Что хочу, то и буду делать, это Вы не имеете права мне указывать!”» [6]. И вот живут и квасник, и самовар из бересты. Выполненные против правил, но сохранившие традиции обработки и тепло рук мастера.

Сохраняя традиционное искусство гравюры на стали, златоустовские мастера-граверы сегодня не только украшают оружие, но и делают художественные панно, посуду, иконы и многое другое.

Следуя традициям уральского керамического промысла, но в своей необычной манере работает сухоложский мастер-керамист Николай Колодкин, создавая не только птиц – «свистух», но и других таинственных существ. Студенты Свердловского педагогического колледжа пытаются в своих работах соединить традицию таволожской свистульки и современный сувенир.

Меняется и тагильский поднос, и уральская роспись, и кузнечное ремесло. Там, где нет поиска новых форм, нет перспектив развития. Промыслы нельзя сохранить в неизменном виде. Только соединение традиции с новым даст им возможность жить дальше, продолжить свое развитие в новом качестве.

Литература

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988.

2. Максяшин А. С. Традиция и ее место в современной художественной культуре // О проблемах сохранения и преемственности традиций народного искусства на Среднем Урале : материалы региональной научно-практической конференции, Екатеринбург, 9 июня 2012 г. : [сборник статей] / Министерство культуры Свердловской области; Центр традиционной народной культуры Среднего Урала [сост. М. Павлова]. – Екатеринбург, 2012.

3. Максяшин А. С. Художественная керамика: некоторые размышления по поводу сохранения историко-культурных традиций // Народное художественное творчество: керамический промысел в контексте сохранения историко-культурных традиций Среднего Урала : материалы региональной научно-практической конференции, Екатеринбург, 28 марта 2013 г. : сб. статей / Министерство культуры Свердловской области; Центр традиционной народной культуры Среднего Урала ; сост. М. Павлова, ред. А. Мехнецов. – Екатеринбург, 2013.

4. Мурзина И. Я. Очерки истории культуры Урала : монография. – Екатеринбург, 2008.

5. Мясникова Л. А. Обращение к прошлому как источнику обновления // В архив за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : коллектив. моногр. / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина и др. ; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011.

6. Галерея декоративно-прикладного искусства «Арт-птица» [Электронный ресурс] : официальный сайт . – URL: http://artbird.ru/

*И. А. Антонова**

Дом как воплощение внутреннего пространства человека: утеря и поиск традиции

В статье рассматривается внутреннее пространство дома как выражение внутреннего мира человека. Раскрывается значение декоративно-прикладного искусства в сохранении культурных традиций.

Ключевые слова: дом; окружение; внутреннее пространство; декоративно-прикладное искусство; handmade.

Человек немыслим без такого важного аспекта в его жизни, как дом, где проходит большая часть его жизни. Дом – это необходимость, это та граница, которая отделяет его от внешнего мира. Пространство, которое он упорядочивает, и оно противостоит окружающему хаосу. Человек нуждается в таком внутреннем убежище не только в силу своей незащищенности перед внешними стихиями, но и потому, что ему необходимо личное, укромное, соразмерное пространство. В разные периоды истории жилище человека приобретало различные внешние образы, но его значение и смысл оставались неизменными.

Пространство человеческого жилища имеет две стороны – видимую и невидимую. Пространство человека – это прежде всего видимое пространство: конструкция, стены, интерьер, но вместе с тем существует то, что невидимо – духовный мир человека. Невидимое воплощено в видимых формах, которые выражают личностные и индивидуальные начала человека. Как мебель, которую заказал пятый граф Дамфриса для парадных комнат своего особняка, должна была демонстрировать изысканный вкус, богатство и влияние владельца. Об этом говорили дорогостоящие материалы, заказанные со всего мира, сдержанность и безупречность в формообразовании.

Невидимая сторона – это одушевленное пространство дома, центром которого является сам человек. Это соразмерное человеку пространство, которое воплощает в себе его внутренний мир, дарует ему покой и защиту от внешних воздействий. Это его личное,

* ***Ирина Анатольевна Антонова*** – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© И. А. Антонова, 2016

индивидуальное пространство, «одухотворенное, наполненное смыслами, наделенное чувствами, атмосферой, энергией и гармонией…» [4. С. 39]. Воплощение этих ценностей человек сознательно или подсознательно искал в своем жилище. Созидая пространство для внутреннего обитания, он уподоблял жилище своему телу. А мебель и предметы, наполняющие дом, были продолжением этого тела. Но главное для человека – это не формы, а то внутреннее наполнение, создающее гармоничную атмосферу, в которой душа может отдыхать, наполняться новыми силами.

Но не только человек воздействует и устраивает свое окружение, но и среда оказывает большое влияние на человека. Различное окружение задает различное поведение людей. «Не вглядываясь в наше окружение специально, мы впитываем его всеми нашими чувствами» [1. С. 8].Уникальность рождается из диалога человека с его пространством. В эпоху всеобщей глобализации уникальность становится большой ценностью в нашем мире. Возникновение уникальной культуры подобно хронотопу, который складывается из двух составляющих – места и времени. Так складывается и уникальность местной культуры – в диалоге человека и окружающего его пространства.

В эпоху текучей современности, мимолетных отношений и всеобщего одиночества потребность в гармоничном внутреннем пространстве особенно важна. Но вместо гармоничного пространства современный человек часто помещается в многоэтажные коробки, места «складирования людей» [Там же. С. 104]. В традиционном жилище человека главными ценностями были удобство и уют. В современном внутреннем пространстве на первое место выходит информативность жилища, насыщенность изобретениями, контролируемость, открытость для сообщений. Происходит процесс раскрытия интимности жизни, в попытке сохранить общность с другими людьми. Таким образом современное внутреннее пространство человека открыто для внешнего мира, не защищено от агрессивного воздействия внешнего окружения, так что человек становится уязвимым в своей открытости. Традиционные ценности часто заменяются технологиями. Вещи, наполнявшие жилище человека, имевшие историю, несущие в себе традицию, исчезают. Ощущая большую потребность в гармоничном пространстве, люди заказывают проектирование интерьера дизайнеру, но красивые картинки не могут заменить духовную атмосферу тепла и уюта, не могут заменить индивидуальность и личность человека. Человек теряет устойчивость в стремительно меняющемся мире, а то, что было одним из самых устойчивых и незыблемых – жилище, также подвергается стремительным изменениям. И это проблема не одного человека, это проблема общества в целом, поскольку единое

складывается из множественного, и каждая часть влияет на единое. «То, что находится в каком-то месте, имеет два места: место внутреннее, то, что отграничивается телом, и внешнее, куда выходит тело. Внутреннее и внешнее влияют друг на друга – внутреннее выходит во внешнее, а внешнее входит во внутреннее» [3. С. 38]. Проблема несоразмерности и дисгармонии одного жилища вносит диссонанс во всеобщую композицию единого.

Архитектор Кристофер Дэй пишет о том, что во времена ручного труда существовал диалог природного и культурного пространств. Человек видел ствол старого дерева или большой валун, повторял природный контур. Именно из определенного пространства возникала определенная культура, которая могла расширять зоны своего влияния и воздействовать на другие культуры. Гений места, или дух места, был известен уже с давних пор, но на каких-то этапах человеческой истории это знание уходило на задний план. Интерес к данному феномену обусловлен общей тенденцией глобализации, которая охватила весь мир. Сохранить уникальность, неповторимость, индивидуальность – вот что так важно в нашем глобализированном мире.

Для сохранения уникальности определенной культуры важно сохранение традиций, рожденных этой культурой. Одной из форм уникальности местной культуры является декоративно-прикладное творчество. Декоративно-прикладное искусство рождается из утилитарных и эстетических потребностей. В каждой культуре оно уникально и неповторимо. Свой отпечаток на формирование внешних форм накладывает природный отпечаток, время, культура, ценности. Это не есть нечто статичное и неподвижное. Оно имеет глубокие корни, но при этом искусство всегда живое и активно отражает изменения, происходящие в человеке. «Народное искусство – это прошлое, живущее в настоящем, устремленное в будущее свой мечтой о небывалом. Оно творит свой мир Красоты, живет своим идеалом Добра и Справедливости, развивается по только ему присущим законам. Это культурная память народа, неотделимая от самых глубоких устремлений современности» [2. С. 44]. В настоящее время традиции декоративно-прикладного искусства в какой-то мере воплощаются в таком современном направлении, как «handmade». Вещи ручной работы, помещенные в пространство дома, несут в себе частицу тепла человеческих рук. В отличие от изделий массового производства, они наиболее полно раскрывают индивидуальность и личностные начала человека, его внутренний мир и устремления. Они помогают в создании неповторимого пространства дома, одухотворяют его и наполняют теплом, в котором так нуждается современный человек.

Литература

1. Дэй К. Места, где обитает душа: Архитектура и среда как лечебное средство / пер. с англ. В. Л. Глазычева. – М. : Ладья, 2000.

2. Жить в ладу с красотой / Шпикалова Т. Я., Сокольникова Н. М. и др. – М. : Мозаика-Синтез, 1997.

3. Чирков В. Ф. Дом в локусе бытия : монография. – 2-е изд., испр. – Омск : ООО «ИД «ЛЕО», 2006.

4. Щуплецова Е. Ж. Феномен дома в российской культуре: поиск сокровенного : дис. … канд. филос. наук. – Тюмень, 2014.

*О. Б. Сергеева**

Личностное развитие в нарциссической парадигме

В статье рассматривается нарциссическое расстройство как своеобразная парадигма развития при неспособности к «простому» существованию, не обремененному сверхцелями и достижениями. С опорой на труды Дональда Винникота рассматриваются ранние психологические источники возникновения нарциссизма через такие аспекты, как иллюзия всемогущества, неприятие границ, формирование субъектности и объектности.

Ключевые слова: нарциссизм; достижения; объект; Другой; истинное Я; эгоцентризм; материнство; иллюзия всемогущества.

Если существует понятие развития, то существует и *мэм* развития. Наиболее ярко он представлен у нарциссического типа личности, о котором много говорится в современной психологии. Нарциссы, как привило, активные достигаторы. Среди нарциссов трудно встретить неудачника. Нарциссы озабочены своим развитием, однако их активность и социальная успешность часто носит компенсаторный характер.

Можно сказать, что у нарциссов развитие превращается в невроз. Это означает, что продуктивность и достижения служат не росту личности, а усилению нарциссической проблемы. Эта проблема состоит в том, чтобы доказывать собственную состоятельность, используя свое окружение как подтверждающее зеркало.

Как утверждают исследователи нарциссизма, эта проблема возникает вследствие нарушения способности быть. Парадокс нарцисса состоит в том, что его истинным достижением должно быть не столько развитие, сколько способность *просто быть*.

По сути, главным успехом нарцисса можно считать лишь нечто противоположное успешности – естественность или способность быть таким, как есть, «как мама родила». Но именно этого нарцисс не может. Так называемый нарциссический стыд не позволяет ему быть «простым» и гонит все дальше, стимулируя безудержную компульсивную активность.

* ***Ольга Борисовна Сергеева*** – канд. филос. наук, директор психологического центра «Интуитос» (г. Екатеринбург).

© О. Б. Сергеева, 2016

Наше время породило проблему «таковости». Мы всё лучше понимаем, что значит действовать, и всё хуже, что значит быть. И это – один из ярких симптомов нарциссического расстройства.

Нарциссическое расстройство можно рассмотреть под углом зрения онтологии, а также эгоцентризма и границ. Эти проблемы взаимосвязаны. Нарцисс ведет себя так, будто он один на свете и весь мир «принадлежит ему» в инфантильном смысле слова, существует лишь для него. В то же самое время он втайне не уверен в ценности собственного существования и компенсирует это обладанием и «активностями».

Психоанализ попытался ответить на вопрос, каким образом возникает подобное мироощущение. Дональд Винникот описывает возникновение психологических проблем, исследуя поведение матери и реакцию младенца[1]. Он вводит понятие «достаточно хорошей матери». Это мать, которая умеет сначала поддерживать у младенца иллюзию магического всемогущества, а затем, постепенно увеличивая фрустрацию, вводит его в мир реальности, где помимо него существуют другие.

Иначе говоря, хорошая мать – это взрослый, который сумел вывести младенца из первичного эгоцентризма в реальный мир, не травмируя. Последнее означает, что ребенок сумел ассимилировать факт, что помимо Я существует не-Я, и их онтологические и этические статусы равны.

Винникот делает вывод, что если младенец не имел возможности в достаточной степени прожить свой первичный эгоцентризм, то в будущем он не может принять реальность и справиться с ее чуждостью. В этом случае он продолжает воспринимать мир как собственную проекцию, игнорируя существующие границы и считая других орудиями или функциями собственного успеха. Иначе говоря, индивид не в состоянии выйти из своей инфантильной субъективности и сформировать понятие объекта как чего-то, существующего вне и независимо от него.

Благодаря Винникоту философы могут, наконец, обратить внимание на психологические нюансы, заключенные в понятии объективной реальности, которая, как мы знаем, существует вне и независимо от сознания. В независимом существовании чего бы то ни было может содержаться болезненный эмоциональный момент, а именно – этот мир живет сам по себе, и ему нет до тебя никакого дела. Это некий Другой, который теснит твое Я. В принятии этого факта и состоит психологический смысл объективности.

Винникот показывает, с каким трудом младенец может примириться с этим фактом наличия Другого и как мать может помочь

[1] Винникот Д. Игра и реальность. – М., 2012.

ему в этом либо отказать в помощи. Во втором случае индивид просто не способен сформировать понятие объективности как чего-то, обладающего собственными границами и не подлежащего его контролю. Это и есть нарциссический эгоцентризм.

Винникот описывает модель поведения «достаточно хорошей матери». В самом начале она тотально адаптируется к потребностям ребенка. Она дает ему возможность пребывать в нарциссической иллюзии, что она и ее грудь (собственно, этими объектами для младенца исчерпывается мир, пока в его жизни не возникнут другие объекты) являются частью самого ребенка.

Материнская грудь как бы находится под магическим контролем ребенка. Это означает, что мир с его объектами является проекцией ребенка, частью его самого, а никак не независимо существующими вещами. Мать создает у ребенка иллюзию, что он буквально пуп земли, что по-настоящему существует лишь он один, а все остальное – это подвластные его контролю и желанию, зависимые от него и создаваемые им самим элементы его собственного «я».

Конечная задача матери – постепенно разрушить эту иллюзию. Но у нее нет надежды на успех, если она не сможет дать ребенку возможности для возникновения устойчивой иллюзии всемогущества и обладания[2]. Собственно, Винникот пытался сказать, что, для того чтобы выйти из зоны комфорта, в нее нужно сначала попасть. Если ребенок не прожил первичного эгоцентризма в полной мере, он не может избавиться от него во взрослом состоянии.

Согласно Винникоту, без этой первичной эгоцентрической иллюзии «для человеческого существа теряется смысл взаимоотношений с объектом»[3]. Мы бы сказали, что без этой первичной иллюзии происходит онтологическая инфляция: и Я, и не-Я лишаются реальности и смысла.

Так, для взрослого нарцисса его истинное Я не существует. Оно не смогло сформироваться, поскольку младенцу было отказано в первичном нарциссизме и в помощи, необходимой для того, чтобы постепенно и безболезненно выйти из иллюзии всемогущества в мир независимых объектов.

Выход из первичного нарциссизма состоит в том, чтобы постепенно принимать наличие объектов, т. е. других, не подлежащих его контролю и в этом смысле существующих по отношению к нему независимо и равнодушно. Онтологическая реальность объекта и ценность субъектности («я есть!») могут сформироваться лишь одновременно и никак иначе. Ибо чтобы вынести чуждость,

[2] Винникот Д. Указ. соч.
[3] Там же.

отграниченность и холодную независимость объекта, младенец должен поверить в собственную ценность, ощутить право на существование, а это и есть модусы истинного Я.

В противном случае психика просто не может справиться с наличием Другого и создает психологические защиты, позволяющие сохранять иллюзию детского всемогущества, т. е. формирует взрослый нарциссизм.

Чтобы наполнить пустоту, зияющую на месте Я, нарцисс «набивает» ее успехами и вещами, которые призваны заменить отсутствующую ценность чего бы то ни было. Здесь мы видим взаимодействие по типу «тела без органов» или муляжей, призванных скрыть онтическую нехватку, справиться с нарастающей инфляцией бытия.

Таким образом, нарциссизм представляет собой такую парадигму личностного развития, где достижения, обладание и активность могут служить компенсаторным механизмом, призванным нивелировать отсутствие истинного Я или способности *просто быть* при симметричном неприятии такого права для окружающего мира. Ранним психологическим источником данной проблемы является материнство, не способное принимать и поощрять первичный эгоцентрический нарциссизм ребенка.

*А. Ю. Ковалева**

Богема: отношения с традиционными стилями жизни

Рассматривается вопрос о возможности такого феномена, как богема, стать традицией в культуре. Как формировался в истории данный феномен, по отношению к традиционным стилям жизни. Богема в настоящее время, и какое место она занимает в общественном восприятии.

Ключевые слова: культурная традиция; стиль жизни; богема; субкультура; городская культура; артистизм; художник.

Любая традиция – и это как будто очевидный факт – вначале была инновацией. «То, что мы видим ныне как инновацию, либо не приживется в культуре, отомрет и забудется, либо приживется, со временем перестанет смотреться как инновация, а значит, станет традицией», – пишет С. А. Арутюнов [3. С. 188]. Тот факт, что феномен богемы формировался как оппозиция по отношению к традиционным ценностями в обществе, лежит в основе ее определения. Но возникает вопрос: может ли богема приобрести традиционные черты в культуре, стать ее традицией?

Богема возникает как определенная социальная ниша для людей, которые игнорируют привычные и принятые в обществе нормы человеческого существования. Отсутствие постоянного места работы, свободный режим дня, праздное времяпрепровождение, странная манера поведения и экстравагантный вид не нарушают границы закона, но, как правило, осуждаются обществом. Неясны критерии, по которым человек может отнести себя к богеме, потому что, как замечают исследователи данного феномена, «богема – это всегда другие, и эти другие составляют общность, в которой они другие даже друг для друга» [1. С. 12]. Человек склонен определять себя через профессиональную закрепленность в обществе, он назовется писателем или свободным художником, но вряд ли представителем богемы. Однако объективно поиск свободы, разрешения противоречий повседневной жизни порождает некое собрание индивидуальностей, «охваченных манией жить вне своего времени – с иными идеями и иным поведением – манией, изолирующей их от мира, делающей чужеродными и странными, ставящей вне закона, вне общества» [2. С. 328].

* ***Анфиса Юрьевна Ковалева*** – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© А. Ю. Ковалева, 2016

Историческим толчком появления богемы исследователи считают Великую французскую революцию, которая изменила общественную структуру, разрушила традиционные формы жизни, внесла хаос в социальную стратификацию: «…бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, шарманщики, тряпичники, игроки, писаки, нищие, – словом, вся неопределенная разношерстная бродячая масса, которую французы называют богемой» [1. С. 22]. Социально-экономической причиной называют индустриализацию общества, вследствие которой происходит рост европейских городов и развитие городской культуры. Сформировалось новое отношение к труду: ведь утрачивается связь с землей, свойственная крестьянину, возникает ощущение и качество незакрепленности. В этом смысле можно сказать, что любой горожанин уже несет в себе элемент богемности – «некоторую изначальную незакрепленность как основу свободы», как пишет российский искусствовед и философ Олег Аронсон. Именно в городской культуре формируется богемный миф, тесно связанный с его темными сторонами: «подполем», героизацией социального дна [2].

Собственно же возникновение богемы как социокультурного феномена принято искать во Франции начала XIX века[1]. Начиная с 1830-х годов, термин bohemian начинает уточняться и соотноситься с понятием «артистизм», имеющим в то время часто отрицательные коннотации: богемный в то время почти то же, что «цыганский», «анархический». Тем не менее такой образ жизни стал популярен в сообществах романтиков. Через различные проявления артистизма, которое в таких сообществах[2] считали основой жизненного мира своей личности, они по-иному осваивали повседневность, освобождались от жестких социальных норм, расширяли границы собственной свободы. Как пишет Екатерина Вязова, «начиная с романтизма, богема знаменует собой появление “территории отчуждения” внутри нормативной культуры и альтернативных моделей поведения – будь то индивидуальный эксцентричный

[1] Слово «boheme» происходит от названия области в Чехии – Богемия. Богемцами называли цыган, пришедших из Восточной Европы, поселившихся в Париже, а также представителей городских низов – мелких воров, фокусников, шулеров, шпагоглотателей. Эти маргинальные группы объединяла свобода нравов, безденежная и кочевая жизнь.

[2] Сообщество «Les Bousingots», в кружок «Le Petit Cenacie» входили такие известные писатели, как Теофиль Готье, Жерар де Нерваль, Петрус Боэль.

жест художника или создание оппозиционных художественных движений». То есть в эпоху романтизма постепенно происходит смысловое обновление понятия богемы, которое связано с одной из базовых установок романтизма по отношению к искусству. Если в классической традиции художник становится особым существом только в момент созидания художественного произведения, то для романтика «искусство» – это, прежде всего, *стиль жизни*, а не создание конкретного произведения» [2. С. 332]. Так возникает образ богемы как образ артистического стиля жизни и, соответственно, принадлежность к особой артистической среде.

В романе Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы» (1849) это новое понимание получает символическое закрепление. Он, по сути, концептуализирует термин, исключая из него представителей городских низов: яркая жизнь человека, погруженного в искусство, охваченного идеей постижения смысла истинной свободы, веры в любовь, поиском абсолютной красоты и противопоставляющего себя буржуазному существованию, лежит в основе представления о богемце того времени. Мюрже в своей книге писал, что «богема – это непременный этап в жизни каждого художника» [5. С. 9] , момент в неопределенном состоянии незахваченности экономическими силами рынка. Он исчезает, когда смещается приоритет возведенных духовных ценностей в сторону материальных, т. е. возникает потребность «иметь». Так появляется «официально утвержденная богема» как синоним художников всего мира [2. С. 329].

В настоящее время слово «богема» отсылает нас к представлению о нарочитой праздности, легкомыслии, экспрессивности, оно стало невесомым, поскольку исходное содержание смысла утрачено. Нам представляется, что в современном культурном пространстве понятие богемы используется для создания стереотипов, действующих в массовой культуре. Символы богемы (например, один из самых ярких, кабаре «Мулен Руж» – «место, где развлечение объединяло… стиралась граница между высоким и низким... и как следствие – между искусством и шоу, между индивидуальным и коллективным восприятием» [1. С. 92]) превращаются в китч. «Богема» сегодня – эфирно-иллюзорная реальность, характерная роскошью, красочностью, где категории «любовь», «красота», «свобода» – набор клише, которыми успешно манипулируют представители шоу-бизнеса, поп-культуры и моды. То есть мы столкнулись с ситуацией, когда значение понятия богемы, которое складывалось в истории, описано в литературе и художественных произведениях, не соответствует нашему сегодняшнему пониманию ее смысла. Сейчас представитель богемы – это не нищий и веселый житель Латинского квартала; не свободный художник, мечтающий о признании своего творчества как о главной ценности

жизни, а вполне респектабельный буржуа, ценитель роскоши, но при этом якобы демонстрирующий независимый образ жизни. То есть сегодня в богемном стиле поведения копируются больше поверхностные черты, это такая *игра* в богему.

Отсюда возникает вопрос: существует ли богема, в которой сохранилось смысловое ядро этого понятия и какие отношения с традиционным стилем жизни у нее в настоящее время? Историческая преемственность явления богемы заключается не во внешнем сходстве, а в воспроизведении некой формы существования. И для того чтобы определить это ценное для культуры понятие и сам феномен, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть его в культурологическом ключе как определенную субкультуру, т. е. как носителя совокупности определенных *ценностей и норм*, символики и атрибутики сообщества (это мы предполагаем сделать в следующем нашем исследовании).

Феномен богемы всегда находится «между» при любом разделении, так как в нем сосредоточенно противостояние «традиции» и «стремления к революции» как момент распада, указатель возможных зон свободы в пространстве общества и культуры. «В самом слове “богема” есть та особенность, которая связана с тем, что оно отсылает нас не к истории, а к *моменту настоящего*...» – пишет О. Аронсон. Может ли богема перейти в традиционный стиль жизни? Наверное, нет, так как одно из условий перехода новации[3] в традицию – ее полное укоренение в культуре, т. е. переход ее в прошлое [3. С. 190]. Указанные выше два условия – «противостояние» и «момент настоящего» – затрудняют этот процесс. Культурная традиция обычно сопротивляется творческому началу активности людей. Так что вопрос о богеме – это еще и вопрос о наших стереотипах, а может быть, и в первую очередь о них. Но в том случае, если нововведения не приживаются, они расшатывают и ослабляют культурные традиции, тем самым открывая путь для более плодотворных новаций в современности [3]. Место, которое занимает богема в общественном восприятии, становится индикатором неявной потребности самого общества в богеме, позволяющей *обнаружить* традиционные ценности и *быть предпосылкой* для новаций в культуре.

---

[3] Новации мы понимаем как явления культуры, которых не было на предшествующих стадиях развития, но которые появились на данной стадии и получили в ней признание («социализировались») [4].

Литература

1. Аронсон О. Богема: опыт сообщества (Наброски к философии асоциальности). – М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. – С. 12.
2. Вязова Е. «Гипноз англомании»: Англия и «английское» в русской культуре рубежа XIX–XX веков. – М. : Новое литературное обозрение, 2009.
3. Дроздова А. В., Закс Л. А. Культурология : учеб. пособие для самостоятельной работы студентов. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2014.
4. Каган М. С. Философия культуры. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1996. – С. 416.
5. Мюрже А. Сцены из жизни богемы : повесть / пер.с фр. А. Колотова. – СПб. : ИД «Азбука – классика», 2008.

О. С. Гилязова*

Функциональный анализ дискурса в контексте проблематики взаимосвязи власти, идеологии, норм и ценностей

В статье проводится функциональный анализ дискурса как социального измерения текста, выделяются три его вида, в зависимости от его перформативной силы, идеологического назначения и роли в обществе. Исследуется взаимосвязь дискурса с ценностной и нормативной системой общества.

Ключевые слова: дискурс; текст; идеология; власть; перформативность; социальность; ценность; норма; история.

В нынешнее время можно наблюдать тенденцию, ярко проявляющуюся в современных СМИ: заклятиями пытаются заменить или подменить реальность. Так что отрезвления от чрезмерной веры (под знаком которой прошел чуть ли не весь XX век) в слово, в текст, в стоящие за ним идеи, которые оказывается легче написать и провозгласить, чем воплотить, – еще нет.

Прежде чем подходить к рассмотрению текста в контексте проблематики власти, необходимо ясно осознать, выполнение каких функций ждут от текста как от социального феномена (дискурса). Текст не только описывает действительность, но и определяет ее. В статье Бодрийяра «Войны в заливе не было», посвященной событиям в Персидском заливе начале 90-х годов, обосновывается, что и сама война с Ираком, превращенная в мировое телешоу, и Саддам, и политические реакции на эти события – всё подчиняется не логике реальности, а законам кинематографа.

Процедуры по управлению и преобразованию действительности, конечно, не магические, а идеологические: слово не просто описывает действительность (*сообщение*), а задает ее (*речевой акт*), «создает» ее (*художественное произведение*), даже заменяет ее собой (*идеология*). По мнению М. Фуко, существуют только две реальности: тела и тексты. История – это текстуальная и телесная плоть идеологии. И пока идеология бесплодна, она бес-

* ***Ольга Сергеевна Гилязова*** – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и государственного и муниципального управления, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

© О. С. Гилязова, 2016

сильна, а плоть идеологии – тексты в их социальном ракурсе, т. е. дискурс.

Таким образом, можно выделить три вида дискурса, в зависимости от его функционального назначения и перформативной силы:

1) дискурс, *предписывающий должное* (выполняет нормативную функцию в обществе): приказы, законы, директивы;

2) дискурс, *описывающий реальность* (если фантазматическую, воображаемую реальность, то перед нами беллетристика, если действительную реальность – фактуальные сообщения);

3) дискурс, *объясняющий реальность* (социально-гуманитарный и естественно-научный дискурс).

Понятно, что из всех представленных видов дискурса наибольшей перформативностью наделен *предписывающий* (должное) дискурс, по сравнению с *описывающим* и *объясняющим* (сущее, наличное положение дел). В основе данного подразделения лежит дуализм фактов и норм, отношение между которыми, по мнению Поппера, изначально асимметрично: нормы всегда *относятся* к фактам, а факты *оцениваются* согласно нормам. И эти отношения нельзя переворачивать.

Дискурс первого вида институционализирует предписания власти и, в свою очередь, становится социальными практиками. В отличие от него, другим видам дискурса полезнее обладать определенной автономией от общества, а главное – от власти и ее нужд. Чрезмерная зависимость научного дискурса от общества и его требований может иметь негативные следствия для обоих: и для науки, и для общества. Особенно это показательно для естественно-научного знания, которое должно быть максимально свободно от ценностных ориентаций исследователя, способных служить костылями в период вызревания объяснительных гипотез, но теряющих свое значение при их принятии или опровержении. Недаром мало кто помнит, что в своей гипотезе о гелиоцентрической системе Николай Коперник исходил из солярной мифологии, связанной с земледельческими верованиями. Ценностные предпосылки можно обнаружить и в первых моделях структуры атома. В формировании новых естественно-научных теорий проникновение «чуждых» науке представлений (эстетических, религиозных, мистических) нет ничего плохого, тем более что такой симбиоз нередко служит научному озарению. Сколько примеров, когда новые изобретения и теории становились следствием изначально неверных, абсурдных посылок, откровенных ошибок и случайностей! Недаром среди первооткрывателей столько дилетантов. Но, служа научному знанию, сами эти «привходящие материи» не должны ставить науку себе на службу. Иначе получим лысенковскую биологию или нацистскую анатомию.

И в нынешних реформах, направленных на превращение образования, культуры и науки в откровенно утилитарные (притом «самообеспечиваемые») предприятия (впрочем, на службе государству и под его контролем), можно видеть желание власти вдохнуть в них несвойственное им социально-практическое значение. Но так ли уместно сводить их значение к практической или/и идеологической необходимости? Не забыто еще в России то время, когда от науки ожидали разрешения чуть ли не всех социальных бед и болезней, что и стало благодатным полем для лысенковских махинаций и для террора против ученых, более трезво оценивавших объективные возможности научного знания. И превращение данных социальных институтов в сферу услуг, их коммерциализация также вряд ли будут способствовать адекватному и плодотворному выполнению ими своих изначальных прямых функций.

Конечно, дискурс второго вида, *описывающий* действительность, также зачастую стремится заодно и определять ее, не ограничиваясь ролью *образа*, отражения, слепка *прошлой* действительности, а функционирует в качестве *образца*, проекта, «чертежа» *будущей* действительности, по которому ее создают. Особенно это характерно для русской классической, да и советской литературы, которые в своем учительски-проповедническом пафосе не желали довольствоваться ролью развлекательной беллетристики, отображением воображаемого мира, а брали на себя функции публицистики, дидактики, философии, этики, исповеди, проповеди, обличения и других изначально ответственных родов словесности.

Впрочем, в нынешнее время мы можем наблюдать противоположную, доходящую до абсурда ситуацию: даже в откровенно безобидных произведениях ищут какой-то десятый смысл, от негативного воздействия которого хотят защитить «неокрепшие детские умы». Прославился своей деятельностью в этом направлении наш «Уральский родительский комитет». На просторах Интернета последователем этого комитета стал сайт zakon436 (название соответствует номеру Федерального закона «О защите детей от воздействия вредной информации»), созданный добровольческим объединением «Ответственные родители». Оказывается, сказки о колобке (где зло торжествует), Маше и медведях и т. п. должны маркироваться не 6+, а 12+ (точно речь идет об умственно отсталых детях). Да и так ли боятся дети выдуманного зла? По-моему, они превосходно понимают его условность и прекрасно играют с ней, что демонстрируется неизбывной популярностью «чернушного фольклора»: историй про «черную-черную руку» или «черный-чер-

ный гроб», сборников жутких стишков про «маленького мальчика». Столько поколений выросло на этих страшилках, а невротиками становятся совсем от других причин.

Помещая детей в столь стерильную книжную и отчасти медийную среду, как-то не задумываются, что дети живут не только книгами, мультиками и фильмами. Если бы сама жизнь была настолько безопасна, что с самым страшным сталкивались бы только в сказках…

Еще Корней Чуковский убеждал чиновников от Детгиза не демонизировать детские книги. Взрослые переоценивают могущество текстов, стремясь переложить на них те воспитательные функции, в выполнении которых почему-то не рассчитывают на себя, свой авторитет. Отсюда и проекты по созданию единого учебника по истории и даже по литературе. Конечно, «история» как учебная дисциплина не может и не должна отражать всю сложность одноименной науки. Однако и упростить ее до однозначного (и одновременно – взвешенного) взгляда на «спорные» периоды истории (которых насчитали до 31) оказалось не так просто. Наибольшие затруднения вызвал, конечно, XX век. Видимо, поэтому пришли к более широкой идее единого историко-культурного стандарта. В современную эпоху распространения информационных технологий не важнее ли детям научиться жить в условиях разномыслия и быть способными к разборчивому и критическому восприятию?

Исторические тексты (равно как и религиозные, философские и т. п.) относятся к третьему виду дискурса. К дискурсу, который, *объясняя* сущее, тут же оценивает его с точки зрения ценностей самого исследователя, его представлений о должном. Тем самым дискурс приобретают неизбывное *идеологическое* значение. И если первого вида дискурс становится способом институционализации норм и ценностей, которыми руководствуются люди в своей жизни, то именно третьего вида дискурс формулирует и обосновывает их. Понятно, что речь идет о религиозных, мифологических, философских, социологических, политических, исторических и т. п. социально-гуманитарных текстах, которые бесполезно даже пытаться высвободить от их идеологического наполнения: эти попытки изначально обречены[1].

[1] Впрочем, из этих попыток вырастает т. н. политически корректный язык, доведенная до крайности идеология которого способна оборачиваться смешной стороной. Так, точно в насмешку, предлагается взамен (вполне лексически нейтрального) термина «семинар» (происходящего от слова semen, семя – вопиющий фаллоцентризм!) употреблять женский его аналог – «овуляр» (ovarium). Это случай, когда борьба с идеологией оказывается нелепей ее самой.

В конечном счете, опасность представляет не более чем естественная идеологичность социально-гуманитарных текстов или привычных слов, а подспудно содержащееся в любой идеологии стремление выйти из области идей, облечься в «плоть и кровь», вынуждая тексты не ограничиваться объяснением действительности, а претендовать на ее изменение, присваивая тексту роль некого общественного рупора, со стороны ли власти или ее противников. Насколько ценится данная роль дискурса, столь актуальная в современных информационных войнах, можно видеть хотя бы по факту награждения российским президентом тех журналистов, которые «правильно освещали события на Украине». Правда, откровенное злорадство, проявляемое государственными телеканалами по поводу экономического кризиса на Украине, в свете нынешних российских проблем представляется крайне недальновидным.

Дискурс, а вернее, стоящие за ним социальные силы действуют двояко, в зависимости от того, по какую сторону баррикад они находятся. Если текст отражает интересы наличной власти, стремящейся упрочить, а главное – обосновать свое положение, то текст готов *выдать сущее за должное* (аналогично консервативной интерпретации тезиса Гегеля: «все действительное разумно; все разумное – действительно»). А уж любые верноподданные СМИ владеют методикой этого. Этот же гегелевский тезис, но ужé (вслед за радикально настроенными младогегельянцами) в революционном его варианте, воплощают в своих текстах противники наличной власти, которые еще не приобрели властвующего положения, *требуя от должного* (под которым обычно прячется *желанное* – для данных оппозиционеров) *предстать сущим*. И «за ценой[2] не постоим».

Подобного рода монистическая позиция смешения норм и ценностей с фактами, сущего с должным, желанного и действительного (все равно, выдают ли желаемое за действительное или в действительности заставляют увидеть желаемое, какой бы неприглядной данная действительность ни была) опасна тем, что, по К. Попперу, чревата отождествлением норм с властвующей ныне или с будущей силой. А это путь к стагнации и застою. Этому смешению и служит неразличение и перенос функций одного вида дискурса на другие его виды, наделение их несвойственной ролью и значением в обществе.

[2] Которую нередко приходится платить другим.

*Е. А. Бельцева**

Специфика коммуникации в понимании субъекта гуманитарного знания

Выявление специфики коммуникации необходимо для уточнения методологии гуманитарных наук.

Ключевые слова: субъект; объект; гуманитарное познание; коммуникация.

В современной философии понятию «субъект» уделяется много внимания. Однако в последнее время все чаще появляются концепции бессубъектности, где вместо субъекта вводится понятие «актор», действия которого иногда лишены целесообразности и не претендуют на преобразование или познание. Такой чисто деятельностный подход может лишить смысла любую деятельность. Эта мысль присутствует у М. Фуко, рассматривающего возможность разрушения субъекта. Главное – языковой смысловой код, определяющий проблемное поле, особенности научного дискурса. Именно он задает проблематику и методы гуманитарного познания. Субъектом гуманитарных наук становится «структурный человек» с развитым воображением, умеющий видеть структуру (анализировать и синтезировать объект), т. е. с центральной позиции перемещается на второй план (или вообще исчезает, как в концепции «смерти автора»).

Особенность понимания субъекта в гуманитарном знании опровергает вышесказанное, так как субъект раскрывается не только в субъект-объектных отношениях, но и в субъект-субъектных. В гуманитаристике субъект выступает, с одной стороны, как познающий (исследователь, научная школа, социальная группа или общество в целом), а с другой – как часть объекта познания.

В целом можно определить субъект следующим образом: это социальное образование, обусловленное системой коммуникационных, системно-структурных и идеологических связей, обеспечивающее развитие общества. В отличие от субъекта естественно-научного знания, здесь присутствует особая смысловая и эмоциональная атмосфера, так как объект познания требует особого,

* ***Екатерина Адольфовна Бельцева*** – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и рекламы, магистрант 1-го курса кафедры философии Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).

© Е. А. Бельцева, 2016

интуитивного проникновения, коммуникативного понимания, смыслового переживания и интерпретации гуманитарных феноменов. А также необходима развитая гуманитарная и философская культура исследователя, ориентация на целостность идеально-духовной сферы. Большую ценность в этом виде познания приобретает реальный опыт жизнедеятельности.

Таким образом, субъективность и субъектность – две основополагающие характеристики гуманитарного субъекта, наличие которых и вызывает огромное количество вопросов о возможности получения истинных результатов («временное состояние» у Гадамера, «слой памяти и истории», под которым обнаруживается «мир забвения» у Рикера и т. д). Трудность заключается в том, что в самом объекте проявляются как объективные, так и субъективные моменты, поскольку объект создается и существует благодаря деятельности реального субъекта, через его коммуникации и связи.

На наш взгляд, значение коммуникации для субъекта в гуманитарном познании на данном этапе исследовано мало. Даже в целом современная теория коммуникации не отвечает на такие вопросы: как коммуникативность влияет на сам процесс получения знания, на его методы и формы, каковы философские смыслы феномена коммуникации в познавательном процессе?

Коммуникация относится к «глубинной структуре» познающего субъекта, как диалог и сомнение, при этом речь идет не о детерминации, а именно о свободном принятии, основанном на понимании в результате коммуникации. В этом случае мы имеем дело с особого рода деятельностью. Это не деятельность по созданию предмета, в котором человек пытается запечатлеть и выразить самого себя, т. е. такого предмета, который как бы принадлежит субъекту. Это взаимная деятельность, взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партнеров, каждый из которых считается с другим и в результате которой оба они изменяются. Такой подход предполагает нередуцируемое многообразие, плюрализм разных позиций, точек зрения, ценностных и культурных систем, вступающих друг с другом в отношения диалога и меняющихся в результате этого взаимодействия [1. С. 46–54].

Именно коммуникация складывает в целостную систему различные научные и вненаучные, общественные и государственные, межличностные и массовые, формальные и неформальные, устные и письменные связи, которые предстают как феномен, чутко улавливающий и фиксирующий изменения в социально-исторических отношениях, а также обеспечивает становление человека как субъекта.

Выявление познавательных основ коммуникации представляется необходимым направлением при изучении методологии гуманитарных наук.

Литература

1. Лекторский В. А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления. – СПб., 1999.

2. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.

Т. А. Мезенцева*

Понимание как гуманитарная ценность

Глобальные трансформации в системе научного знания на протяжении XX – начала XXI века позволяют говорить об изменении многих научных и философских категорий и понятий, о формировании нового, интегративного типа научного мышления.

Ключевые слова: гуманизм; герменевтика; гуманитарное знание; проблема понимания.

О проблеме понимания сейчас много пишут в философской, психологической и лингвистической литературе. Глубокий кризис гуманистических идей, возникший в XX веке и продолжающийся в XXI, хронический «дефицит» человечности в повседневной жизни привели к тому, что начало третьего тысячелетия объявлено ЮНЕСКО веком гуманитарных наук.

Особенность проблемы понимания в ее универсальности, которая состоит в том, что понимание пронизывает все сферы человеческой деятельности (труд, культуру, политику, образование и др.). Поэтому проблема открыта для принципиально новых решений [1. С. 207]. Сегодня уже многие исследователи признают тот факт, что знание об окружающем мире – не всегда описательно-фактическое, но толковательное. Именно герменевтика, основанная на понимании, дает истинностную и ценностную основу человеческого знания.

Внутренняя противоречивость и напряженность самой гуманитарной проблематики стала причиной долгих споров между философами о специфике гуманизма и гуманитарного в целом. Некоторые мыслители, как западные (Мартин Хайдеггер), так и отечественные (Н. Бердяев), вообще поставили под сомнение необходимость существования данного понятия, считая, что гуманизм давно изжил себя и привел к искажению и отрицанию образа человека. Однако современная реальность возвращает нас к гуманизму, чьей задачей становится гуманизация человеческого сознания, культивирование гуманного отношения к личности [2. С. 34].

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова дается следующее значение данного понятия: «Гуманитарный. О науках: относящийся

---

* ***Татьяна Александровна Мезенцева*** – соискатель кафедры философии ФГБОУ ВО «Вятский государственный гуманитарный университет», руководитель детского развивающего центра «Мисоль» (г. Киров).

© Т. А. Мезенцева, 2016

к изучению культуры и истории народа в отличие от наук о природе» [4. С. 133]. Словарь иностранных слов характеризует это понятие так: «Гуманитарный – от латинского humanitas – человеческая природа, образованность, духовная культура – относящийся к человеческому обществу и к человеку, его культуре, гуманитарные науки – общественные науки (история, политическая экономия, филология и др.) в отличие от естественных и технических» [6. С. 145].

Сейчас понятие «гуманитарный» рассматривается в зависимости от исследуемой проблематики:

- как тип познавательной ситуации;
- как знание, относящееся к человеку в самом широком смысле;
- как ценностное сознание, являющееся результатом рефлексии по поводу исторической формы экзистенции;
- как определенный уровень человеческого познания, осмысливаемого как система наук. «Область методологии гуманитарного знания – сравнительно новая, активно формирующаяся область исследований. Здесь нет еще устоявшихся решений, многое находится в стадии активного обсуждения, в том числе проблема специфики гуманитарных наук, их отличия от естественных, проблема методов гуманитарного познания» [5. С. 4].

Можно утверждать, что вся проблематика гуманитарных наук вырастает из проблем жизни общества и его истории. Ситуация второй половины XX века – кризис оснований в каждой области гуманитарного знания. Именно поэтому данная тема крайне актуальна.

Гуманитарное знание разрабатывает смысловые и ценностные факторы, которые являются ключом к открытию субъективного мира человека. «Предмет гуманитарного знания – человечески значимый и значащий материал, личностные измерения объектов, их “судьбоносность” <…> Вещь, следовательно, берется не в форме объекта, а субъективно, что и позволяет выделять в ней специфически человеческие значения и предназначения, квалифицировать ее как гуманитарный объект» [3. С. 48].

В качестве подтверждения данной мысли приведем слова М. Бахтина о том, что пределом точности в естественных науках является идентичность (а = а). В гуманитарных науках точность – преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнавание чужого и т. п.). Можно говорить в данном случае не о точности, а, скорее, о строгости (Гуссерль).

Таким образом, можно сделать следующие выводы: с одной стороны, часто универсализируются критерии точных наук, которые пытаются сделать руководящими для гуманитарных, отказывая последним в статусе научности, с другой – некоторые ученые гипертрофируют особенности гуманитарного знания. На наш взгляд, можно признать различие предметных областей этих отраслей знания, но необходимо использовать в гуманитарном познании методы точных наук, и наоборот, гуманитарные методы применяются в естественных науках; оба вида знания могут и должны равноправно взаимодополнять друг друга, использовать уже разработанную методологию и помогать друг другу в получении нового знания.

Литература

1. Бельцева Е. А. Генезис понимания // Философия хозяйства : альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. – 2006. – Октябрь.
2. Бердюгина О. Г. Гуманизация современного сознания и гуманитарное познание. – М., 1995.
3. Ильин В. В. О специфике гуманитарного знания // Вопросы философии. – 1985. – № 7.– С. 45–53.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1983.
5. Проблемы гуманитарного познания. – Новосибирск, 1986.
6. Словарь иностранных слов. – М., 1988.

Ю. А. Пацюкова*

К вопросу об обосновании неприменимости модели толерантности как морального идеала в отношении трансгендерной субъективности

В статье осуществляется анализ морально-дидактического подхода к определению толерантности в вопросе его применимости по отношению к такому явлению современности, как трансгендерная субъективность. Через последовательное рассмотрение основных принципов модели толерантности как морального идеала (П. Николсон), автор приходит к заключению о необходимости критического переосмысления данного подхода с возможностью трансформации его в виде принципа «толерантнотси как признания» (А. Галеотти, Н. Фрейзер).

Ключевые слова: толерантность; субъект; трансгендерная субъективность; признание; дискурс.

Вопрос об определении толерантности в современной политической теории ставится, по большей части, в виде линии рассуждений о применимости положений классической либеральной теории к тенденциям современности, отмеченной принципом и идеей мультикультурализма. С одной стороны, исследования представлены в виде поиска новых способов интерпретации данного феномена, которые смогли бы отразить классические либеральные ценности политической теории, претерпевшей к настоящему моменту серию трансформаций; с другой – утверждается потребность в разрушении основ классической теории в связи с необходимостью создания новой системы ценностей, способной выразить плюралистичность явлений современной действительности.

Актуальность приобретают вопросы, связанные с тематикой гендерных исследований, которые выражаются в растущей потребности в разработке новых подходов по отношению к таким явлениям действительности, как гендерная стратификация, что выражается в обнаружении субъектов с «иным» (в смысле – отклоняющимся от «нормы») набором «воплощенных» характеристик.

* ***Юлия Андреевна Пацюкова*** – магистр 1-го года обучения, Департамент философии Института социальных и политических наук, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

© Ю. А. Пацюкова, 2016

Речь идет о контекстуальном рассмотрении понятия «трансгендерный субъект» в пространстве конструируемых социальных отношений с целью обнаружения возможного обоснования подхода к данному явлению, обозначенному как «толерантное отношение». Какая модель толерантности окажется наиболее приложимой к такому явлению современности, как трансгендерный субъект?

Полиэтничность как характеристика современного общества утверждает необходимость фундаментального пересмотра основных принципов классической либеральной модели. Поиск новых оснований толерантности предстает в виде развертывания серии вариаций, обозначенных в качестве различных ее теорий. Трансгендерный субъект, обнаруживаемый как один из объектов толерантности, нуждается в аналитическом рассмотрении и подборе соответствующей модели отношения. В работе будет проанализирована модель толерантности как ценности (морально-дидактический подход), а точнее, ее определение, представленное в работе П. Николсона «Толерантность как моральный идеал», с целью обоснования несоответствия ее положений фундаментальному принципу позиции трансгендерного субъекта. Необходимость в критическом переосмыслении такого подхода находит свое выражение в виде постановки вопроса о степени применимости другой модели, обозначенной в виде: «толерантность как признание».

Понятие толерантности восходит к латинскому *tolerantia* – «терпение». Такое понимание обнаруживается в работе Джона Локка «Послание о веротерпимости», которая наряду с другими его разработками по политической теории стала одним из лейтмотивов концепции классического либерализма.

Толерантность в пределах морально-дидактического подхода, как определяет ее один из современных исследователей политической теории М. Б. Хомяков, можно представить как «морально оправданный отказ от употребления силы воздействия на существование морально неприемлемого явления» [2. С. 102]. Утверждение толерантности как морального идеала обнаруживается у английского теоретика Питера Николсона. Свою позицию он оформляет в виде разработки основных характеристик толерантности, среди которых отклонение, важность, несогласие, власть, не-отторжение и благость [1]. Такое признание толерантности в качестве самостоятельной ценности значительным образом выделяет ее структуру из ранга индифферентности, с одной стороны, и уважения и любви – с другой.

Тем не менее, несмотря на такое «сильное» определение толерантности, на этапе постановки вопроса о степени верности с точки зрения морального идеала выбора траектории поведения по отношению к объекту толерантности, возникают проблемы: «…в

каком случае отказ субъекта от употребления своей силы будет морально верным, а в каком, напротив, превратится в потакание моральному злу… толерантность вовсе не есть благо при любых условиях и с необходимостью должна подразумевать некоторое представление о своих границах и пределах» [2. С. 101]. Поскольку далее будет последовательно представлен анализ выделяемого Николсоном определения толерантности по отношению к трансгендерному субъекту.

Свою паллиативность уже в этом отношении обнаруживает введенный автором такой компонент, как отклонение. Он обозначает его как «то, к чему относятся толерантно, отклоняется от того, о чем субъект толерантности думает как о должном, либо от того, что он делает как должное» [1. С. 131]. Проблематичным выступает само понятие должного как набора гендерных характеристик, полагаемых единственно верными и морально приемлемыми. Данный аспект в отношении гендерных позиций был проанализирован Джудит Батлер. Определяя формирование субъекта в структуре реализации намеренно вводимого культурой принципа «норма/антинорма», Батлер выводит понятие перформативности как основы существования субъекта: «Перформативность, таким образом, не единичный акт. Это всегда повторение нормы или системы норм до такой степени, что она приобретает статус действия в настоящем и скрывает или симулирует условия, при которых это повторение стало возможно» [5. С. 7].

Осуществляемый Батлер акцент на повторяемости («перформативности») как основе существования субъектности обнаруживает невозможность апелляции к некой истинной, данной вне социальных отношений сущности, которая могла бы быть определена как должное – то, что стратифицирует поведение субъектов на морально приемлемое и отклоняющееся от нормы.

Позицию Батлер можно обозначить как проблематизацию спектра вопросов, обнаруживающих необходимость поиска иного взгляда на явление трансгендерной субъективности. Один из возможных вариантов такого переосмысления можно найти в работах Нэнси Фрэйзер, вступившей в полемику с Батлер.

Если Батлер обосновала существование нормализованной гетеросексуальности за счет институционализации бинарных отношений, то Фрейзер предлагает так называемую «политику признания», главным принципом построения которой становится признание как категория политической философии.

Обнаружение феномена признания в структуре толерантности было проанализировано еще Анной Галеотти. Ее концепция «толерантности как признания» («toleration as recognition») представляет собой смелую критику классической либеральной позиции, сводящей проблему толерантности к «вопросам распределения». Галеотти не просто подчеркивает необходимость фундаментального переосмысления самого концепта толерантности, но предлагает рассматривать этот феномен посредством выделения социальных механизмов признания: «В самом деле, процесс символического включения различий в сферу публичного посредством наделения их смыслом толерантности является лишь первым шагом на пути к тотальному включению меньшинств в то, что принято называть “политикой индивидуальности” или “политикой признаний”» [5. С. 196]. Раскрывая введенное понятие, она обнаруживает ряд принципиально важных следствий данного положения: «Термином политики индивидуальности обозначается своего рода политическое соглашение в мультикультурном обществе, в котором различные группы и меньшинства живут в мире, обнаруживая и признавая свои коллективные сходства и различия как в публичной, так и в частной сфере» [Там же].

Фрейзер видит причину институционализации гетеросексуальности и бинарных отношений в целом не в их воспроизводимости, как утверждала Батлер, а в качественно ином источнике – борьбе за признание: «…институционализация гетеросексуальных значений, норм и конструкций индивидуальности в таких областях, как закон, медицина, иммиграция и политика натурализации, федеральные и государственные налоговые кодексы, социальное благополучие, процедура приема на работу, узаконенное равноправие… все это является культурными конструкциями обозначения того, что превращает гомосексуальных субъектов в лишенных субъектности частей социальности (*abjects*). Сущность данного явления лежит в отсутствии признания (misrecognition)» [4. С. 282]. Фрейзер определяет данное явление как «*материальную* конструкцию, образованную посредством институционализации культурных норм класса обесцененных индивидов (*devalued persons*), которых просто не допускают до коллективного равенства» [Там же. С. 283].

В отличие от Батлер, Фрейзер обнаруживает неравноценность дискурсивных возможностей различных социальных групп, что выражается в способности какой-либо одной из них монополизировать дискурсивное поле посредством исключения оттуда другой группы, представляющей угрозу для реализации монополизируемой власти. Этот процесс и обусловливает появление борьбы за признание, в силу отсутствия такового у «вытесненных».

Морально-дидактический подход и представление о толерантности как моральном идеале по отношению к феномену конструирования трансгендерной субъективности обнаруживает свою принципиальную несостоятельность на онтологическом уровне. Проблематизация моральной категории должного выступает в этом от-

ношении в роли критического переосмысления понятия нормы и явления институционализации бинарных отношений в обществе. Принципы современного либерального общества утверждают невозможность построения разговоров о толерантности по отношению к гомосексуалистам и трансгендерам: их не терпят, а принимают. Когда толерантности по отношению к таким группам становится недостаточно, заявление о терпимости начинает восприниматься как оскорбление. Добившись толерантности однажды, различные меньшинства начинают бороться за признание.

Литература

1. Николсон П. П. Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Исследования. Переводы. Информация. О книгах / науч. ред. М. Б. Хомяков. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 129–146. – (Вестник Уральского межрегионального института общественных наук; 1/2001).

2. Хомяков М. Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI, № 4. – С. 98–112.

3. Butler J. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex». – New York ; London : Routledge, 1993.

4. Fraser N. Heterosexism, Misrecognition, and Capitalism: A Response to Judith Butler // Queer Transexions of Race, Nation, and Gender (Social Text). – 1997. – Vol. 0, Iss. 52/53 (Autumn – Winter). – P. 279–289.

5. Galeotti E. Toleration as recognition. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2002.

Г. В. Болдыгин*

Утопия или проект?

Слово *утопия*, буквально означающее *не имеющее места, несуществующее*, чаще всего используется в русском языке в значении *несбыточного*, что было обусловлено марксистской критикой *утопического социализма.* Т. Мор сконструировал термин *utopia*, исходя из современного ему понятия *существования*, условием которого считалось наличие *места* у существующего, что отличает понятие *существование* от понятия *бытие*, которые не тождественны и занимают особое место в *европейской науке.* Любой проект общественного устройства, сооружения, действия до его осуществления можно вслед за Мором называть *утопией.*

Ключевые слова: бытие; вечность; виртуальное; возникновение; изменение; знание; место; мнение; небытие; несбыточность; созерцание; существование; теория; умозрение; уничтожение; утопия.

В индоевропейских языках нет однозначных терминов. Все наши слова имеют несколько смыслов, которые приобретались в многовековой истории их использования. В разные времена господствующим становилось одно из значений, а остальные – основательно забытыми, но не исчезнувшими окончательно. Новалис, самый талантливый и думающий поэт из йенских романтиков, сравнивал слова, которыми мы теперь пользуемся, с иероглифами, подлинное значение которых нам не известно, а вместе с ними остается неизвестным и смысл сказанного предками. Бывает и так, что термины, изобретенные для обозначения научных понятий, переходя в повседневный язык с эмоциональной нагруженностью его элементов, становятся оценочными иносказаниями, метафорами, т. е. словами, которые сознательно используются в несобственных значениях. Именно так, преимущественно метафорически, используются в современном русском языке слова, вынесенные в заголовок этого эссе.

Мало кто, пользуясь словом *утопия*, не знает, что его сконструировал Томас Мор в качестве названия несуществующего острова *Utopia* с идеальным государственным устройством, которое предпо-

---

* ***Геннадий Васильевич Болдыгин*** – канд. филос. наук, доцент, консультант ректора, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Г. В. Болдыгин, 2016

лагает отсутствие частной собственности – главной, по его убеждению, причине неравенства и всех человеческих несчастий. В русском языке после Октябрьской революции 1917 года под влиянием критики *утопического социализма* с позиции *единственного*, по Ф. Энгельсу, *научного социализма* слово *утопия* стало употребляться преимущественно в значении чего-то *несбыточного*, *неосуществимого*. Такое употребление слова *утопия* метафорично, так как образованное от греческой отрицательной частицы οὐ (не) и слова τόπος (место) оно сознательно используется не в буквальном смысле как *неместо*, *нечто-не-имеющее места*. Однако и сам Мор употреблял слово *Utopia* как иносказание, смысл которого, однако, легко расшифровывался его образованными современникам как нечто *несуществующее*.

Этот экскурс в разные значения одного и того же искусственно сконструированного слова не ставит перед собой *утопическую* цель заставить наших современников использовать его исключительно в первозданном значении. Задача предлагаемого эссе – ответить на вопрос, почему наличие *места* для Мора и его современников означало *существование* вещи, а его отсутствие (*utopia*) – признаком ее *несуществования*.

Наука Древней Греции возникла как попытка ответить на теоретический вопрос: что *есть* на самом деле, а что не существует, будучи всего лишь *мнением* (δόξα)? В переводе с греческого *теория* означает *созерцание, наблюдение*. Древние эллины различали чувственное созерцание и умозрение, обозначая и то и другое созерцание одним словом θεωρία. Начиная с Фалеса, они не доверяли тесно сплетенному с эмоциями *чувственному созерцанию*, которое говорит нам о том, что *вещи* состоя из камней, земли, дерева и т. п., тогда как бесстрастное *умозрение* говорит, что на самом деле *все есть* вода, *воздух, огонь* или какое-то иное *начало* (ἀρχή). Парменид за две с половиной тысячи лет до открытия функциональной асимметрии мозга обнаружил кардинальное отличие чувственного восприятия вещей, лежащее в основе *мнения* о них, от умозаключения, дающего *знание*. Чувственное созерцание говорит нам о множестве различных вещей, которые движутся, возникают, изменяются и уничтожаются, умозрение говорит нам, что *есть* только *то, что есть*, а *то, чего нет*, *того* и *нет*.

Нет более тавтологичной формулы, чем утверждение «бытие (τὸὄν) есть, а небытия (οὐὄν) нет». Но нет и формулы, которая была такой же логически истинной, как тавтология. Вся математика – воплощение достоверного знания (επιστήμη) – стоит на том, что левая часть уравнения равняется правой и 0 = 0. А из тавтологии Парменида вытекает, что нет *возникновения*, поскольку оно – переход из того, *чего нет* (из *небытия*), в то, что *есть* (в *бытие*), но нет и *исчезновения* – процесса, обратного возникновению. Из этого логически безупречного вывода, следует, что нет никаких *изменений*, которые представляют собой *возникновение* одних качеств и *исчезновение* других, и что *нет движения*, которое, как позже сформулировал Аристотель, есть *изменение вообще*. Зенон, этот *мудрец брадатый*, привел настолько блестящие аргументы в пользу отсутствия движения, что мы, легко догоняя черепаху практически, теоретически не можем догнать ее уже 2,5 тысячи лет. После элеатов стало очевидно, что важнейшей задачей науки является согласование чувственного *созерцания* многообразных движущихся вещей с *умозрением*, способным мыслить их движение только как совокупность состояний покоя, соответствующих тому или иному моменту времени.

Другим важнейшим итогом размышлений элеатов стала проблема установления критериев того, что *есть*, до сих пор тревожащая *европейскую науку*. Вслед за Парменидом мыслящие эллины полагали, что под *бытием* следует понимать не все *сущее*, а только лишь то, что неизменно и, следовательно, *вечно*. Вечность и неизменность – вот критерии *бытия*, которое начинает мыслиться атрибутивным качеством лишь некоторых объектов, а не всего *сущего*, которое всего лишь *причастно* бытию. По Эмпедоклу, только *земля, вода, воздух и огонь* – корни всякого сущего – соответствовали главному критерию τὸὄν – вечности. Только о них можно сказать, что они *есть*, а к возникающим, меняющимся и исчезающим вещам неприменима категория *бытие*, а то, что люди считают *возникновением* и *уничтожением* разнообразных *вещей* есть на самом деле соединение и разъединение вечных *корней-элементов*. Эмпедокл, по сути, формулирует важнейший принцип *европейской науки* «из *ничего* не возникает *ничего*», которая с тех пор занята поисками вечных, т. е. не возникающих из ничего *элементов*, которые часто мыслились как *элементарные частицы*.

Левкипп с Демокритом пришли к выводу, что такими вечными элементами, результатом соединения которых являются вещи, могут *быть* лишь непроницаемые, монолитные, не состоящие из частей, а значит, вечные *атомы*, полностью соответствующие критерию *бытия*, а свойства вещей (цвет, вкус и т. п.) есть лишь *во мнении*. *Вечное* не возникает и не уничтожается, оно есть всегда и только о нем может быть достоверное знание (επιστήμη) в отличие от *мнения*, которое не способно соответствовать вещам из-за их непрекращающейся изменчивости. Но если *вторичные качества*, как через века назовет их Дж. Локк, в отличие от *первичных* свойств атомов, есть лишь *мнение*, то изменчивая *пустота*, делимая до бесконечности, исчезающая из-за наполнения ее атомами и вновь появляющаяся, есть *небытие*.

Парадоксально *бытие небытия*-пустоты, но без нее немыслимо движение атомов и возникновение из их соединений *вещей*, о которых нельзя сказать, как и о пустоте, что их *нет*, что они – *небытие*. О вещах нельзя сказать и того, что они, подобно цвету и вкусу, есть лишь во *мнении*. Они *есть*, хотя они и изменчивы, а потому невозможно их επιστήμη, т. е. соответствующее им знание. Истинное знание возможно только об *атомах*, ради умосозерцания которых Демокрит выколол себе глаза. Поскольку, рассуждал Платон, о *вещах* нельзя сказать, что их нет, они *есть*, и, следовательно, они причастны *бытию*, но только *причастны*, что дает им возможность *быть*, хотя и не вечно. Платон разделил мир на две части – вечный мир *подлинного*, как стали говорить в XX веке, *бытия идей*, и мир *сущего*, мир *вещей*, состоящих из причастного вечным идеям упорядочивающего мужского начала, делающего вещь сопричастной бытию, и нуждающегося в руководстве текучего женского начала, являющегося не только *матерью-восприемницей*, но еще и причиной изменения и разрушения вещей. Мы бы сейчас сказали, что не все *существующее* вечно. Но древние эллины еще не знали понятия *существование* и осмысляли наличие вещей с помощью категории *бытие* и его градации, говорящей о большей или меньшей причастности к нему.

Категория *существования* начала формироваться в латинском мире в связи с проблемой доказательства бытия божьего, но окончательно сформировалась в схоластике. Удивительно, сколько сил тратили схоласты для доказательства того, что Бог *есть,* в обществе глубоко верующих людей, среди которых не было и не могло быть атеистов. Большинство из нас не видит различия между оборотами *бытие Бога* и *существование Бога*. Но в латыни *бытие* (esse) не является синонимом *существования* (existentia) и не означает совокупность *всего существующего*, как учит нас русскоязычная Википедия, повторяющая суждения недоучек-марксистов. Категория *существование* в средневековой мысли тесно связана с понятием *место*, разработанным еще Аристотелем в процессе критики им теории движения Демокрита, условием которого тот считал *пустоту-небытие.*

Пустота, по Аристотелю, не может быть условием движения телесной вещи, скорость которого прямо пропорциональна движущей силе и обратно пропорциональна ее тяжести, а также сопротивлению среды. Если бы такого сопротивления не было, скорость движения вещи была бы *мгновенной*, т. е. бесконечно большой, чего никогда не бывает. Видимая нами конечная скорость объясняется тем, что движение, которое еще в XVII в. называли *местным движением*, а мы – *перемещением*, есть смена вещью своего *места* (τόπος) с *местами* других вещей, в том числе с воздухом и водой, что всегда связано с их сопротивлением такому обмену. Бестелесное *место* имеет, по Аристотелю, те же очертания в трех измерениях, что и занимающая

его телесная *вещь*. Нет *вещи*, нет и *места*, куда могла бы переместиться другая вещь. Если же нет *места*, то нет и занимающей его телесной *вещи*, с которой другая вещь могла бы поменяться *местами*.

Так, *Небо* в замкнутой вселенной Аристотеля не нуждается в обрамляющей его хрустальной оболочке. За его пределами нет ничего, там – *небытие*, *ничто*, а значит, нет никаких *вещей* и их *мест*. Из нашего мира никакая *вещь* не может переместиться за пределы *Неба*, потому что ей не с чем поменяться *местами*. Средневековые *физики* рассуждали: что будет с копьем, если попытаться выбросить его за пределы Неба: оно остановится? изогнется в одну какую-то сторону? или расщепится на множество частей, повторяя изгибы последней сферы? Видимо, перипатетики Ренессанса потешались над безграмотным автором карикатуры, изображавшей монаха, разрезавшего ножом сферу *неподвижных звезд* и увидевшего в разрезе множество других звезд. Как бы то ни было, но в Средние века критерием *существования* той или иной телесной вещи, стало трёхмерное *место* с его пространственно-временными координатами.

Но можно ли сказать, что *существует* Бог? Бог *есть* (est), был и будет всегда. *Бытие* (esse) – его неотъемлемый атрибут. Если уж говорить о *бытии* чего-либо или кого-либо, то в полной мере можно говорить только о бытии Бога и лишь в некоторой степени – о бытии других бестелесных духов, включая души людей, обреченных на вечность с момента их творения. Однако нельзя сказать и того, что бестелесные Бог и другие духи *не существуют*, хотя они не занимают никакого *места* (locus). Всё-таки *существование* (existentia), пусть и на время, причастно *бытию*, а сомнение в возможности *существования* Бога очень похоже на сомнение в *божественной природе* Иисуса Христа. Бестелесные духи поэтому существуют, но не *локально*, а *виртуально*, т. е. без *места* и присущих ему пространственно-временных координат. Докритический Кант, еще лояльный к современной ему метафизике, называл *подставной* (неправомерной) *аксиомой* суждение о том, что всё, *что существует, существует где-то и когда-то,* что порождает *пустые вопросы о местопребывании нематериальных субстанций в телесном мире*.

Однако мы и сейчас нередко пользуемся этой *подставной аксиомой*, требуя указать точное местонахождение, например, лохнесского чудовища или стеллеровой коровы, сообщения о которых время от времени, казалось бы, опровергают факт полного исчезновения динозавров и уничтожения охотниками редкого вида ластоногих в 30-х годах прошлого века. Впрочем, проблема *существования* и его критериев уже в XIX веке пересталазанимать то центральное положение, которое было у нее интеллектуальной проблематике прошлых веков. Эти критерии лишь время от времени тревожат вообра-

жение современных ученых, когда они, например, задаются вопросом о том, *где существовали* внезапно появившиеся новые элементарные частицы до периодических изменений орбиты электрона и *куда* они *исчезают*, если масса самого электрона и ядра атома при этом не меняется. Неужели они возникают из *небытия* и превращаются в *небытие*?

Чтобы сохранить сформулированный еще в Античности важнейший принцип *ничто из ничего не возникает*, отказ от которого способен разрушить всю *европейскую науку*, физики XX века позаимствовали из схоластики понятие *виртуальное существование* и назвали появляющиеся из ниоткуда и исчезающие в никуда частицы *виртуальными*, т. е. существующими, но без *места*.

Возвращаясь к Т. Мору, отметим, что в его время *место* было атрибутивным качеством любой телесной *вещи*, в том числе и островов и находящихся на них государств. Отсутствие же *места* (*utopia*) говорило об их несуществовании. Но то, чего не существует сейчас, при определенных условиях может стать *действительностью* в далеком или недалеком будущем. Мор, конечно же, верил в осуществимость своего проекта и никак не мог использовать слово *утопия* в значении *несбыточного*. Любой проект инженерного, общественного или какого-то иного устройства, проект какого-либо действия до его совершения является *утопией*, которая может сбыться и занять в телесном мире свое *место*. Конечно, результат осуществления *утопии*, ее материализация, всегда отличается от проекта. Однако Платон давно уже заметил, что вещи – лишь подобия идей и, значит, они никогда не способны стать их точной копией. Но разве это соображение способно остановить создателей все новых *утопий* – проектов пока еще не существующего, но желанного будущего?

Н. В. Курюмова*, А. С. Полякова**

Танец постфолк: звено в развитии современной хореографической культуры

В предлагаемой статье делается шаг к осмыслению такого малоизученного явления современной хореографической культуры, как «постфолк-танец». Возникающее на пересечении танца эпохи постмодернизма и танцевального фольклора, оно становится очередным (и наиболее актуальным на сегодняшний день) опытом взаимодействия профессионального сценического и народного танцев. В сравнении с более ранними опытами этого взаимодействия (характерный, народно-сценический танец, также – фолк-модерн) и на основе анализа некоторых произведений современных авторов рассматриваются специфические черты явления и возможные пути его дальнейшего развития в контексте российского современного танцевального искусства.

Ключевые слова: народный танец; народно-сценический танец; фолк-модерн; постфолк-танец; постомодернизм; contemporary dance.

Понятие «постфолк-танец» не является установившимся и общеупотребимым. Но настойчивая необходимость введения его в теоретический дискурс для обозначения вполне определенных явлений в области современной хореографической культуры очевидна. Необходимо оговориться: только в случае, если в это понятие вкладывается иной смысл, нежели в известный термин «постфольклор» (или «постфолк»). Последний, введеный в обиход в середине 1990-х гг. российским ученым-фольклористом, профессором, д.филол.н. С. Ю. Неклюдовым, обозначает сферу современного городского фольклора, толчком к «запуску» которого становится техническая революция, в первую очередь – появление фотографии и звукозаписывающей техники. Признаками постфолка являются его анонимность, он «создается средой для себя». Постфолк-танец (или постфолкданс) – одно из течений contemporary dance, искусства сценического (а не средового) и авторского (а не безымянного). Таким образом, слово «пост» обозначает причаст-

* ***Наталия Валерьевна Курюмова*** – канд. культурологии, доцент АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** ***Анна Сергеевна Полякова*** – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Н. В. Курюмова, А. С. Полякова, 2016

ность этого направления к эпохе постмодернизма, к современной посткультуре; фолк – указывает на наличие в нем элементов (лексических, композиционных, образных и т. п.) народного танца.

Постфолк является звеном в цепи трансформаций, происходящих при взаимодействии народного танца с танцем профессиональным на разных исторических этапах художественной культуры. Историческим предшественником танца постфолк является танец фолк-модерн: это понятие имеет обоснование в отечественных штудиях, посвященных современному танцу [10], и соответствует более ранним, чем contemporary dance, направлениям танца и балета модерн.

В исторических перипетиях первой половины XX в. подход к фольклорному танцу оказывается, в конечном счете, в прямой зависимости от двух различных художественных парадигм: модернистской и, далее, в СССР, – парадигмы соцреализма.

В последнем случае народный танец предстает на сцене в новой форме – народно-сценическом танце. Игорь Моисеев (1906–2007), создавший в 1937 г. «Первую танцевальную группу» (в будущем – знаменитый Государственный академический ансамбль народного танца имени Игоря Моисеева), видел своей задачей творческую обработку бытующих в то время в СССР образцов фольклора. Соединение народной хореографии и принципов классического танца было ориентировано «на яркое воспроизведение народного стиля, глубокое раскрытие в танце национального образа и характера в сочетании с техническими и актерскими достижениями балетной школы» [4. С. 83].

Что касается принципиально новых, неклассических форм танца, появившихся на рубеже XX в. и объединяемых понятием «танец модерн» с его акцентом «на постоянное обновление, инновационность» [8. С. 61] (в том числе на свободный танец, немецкий экспрессионистский танец, американский модерн), то они, как правило, избегали фольклорных основ, обращаясь к внутреннему миру человека современности. И хотя, например, американская танцовщица Марта Грэхем на самом раннем этапе своего творчества обращалась к танцам коренного населения Америки – индейцев, ее зрелый стиль демонстрирует интерес к бессознательному в человеке, лишенному национальных черт.

А вот модерн-балет, трансформируя старый академический балет в условиях новой художественной реальности, в поисках все новых источников для субъективного самовыражения художника и необычных возможностей танцевального языка активно взаимодействует с фольклорным материалом. К основоположникам фолк-модерна в первую очередь следует отнести хореографов «Русского балета» С. Дягилева. Импульсом для их хореографических инноваций служили, в первую очередь, партитуры И. Стравинского, в 1910–1920-х гг. – одного из основоположников композиторского неофольклоризма. В произведениях композитора, получившего всеевропейское признание благодаря сотрудничеству с труппой Дягилева, «концентрация фольклорных элементов (остинатность структуры, ладовое строение, фонизм) достигает возможного максимума» [5. С. 189]; Стравинский «усвоил русское народное творчество не как ловкий стилист… и не как этнограф-народник, а как мастер родной речи» [1. С. 20] Откликаясь на почвенность его музыки, хореографы стилизовали и внедрили элементы этнического русского танца в новую, модернистскую лексику своих балетов. Яркими примерами являются реформаторские балеты М. Фокина («Жар-Птица», 1910, «Петрушка», 1911); В. Нижинского («Весна священная», 1913); Б. Нижинской («Байка про лису», 1917, «Свадебка», 1923) и др. Кроме того – балеты Л. Мясина на музыку С. Прокофьева и Н. Римского-Корсакова.

Своего рода «отголоском» инноваций Дягилевских сезонов стали постановки балетмейстера Ф. Лопухова (тогда возглавлявшего балет Петроградского театра оперы и балета): «Жар-Птица» (1921), «Ледяная дева» (1929) и, позже, печально известный «Светлый ручей» (1935).

Стоить вспомнить опыт еще одного известного советского хореографа-реформатора – К. Я. Голейзовского. Автор одной из лучших книг о русском народном танце, не признанный официальной сталинской культурой, он вырабатывал принципы авторской, творческой переработки национального искусства. Принципиально отказываясь переносить на сцену народный танец в подлиннике, он «высвечивал заложенный в нем образ, театрализовал его, придавал ему сценическую форму, сохраняя структуру, живописный облик, смысл, характер первоисточника», внося в танец «культуру и филигранность рисунков» [7. С. 102]. Главным достижением мастера на этом пути стал его спектакль «Лейли и Меджнун», поставленный в Большом театре лишь в 1964 г.

После Второй мировой войны (в период так называемого «зрелого модернизма») тенденции модерн-балета получают повсеместное развитие. Обогащение выразительности танца (больше того, возвращение ему сакральности и аттрактивности) за счет обращения к фольклорным и архаическим истокам является одной из принципиальных установок французского танцовщика и балетмейстера, основателя труппы «Балет XX века» Мориса Бежара. В частности, обращаясь, опять же, к интерпретации балетов И. Стравинского («Весна священная» (1959), «Жар-Птица» (1970), «Петрушка» (1977) и др.), он использует сплав техники балета-модерн и элементов русского пляса. Кроме того, Бежар вносит огромный

вклад в синтез достижений современного балета и экзотических, с точки зрения европейца, танцевальных культур («Бахти» (1968) основан на индийском танце; «Голестан» (1972) – индонезийском, «Гелиогабал» (1976) – на иранском, «Пирамида» (1990) – египетском). Среди более поздних представителей балета-модерн, развивающих фолк-модерн, можно назвать выдающегося хореографа чешского происхождения Иржи Килиана, который в своих спектаклях «Свадебка» (1982) и «Симфония псалмов» (1978) использует элементы русской пляски, славянских обрядов; одного из наиболее известных авторов и исполнителей contemporary dance, художественного руководителя Нидерландского театра танца (NDT) Пола Лайтфута в его раннем спектакле «Step Lightly» (1991), сочиненном на болгарскую народную музыку, где свой техничный танец он основывает на смелом сочетании элементов славянского происхождения и техники танца модерн.

Можно говорить о том, что представители танца «фолк-модерн» часто обращаются к славянскому (или экзотическому восточному) архаическому ритуалу, обряду и, как следствие, – к новой пластике, иной движенческой модели. Они работают, тем не менее, с достаточно связными линейными сюжетами, стремясь «воссоздать» на сцене древние обряды, ритуалы, сказочные сюжеты. Желание этих художников обратиться к архаике продиктовано, в первую очередь, стремлением понять современность, сегодняшнее общество, человека в нем.

С 1970-х гг. все более активно утверждается постмодернистская культура, порожденная информационным, постиндустриальным обществом, с «ее проблематизирующим, остраняющим, ироничным взглядом на вещи» [9]. По мнению В. В. Бычкова, постмодернизм – это финальная стадия посткультуры, возникающей в XX в. «ПОСТ-культура – это… “культура” с пустым центром, оболочка культуры, под которой – пустота» [2. С. 5]. В танцевальном искусстве наступает период contemporary dance – постмодернистской версии современного танца, который не представляет собой законченного явления, это, скорее всего, постоянный процесс синтеза и трансформаций самых разных направлений танца, поиск все новых телесных возможностей. В соответствии с концепцией «усталости от культуры» и постоянной игры со смыслами и стилями, contemporary – это и процесс постоянного освоения все новых направлений танца и телесных практик (социальные танцы, спорт, боевые искусства, акробатика, двигательно-ориентированная танцтерапия и т. д.). Значительную роль, особенно в отечественном contemporary, играет привлечение и привнесение в ткань сложных движенческих моделей элементов народного танца. По мнению Е. Васениной, современный танец есть «все направления пластического эксперимента, авторская хореография, синтезирующая в себе различные стили танца… он (современный танец. – *прим. авт.*) многолик, в арсенал его средств входят танцы народов мира… достижения философской мысли, – всё, что может породить авторское пластическое высказывание» [3. С. 5].

Танец «постфолк» – достаточно новое явление постмодернистской хореографии, процесс его становления еще не завершен. К отечественным хореографам, в творчестве которых зарождается и получает развитие постфолк-данс, можно отнести Геннадия Абрамова (1939–2015) – московского хореографа, создателя знаменитой труппы «Класс экспрессивной пластики» и первого художественного руководителя факультета современного танца. В спектакле «О-У-А!» на музыку В. Мартынова (2005) эксплуатируются удаль и энергетика русской пляски. В спектаклях Евгения Панфилова (1955–2002), основателя знаменитой пермской труппы, – «Восемь русских песен» (1992), «Бабы. Год 1945» (2000) фольклорная основа становится и попыткой обнаружения связи между современными формами танца и собственными корнями.

Особенно важным в процессе формирования постфолк-танца представляется творчество Николая Огрызкова (1954–2010), начинавшего свою карьеру в качестве исполнителя в ансамбле Игоря Моисеева. Его «Свадебка» (2001) с учащимися созданной им школы современного танца, первой в России, стала блестящим решением синтеза постмодернистского мироощущения и живительной силы национальных танцевальных элементов. Создала свою версию «Свадебки» Татьяна Баганова – руководитель екатеринбургской труппы «Провинциальные танцы» (2000), но коленца и позы народного танца присутствует почти во всех постановках этого знакового хореографа. Так, в основе одного из последних спектаклей, созданных в сотрудничестве с инженерным театром «АХЕ» (С.-Петербург), «Мера тел» (2014), кроме всего прочего, 12 архаичных славянских обрядов «от Осенин до Головосеков» [6]. В движенческие структуры включены не только танцевальные движения славянского происхождения, но и многочисленные ритуальные действия и жесты. Ранние спектакли Ольги Поны (руководителя Челябинского театра современного танца), заложившие основу ее дальнейшего творчества, также были тесно связаны с образами и встроенными в сложную структуру спектакля фольклорными элементами.

В условиях, когда традиции народного танца «под угрозой», российский contemporary dance воспринял обращение к фольклору и как новый способ самовыражения, и как способ обогащения лексики танца, и как способ самоидентификации. А национальная тра-

диционная танцевальная традиция в такой форме, как «постфолк», способна обрести новый способ существования и развития.

Литература

1. Асафьев Б. В. Книга о Стравинском. – Л. : Музыка. Ленинградское отделение. – Л., 1977.
2. Бычков В. В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. – М. : РОССПЭН, 2003.
3. Васенина Е. Современный танец постсоветского пространства. – М. : Редакция журнала «Балет», 2013.
4. Вестник Академии Русского Балета им. А. Я. Вагановой. – 2008. – № 2 (20). – С. 82–83.
5. Головинский Г. Л. Композитор и фольклор: из опыта мастеров XIX–XX веков : Очерки. – М. : Музыка, 1981.
6. Екатеринбургский театр современной хореографии «Провинциальные танцы» [Электронный ресурс]. – URL: http://dance-theatre.ru/teatr-provincialnye-tancy/
7. Коптелова Е. Д. Игорь Моисеев – академик и философ танца. – СПб. : Лань : Планета музыки, 2012.
8. Курюмова Н. В. Современный танец: от хореографического языка к феноменологии тела и обратно // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 2 (9). – С. 60–65.
9. Курюмова Н. В. Современный танец в культуре XX века : дис. … канд. культурологии : 24.00.01. [Электронный ресурс] – Екатеринбург, 2011. – URL: http://www.dissercat.com/content/sovremennyi-tanets-v-kulture-xx-veka
10. Устяхин С. В. Феномен фолк-модерн танца в современной хореографии : дис. … канд. культурологии : 24.00.01. [Электронный ресурс]. – Саранск, 2006. – URL: http://www. dissercat.com/content/fenomen-folk-modern-tantsa-v-sovremennoi-khoreografii#ixzz3kpoGEe77

М. Б. Козева*

Контактная импровизация как направление современного танца

Настоящая статья содержит описание контактной импровизации как направления в танце второй половины XX в., оказавшего значительное влияние на все многообразие идей и явлений в танце современности; способного быть потенциалом для обогащения традиционного классического танца за счет принципиально иного – гуманистического – отношения к человеческому телу и его проявлениям в движении.

Ключевые слова: танец; современный танец; контактная импровизация; современные танцевальные практики.

В современном обществе человек находится в сильном отдалении от своих природных качеств и жизненных навыков. Это выражается в ограничении физического движения вследствие НТП и новых технологий. На психологическое и эмоциональное состояние человека оказывают сильное давление урбанизация, массовая культура, СМИ: они ограничивают проявление индивидуальной человеческой природы, структурируя и направляя сознание, поведение и деятельность. Данная ситуация формирует необходимость пересмотра отношения к телу и способам его существования в современном мире. Традиционные телесные практики, появление новых движенческих подходов к телу, танец и спорт, имеющие в основе гуманистическую направленность, таким образом, приобретают в наше время особое значение.

В созвучии с этой тенденцией становится все более популярным такое явление, как контактная импровизация (КИ) – направление в современном танце, возникшее во второй половине XX века. Его основной идеей является осознанное отношение к природе собственного тела: если в классическом танце тело человека подчинено движению, то в КИ движение исходит из импульсов тела, становясь их естественным продолжением. Основные характеристики данного явления – демократичность, открытость, предпочтение процесса результату. Особое значение уделяется ком-

* ***Мария Борисовна Козева*** – старший преподаватель кафедры танцевальных дисциплин факультета современного танца, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© М. Б. Козева, 2016

муникации между людьми, – как участниками, так и зрителями – непосредственными наблюдателями процесса движения, а также экспериментированию с целью познания физических возможностей человеческого тела.

В современной культуре существует множество направлений и определений танца. И ни одно из них не исчерпывает суть этого явления полностью. Возможно, это объясняется тем, что танец имеет процессуальную природу: движение невозможно воспринимать в качестве объекта, но только как многогранный динамичный процесс. Российский исследователь современных танцевальных практик А. Гиршон замечает, что «как культурное явление танец, скорее, лучше называть континуумом смыслов и качеств, связанных с жизнью человеческого тела; в нем легче определить акценты и связи, чем дать четкие дефиниции» [2. С. 12]. За понятием «танец» могут стоять смыслы разной природы: внутренне организованные движения человеческого тела в пространстве и во времени, переживание и состояние, хореографическая идея.

Традиционной ценностью в сфере танца, безусловно, является танец классический. На протяжении веков его искусство развивалось и оттачивалось, интерес к нему не ослабевает и сегодня. Однако, как и любой другой вид искусства, классический танец требует постоянного развития и обогащения. Как ни парадоксально, ресурсом развития для классического танца могут стать различные танцевальные и телесно-двигательные практики, которые основаны на идеях тела и движения, прямо противоположных идеям тела и движения, существующим в классической традиции. В том числе, такой вспомогательной практикой может стать контактная импровизация.

Возникновению импровизации как нового направления в танце во многом послужили идеи постмодернизма: исчезла необходимость обслуживать сюжет в танце, эмоциональную выразительность, иерархию танцоров и т. п. Танец, усвоив опыты модернизма[1] первой половины XX в., которые в модернистском танце выразились в следовании авторскому стилю, нарочитой экспрессивности и психологизме, потребовал обновления. Он стремился стать актуальным в современном мире искусством, изыскивая особые способы передачи правды человеческого существования. Постмодернисты в танце заявляли: любое движение может быть танцем, любой человек может танцевать. Таким образом была подготовлена почва для появления контактной импровизации – направления в танце, основанного на исследовании движения с целью познания

[1] Здесь нам важно отметить характерные для модернзма следование авторскому стилю, психологизм и нарочитую экспрессивность.

человеком самого себя и окружающего мира посредством танца в контакте с собой и другими людьми.

В начале 1970-х годов одним из первых исследователей и идеологов КИ стал американский танцовщик и педагог, участник постмодернистских экспериментов в танце Стив Пэкстон. Идеи относительно способа движения, которые он использовал, существовали и раньше: они присутствовали в танце модерн, в технике высвобождения новых двигательных возможностей и освобождения от мышечных зажимов (релиз), в айкидо, стрейче, акробатике и многих других направлениях.

Момент рождения контактной импровизации можно обозначить днем показа группой танцовщиков под руководством Стива Пэкстона танцевального перформанса «Магнезиум» в январе 1972 года. В течение 10 минут они беспрерывно сталкивались, делали поддержки и перекатывания… В июне того же года Стив с 15 учениками приступили к изучению принципов и возможностей коммуникаций в контактном движении, выявленных в «Магнезиуме». После недели репетиций, в течение всей последующей недели каждый день по пять часов компания публично демонстрировала рабочий процесс своих исследований в галерее Джона Вебера в Нью-Йорке.

Новым смысловым акцентом этого исследования был поиск для исполнения упражнений, требующих выносливости и физической силы, особых рефлекторных действий, связанных, скорее, с внутренними ощущениями, нежели с внешней формой.

Постепенно исследование оформилось в новый технический подход – танцевальную технику, основанную на физическом контакте тел и особенном мысленно-чувственном отношении к процессу движения; способности к работе с кинетическими образами. Новая форма была названа «контактной импровизацией».

КИ привлекла многих последователей возможностью неформального движенческого опыта, танца с расширенными рамками, определяемыми только физическими законами и принципами движения человеческого тела. КИ распространилась по всему миру как танцевальная дисциплина и искусство движения и танца.

Прикосновение, единая точка контакта двух тел, обмен весом тел партнеров и инерция движения, гравитация и равновесие, – категории, в которых мыслился новый вид танца КИ. Этот вид современного танца позволял партнерам по движению вести спонтанный телесный диалог без заучивания определенных схем движения. Опыт в КИ начинается у практикующего этот вид танца человека с умения слушать свое тело, которое ищет, создает свой танец «здесь и сейчас» с партнером, группой, пространством.

Танцевальная практика КИ не связана с эстетическими условностями определенного стиля движения или танца. Это – бога-

тая возможностями сфера органического движения, включающая исследование навыков падения, перекатывания, контрбаланса, поддержек с наименьшими усилиями, связи движения и дыхания, способности быть чутким к самому себе, своему партнеру и окружающей среде.

КИ учит осознавать ощущение инерции, веса тела и баланса, освобождаться от излишнего мышечного напряжения, а также намерений и волевых установок, чтобы в движении-контакте следовать естественному ходу вещей.

Выбор движения происходит благодаря способности замечать, различать и расшифровывать сигналы тела, которые партнеры по КИ подают и принимают. Эти сигналы подсказывают направление, качество и характер контакта и движения партнеров.

Контактную импровизацию определяет интерес к процессу, значимость процесса как такового. Танец перестает быть товаром, «упакованным продуктом».

Танец в контактной импровизации – живой перформанс, явление момента, где важно преходящее, эфемерное, непосредственное. В этой форме танец учит практикующего танцовщика оставаться целостным в своем выборе, выражая в каждом моменте свою настоящую природу.

КИ объединяет универсальные возможности органичного и эффективного движения тела человека в танце и в жизни, которые при желании доступны любому человеку. Внимание сосредоточивается вокруг универсальных ценностей человеческой коммуникации: возможности быть в контакте с телом собственным и телом партнера; необходимости заботы о безопасности своей и партнера; умения слушать и слышать партнера; доверять и брать на себя ответственность; способности говорить «нет», рисковать и т. д.

Среди соратников и последователей С. Пэкстона такие танцовщики, как Курт Сиддал, Нэнси Старк Смит, Нита Литтл, Дэниел Лепкофф, Синтия Новак, Рут Запора и многие другие.

КИ – не явление массовой культуры; она, скорее, принадлежит танцевальной субкультуре как вид социального танца. На сегодняшний день КИ как искусство движения и техника – это обязательная дисциплина образовательных программ многих школ и фестивалей танца в Европе и Северной Америке, Латинской Америке и Азии, России.

Как искусство движения и как своеобразная современная танцевальная культура, как подход к телу, движению и танцу, контактная импровизация обладает универсальными свойствами и может проявляться в качестве потенциальной возможности физического движения и улучшения качества жизни современного человека любой культуры, возраста, пола, социального положения, профессии, национальности и т. п.

В России КИ существует благодаря энтузиастам, в числе которых есть и классические танцовщики, которые приобщаются к американскому и европейскому опыту, обучаясь в школах по КИ в Нью-Йорке, Берлине, Вене. Это Анжела Доний (Москва), Екатерина Басалаева (Новосибирск), Руслан Сантах (Киев) и другие. Мастера КИ собирают вокруг этого направления в России любителей свободного и осмысленного движения и танца, практикуя в России и привнося свой опыт в развитие этого уникального явления.

Журналист и критик Ольга Гердт характеризует контактную импровизацию как «не просто способ танцевать, а способ жить, не нагружая других: дуэты в “контакте” так и выглядят: как парение едва касающихся друг друга тел в невесомости» [1].

Таким образом, танец – это одно из выражений творческого начала человека, это способность посредством тела и движения передать идею, мысль, эмоциональное отношение к окружающей реальности. Но на протяжении веков классический танец все время стремился к тому, чтобы превратить тело в идеальный инструмент, сформировать «идеальное тело» танцовщика как некую «танцевальную машину», способную раз за разом четко, технично и одинаково воспроизводить задуманный балетмейстером хореографический рисунок. По мнению С. Пэкстона, «с критической точки зрения танец стремится к тому, чтобы люди стали инструментом хореографии. Хореография предполагает, что эти инструменты будут вести себя одним и тем же образом на каждом выступлении, игнорируя разницу. Импровизация же предполагает, что один и тот же инструмент будет вести себя каждый раз по-разному» [3].

Современный танец ищет новые повороты своего развития, актуальность содержания, формы, репрезентации, благодаря которым он сможет вернуть свою исконную творческую, спонтанную, энергетическую природу и стать для современного человека ресурсом творчества, пополнения жизненных сил. Исходящий из естественных телесных импульсов человеческого тела, без их ломки и преодоления, импровизационный танец дает радость существования в органичном движении. А контактная импровизация – эффективный способ коммуникации между людьми посредством движения и танца, позволяющий проецировать полученные в ее процессе ценные моменты взаимодействия на способы общения в повседневной жизни.

Литература

1. Гердт О. Contemporary dance: история трех смертей [Электронный ресурс] // Театр. – 2015. – № 20. – URL: http://oteatre.info/contemporary-dance-istoriya-treh-smertej/ (дата обращения: 6.02.2016).

2. Козлов В. В., Гиршон А. Е., Веремеенко Н. А. Интегрированная танцевально-двигательная терапия. – СПб. : Речь, 2006.

3. Пэкстон С. История и будущее импровизации [Электронный ресурс] // Сайт А. Гиршона. – URL: old.girshon.ru›www.dancetrio/Articles/paxton1.htm (дата обращения: 10.02.2016).

О. Н. Шестопалова*, Л. С. Кирилюк**, В. С. Чуркина***

Система жизненных ценностей современной молодежи: опыт социологического исследования

В статье представлены результаты социологического исследования жизненных ценностей современной молодежи. Результаты опроса студентов позволяют авторам утверждать, что традиционные ценности не теряют своей значимости для молодого поколения, однако все сильнее ощущается влияние индивидуализма и прагматизма, о чем свидетельствует высокий удельный вес в структуре жизненных ориентиров материальных ценностей и идеалов, выраженных в желании быть успешным, влиятельным, богатым.

Ключевые слова: терминальные ценности; современное российское общество; молодежь; материальное благополучие; жизненный успех; профессиональные достижения; высшее образование; индивидуализм; прагматизм; социальный оптимизм.

В условиях поиска новых путей и стратегий развития российского общества все более актуальной становится задача изучения жизненных ценностей современной молодежи как важной «точки опоры» для формирования и коррекции ее поведения. Это те ключевые ориентиры, которые детерминируют направленность, содержание и ведущие виды деятельности человека, являясь основой принятия решений в повседневной практике. От того, какие интересы, взгляды и установки преобладают в молодежной среде, во многом зависит дальнейшее социально-экономическое, политическое и культурное развитие общества и государства.

---

* ***Ольга Николаевна Шестопалова*** – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом и социология», Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург).

** ***Людмила Сергеевна Кирилюк*** – студентка 3-го курса направления подготовки «Управление персоналом», Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург).

*** ***Виктория Сергеевна Чуркина*** – студентка 3-го курса направления подготовки «Управление персоналом», Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург).

© О. Н. Шестопалова, Л. С. Кирилюк, В. С. Чуркина, 2016

Выявление системы жизненных ценностей современной молодежи явилось основной целью социологического исследования, организованного авторами в декабре 2015 года среди студентов Уральского государственного университета путей сообщения (N = 650 чел.). Отбор респондентов проводился на основе квотной выборки, чтобы обеспечить репрезентативное представительство студентов всех факультетов. Распределение по гендерному признаку выглядит следующим образом: доля девушек составляет 51 %, молодых людей – 49 %. Возраст опрошенных – от 17 до 23 лет.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы.

Ценностное ядро студентов формируют такие категории, как «материальное положение» (56,3 %), «здоровье» (49,5 %) и «семья» (48,5 %). Как видим, преобладают терминальные ценности, то, ради чего живет человек, в чем находит источник счастья, смысла жизни. Это те ценности, которые, на наш взгляд, и должны составлять основу личности любого человека. Устойчивость данных ценностных индикаторов в структуре жизненных ориентиров молодежи сохраняется, несмотря на системный кризис, в котором до сих пор пребывают наше общество и государство. Об этом свидетельствуют данные исследований других авторов. Так, многолетний мониторинг социокультурных ориентаций студентов вузов Свердловской области, организованный профессором Ю. Р. Вишневским, демонстрирует высокую значимость указанных базовых ценностей в сознании студентов: семья – 65 % в 1999 году, 68 % – в 2009-м; здоровье – 67 % в 2003 и 51 % в 2012-м; важность денег и материальных благ – 27 % в 1999 году, 37 % – в 2012-м [1. С. 60].

При этом материальное благосостояние (48,1 % студентов 1-го курса и 68,4 % студентов 4-го курса) ценится гораздо выше свободы, независимости, уважения окружающих (3,9 и 5,3 % соответственно), а также веры и духовного развития (не более 5,5 % студентов всех курсов). Это одна из доминант современной жизни и стимул социальной активности. В основном ставится цель зарабатывания денег любым доступным путем, лишь бы этот путь приносил доход, и чем больше, тем лучше. Не случайно некоторые авторы отмечают, что молодежь в настоящий момент условно можно разделить на две группы: одни, в ходе ценностных трансформаций современного российского общества, «воспроизводят традиционные ценности; а другие пытаются сочетать трудно сочетаемое, реализовывать альтернативную систему ценностей <…> их ценности не трансформируются до индивидуализма, останавливаясь на прагматизме и гедонизме <…> и фактически уходят на путь медленной деградации личности в погоне за материальным обеспечением» [5. С. 85].

Материальное благополучие имеет отношение ко многим процессам в жизни человека и общества. Наличие достаточного количества денег позволяет решить многие проблемы, будь то обмен жилья, покупка нового автомобиля или путешествие. Исходя из этого, основная цель студентов – стать материально независимым. Это подтверждают данные нашего исследования: студенты 1-го курса (42,9 %), 3-го курса (46,3 %), 4-го курса (52,6 %), 5-го курса (32,4 %) считают своим идеалом богатого, материально независимого человека. Стоит отметить, что желание разбогатеть и вера в то, что это достижимо, тесно связаны. Так, по данным всероссийских исследований, допускают для себя вероятность разбогатеть 66% молодых россиян [2]. Ответы на вопрос о том, какие личностные качества либо внешние обстоятельства позволяют людям достичь материального благополучия, дают возможность реконструировать образы богатого человека, бытующие в массовом сознании: ими чаще всего становятся целеустремленные люди, те, кто много работает, «обладающие неплохим умом, интеллектом и умеющие рассчитывать свое время и жизнь» или «богатыми могут быть только богатые» [3]. Эти представления во многом основаны на укоренившихся в сознании и поведении молодежи стереотипах автономности, самостоятельности, личной ответственности за свои успехи и неудачи [6. С. 14].

Для уточнения представлений студентов о жизненном успехе и достижении своего идеала нами был задан вопрос: «С чем у вас ассоциируется успех?» Распределение ответов респондентов представлено на рисунке.

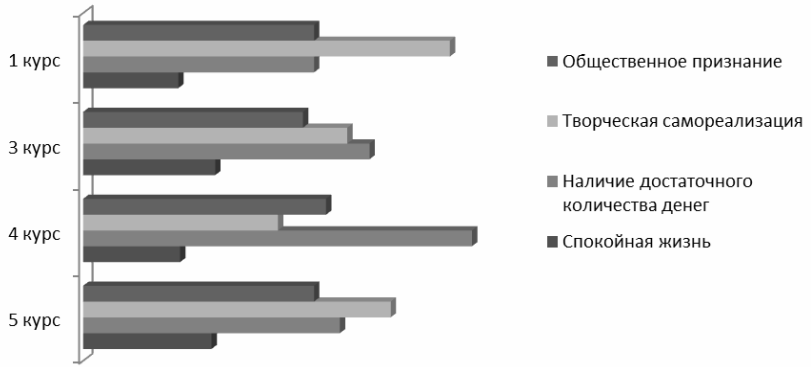


Рис. Ассоциации студентов с категорией «успех»

Как видим, лидирующие составляющие успеха для студентов 1 и 5-го курсов является «творческая самореализация» (39,7 и 33,3 %

соответственно), а для студентов 3 и 4-го курсов – «наличие достаточного количества денег» (31 и 42,1 %). При этом творческую самореализацию следует рассматривать как выявление и реализацию способностей, возможностей молодых людей в интересующей практической деятельности, выражение собственной индивидуальности, как значимой и нужной для себя и для других.

Хочется отметить и значимость таких ценностей, как «профессиональные достижения» и «желание делать то, к чему лежит душа» в системе жизненных ориентаций молодежи. При это, если сравнить результаты исследований прошлых лет среди студентов УрГУПС, их значение существенно возросло. Так, в 2011 году 15,1 % студентов 1-го курса отмечали ценность профессионального достижения и 30 % из них стремились делать то, к чему лежит душа, в 2013-м – 18 и 37,3 % соответственно, а в 2015-м – 29,9 и 44,2 %.

Во многом эти ориентации предопределили выбор молодежи учебного заведения и специальности, более половины опрошенных студентов связывают будущие профессиональные успехи и достижения с возможностями приобретаемой профессии, ее востребованностью на рынке труда (89,6 % студентов 1-го курса, 84,2 % – 4-го курса, 91,7 % – 5-го курса) и желанием получить глубокие профессиональные знания в выбранной области (83,1 % студентов 1-го курса, 66,7 % – 3-го курса, 83,4 % – 5-го курса). Эти данные позволяют нам говорить о возрастании роли профессии, любимого дела в жизни молодежи, с одной стороны, и с другой – сохраняющейся высокой значимости высшего образования и тех возможностей, которые оно может дать.

Несмотря на то что образовательные потребности и траектории молодежи не всегда формируются адекватно объективной реальности, высшее образование является по преимуществу начальной точкой будущего жизненного пути и успеха [4. С. 67]. Студенты всех направлений обучения положительно оценивают перспективы работы по приобретаемой специальности. В общей массе студенты 1-го курса наиболее оптимистично оценивают свои шансы на трудоустройство по выбранной специальности, высокую заработную плату и экономическую стабильность, студенты же 3 и 4-го курсов менее оптимистичны, но, тем не менее, и их оценки перспектив выбранной специальности очень высоки. В целом по этому показателю студенты УрГУПС выглядят наиболее реалистично, в сравнении с данными, полученными в ходе исследований старшекурсников и абитуриентов г. Екатеринбурга. Так, по данными исследований, для 31 % характерно разочарование в выбранной специальности [Там же. С. 66], а среди студентов университета путей сообщения 5-го курса таких не более 12 %, 3-го курса – не более 8 %, среди первокурсников – не более 5 %.

Итак, несмотря на то что процесс социализации современных студентов происходит в непростое время, которое характеризуется высокой степенью неопределенности и подразумевает не просто отсутствие ориентации на определенные общественные ценности, а формирование индивидуалистических установок прагматизма и эгоцентризма, тем не менее современной молодежи удается сохранить традиционные терминальные ценности, юношеский и социальный оптимизм и в своем поведении демонстрировать готовность к кооперации с коллегами и членами семьи и нести ответственность за принимаемые решения.

Литература

1. Банникова Л. Н., Боронина Л. Н., Вишневский Ю. Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 58–68.

2. Богатство и богатые. Портит ли человека богатство? Портит ли бедность? Сколько россиян хотят разбогатеть? [Электронный ресурс]. – URL: http://fom.ru/TSennosti/12055 (дата обращения: 15.01.2016).

3. Кертман Г. Отношение к богатству в России: очевидности и парадоксы [Электронный ресурс]. – URL: http://fom.ru/blogs/12057 (дата обращения: 15.01.2016).

4. Онипко А. А. Образовательные потребности и траектории современной молодежи // Дискуссия. – 2013. – № 2. – С. 64–67.

5. Селиванова З. К. Динамика и взаимосвязь ценностных ориентаций и жизненных целей городских подростков // Социологические исследования. – 2013. – № 8. – С. 80–86.

6. Шестопалова О. Н. Стереотипы трудового поведения молодых работников: социологический анализ : автореферат дис. … канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2009.

Ю. А. Уймина*

Бхагавадгита – культурный памятник и один из источников учений современных индийских новых гуру

Бхагавадгита – древнейший памятник индийской культуры и одно из наиболее почитаемых в Индии священных писаний. Все учения, существующие в Индии сегодня, берут свое начало в этом произведении. Не стали исключением и учения современных индийских гуру неоиндуизма. Основываясь на Гите, гуру по-новому трактуют идеи и термины, заложенные в глубокой древности, в то же время опираясь на вневременные ценности Гиты.

Ключевые слова: Бхагавадгита; Божественность; Атман; новые гуру; самоотдача; осознанность.

Бхагавадгита – одно из величайших произведений индийской культуры, наиболее почитаемое наряду с некоторыми упанишадами (Иша, Чхандогья, Тайттирия) священное писание Индии. «Знающий Гиту знает сущность Упанишад», – отмечает Шанкара, первый написавший комментарии к Гите. В переводе с санскрита भगवद्गीता , Bhagavad Gita означает «Песнь Господа». Религиозно-философское учение передано в виде диалога (бога Кришны и Арджуны), традиционной для индийских священных писаний формы изложения. Датировка Гиты спорна. Большинство исследователей относят ее к III в. до н. э.

Роль Бхагавадгиты в индийской культуре трудно переоценить: «Все традиционные философские школы Индии… стремятся обосновать свое учение на Гите. <...> Индийская литература о Гите неисчерпаема», – отмечает исследователь индийской культуры, академик, автор перевода Бхагавадгиты Б. Л. Смирнов [6. С. 6]. Существует множество переводов, исследований, комментариев Гиты. К примеру, свои комментарии дали основатели религиозных учений Индии: Шанкара Ачарья (система адвайта-веданты), Рамануджа (вишишта-адвайта), Вивекананда, А. Ч. Бхагтиведанта Свами Прабхупада; философы и политические деятели: С. Радхакришнан, Бал Гангадхар Тилак, Махатма Ганди и т. д.

* ***Юлия Анатольевна Уймина*** – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Ю. А. Уймина, 2016

В Европе Бхагавадгита стала известна с 1785 г. Первый ее перевод на английский язык был сделан Вилькинсом. Б. Д. Смирнов отмечает, что влияние Гиты можно найти в трудах Гегеля, Гумбольдта, Шопенгауэра, Гартмана. Существует около 15 переводов Гиты на европейские языки. В России она впервые была издана Н. И. Новиковым в 1788 г. Существует около десяти ее переводов на русский, в т. ч. в 2012 г. (Д. Бурбо), хочется отметить исследования и переводы Б. Л. Смирнова (1956), В. С. Семенцова (1968), В. Г. Эрмана (2009).

Бхагавадгита наряду с Ведами и Упанишадами стала неисчерпаемым источником мудрости для многих религиозных течений Индии: вишнуизма, упомянутых выше адвайта-веданты и вишишта-адвайты и др. Не остались в стороне и достаточно широко известные в России индийские *новые гуру*: Шри Ауробиндо Гхош, Шри Раджниш (Ошо), Сатья Саи Баба, которые часто обращаются к Гите. Ниже будут рассмотрены основные идеи их учений.

Познание *Атмана*, или Божественного начала в субъекте. Саи Баба в своем учении употребляет понятие Атмана, Ошо говорит о некой *Божественности*, Шри Ауробиндо Гхош вводит понятие *супраментала* для лучшего понимания иностранцами основ индийской мысли, однако все новые гуру имеют в виду Атман, о котором говорится в Бхагавад-Гите: «Я Атман, нерожденный, неприходящий» (гл. 4) [6] – так говорит о себе Кришна: «В Атмане все существа пребывают, Атман во всех существах пребывает, всюду, Одно созерцая» (гл. 6) [6]. Достижение божественности в человеке путем бескорыстного служения и духовной работы над собой, состоящей в осознании некого определяющего начала (Атмана) – основная идея учений всех *новых гуру*, в частности Саи Бабы. Понятие Атмана тождественно *Брахману*, синонимично понятию Божественности. Только в случае Брахмана божественность рассматривается как некий безличный принцип, в то время как Атман – отражение божественности в самом человеке: «состояние ума, когда человек не обладает никаким иным существованием, отделенным от Бога» [5. С. 62, 50]. Шри Раджниш, или Ошо, в своем учении напрямую не употребляет понятия Атман, но говорит о существовании *божественности*, которую человек может раскрыть в себе путем *наблюдения эго* – Ошо называет это *осознанностью* [8. С. 184]. Шри Ауробиндо заменяет Атман синонимичным понятием *супраментала* (от англ. «super» и «mental»), обозначающим состояние «выше интеллектуального или психического». Гуру объясняет его как «гармонию высших качеств», позволяющих «жить в знании Истины вещей» [4. С. 41].

Понятие Атмана неотделимо от *Ананды*, «божественной радости», отражению Атмана на уровне чувств. Это понятие так же

упоминается в Бхагавад-Гите: «Кто счастлив в себе, тот изнутри озарен, в себе обрел радость, Тот йогин достигает Брамо [Брахмана]» (гл. 5) [6]. «Счастьем осознания собственного бытия» называет Ананду Саи Баба [3. С. 226]. Ошо не упоминает Ананды, скорее делает акцент на радости жизни, исходящей из ее осознания индивидом [2. С. 46]. Шри Ауробиндо описывает состояние Ананды как «блаженство» и «ничем не обусловленную радость» [1. С. 24]. Достигнуть *Ананды* и познать *Атман*, «божественную природу», можно, преодолев пять оболочек, *кош,* которые «стоят на пути к блаженству» и олицетворяют человеческое эго. Эти оболочки «ограничивают различные уровни человеческого сознания, от физического и более тонкого, ментального, к причинному уровню» [7. С. 8]. Учение о *кошах,* в том или ином виде присутствующее у всех *новых гуру*, также отражено в Гите (хотя первоначально оно было изложено в Тайттирии-упанишаде, в Гите раскрывается более полно): «Считают великими чувства, но выше их – манас [ум]; Вышее манаса – буддхи [осознание, «пробуждение» (санскр.)]. Он [Атман] – выше буддхи» (гл. 3) [6].

Саи Баба выделяет пять оболочек: *Аннамайу* (оболочку пищи), *Пранайаму* (оболочку жизненной силы), *Маномайу* (ментальную оболочку), *Виджнянайаму* (оболочку разума), *Анандамайу* (оболочку блаженства). Состояние высшего блаженства, которое следует после преодоления этих пяти оболочек, Саи Баба называет *турийей* [7. С. 18]. Согласно гуру, все оболочки, за исключением *Анандамайи* коши, ставят перед человеком препятствия, *клеши,* которых также существует пять видов*: авидья* (невежество), *абхинава* (самодовольство), *аститха* (тяга к мирским утехам), *рага* (стремление к богатству) и *двеша* (ненависть). Эти препятствия мешают достижению *Атмана.* Ошо утверждает, что познать свою *божественность* можно путем *осознания*. Для этого необходимо научиться слушать голос своего сердца, искать собственный путь в жизни: «все больше доверять голосу собственной души» [10]. Ошо говорит о «*слоях*» – своего рода «масках», которые человек носит в своей жизни, влекущих за собой эгоистические желания. «*Слои*» (те же *коши*) можно преодолеть *осознанностью*. Шри Ауробиндо выделяет три основные составляющие человеческого существования: Материю, Разум и Дух. В соответствии с этим *новый гуру* выделяет «три стадии восхождения» человека на пути к *Божественному*: *физическую* жизнь (витальный уровень «потребностей и желаний»), *ментальный*, высший эмоциональный и психический уровень (тяготеющий к «более возвышенным интересам, устремлениям, переживаниям, идеалам»). «На вершине» – сначала «более *глубокое психическое* и духовное состояние», а затем «вечное *супраментальное* сознание» [1. С. 219].

Следующее основание, берущее начало в Бхагавад-Гите, можно назвать *«мотивом действий и непривязанностью к результату»*, что означает освобождение от эгоистических желаний человека и посвящение своих действий Богу (Брахману). Данная тематика упоминается в Гите во 2, 4, 5, 6 и 12-й главах: «Отрешенный от желаний, страха и гнева – свободен навеки» (гл. 5), «Равнодушный к хвале, порицанию, молчаливый, что б ни случилось, довольный… стойкий в помыслах, благоговейный, такой человек Мне дорог» (слова Кришны, гл. 12) [6]. Осознать мотивы действий и освободиться от *эго,* согласно Ошо, можно с помощью его *наблюдения:* «Эго – барьер между вами и существованием» [11]. Если человек не привязан к результату, то мотив его действий не имеет эгоистического начала. В учении Саи Бабы эгоистические желания (кама, *санкальпы*) являются причиной новых рождений человека [5. С. 190], а также являются причиной привязанностей и беспокойств: «Истинная духовность – это понимание единства всего человечества и избавление от чувства привязанности и ненависти» [7. С. 21]. Непривязанность к результату коррелируется в учении Шри Ауробиндо с понятием *самоотдачи,* которое рассматривается как изменение мотивов действий человека: «Любая деятельность… должна превратиться в форму поклонения Божественному» [1. С. 174].

Идея *жертвоприношения* в учении *нового гуру* – несомненно, влияние Вед и Упанишад, в частности – мифа о Пуруше (Ригведа, Пуруша-сукта 10:90). Она присутствует также и в Бхагавад-Гите, где рассматривается несколько видов жертв (гл. 4, 9) [6]: «Жертва мудрости лучше вещественных жертв» (гл. 4). Шри Ауробиндо призывает в своем учении совершать «жертву веры, любви и знания» [1. С. 42]. Для Саи Бабы жертва – это отречение от своих желаний, эго, это *садхана* (поклонение Богу через служение людям) [5. С. 10]. Для Ошо жертва – все та же идея *осознанности* и любви «ко всему видимому» [9].

Еще один важный аспект учений новых гуру – понятие *кармы* и *дхармы*. *Дхарму* можно интерпретировать как долг, закон, праведное поведение. *Карма* – воздаяние, причинно-следственный закон действий и их последствий. Эти понятия также исходят из Бхагавад-Гиты и Упанишад: «Свой долг, хотя бы несовершенный, лучше хорошо исполненного, но чужого» (гл. 3) [6], «Лучше своя карма, выполненная хотя бы с недостатком, чем хорошо исполненная чужая» (гл. 18). Карма и Дхарма находят отражения в понятиях *садханы* (Саи Баба), *осознанности* (Ошо)*, самоотдачи* (Шри Ауробиндо). В чистом виде данные понятия встречаются у Саи Бабы. Он не вводит в своем учении новых терминов, употребляя традиционные для индийской сакральной литературы оригинальные сан-

скритские. В контексте *дхармы* и *кармы* гуру упоминает также понятие *ахимсы* («не-насилия»). Сравним: «Творящий добро, никогда не пойдет дурной дорогой» (Гита, гл. 6) [6]; «Не испытывайте ни к кому недобрых чувств. Никогда никого не обижайте» [7. С. 58] – смыслы высказываний схожи.

Идеи Бхагавадгиты достаточно просты, но в то же время гениальны в своей простоте. Выражение «новое – это хорошо забытое старое» характерно для Бхагавадгиты как источника учений новых индийских гуру. Все наиболее значительные идеи, являющиеся их основой, взяты из этого произведения. Учения гуру неоиндуизма помогают интерпретировать это произведение в новом ключе, вместе с тем опираясь на его вневременные ценности.

Литература

1. Ауробиндо Ш. Синтез йоги-I. – М. : Академический Проект, 2010.
2. Библия Раджниша / Бхагаван Шри Раджниш ; пер. с англ. Ф. Садыкова, С. Штейнмана. – М. : Rajneesh Foundation International, 1995.
3. Курс ведических лекций. Практика наших дней / Бхааван Шри Сатья Саи Баба ; пер. с англ. О. Кирпичникова. – М. : Амрита-Русь, 2009.
4. Мать. Белые розы / Хута Д. Хиндоча ; пер. Риджу, Сунрита. – Понтичерри : Хавьявахана Траст, 2003.
5. Садхана. Внутренний путь : сб. высказываний из божественных бесед Бхагавана Шри Сатья Саи Бабы / Бхагаван Шри Сатья Саи Баба ; пер. с англ. – 3-е изд. – М. : Амрита, 2012.
6. Смирнов Б. Л. Бхагавадгита. – Кн. IV. – Ашхабад : Изд-во АН ТССР, 1960.
7. Учение Сатья Саи Бабы / Бхагаван Шри Сатья Саи Баба. – Индия : Прашанти Нилайам, 2012.
8. Osho. The wisdom of the sands. Sufism: a way into the Mysteries of Exiatence. – Vol. 1. – Mumbai : Thomas Press Ltd, 2009.
9. Автобиография Духовно Неправильного Мистика Ошо Раджаниш : пер. К. Семенов. – URL: http://www.biblio.nhat-nam.ru/Osho_autobiography
10. Официальный сайт ашрама Ошо. – URL: http://www.osho.com
11. Сайт об ашрамах Индии. – URL: http://www.ashram.ru/osho

Л. Бушикки*

Политика счастья**

В статье анализируется счастье как политическая цель. Внимание автора привлекает попытка современных ученых создать «науку о счастье» и проблемы, возникающие вслед за этой попыткой.

Ключевые слова: счастье; благополучие; утилитаризм.

Empirical studies on happiness have grown exponentially over the past four decades. Currently, there are six specialized happiness journals. None of them existed before the year 2000, when the Journal of Happiness Studies was launched [5].

Happiness is a word that refers to a state of mind more accurately described as life satisfaction or subjective well-being [Ibid.].

In 1789, the utilitarian philosopher *Jeremy Bentham* proposed a “felicific calculus” for policy makers to use to measure the pleasure and pain expected to result from policies, and to select those that would produce the greatest happiness for the greatest number. Unfortunately every attempt over the years to reduce policymaking to a simple calculation failed because *Bentham* and his followers were unable to measure and compare the intensity of pleasure and pain felt by each citizen.

Derek Bok argues that happiness scholars “in the last 35 years … have tried to overcome the problems of measuring happiness by the simple device of asking people directly how pleasant or disagreeable they find particular activities throughout their day or by inquiring how satisfied (‘very,’ ‘fairly,’ ‘not at all,’ etc.) they are overall with the lives they are leading”. *Bok* claims that “researchers have succeeded in doing what Bentham could not accomplish: to devise a way of measuring how happy people are” [Ibid.].

In *The Politics of Happiness: What Government Can Learn from the New Research on Well-Being Bok* makes a summary of the findings of happiness research and identifies eight factors: income, marriage, employment, close friends and social groups, good health, religious faith, helping others, and living in a democracy with guarantees of freedom. *Bok* dedicates many pages to the policy implications of happiness studies. The findings of happiness research, he writes, reveal the wisdom of adopting “sensible policies that could brighten the lives of

* ***Лоренцо Бушикки*** – Университет LUISS (Италия, г. Рим).

** Печатается в авторской редакции.

© Л. Бушикки, 2016

large numbers of people," even at the expense of economic growth and GDP. "Sensible policies" include improved child care and preschool education, paid parental leave, educational reforms, stricter environmental rules, "stronger efforts to relieve the lasting distress of mental illness and unemployment", and more [5].

Benjamin Radcliff argues that the policies most conducive to human well-being are those associated with social democracy [3]. In reviewing the research in 2014, *Adam Okulicz-Kozaryn*, a political scientist at Rutgers University-Camden in New Jersey, found that "societies led by leftist or liberal governments (also referred to as welfare states)" have the highest levels of life satisfaction, controlling for other factors. Looking across countries, the more generous and universalistic the welfare state, the greater the level of human happiness, net of other factors.

One question arises: is the politics of happiness morally and politically desirable? One problem is paternalism: do happiness-based policies infringe too much on personal freedom? Some fear a politics that may too closely similar to *Huxley's Brave New World*, where the state ensures a drug-induced happiness for all [2]. I personally believe that this problem is exaggerated by a *Frankenstein*-like fear of science, an apprehension that studying happiness might lead to the silencing of non-experts. This fear is worth respecting; no one wants a world in which only "experts" can talk about happiness [3]. And no one wants a world where the government's policy about happiness prevails over the individual and free pursuit of it. In other words, the goal is to provide a right to the pursuit of happiness, not a right to happiness itself which can sound illiberal and totalitarian.

Furthermore, we should ask "how much reliable are these studies?" The idea of a science of happiness generates skepticism. Some think that happiness is too slippery or elusive to admit of easy measurement or study using scientific methods [Ibid.]. In fact, *Bok* acknowledges that happiness data contain unavoidable errors. Transitory moods, for example, brought about by war, a terrorist attack, or by less dramatic events such as "a rainy day, a headache, the breakup of a romance", can cause people to be more pessimistic than they are normally. Cultural differences also bias poll results. The French, for example, say to be less happy, and Latin Americans happier, than conditions in their countries seem to justify. *Bok* believes that these and other potential biases either are not serious or can be taken into account by sophisticated researchers [5].

Moreover, we have to consider the problem of language. Australian National University linguist *Anna Wierzbicka* – perhaps the world's leading authority on the ways different languages express emotion – says: "The glibness with which linguistic differences are at times denied in the current literature on happiness can be quite astonishing." According to *Wierzbicka*, "It is an illusion... to think that the English words happy and happiness have exact semantic equivalents in Chinese or, for that matter, in other European languages". The English words "happy" and "happiness" do not have precise translations in every language, and they express a range of cultural expectations and ideals about the experience and expression of emotions that are not universal. "To be able to interpret self-reports across cultures," she writes, "one needs a methodology for exploring cultural norms that may guide the interviewees in their responses" [4].

The methodological problems that I exposed are just a few of the many issues that happiness research generate. For this reason, we are still far from an actual science of happiness.

Anyway, this consideration should not make us forget the importance of the utilitarian principle of the "greatest happiness for the greatest number". Moreover, neurosciences are going through big advances so we can not exclude that in the future we could perfectly measure people's well-being. In other words, we could have something like the "hedonimeter" once envisaged by *Edgeworth* in 1881: "an ideally perfect instrument, a psychophysical machine, continually registering the height of pleasure experienced by an individual" [1].

In conclusion, I believe that politics should not forget the topic of happiness only because it is still a matter of philosophical speculation and not of science. Happiness is the goal of our existence and for the same reason it is the goal of our social and political activity.

References

1. Colander D. Edgeworth's hedonimeter and the quest to measure utility // Middlebury college economics discussion paper. – 2007. – № 07-23.

2. Haybron D. Happiness // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta (ed.). – 2011 (Fall). – URL: http://plato.stanford.edu/archives/fall2011/entries/happiness/

3. Radcliff B. A happy state: Why is the welfare state under attack when happiness economics shows it is the system most conducive to human wellbeing? – URL: https://aeon.co/users/benjamin-radcliff (13/03/16)

4. Wilkinson W. In Pursuit of Happiness Research Is It Reliable? What Does It Imply for Policy? // Policy Analysis. – 2007. – April 11. – № 590.

5. Willmore L. Rev. of The Politics of Happiness: What Government Can Learn from the New Research on Well-Being by Derek Bok // Population and Development Review. – 2013. – Vol. 39, Iss. 2. – June. – P. 350–353.

Lorenzo Buscicchi,
LUISS University (Italy, Rome)

THE POLITICS OF HAPPINESS

In this paper I analyze happiness as political goal. In particular I concentrate on the recent attempt to link policies with the growing "science of happiness" and the problems that consequently emerge.

Key words: happiness; Well-being; utilitarianism.

Х. М. Кага Леинда*

Международное признание африканского философствования: к критике периферийности африканской философии**

Статья рассматривает проблему международного признания африканской философии, незаслуженно объявленной несуществующей, а если и существующей, то только на периферии. Автор вносит свой вклад в критику таких взглядов, утверждая достоинства африканской философии как настоящего философского учения, и доказывает, что европоцентризм как идеология сегрегации сам антифилософичен. Он подчеркивает, что африканскому философствованию свойствен вкус к поиску истины, страсть к познанию и любовь к истине, которые есть не у населения или континента, а у человеческого существа. В статье обсуждается дискуссионный вопрос о международном признании африканского философствования как императива, а также о коперниканском перевороте в основаниях философии вообще.

Ключевые слова: философия; европоцентризм; признание; идентичность.

The irreducibly transfrontal dimension of philosophy, which all along the history of the thought has been rejecting all the ideological essentialism, commands that the taste for truth, the unconditional deployment of the critical thought, a certain radicality of the human questioning on the world, on questions related to knowledge and action, be not the exclusive share of a people, or a continent, but unconditionally for all human beings endowed with reason. The african philosophy on the international sphere still ignored or even willingly put on the periphery of what we deserve to call philosophy. The african philosophy still facing boundaries to exceed the national spheres to be read, not guiltily as ethnology, "ethnophilosophy" [10. P. 31–32] which betray philosophy. There is an objective statement of fact, that anyone who is interested in studies in humanities and social sciences can do, that african philosophers are better read in the Anglo-Saxon world of the west than in latin or francophone universe. And that statement of

---

* ***Хью Мерлин Кага Леинда*** – Университет Омара Бонго (Габон).
** Печатается в авторской редакции.

© Х. М. Кага Леинда, 2016

fact addressed to the philosophical enlightenment is not vile, it is material of thinking. Obviously, the global marginalization of Africa in the history but also today seems to be not only politically, or economically, but also epistemologically, scientifically. The nobleness and greatness of philosophy itself here, is to raise and de-construct all the segregationist philosophical European institutions toward the other epistemes, system of thought, specifically when it comes to talk about the african philosophy. So our reflection here is to try to understand the reasons of that peripheration, why that african philosophy on the international scene is not easily found, in terms of literature, than others; to demonstrate that the eurocentrist philosophical paradigm is an *epistemological obstacle,* and even a treason to philosophy itself. What does it mean receiving a philosophy? Does the eurocentrist thesis of the "Greek miracle" as synonym of the invention of philosophy really relevant or are we here victim of a "falsification of history"[1]?

I. At the foundation of the greek myth: Of the kinship of eurocentrism and ethnocentrism as being anti-philosophical

It seems relevant to us to investigate the founding reasons the eurocentric vision of philosophy and as well as why Europe has assigned to itself the exclusive privilege of the invention of philosophy under the historicist statement that follows: the invention of philosophy, as well as any other model of rational thought and scientific work were born or invented by the Greeks. But Europeans defending somehow blindly that "Greek miracle", which is not of course, and we will make that demonstration, so often forgotten (consciously and intentionally) that there was a pre-greek anteriority of philosophy, in Egypt where even most of the Greek philosophers where initiated by the "philosophy of mysteries"[2]. It was for the Egyptians priests, the project of emancipation of the world by science and by philosophy. And the first greek thinkers were indubitably theirs students. Indeed, the old philosophical traditions

[1] Cheikh Anta Diop: «La conscience de l'homme moderne ne peut progresser réellement que si elle est résolue à reconnaitre explicitement les erreurs d'interprétations scientifiques, meme dans le domaine très délicat de l'Histoire, à revenir sur les falsifications, à dénoncer les frustrations de patrimoines. Elle s'illusionne, en voulant asseoir ses constructions morales sur la plus monstrueuse falsification dont l'humanité ait jamais été coupable tout en demandant aux victimes d'oublier pour mieux aller de l'avant » [1. P. 12].

[2] *The system of mysteries* of priests is a set of institutions of knowledge in the shape of temples. Priests were teaching there, teaching set of disciplines obeying to a gradual training I other to produce clever and wise scribes. We receive two kind of teaching: and esoteric and an exoteric one. The young initiated learn life in conformity with virtue (10 virtues), grammar, rhetoric, logic-

tell that the Greeks stayed in Egypt to learn the wisdom of the priests the philosophers. It was so for Thales (testified by DIODORUS of Sicily, I.96), Clement of Alexandria [2] and Diogenes Laertius [11. P. 22, 40]. Democritus would had been taught by *Memphis* priest , in particular by *Pamenus* who was his master. The same thing can be said for Plato who took teachings from the priest *Sekhnuphis* at Heliopolis and also from the priest *Knuphis* at *Memphis* as it is quite well defended by *Isocrates* and *Plutarch* [7; 5].It would had been so from Thales to Pythagoras, as well as from Democritus to PLATO, till the neo-platonic school of Alexandria. A lot of recent depositions from old authors' works serve as corroboration of statements that the trip to Egypt was for Greeks what the trip to Europe is, for most intellectuals from the south of the planet today. So this greek myth, that pretention to a certain self-proud about the invention of philosophy has leaded Europe to despise,and discredit all other people capable of philosophizing, as it happens with the frican philosophy, ignored in the French, francophone and latin world: this is what we call here eurocentrism, that we can define as a so closed form of European ethnocentrism manifested by the despise, the disdain, the despise of other form of foreign knowledge and culture in favor of the exclusive and central European culture. It is then because of its presupposed "greek origin" that the eurocentrist cult in the field of philosophy had self over evaluated itself, and also by a guilty tendency to a subalternation and peripheration of the others. A falsification of history known by all today by the evolution of science and discoveries in Egyptology, anthropology and archeology since the end of the XIX th century till now, has highlight and reestablished the historical truth, de-construct the "against truths". The great africain wise man, professor Cheikh Anta Diop writes: «A parcourir les texts grecs anciens, on ne peut se defendre de l'idée que, aux yeux de ces vieux auteurs, l'Egypte était comme le berceau de toute science et de toute sagesse. Les plus celebres parmis les savants ou philosophes Hellenes ont franchi ont franchi la mère pour chercher auprès des prètres, l'initiation à de nouvelles sciences, et s'ils n'y allerent pas, leurs biographes s'empresserent d'ajouter aux épisodes de leur vie ce voyage devenu aussi traditionnel que nécessaire» [1. P. 99–108]. Nevertheless, and unfortunatly, it is not certain that thought of the priests philosophers had never been resituated by the Greeks, even less by the west philosophers in what they substantially and originally have as philosophy.

to make him get broken with his natural inclinations, and then he receives geometry, arithmetic preparing him to a certain straightness. Then a more raised level, astronomy and music (harmonic) which introduces to the teaching of philosophy and theology, themselves opening to the contemplation of the "universal logos" [6].

II. The theoretical foundation of the criticism: The bias of the historical influence of Africa on the international reception of its philosophy

What does it mean receiving a philosophy? What do we mean by the idea of reception?

Naturally, we all know what does it mean receiving someone, a guess. It always a moment of politeness, courtesy, respect, honor and consideration. Receiving somebody is giving him the possibility to sit where we are, and let him fill himself at home. The international reception of the african philosophy is then, the philosophical attitude that all European and western institutions of philosophy have to take when it come to look to the african philosophy, as rigorously a philosophy, and no more through the historical and racialist discrimination. Indeed, Africa has been victim over four centuries of slavery, barbarous colonialism. The neger was forbidden of the capacity of thinking and reduce to a thing without any consciousness, and consequently, able to philosophize. Thinking wrongly that "Sensibilité emotive, l'émotion est nègre comme la raison est hellène" [8. P. 23–24], meaning that the neger is not capable of rationality but only of emotion, but ignoring that rationality is the essence of the human being independently to the race, colour of skin, geographical location and so forth. Descartes, the great rationalist of the modern times writes : " Good sense is, of all things among men, the most equally distributed; for every one thinks himself so abundantly provided with it, that those even who are the most difficult to satisfy in everything else, do not usually desire a larger measure of this quality than they already possess. And in this it is not likely that all are mistaken: the conviction is rather to be held as testifying that the power of judging aright and of distinguishing Truth from Error, which is properly what is called Good Sense or Reason, is by nature equal in all men; and that the diversity of our opinions, consequently, does not arise from some being endowed with a larger share of Reason than others, but solely from this, that we conduct our thoughts along different ways, and do not fix our attention on the same objects. For to be possessed of a vigorous mind is not enough; the prime requisite is rightly to apply it"[3]. We can see that rationally is natural to all men, as well the capacity develop the critical sense does not exclusively and ontologically belong ro one people, continent, nation or race. So, the peripheration of the african philosophy is justified by the historical dark anteriority of Africa but also by the political and economical discrimination of the continent.

There is an african philosophy crystallized of the african real. There is a real african political philosophy reflecting the "black african cosmopolitism" [9] on how the state-nations, citizenship, democracy process, a development of a constant and progressive critical consciousness; a philosophy of law thinking the political institutions of different countries for the common good, the condition of modern institution and the instauration of the constitutional state, the exercise of sovereignty. There is a african ontology, bantu onlology, cosmology, a neger metaphysics [4. P. 213–214] based on the "african being"; there is an aesthetics, a transcendental theology typically african. That african philosophy then has not to put internationally on the sideline of philosophy but must be explore a contribution to the thought development in the diversity.

To avoid summing up, we will say that the concert of nations on the philosophical ground and on the international platform must break up with the segregationist trends to put other philosophies to the periphery, especially the african philosophy. We demonstrated the anteriority of the European and west philosophy on the Egyptian socle and also that the epistemic, historical, political and economical bias were all non-philosophical when it comes to appreciate a philosophy exclusively through them. Our aim was to discriminate the ethnological, anthropological field with the philosophical one in the association so often made when we talk about philosophy. But also, of course, to clarify that the debate of the existence or the non-existence of an african philosophy was philosophically unproductive because, the taste of truth, the practice of the thought, the quest of meaning on the questions related to knowledge and action, is not a propriety of one people, nation, continent, but of any human being endowed with reason. The african philosophers has then to be received as such on the international scene, with an equal respect and african philosophical literature to be published internationally.

References

1. Cheikh Anta Diop. Antériorité des civilisations nègres, mythes ou vérité historique? – Paris : Presence Africaine, 1967 (here the edition of 1993).

2. Clément D'Alexandrie. Stromates – Livre V. – Chap. IV, 19–20.

3. Descartes R. Discourse on Method. – Part 1. – New York : The Harvard classics, 1909–1914.

4. Eboussi Boulaga F. La crise du Muntu. – Paris : Edition Presence Africaine, 1977.

5. Isocrates. Busiris (28).

6. James G. G. M. Stolen legacy: Greek Philosophy is Stolen Egyptian Philosophy. – Trenton : Africa world press, 1992.

7. Plutarque. Isis et Osiris (354, e).

8. Senghor L. S. Liberté I: négritude et humanisme. – Paris : Ed. du Seuil, 1994.

9. Tassin E. Après l'Etat-Nation. Regards sur le cosmopolitisme en Afrique noire. – Paris : Seuil, 2003.
10. Towa M. Essai sur la problematique philosophique dans l'Afrique actuelle. – Yaounde : Ed. Cle, 1971.
11. Vie, doctrines et sentences des philosophe illustres / livre I, traduction, notices et notes par R. Genaille. – Paris : Flammarion, GF, 1965.

Hugues Merlin Kagha Leyinda,
Omar Bongo state university (Gabon),
Faculty of social sciences and humanities,
Philosophy department
(bachelor's degree in history of ancient and modern philosophy)

THE INTERNATIONAL RECEPTION OF THE AFRICAN PHILOSOPHIZING: ELEMENTS FOR A CRITICISM THE PERIPHERATION OF THE AFRICAN PHILOSOPHY

We are interested in this paper in the problem of international reception of the African philosophy as being undeservedly classified as none existing, or even when its existence is attested, it put on the periphery. This paper is a contribution to the criticism of that peripheration by reaffirming the relevance of the african philosophy as fully a philosophy, and demonstrate that the eurocentrism, being a segregationist ideology is anti-philosophical. We work in this paper to show that the taste for truth, the endless research of truth and the desire of knowledge as well as the love for wisdom are not inherent to a people or a continent but the work of the thought, of the human being. We set the debate of the international reception of the african philosophizing as a categorical imperative of recognition but also of Copernican revolution in the ground of philosophy in its essence.

Key words: Philosophy; Eurocentrism; Recognition; Identity.

Р. Дж. Смит*

Война против лишнего веса и возникновение культуры диеты: отвращение к лишнему весу, одержимость эталоном телесной красоты и зарождение «стройняшки» как механизм устойчивости при капитализме**

Идеальные формы тела стали сегодня сенсационно популярными благодаря конкурсам красоты, моде и телевидению. Эта статья посвящена исследованию вопроса о том, повлияли ли на популярность такого телесного имиджа капиталистическая мотивация создания устойчивых механизмов воспроизводства и поддержания рабочей силы в свете философских идей Мишеля Фуко и Макса Вебера. Исследуя зарождение капитализма и последовавшие за ним сдвиги в представлениях о стандартах телесной красоты, автор пытается найти связь между этими явлениями и показать, как изменение предпочтений телесного имиджа способствовало сохранению социальной системы.

Ключевые слова: эталон телесной красоты; телесный имидж; капитализм; рабочая сила; культура диеты.

Introduction

Before the 1900s, the thin body was synonymous with awkwardness, poverty, and disease, while fleshiness was associated with social grace, prosperity, and health. By the turn of the century, a new western ideal body type emerged along with an obsessive concern with weight loss. This marked the birth of a diet culture, which is a system of thought that puts guilt as the primary emotion associated with food. Peter N. Stearns, in his book, *Fat History: Bodies and Beauty in the Modern West*, asserted that the reason for this phenomenon is human's anxiety over the hedonism and materialism unleashed by modern consumerism. He explained that people turn to weight control as a compensating form of self-discipline responsible for maintaining a sense of moral equilibrium in a culture of excess.

---

* ***Роуз Джей Смит*** – магистрант ИСПН, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Филиппины; Россия, г. Екатеринбург).
** Печатается в авторской редакции.

© Р. Дж. Смит, 2016

This paper aims to philosophically explore the phenomenon of this obsession for weight loss and whether it has been put in place as a mechanism to sustain the current system of capitalism, which has reached excessive lengths in the global sphere. It encourages an almost mechanic discipline in order to succeed. Measurements have been put in a pedestal creating standards to be strictly followed in order to succeed. Certain manifestations may be found in society, including people's body image. By examining the standards put on how people should look like, the answer to whether sensationalizing the perfect body is sustainable for a capitalistic society may be found.

Asceticism of Eating Explained

A phenomenon, which may be called as the asceticism of eating, is fostered as this war on fat is taking place. This occurrence may find its origins in asceticism as explained by Max Weber in his book, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, in which he found a correlation between societies with more Protestants and a more highly developed capitalist economy. Asceticism, the way of life prescribed by Protestant Ethics, puts a premium on man's hard, continuous, self-disciplined labor answering his own calling. Despite the wealth that he has accumulated due to his labor, he should not indulge in the temptation of idleness and sinful enjoyment of life (which is defined as living merrily without care) because the wealthy is not exempted from labor despite not have the necessity to work. Therefore, the highest ethical appreciation is given to a sober, middle-class, self-made man, who exercises the ascetic virtue.

This resulted to an aversion to excess and indulgence creating a particular penchant for the controlled and the limited, which has been deeply ingrained in the spirit of capitalism despite the decline of religious influence and the rupture of hedonistic and materialistic consumerism. In Christine Smith's research entitled, *The Confounding of Fat, Control, and Physical Attractiveness for Women*, she stated that fat individuals are disliked, rejected, and ridiculed due to the added stigma of controllability. She claims that a substantial amount of individuals see fatness as controllable and those who believe so hold more anti-fat attitudes than those who do not. In addition, popular and medical literature of the early 1900s stigmatized overweight women as lazy, self-indulgent, and immoral. In both instances, ethical ramifications have developed on excess weight linking it to a symbol of bad character and moral weakness.

A fat body seems to be looked in to as deformed to the point of being ridiculous or in the imagery of Mikhail Bakhtin in his book, *Rabelais and His World*, grotesque. The fat body goes beyond its accepted and controllable confines creating protrusions and sprouts. Due to this notion of control, the view against all that seeks to go out beyond the body's

confines is exaggerated. Bakhtin also describes the grotesque body's face as reduced to the gaping mouth, which allows one to imagine it gobbling up enormous chunks of food effortlessly without the faculties of either sight or smell. The artistic logic of the grotesque imagery ignores the closed, smooth, and impenetrable surface of the body and retains only its excrescences and orifices. On the other hand, Bakhtin describes a new bodily canon that has neither excesses nor protrusions and is completely alien to exaggeration and oblivious to strangeness. This canon is accurately designed within the confines of the body.

Bakhtin also describes the grotesque body as one that is never finished, and never completed, in which it outgrows itself conceiving a new, second body: the bowels and the phallus. The precise anomaly of the production of this body and the creation of a second one may demonstrate the two views of a fat body: what it is and the stigma associated to it. The second body that is produced holds the latter view. The bowels may represent the excesses and waste, which is what the organ holds in the biological functions of the body, while the phallus may represent the indulgence of desires. On the contrary, Bakhtin describes the canon as a finished, completed, and strictly limited body. The exact position and movements of this finished body in the finished outside world are brought out, so that the limits between them are not weakened. Its solitary nature may be taken as a sign of perfection in its creation. It would seem as though this finished body has been manufactured by the exact rules of what a body should be, while the grotesque is a substandard product.

Ironically, the obsession of keeping the body within the established conventions and away from excesses has taken extreme forms. It has led to eating disorders such as anorexia and bulimia, which are characterized by a distorted body image and an obsessive desire to lose weight. An enormous fear of the fat grotesque has increased their level of anxiety distorting their own body image and having a strong desire to be thin. A new kind of grotesque image then comes about but instead of the swelling of the fat, it takes the form of the protrusion of bones poking the skin. In Gina Dimitropoulos's research, *Stigmatization of eating disorders*, she found that the general public views these disorders as self-inflicted giving them a choice to engage or not. Similar to that of the fat grotesque's stigmatization, the public views their grotesque body image as controllable, which translates to their weak character.

Conclusion

The diet culture, which came about as a war on the fat grotesque body, gave birth to a thin grotesque body that obsesses over the new bodily canon. In the boundless and intemperate world we live in, one can achieve a sense of moral well being in the exercise of self-discipline

and self-control. This notion has been implanted in the creation of capitalism, which precisely gave birth to lavish consumerism. Any excess, or lack, in the creation of the body making it go beyond the limits of the conventional body is perceived as weakness or lack of self-discipline and control.

By creating a comfort zone that fits the standard needed by capitalism to flourish, it has introduced a certain kind of pleasure, which is very far from the hedonistic pleasure of the Greeks. It is a pleasure of being perfect, which may be understood as within the standards of a bodily canon. Through this, one becomes a participant of the slowly homogenizing capitalistic culture. This standard, which is supported by various health organizations and institutions both private and public, keeps people healthy and able to work. A phenomenon, which at first seem to have aesthetic motives, actually promote utilitarian underpinnings especially under the lens of Michel Foucault's technology of discipline. These limitations may be seen to promote conventional body sizes encouraging their productivity as labor power.

References

1. Dimitropoulos G. Stigmatization of Eating Disorders. – Toronto : National Eating Disorder Information Centre, 2016. – URL: http://www.nedic.ca/sites/default/files/files/StigmatizationOfEatingDisorders.pdf (4 Jan. 2016).

2. Foucault M. et al. The History of Sexuality. – New York : Pantheon Books, 1978.

3. Foucault M. et al. Society Must Be Defended. New York : Picador, 2003.

4. Smith Ch. The Confounding of Fat, Control, and Physical Attractiveness For Women? // Sex Roles. – 2012. – № 66.9/10 – URL: https://www.researchgate.net/profile/Christine_Smith8/publications (4 Jan. 2016).

5. Stearns P. N. Fat History : Bodies and Beauty in the Modern West : with a New Preface. – New York : New York University Press, 2002.

6. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. – London ; Boston : Unwin Hyman, 1930. – URL: https://www.marxists.org/reference/archive/weber/protestant-ethic/ (3 Jan. 2016).

Rose Joy Smith
Ural Federal University, Gradute Student,
MA Political Philosophy

THE WAR ON FAT AND THE EMERGENCE OF A DIET CULTURE: THE AVERSION TO FAT, THE OBSESSION OF A BODILY CANON, AND THE BIRTH OF THE THIN AS A SUSTAINABLE MECHANISM FOR CAPITALISM

Ideal body types have been sensationalized in recent years from pageants, fashion, and television. This paper aims to explore whether the promotion of this body image is fueled by capitalistic motives to create sustainable mechanisms for labor power through philosophical texts of Michel Foucault and Max Weber. By exploring the birth of capitalism and the shifts in body image preferences, we may find certain links between the two and how the later promotes the preservation of the social system.

Key words: ideal body type; body image; capitalism; labor power; diet culture.

Раздел второй

Социально-психологические аспекты развития современной России: проблемы и перспективы

И. И. Ананьина*

Выбор типа жизненной стратегии и психологическая зрелость личности

В работе описаны типы жизненных стратегий, рассмотрено понятие «психологическая зрелость» и ее влияние на выбор жизненной стратегии.

Ключевые слова: жизненная стратегия; психологическая зрелость; жизненные противоречия; стратегия развития; самореализация.

Современный мир характеризуется высокой скоростью развития, большим объемом информации, высоким уровнем сложности, постоянной нестабильностью. Релевантной реакцией на социальную нестабильность для отдельной личности может быть только соответствующая жизненная стратегия, сохраняющая свою эффективность даже в неспокойное кризисное время. Понимание роли личности в планировании собственной жизни, видение закономерностей жизнедеятельности и жизненного пути помогают человеку представить себе оптимальный вариант собственного развития, выявить свою жизненную стратегию. Это способствует более ответственному отношению к жизни, приводит к стремлению ставить серьезные жизненные цели и достигать их осуществления. От эффективности жизненной стратегии в период социально-экономической нестабильности зависит самореализация человека, раскрытие личностного потенциала и удовлетворенность жизнью.

В каждый момент личность окружена определенным набором социальных условий, в соответствии с требованиями которых существует необходимость формировать наиболее благоприятную для себя среду и возможности для удовлетворения своих желаний, способностей, устремлений, правильно соотнося их с требованиями общества. Человек воспринимает и активно пропускает через призму собственного мнения потребности социума, предписываемые им нормы, образцы, ценности и формирует собственное мировоззрение. Жизненной стратегией в своей работе мы называем уникальный, индивидуальный способ жизни, при помощи которого человек строит свою жизнь.

---

* ***Ирина Ивановна Ананьина*** – магистрант факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© И. И. Ананьина, 2016

В отечественной психологии темой исследования стратегий жизни занимались С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев. К. А. Абульханова-Славская [1], Е. И. Головаха, О. С. Васильева, Е. А. Демченко, Е. А. Смирнов, Н. Ф. Наумова. Жизненные стратегии стали предметом исследования западных психологов К. Хорни, Э. Берна, А. Адлера, В. Франкла, Э. Фромма, Л. И. Дементия, В. Е. Купченко.

Отечественные психологи Л. И. Дементий, В. Е. Купченко в своей работе рассматривают различные подходы психологов к вопросу универсальной типологии жизненной стратегии. Мы выделяем классификации К. Хорни и Р. Пехунена. Стратегию жизни К. Хорни рассматривает как личностные ориентации в отношениях «я – другие». Она считает, что для удовлетворения собственных устремлений и социальных норм человек выбирает три жизненные стратегии по отношению к другим людям: движение к людям, движение против людей, движение от людей. Для личности, приверженной стратегии «движение к людям», цель в жизни – любовь, у человека с ориентацией «движение против людей» жизнь представляет собой борьбу за существование, индивид с ориентацией «движение от людей» испытывает потребность в независимости и неприкосновенности, избегает проявления борьбы и не обладает способностью, необходимой для приспособления к условиям жизни [2]. Р. Пехунен за основание классификации жизненных стратегий выбирает способ, которым личность разрешает возникающие жизненные противоречия между требованиями и возможностями социума и образом жизни личности Автор выделяет три вида жизненных стратегий: защитные стратегии, стратегии приспособления и стратегии развития. Защитные стратегии (две основные формы: консерватизм и избегание) характеризуется восприятием будущего как неизвестности, наполненной угрозами [2]. Консервативная стратегия заключается в стремлении личности сохранять привычный образ жизни, не принимая во внимание изменения внешних условий. Стратегии приспособления представляют собой принятие жизненной ситуации как таковой, в соответствии с которой человек преобразует свою личность и образ жизни. Есть три формы выражения данной стратегии: адаптивное самоограничение, пассивное и активное приспособление (различаются по иерархии жизненных целей, наличию или отсутствию жизненных перспектив). Стратегии развития связаны с преодолением конфликта. Личность, выбирающая стратегию развития, стремится расширять границы существующих жизненных возможностей, активно менять свое окружение. Данная стратегия проявляется в творческом развитии и ограниченном развитии. Творческое развитие подразумевает поиск и освоение новых областей жизни, при ограниченном развитии только одна область развивается, а другие остаются на периферии жизни.

Наиболее полно жизненную стратегию в своих работах изучила К. А. Абульханова-Славская. По мнению данного автора, жизнью любого человека движут противоречия, одним из которых является конфликт между желаниями личности и требованиями общества. В связи с этим каждому человеку необходимо осознавать свою жизнь и принимать ее как пространство для выбора пути своего развития. Жизненная стратегия личности как раз и предполагает «принцип опоры на собственные силы, выявление того, хватит ли у нее сил для резких изменений в своей жизни, которые могут обернуться неудачей» [1. С. 61]. К. А. Абульханова-Славская в жизненной стратегии выделяет три главных признака: выбор способа жизни, разрешение противоречия «хочу–имею» и создание условий для самореализации, творческий поиск. Соединение своих индивидуальных особенностей и требований общества формирует жизненную стратегию, состоящую в том, что человек определяет свою жизненную линию, перспективу, пути самореализации.

На наш взгляд, классификация стратегий на основании способа разрешения жизненных противоречий представляется наиболее актуальной в данный момент нестабильности современного общества. Мы выделяем три типа жизненных стратегий: стратегию избегания, стратегию приспособления и стратегию творческого развития. В современном мире жизненная стратегия творческого развития выступает как наиболее эффективный способ жизни для человека. Выбор данной стратегии определяет способность к своевременному и быстрому принятию решений, формированию способа жизни и эффективному решению конфликтов между требованиями общества и потребностями самого человека. Выбирая движение по пути развития, постоянное расширение границ и активное преобразование окружающей реальности, человек становится активным творцом будущего и создает условия для самореализации. Мы предполагаем, что психологически зрелая личность выбирает жизненную стратегию развития.

Понятие «психологическая зрелость» рассматривают в своих работах Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, С. Ю. Головин, В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. К. А. Абульханова-Славская полагает, что личность можно назвать зрелой, если она способна формировать свой «порог» удовлетворенности материальными потребностями и воспринимает их как одно из условий жизни, концентрируя жизненные силы на иных целях. Главным параметром жизненной стратегии является активность, которая проявляется как способность к балансу между желаемым и необходимым, личным и социальным [1].

В «Словаре практического психолога» С. Ю. Головина дано определение: «Зрелость (взрослость) – состояние, к коему приходит

организм в конце периода развития. Самый продолжительный период онтогенеза, характерный тенденцией к достижению наивысшего развития духовных, интеллектуальных и физических способностей личности. Хронологические рамки периода зрелости достаточно условны и определяются завершением юности и началом периода старения. Исследователи выделяют следующие характеристики зрелой личности: 1) развитое чувство ответственности; 2) потребность в заботе о других людях; 3) способности» [3. С. 317].

По мнению В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева, признаком психологически зрелой личности выступают сформированные ценности, которые гарантируют однозначность и системность поведения, ясность во взаимоотношениях человека с социальным миром. Личностно зрелый человек самостоятельно определяет поведение, формирует готовность к действиям и предполагает ответственность за последствия этих действий. Основными показателями зрелой личности выступают самостоятельность и ответственность. Под самостоятельностью понимается способность человека опираться на свои собственные индивидуальные силы, без помощи других авторитетных людей [4]. Ответственность определяется как способность личности быть в ответе за свои действия перед обществом и самой собой [Там же].

Мы считаем, что зрелая личность сложилась в процессе личностного развития и обладает устойчивыми личностными характеристиками и ценностными ориентациями, имеет сформированную мотивационно-потребностную сферу. В качестве показателей психологически зрелой личности выступает потребность выходить за существующие пределы своей жизни и саморазвитие, хорошее психологическое здоровье, самовыражение, творчество, стремление развиваться в направлении все большей сложности, самодостаточности, обретение смысла жизни. Способности к самостоятельному принятию решений, к пониманию требований социума и ответственность за разрешение противоречий между личным и социальным позволяют личности двигаться по пути развития и строить жизнь, наполненную своим собственным уникальным смыслом. Таким образом, психологически зрелая личность обладает способностями для осознанного творчества своей жизни и формирования уникального жизненного пути, основываясь на стратегии творческого развития, тем самым создавая возможности для наиболее полного проживания жизни в современном мире. Представляется перспективным проведение проверки эмпирическим путем имеющихся предположений о связи психологической зрелости личности и жизненной стратегии.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М., 1991.
2. Дементий Л. И., Купченко В. Е. Жизненная стратегия личности с различным типом ответственности // Вестник Омского университета. – 2011. – № 4. – С. 317–324.
3. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. – М., 1997.
4. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека. – М., 2010.

*С. Г. Горбатко**

Представление о профессии психолога в современном обществе

Данная статья посвящена рассмотрению представления о профессии психолога в современном обществе. В статье рассмотрены основные влияющие факторы, такие как развитие науки, специализация, профессионализм, личностные качества. Изучение проблемы представлений о профессии психолога в современном мире является важным условием формирования успешности психологической науки, ее популяризации и развития.

Ключевые слова: представление; социальные представления; профессия; профессиональная деятельность; специализация; личностные качества; миф.

В настоящее время заинтересованность общества психологией переживает большой подъем. Этому способствует нестабильная обстановка в экономике, трудовой сфере, в сфере образования, медицинской сфере и т. д. Люди находятся в тревожном состоянии и в поиске помощи. Как известно, в нашем обществе до сих пор очень востребованным видом помощи остаются экстрасенсы, гадалки, маги и т. д. Хотя альтернатива есть и другая – обращение к психологу. Но многие не решаются пойти к психологу, так как достаточно часто толкование деятельности психолога исходит из искаженного представления. Давайте поэтапно рассмотрим данную тему и выделим проблемные места.

Рассмотрим, что понимается под представлением. В широком смысле представление с английского (representation) переводится как наглядный образ предмета или явления (события). В рамках этой статьи интерес вызывает социальное представление. И определение ему дал С. Московичи. Он считает, что представления – ведущая и единственная характеристика и общественного, и индивидуального сознания. Московичи утверждает, что любые формы убеждений, идеологических взглядов, знаний, включая науку, являются социальными представлениями [2].

---

* ***Светлана Геннадьевна Горбатко*** – магистрант факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Руководитель: д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова.

© С. Г. Горбатко, 2016

Социальные представления – способность человека воспринимать, делать выводы, понимать, вспоминать, чтобы придавать смысл вещам и объяснять личностную ситуацию.

Люди склонны приравнивать себя и других к определенным социальным группам, где они связаны друг с другом единой сетью коммуникации. Эти группы делятся по гендерным, возрастным и профессиональным основаниям.

На следующем этапе рассмотрим, что понимается под профессиональной деятельностью.

Профессиональная деятельность является трудовой деятельностью, имеющей общественный характер. Для лучшего ее понимания стоит изучить понятие «профессия».

Само слово «профессия» в переводе с латинского (profiteer) означает вид трудовой деятельности, где необходима специальная подготовка и которая является источником существования.

В общественном представлении профессия – это сумма профессиональных задач, форм и видов профессиональной деятельности людей, которые способствуют удовлетворению потребностей общества в достижении результата.

Профессия психолога многообразна. Зависит это от развития самой профессии, от выбранной специализации, от уровня подготовки специалиста и от личностных качеств психолога, необходимых для данной профессии.

Развитие профессии психолога неразрывно связано со статусом психологии как науки. Так, мы можем видеть, что развитие психологической профессии с 40-х гг. XX века в нашей стране проходило под знаком утверждения научного самостоятельного статуса психологии, разработки фундаментальных ее проблем. В этой ситуации сложилось представление о труде психолога как о сугубо академической деятельности. Сегодня ситуация кардинально изменилась. Рассуждая о судьбе психологии и перспективах ее развития в новом столетии, многие ученые отмечают нарастающую психологизацию общества, приведшую к активному развитию психологической практики в образовании, экономике, политике и других областях.

С таким углублением психологии в жизни общества расширился и круг специализации профессии «психолог».

Само понятие «специализация», от лат. «specialis», означает «особый», «своеобразный». Это определенный комплекс подготовки и практического опыта, умений, знаний и навыков, необходимых для конкретного вида деятельности.

В соответствии со специализацией психолога выделяют возрастную, клиническую, социальную, семейную психологию и т. д. Специалист помогает человеку в решении психологических проб-

лем, определяет особенности личности, используя индивидуальные и групповые формы работы, различные технологии, а также ресурсы своей личности [3].

Существуют для всех специализаций общие необходимые характеристики, такие как длительная подготовка для высококвалифицированного труда, а также понимание, что эта профессия относится к группе профессии «человек – человек» и предполагает высокий уровень развития личностных качеств.

Основными профессионально важными качествами выступают следующие: развитые коммуникативные навыки (умение слышать и понимать другого, умение ответить и задать вопрос, изложить и аргументировать свою точку зрения), умение управлять своими эмоциями, способность к эмпатии (сопереживание), умение хранить тайну, высокий уровень развития словесно-логического, образного и абстрактно-символического мышления, хорошая логическая и эмоциональная память, развитые устойчивость, переключаемость и объем внимания, высокая интеллектуальная работоспособность. Гибкость, объективность, доброжелательность, уверенность в себе, ответственность, наблюдательность, терпеливость, тактичность. Широкий кругозор и эрудированность. Склонность к работе с людьми и исследовательским видам деятельности.

Недостаток представлений и стереотипное восприятие профессии психолога сформировало мифы о том, кто такой психолог и чем он занимается. В привычном понимании миф – это древнее предание, символическое сказание, назидательная сказка или история рода, мудрость предков, закодированная в повествование, которое наполнено глубочайшими смыслами. Согласно общепринятым коллективным представлениям, миф – это создание воображения коллективной общенародной или индивидуальной фантазии, обобщенно отражающее действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевленных, очеловеченных существ, которые у некоторых людей преломляются (претворяются) в сознании как вполне реальные. Мне же хочется поговорить о мифах в плане их проявления в психическом мире человека.

В книге «Профессия психолог в современном мире» В. Г. Стасенко обозначил все группы мифов, которыми окутана профессия психолога, к ним относятся: ошибочное понимание, с какими людьми работает психолог; невозможность отделения профессии психолога от других, смежных специальностей, схожих по характеру; непонимание конечной цели и решаемых задач в процессе работы с психологом; наделение специалиста сверхспособностями, которые он может применить для решения проблем; сам психолог как личность представляется человеком, у которого все проблемы

решены; в конечном счете, к психологу обращаются только те, у кого есть на это деньги, и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что представление о профессии психолога в современном обществе зависит как от развития самой науки психологии, так и от профессионального уровня знаний специалиста.

Литература

1. Зеер Э. Ф. Психология профессий. – М., 2006.
2. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16, № 1.
3. Стасенко В. Г. Профессия психолог в современном мире. – Воронеж : МИКТ, 2010.

*А. В. Матыяшкойть**

«Номадическая идентичность» как реальность современности

В работе рассматривается социально-психологическое проявление номадизации современного общества. Ставится проблема изучения идентичности личности, разорванности и некогерентности ее образа «я».

Ключевые слова: идентичность; номадизация; образ «Я».

Современная жизнь привнесла новые акценты в классические для европейской культуры противоречия, и в том числе в происходящее под знаком глобализации многоаспектное напряжение между универсальным, локальным и индивидуальным. С одной стороны, нарастают объединяющие тенденции: распространение средств связи, массовой информации, транспорта, глобализация рынков, финансов и производства. Объединяются и глобальные проблемы: порождаемые техническим развитием общие риски и угрозы, экологические, демографические и другие. Иначе говоря, расширяются возможности коммуникации между людьми и возникают многочисленные поводы для ее осуществления – как позитивные, так и негативные. С другой стороны, усугубляется индивидуализация человеческих сообществ, расшатываются некоторые формы человеческой общности, например семья и профессиональные объединения.

Повсеместное увеличение мобильности, к которой побуждают современного человека экономические факторы, объективно противодействует установлению межчеловеческих отношений, порождающих взаимные обязательства и, соответственно, уменьшающих мобильность людей. Техническая обеспеченность коммуникаций в сфере общения и перемещения, динамизм социальных связей людей растет, но одновременно уменьшается их человеческая обеспеченность, поскольку страдают те формы общности, в рамках которых возможно развитие более долговременных и глубоких человеческих отношений. Человек во все большей степени идентифицирует себя в качестве вполне обособленной единицы,

* ***Александр Вацлович Матыяшкойть*** – магистрант факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© А. В. Матыяшкойть, 2016

чуть ли не единственной своей общезначимой характеристикой считая стремление к независимости от других.

Современного человека отличает то, что у него нет однозначного образа себя, который выступал бы для него как единственный и очевидный. Хотя в какой-то группе или для какого-то человека идентичность может представать как естественная, современная жизнь легко лишает ее такого ореола, обнаруживая ее практическую несостоятельность. Современный человек не может воспринимать в качестве «естественного» ни одно из тех мест, которые он занимает в мире и обществе.

Не так давно возникло сравнение жизненного стиля наших современников с образом жизни кочевников: появился термин «новые кочевники» и «номадическая идентичность». Так, у А.Тоффлера [1] выражение «новые кочевники» обозначало, с одной стороны, ситуацию массовых перемещений, миграции, перемены места работы и пр., а с другой – связанные с ними изменения самоощущения людей. Тоффлер отмечает, что многие мигранты испытывают «культурный шок», у них могут наблюдаться депрессия, потерянность, соматические расстройства. Однако новое «кочевничество» характеризуют не трудности, а, наоборот, его нормальность. Оно констатирует обычный образ жизни миллионов и воспринимается ими как естественный порядок вещей.

Номадизацию описывают как ситуацию, при которой из имеющегося на данный момент положения человека невозможно сделать вывод относительно его будущего ни в частной, ни в профессиональной жизни [2]. Жизнь нашего современника, как и кочевника, не подчинена ясно обозначенной осознанной цели, ей наиболее соответствует определение «траектории», а не карьеры или личностного роста. Это проявляется также в росте сетевых взаимодействий и уменьшении удельного веса социальной организации иерархического типа. Социально-психологически номадизация выражается, с одной стороны, в том, что современный человек получает больше возможностей выступать самостоятельным и ответственным источником своего поведения (рост субъективации), а с другой – в возникновении разорванного, непрерывного и не согласованного с собой (некогерентного) «я».

В. Т. Андерсон выделяет несколько типов подобной разорванности и некогерентности образа «я» [Там же]. Это случай разорванного и как бы множественного «я» – мультифрения, когда человек живет словно бы в разных и не согласующихся между собой реальностях, в которых он действует как «я», но образы «я» друг с другом не согласуются, а связь между ними человеком никак не осуществляется. Другим типом является «протеанизм» (по имени персонажа греческой мифологии Протея, который был способен

принимать любой желаемый образ). Здесь субъект по своему желанию без внутреннего конфликта переходит от одного образа своей жизни к другому, оставляя их некогерентными друг другу. Этим случаям разорванности и несогласованности образа «я» противостоят варианты, в которых сама реальность самости или образа «я» отрицается как иллюзия, вследствие чего теряет смысл утверждение о распаде личности, так как нет самости как целого.

В таких массовых явлениях современности, как реклама, растущая технологизация жизни, постоянное увеличение роли информационных технологий в науке, быту и производстве можно наблюдать многочисленные примеры того, что сегодня образ человека расшатывается, размывается, и происходит это в рамках повседневной жизни.

Литература

1. Тоффлер А. Футурошок. – СПб. : Лань, 1997.
2. Rosseel E. Nomadisation: social, psychological and cultural context for the XXI century? // Символы, образы и стереотипы: исторический и экзистенциальный опыт : международные чтения по теории, истории и философии культуры. – СПб., 2000. – № 8.

Н. В. Махмутова*

Социально-психологические аспекты аккультурации иммигрантов в России

Статья посвящена проблеме иммигрантов в новой для них культуре. Приток иммигрантов способствует устойчивому развитию и экономическому процветанию России. В связи с этим необходимо введение адаптационных программ сопровождения иммигрантов, хотя бы в первые 3–4 месяца пребывания в новой для их ментальности страны. Актуальным является вопрос аккультурации и субъективном переживании одиночества иммигрантов. Столкновение культур может зачастую порождать самые патологические формы социального поведения и способствовать формированию негативных психологических характеристик этнического меньшинства.

Ключевые слова: аккультурация; адаптация; иммигранты; одиночество; эмоциональный и душевный отклик; принимающее население.

В наши дни, когда, количество иммигрантов на территорию России с каждым годом все возрастает, возникает необходимость исследовать процесс иммиграции и связанные с ним последствия.

Из аналитического обзора Управления федеральной миграционной службы России по Свердловской области следует, что за 2014 год на территорию Свердловской области через государственную границу Российской Федерации в пункте пропуска «Кольцово» аэропорта г. Екатеринбурга въехали 180 289 иностранных граждан, из них 154 177 человек – из ближнего зарубежья, 26 112 человек – из дальнего зарубежья.

Мы ежедневно взаимодействуем с людьми из других этнокультур, но порой не задумываемся, о чем они думают, что чувствуют и на что направлены их аккультурационные установки.

Вхождение и адаптация в новую культуру для большинства иммигрантов проходят крайне мучительно. Это может быть связано с личностными особенностями индивида и социальной ситуацией, в которой он оказывается.

Процесс иммиграции переживается по-разному. Кто-то с легкостью входит в новую культуру, а для кого-то этот процесс прохо-

* ***Наталья Владимировна Махмутова*** – аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Н. В. Махмутова, 2016

дит крайне болезненно, в связи с чем многие иммигранты могут испытывать негативные переживания, сопровождающиеся состоянием одиночества и душевного дискомфорта. Это также определяет актуальность темы исследования.

Одиночество иммигрантов может быть вызвано как объективными, так и субъективными причинами: личностными особенностями иммигрантов, неуверенностью в себе, чувством неполноценности, отсутствием ощущения душевного и эмоционального отклика со стороны принимающего населения. К возможным причинам переживания одиночества можно также отнести аккультурационные установки, состояние неопределенности и отсутствие психологической безопасности.

К социально-психологическим характеристикам иммигрантов можно отнести: личностные особенности, наличие у личности внутренних конфликтов, тревожность, удовлетворенность либо неудовлетворенность жизнью, ощущение себя в безопасности, самооценку, аккультурационные установки.

Неудачная и безуспешная адаптация влечет за собой негативные переживания, апатию, депрессию, крушение надежд на достойное существование.

Адаптация мигрантов (от лат. adaptatio – приспособление) как процесс приспособления человека к новым для него условиям жизни двойственна по своей природе, как двойственна и природа человека. С одной стороны, это приспособление человека как живого существа, а с другой – как личности, социального феномена. И в этом смысле адаптацию можно разделить на социальную и биологическую [1. С. 6–7].

У большинства иммигрантов адаптация к другой культурной, природной среде проходит крайне болезненно, в связи с чем многие начинают испытывать состояние тревожности, происходит трансформация этнической идентичности.

У подавляющего большинства иммигрантов возможны психологические проблемы. Возможно, находясь в потенциальной иммиграции, люди испытывали внутренние конфликты, депрессию, апатию из-за неудовлетворенности собой и жизнью вообще. Принятие решения иммигрировать может быть связано с желанием изменить эти состояния, в надежде на то, что в новой культурной среде все изменится.

Безуспешная адаптация также может явиться причиной асоциального поведения, которое выражается в алкоголизме, наркомании, объединении в преступные группировки и сообщества. Тем самым все это может способствовать ухудшению криминогенной обстановки в России.

Одной из причин негативных переживаний одиночества иммигрантов может являться сам процесс аккультурации.

Наиболее важными факторами в процессе иммиграции являются отношение иммигрантов к этническому большинству в новой культуре. Немаловажную роль для этнического меньшинства играет отношение к ним принимающего населения.

Аккультурация (англ. acculturation, от лат. ad – к и culture – образование, развитие) – результат процесса взаимовлияния культур, восприятия людьми одной национальности, полностью или частично, культуры другой этнической общности. Она является необходимым элементом межкультурного взаимодействия и существенной составляющей более широкого процесса глобализации. Аккультурация предполагает также принятие норм поведения, образцов повседневной жизни, предпочтение культуры доминирующей этнической общности [2. С. 22].

Среди социальных факторов невозможности адаптации иммигрантов к новой культуре можно выделить: разрыв связей со значимыми людьми, с привычным укладом жизни и невозможностью привыкания к новым условиям проживания, отсутствие эмоционального и душевного отклика со стороны принимающего населения. Все эти факторы способствуют массовому распространению одиночества и являются причиной разочарования.

Процесс иммиграции способствует развитию и экономическому процветанию России. Поэтому важно поощрять приток иммигрантов в нашу страну. В связи с этим необходимо введение адаптационных программ сопровождения иммигрантов, хотя бы в первые 3–4 месяца пребывания в новой для них культуре. В адаптационную программу важно включить образовательный курс, который способствовал бы развитию у мигрантов толерантности к неопределенности, т. е. выработать у них следующие навыки: самообладание в ситуации неопределенности; способность размышлять над проблемой, даже если неизвестны все факты и возможные последствия принятого решения; способность принимать конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности; противостоять несвязанности и противоречивости информации; принимать неизвестное; выдерживать напряжение в кризисных, проблемных ситуациях; воспринимать новые, незнакомые, рискованные ситуации как стимулирующие; готовность приспособиться к очевидно неоднозначной ситуации или идее [3. С. 78]. Другими словами, речь идет о выработке качеств, характеризующих толерантную личность.

Литература

1. Рыбаковский Л. Л. Демографический понятийный словарь. – М. : ЦСП, 2003.
2. Семигин М. Социологическая энциклопедия : в 2 т. – М. : Мысль, 2003. – Т. 1.
3. Гусев А. И. Толерантность к неопределенности: проблематика исследований // Практическая психология и социальная работа. – 2007. – № 8.

О. А. Мосягина*

Неоднозначность представлений об одиночестве: контент-анализ

В статье поднимается проблема одиночества, проводится контент-анализ различных психологических подходов к изучению феномена одиночества.

Ключевые слова: одиночество; изоляция; феномен одиночества; понятие одиночества.

Проблема одиночества в современном мире ежегодно обостряется ввиду глобализации, увеличения социальной мобильности и развития кризиса семейных отношений. Изучение феномена одиночества особенно актуально в условиях непредсказуемых социальных процессов, которые обнаруживаются в современной реальности.

С научно-теоретической точки зрения актуальность проблемы одиночества заключается в неоднозначности трактовки понятия [1].

Феномен одиночества может рассматриваться в различных категориях: как чувство, процесс, отношение либо потребность [4]. Помимо этого, существует несколько подходов к трактовке данного понятия в психологии.

1. Психоаналитический подход

Яркими представителями данного подхода являются Г. С. Салливан, Дж. Зилбург, Ф. Фромм-Рейхман. Зилбург также выделяет понятие «уединенность», которое не носит негативного оттенка и заключается лишь в отсутствии кого-либо в окружении человека. Одиночество же, по Зилбергу, – это тягостное негативное ощущение, причинами которого являются определенные черты личности, такие как нарциссизм, мания величия и враждебность. Салливан полагал, что чувство одиночества рождается из невозможности закрыть потребность в близких, приятельских отношениях с кем-либо. По мнению Ф. Фромма-Рейхмана, одиночество рождается из раннего и несвоевременного отлучения ребенка от родительской ласки [4].

Общим в психоанализе является понимание под одиночеством отрицательного состояния, причина которого коренится в детстве.

* ***Ольга Анатольевна Мосягина*** – магистрант факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© О. А. Мосягина, 2016

2. Человеко-центрированный подход

Ярким представителем человеко-центрированного подхода является К. Р. Роджерс. Его трактовка «одиночества» заключается не во влиянии детства на происхождение этого ощущения, а в текущих явлениях и событиях, которые вызывают ощущение одиночества. По его мнению, это ощущение является последствием слабой приспособляемости индивида ввиду несоответствия представлений о собственном «Я». К. Р. Роджерс выделяет три этапа становления одиночества: 1. Общество ограничивает свободу действий индивида и вгоняет его в рамки социально оправданного поведения. 2. На данном фоне возникают противоречия в собственном понимании своего «Я» и потеря смысложизненных ориентаций. 3. Возникает чувство одиночества, которое базируется на отказе от собственного «Я» и переживании мнимого отказа со стороны других контактировать с этим «Я». Таким образом возникает замкнутый круг [1]. То есть человеко-центрированный подход заключается в понимании одиночества как зависимого от внешних явлений и обстоятельств феномена.

3. Социальный подход (Л. Слейтер, Д. Рисмен, К. Боумен)

По мнению К. Боумена, одиночество возникает и усиливается благодаря увеличению мобильности (социальной и семейной), ослаблению первичных связей.

Рисмен полагает, что ориентация на других является первоначальной причиной этого ощущения, возникающего у людей, которые постоянно хотят всем нравиться, приспосабливаются к окружающим и обособлены от своих истинных потребностей, желаний и своего «Я».

По мнению Слейтера, одиночество появляется по причине отсутствия возможности удовлетворить потребность в общении, сопричастности и зависимости в современном индивидуалистическом обществе [1].

Представители социальной психологии причины возникновения одиночества видят не в самом человеке, а в окружающем его обществе.

4. Интеракционистский подход

Яркий представитель его – Р. Вейс, по мнению которого причины одиночества кроются в обоих факторах: и в самом человеке, и в обществе, его окружающем. Одиночество, по Вейсу, – это отсутствие социального взаимодействия, удовлетворяющего запросы личности. При этом он делит одиночество на эмоциональное (отсутствие личных близких связей интимного или супружеского характера) и социальное (отсутствие дружеских связей, чувства сопричастности и общности) [3].

Интеракционисты таким образом объединяют предыдущие позиции, называя причинами одиночества и самого человека, и окружающее его общество.

5. Когнитивный подход

По мнению когнитивистов, в частности Л. Э. Пепло, именно познание дает толчок к возникновению одиночества, а именно осознание несовпадения желаемого и достигнутого уровня социальных контактов [6].

6. Экзистенциальный подход

Причинами одиночества экзистенциалисты считают условия бытия, т.е. внешние факторы. И. Ялом, к примеру, рассматривает изоляцию как данность и один из факторов существования и выделяет два ее вида: экзистенциальную (понимаемую как конфликт со смертью и свободой) и фундаментальную [5]. Любовь и близкие взаимоотношения, согласно экзистенциалистам, немного заглушают боль, вызванную изоляцией, а попытка сбежать от осознания происходящего и построение взаимоотношений, основанных на власти и величии, способствуют изоляции и ее росту [4].

Мустакас же разделяет истинное одиночество (переживание в одиночестве пограничных событий – рождения, смерти, перемен и трагедий) и «суету одиночества» (комплекс защитных механизмов, активность ради активности).

Экзистенциальные психологи выделяют базовый конфликт, который заключается в противопоставлении человека и внешних обстоятельств, в том числе и изоляции.

Для определения предпосылок и факторов возникновения феномена одиночества мы провели контент-анализ всех перечисленных подходов, выделив из них 18 основных понятий (по три на каждое направление). На основе данного исследования, мы сделали следующие выводы:

1) одиночество – это ощущение человека;

2) одиночество не перманентно, это преходящее ощущение;

3) одиночество возникает, исходя из двух факторов: внешнего (влияние окружения и социума) и внутреннего (самого индивида);

4) понятие одиночества всегда отделяется от понятия внешней изоляции.

Данное исследование показало неоднозначность и многогранность представлений об одиночестве. На данный момент в психологии недостает единого представления и понятия феномена «одиночество», что дает нам возможность дальнейшего исследования и предмет для дальнейших дискуссий.

Литература

1. Лабиринты одиночества / сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровский – М., 1989.
2. Пузько В. И. Экзистенциальный невроз как бегство от одиночества // Теология, философия и психология одиночества : материалы научной конференции. – Владивосток, 1995.
3. Фрейджер Р., Фейдман Д. Личность. Теории, эксперименты, упражнения. – М., 2000.
4. Хараш А. У. Психология одиночества // Педология/новый век. – 2000. – № 4.
5. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М., 2000.

Е. В. Неволина*

Социально-психологические характеристики пользователей социальной сети ВКонтакте

Персональная страница ВКонтакте является своего рода социальной самопрезентацией. По страницам некоторых пользователей, не выравненных по возрасту и полу, на основе анализа титульных страниц, фотографий, информационной ленты, а также предоставленных данных – о себе, образовании, карьере, местах отдыха, увлечениях и достижениях – можно составить достаточно информативный психологический портрет владельцев этих страниц. Выделены основные критерии, на основании которых произведено разделение пользователей на группы.

Ключевые слова: Интернет; социальная сеть ВКонтакте; персональная страница; пользователи; активность пользователей; самопрезентация; социально-психологические особенности.

В современном мире коммуникация посредством сети Интернет давно превратились в норму повседневной жизни. Социальная сеть ВКонтакте стала одной из неотъемлемых частей виртуального пространства, объединив множество людей из самых разных уголков мира. Аудитория этого сайта огромна, и ее можно рассматривать как часть общей коммуникационной среды, порожденной интернет-технологиями.

Современный человек становится активным участником становления информационного общества. Интенсивные информационные и коммуникативные потоки, реализуемые с помощью новейших технологий (таких как Интернет), создают мощнейшие нагрузки на психические процессы человека и его личность. Перед психологией стоит задача поиска психологических ресурсов, которые могли бы способствовать снижению данных нагрузок и оптимизации процессов саморегуляции личности. Отечественные исследователи – Т. Е. Егорова, И. В. Дубровина, О. В. Пузикова, Л. Д. Демина – в связи с этим обращают внимание на изучение психологической культуры личности.

---

* ***Елена Викторовна Неволина*** – студентка 2-го курса факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Е. В. Неволина, 2016

Социально-психологические особенности – это особенности человека, которые формируют его стиль и образ жизни, привычки, убеждения, мировоззрение. Эти уникальные особенности каждого из нас обусловлены социальным взаимодействием. Они бывают как положительные – любознательность, коммуникабельность, стремление к социальному взаимодействию, так и отрицательные – агрессия, обида, склонность спорить и прочие.

Виртуальное общение выполняет ряд функций, среди которых можно выделить коммуникативную, информационную, оценочную, развлечения, социализации, саморазвития, психологической разрядки, а также функцию самопрезентации.

Самопрезентация личности в социальных сетях – это позиционирование своей личности, цель которого – сформировать впечатление о себе у собеседника по интернет-общению.

При анализе персональных страниц были выделены и рассмотрены основные факторы, которые определили социально-психологические характеристики пользователей.

Аватар – фотография или картинка, визуальное выражение виртуального образа пользователя. Выделяют две группы аватара: реальное фото пользователя и не имеющую отношения к пользователю картинку. Рассмотрены были те страницы, на аватаре которых была поставлена фотография из личного архива пользователя, для выявления реальной стороны развития личности.

Ник – индивидуальное имя пользователя. Реальное (имя, фамилия) или псевдоним. Рассматривались страницы только с реальным именем, для сужения вариативности самопрезентации.

О себе – личная информация, которая отражает социально-демографические, статусные характеристики пользователя (пол, возраст, семейное положение, уровень образования, место работы, контакты и т. д.).

Друзья и подписчики – другие пользователи социальной сети, с которыми чаще всего происходит общение, также они оставляют свои заметки, комментарии гораздо чаще остальных пользователей. Эти друзья могут быть реальные (с которыми пользователь знаком лично) или виртуальные (знакомство произошло и поддерживается интернет-общением). Мы не разделяли друзей на реальных и виртуальных, так как в данном случае это не играет особой роли – анализу подвергалось только их количество.

Статус, лента, пост и перепост на стене пользователя – актуальная информация на странице пользователя. Одна из форм активности, с помощью которой можно проследить частоту посещений и обновлений своей страницы. Это может быть социально значимая тема, а может быть информация о событиях из личной жизни пользователя. Исследователи отмечают, что перепосты о событиях, которые не описываются в непосредственном общении, но имеют место в социальной сети, говорят о возрастающем мотиве публичности у пользователей Сети. Сообщения на стене (в ленте) может оставлять как сам пользователь, так и другие пользователи Сети.

Размещение фото- и видеоматериалов, имеющих или не имеющих отношения к пользователю. Частота обновления и особенности содержания фотографий могут говорить о мотивах и чертах личности.

Группы, интересные страницы – формальное объединение пользователей в сообщества, где размещены материалы на различные темы (статьи, фотографии, картинки). Принадлежность пользователя к группе может быть условная или актуальная (пользователь делает «перепост», т. е. делится публикациями из группы на своей странице).

Комментарии и оценка (лайк) – своего рода «обратная связь» между пользователями. «Лайк» дает понимание, что информация на странице пользователя прочитана и положительно оценена. Комментарий – выражение в письменном виде слов и эмоций с помощью специальных символов и знаков.

Пользователь социальной сети создает свою страницу ВКонтакте без каких-либо запретов и ограничений, исходя из того, какое впечатлении он хочет произвести на окружающих. Изучение страниц некоторых пользователей позволило выделить следующие группы пользователей сети ВКонтакте:

1. Жизнь – это удовольствие. Гедонизм. Вероятно, это своего рода объявление себя как человека оптимистичного, контактного, окруженного другими людьми и испытывающего потребность в позитивном внимании со стороны других. Люди ищут знакомств, которые, возможно, будут реализованы в реальной жизни. Большое количество фотографий, на которых они с друзьями, знакомыми, где они являются участниками крупных мероприятий. Много друзей и подписчиков. Позитивные статусы, слоганы и картинки. Много информации о себе. Сообщества на тему спорта, здорового питания, интересных рецептов, путешествий, активное участие в перепостах статей. Видеоматериалы – музыкальные клипы, видеоролики. Страницы очень яркие. Яркая одежда. Позирование. Разнообразные увлечения, в основном это активный отдых. Много открытой переписки, включающей в себя обращения к друзьям, ответы, лайки, комментарии. Постоянное обновление информации.

2. Жизнь – это увлечения. Креативность. Фотографии яркие, «живые», в интересных позах, демонстративных нарядах; много селфи – себя и с друзьями, фотографий городских ландшафтов. Пользователи используют различные методы привлечения внимания. Авторские произведения искусств, реклама продуктов своего творчества, изделий hand-made. Множество друзей и подпис-

чиков. Много лайков без комментариев. Демонстрация хорошего вкуса, изысканности и манерности. В ленте: мысли, афоризмы, шутки известных личностей, реже свои высказывания, стихи собственного сочинения. Увлечения (как и группы) разнообразны, частые перепосты, ссылки и комментарии внутри этих групп. На стене: приглашения на различные мероприятия – выставки, вечеринки, мастер-классы. Открытые послания и поздравительные открытки от друзей и других пользователей. Частота обновлений не систематизирована.

3. Жизнь – это карьера. Продажа своего продукта. Распространение рекламы своего бизнеса и фирм-компаньонов, информация в ленте четко структурирована. О себе: должность и род занятий, различные контакты для связи – сайт компании, телефон. Фотографии – с официальных мероприятий. Видео – с презентаций своей продукции с целью продвижения. Комментарии отсутствуют. Подписчиков во много раз больше, чем друзей. В друзьях – предприниматели и партнеры. Группы – только по своей теме. Регулярное обновление информации.

4. Жизнь – это семья. Домовитость. Фотографии в кругу семьи, семейные торжества, дети, утренники. Сообщества: лирика, психология, эзотерика. Статусы и перепосты: чужие мысли, стихи; свои записи отсутствуют. Друзья и подписчики: в большинстве женатые/замужние пользователи, дети, друзья детей. Лента: рецепты, диеты, статьи о правильном питании, советы по ведению хозяйства. Много перепостов друзей. Участие в различных лотереях и розыгрышах бесплатных услуг (возможно, говорит об экономности). О себе: много личной информации: статус, дата рождения, образование, семейное положение, наличие детей, вероисповедание и многое другое. Фотоматериалы: любительская съемка в домашней обстановке либо с немногочисленных торжественных событий, большое количество однотипных фотографий. В ленте и комментариях: поздравления, стихи, открытки только от друзей. Друзей не много (из представителей мужского пола только муж и мужья/сыновья подруг), подписчиков единицы.

5. Жизнь – это постоянство. Ригидность. Непластичность. Друзей не много, подписчиков мало. Группы: две-три однотипные, принадлежность к группе и активность выражена в перепостах. Фотографий много одинаковых. Однотипная одежда. Одни и те же места посещений. На протяжении нескольких месяцев (до двух лет) в ленте неизменно ссылки на одну-две интересующие темы. Музыка соответствует увлечениям. Комментарии от узкого круга людей, немногословные, без картинок и смайликов. Отсутствуют открытые поздравления и обращения. О себе информации мало: дата и место рождения, любимые книги, цитаты.

6. Жизнь – самолюбование. Нарциссизм. Фотографии себя и своих частей тела в разных ракурсах и местах, в основном селфи. Красивые люди в открытой одежде. Цель – собрать как можно больше лайков. Никаких блогов, перепостов и записей на стене. О себе: только ссылка на другие соцсети, где продублированы все фотографии. Статус говорящий, провокационный. Видеоматериалы: фильмы о любви и славе. Лента: еда, название мест, где сделано фото, подписи к каждой фотографии. Открытых записей и поздравлений нет, как и комментариев – функция отключена за ненадобностью. Группы: мода, красота, женские журналы. Причастность к группе и активность в ней не подтверждаются ни перепостами, ни фотографиями. Друзей большое количество, это пользователи – любители селфи и путешествий, обладатели привлекательной внешности. Подписчики: пользователи с посредственными внешними данными, разного пола/местожительства/возраста, также в большом количестве.

7. Жизнь – вечный поиск себя. Инфантильность. Возраст – за 40. О себе нет никакой информации, кроме даты рождения и города, где проживает. Два-три старых реальных фото, остальное – разноплановые картинки в большом количестве. Видео низкого качества, с нецензурными выражениями и сомнительным подтекстом, претендующим на юмор. Вся предоставленная информация не соответствует ни роду деятельности, ни увлечениям. Лента: всё подряд. Комментарии – свои же. Группы одна-две, никак не перекликающиеся между собой. Перепосты каждодневные. Тематика не прослеживается. Друзья: пользователи из разных городов, разного возраста, разных национальностей и интересов, среди которых много фейков и заблокированных страниц.

8. Жизнь – это праздник. Экстравагантность. Провокационные и дерзкие фотографии, откровенные вперемешку с семейными. Профессиональная съемка в различных общественных местах, ежедневное обновление виртуальных фотоальбомов. Огромное количество друзей, среди которых выдающиеся личности. Провоцирующие комментарии, открытая переписка, флирт с другими пользователями. Много информации о себе, реклама себя и своей деятельности. Много лайков. Комментарии только положительные, выражающие восхищение. Лента: открытые поздравления для поклонников к каждому празднику, взаимные благодарности, живое общение, обсуждение актуальных событий. Видеоматериалы: личные видеоролики из клубов или отелей. Много постов о себе. На стене: обращения, высказывания, некоторые из которых в резкой форме. Обновления ежедневно, ссылки на другие свои страницы в таком же формате.

9. Жизнь – это творчество. Растворение в работе. Реклама продуктов своего творчества. Информация о различных мероприятиях, где принимается непосредственное участие. Видео – только с организованных мероприятий. Много постов с подробным описанием своих коллекций, новинок, мастер-классов. В ленте: исключительно свои личные мысли, переживания и эмоции. Много отзывов от пользователей-поклонников, слова благодарности. Взаимные поздравления, открытки, картинки. Комментарии и лайки – в огромном количестве. О себе: контактная информация для связи. Нет семейных фотографий и никакой информации о личной жизни.

Каждый из нас мечтает быть оценен по достоинству – такое желание естественно.

Насколько точно будет соответствовать информация на личной странице тому внутреннему образу, который пользователь хочет воплотить в глазах окружающих, настолько комфортно он будет чувствовать себя в Сети.

Соответствует ли страница пользователя ВКонтакте его «внутреннему Я»? Действительно ли виртуальные друзья важны для пользователя? Что за заметки оставляет пользователь в ленте – это его голос или голос других людей? Разделяет ли он взгляды и увлечения участников группы, в которой он состоит? Чем увлекается сам и к чему проявляет интерес? А может, призывает других? О чем говорят его фотографии? Отражают ли они реальную жизнь или ту, какой бы он хотел видеть свою жизнь? Зависит ли он от мнений и оценок других пользователей?

Одному хочется внимания и важен рейтинг, кто-то находит здесь друзей и обменивается опытом, кто-то заводит страничку «для души» и щедро делится своими мыслями и переживаниями. Интернет очень легко решает проблему самоактуализации, как и проблему общения – активному пользователю дает возможность общаться одновременно с большим количеством людей, а пользователю, мало адаптированному к общению в реальном мире, – возможность проявить себя и стать прекрасным интернет-собеседником.

Главное – помнить, что, как и в любом деле, при создании своей личной странички в социальной сети требуется чувство меры: ведь очень важно, чтобы «социальное Я» было дополнением внутренней сущности, «индивидуального Я», а не его замещением. Только в этом случае складывается портрет гармоничной и интересной личности. Подводя итог, можно сделать вывод, что выделить какие-то определенные социально-психологические характеристики пользователей, которые много времени посвящают общению в социальных сетях, достаточно легко. А вот насколько эта информация будет соответствовать истинным характеристикам личности в реальном мире, остается только догадываться.

И. А. Оплетина*

Психологические особенности восприятия участников дорожного движения в современных городских условиях

Статья посвящена вопросам гендерного восприятия друг друга участниками дорожного движения в условиях современной городской среды.

Ключевые слова: восприятие; полоролевые стереотипы; гендер; социальные нормы.

Согласно авторитетному мнению А. А. Бодалева, мнение о другом человеке тесно связано с уровнем собственного самосознания, при восприятии людьми друг друга наибольшее воздействие оказывают эффект ореола (или гало-эффект) и эффект стереотипизации. Эффект ореола как своеобразный вид эмоциональной установки заключается в распространении одной встреченной черты на все стороны жизни партнера по взаимодействию. Эффект стереотипизации работает как значительное упрощение образа, выделение с точки зрения типирующего характерных черт для представителей другой группы. Данные эффекты, безусловно во многом упрощают восприятие, но возникает опасность упустить другую важную информацию. Наиболее сильные и устойчивые стереотипы в отношении друг друг – это полоролевые. Э. Игли выдвинула гипотезу, что полоролевые стереотипы по своему существу и являются социальными нормами [1]. Все мы имеем представление о том, как обязаны вести себя представители сильного и слабого пола в стандартных ситуациях, какими качествами они обязаны обладать. Большинство социальных психологов приходят к мнению, что, собственно говоря, искать первопричины гендерных отличий стоит не в гормональном и физическом облике человека, а в социальных нормах, которые приписывают нам явные модели поведения, структуре взглядов и интересов согласно с биологическим полом.

Гендерное поведение водителей в условиях мегаполиса было исследовано в 2013 году (автор А. И. Кабалевская под руковод-

* ***Инна Александровна Оплетина*** – преподаватель, замдекана по методической и инновационной работе факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© И. А. Оплетина, 2016

ством А. И. Донцова). В ходе исследования была сделана видеозапись реального поведения 12 водителей: 6 мужчин и 6 женщин. Из них четверо мужчин и женщин в возрасте 21–26 лет имели стаж вождения менее 2 лет, остальные 8 водителей, в возрасте 30–45 лет, имели стаж более 10 лет. Согласно условиям эксперимента все водители должны были проехать на одинаковом автомобиле по заранее разработанному маршруту, который включал разные по сложности и характеру участки движения. Наблюдение проходило с помощью видеокамер, первая камера фиксировала направление взора водителя и фокус его внимания в каждый момент времени, две другие являлись видеорегистраторами и снимали дорожную ситуацию. Просмотр видеозаписей выявил различия в поведении водителей-мужчин и водителей-женщин, которые особенно явно проявлялись в сложных маневрах. Согласно полученным данным, обнаружилось, что женщины-водители затрачивают на воплощение маневра в 2 раза больше времени, нежели мужчины-водители. Очевидно, это связано с тем, что при восприятии и анализа водителем актуальной дорожной ситуации для принятия решения в фокусе внимания женщин-водителей оказываются как главные, так и второстепенные переменные. Так, женщины-водители смотрят на светофор, встречные и попутные автомобили, кроме этого обращают внимание на пешеходов на обочине и иные объекты вне актуальной дорожной ситуации. Женщины-водители на дороге чаще улавливают не только лишь актуальную дорожную обстановку, но еще и будущие помехи в движении. Мужчины-водители же обращают свое внимание на объективно значимые помехи для совершения предполагаемого маневра [3]. В России существует стойкий гендерный стереотип по отношению к водителям: женщина-водитель воспринимается как второстепенный и некомпетентный участник дорожного движения, она нерешительна и непредсказуема, а водитель-мужчина в обыденном сознании напорист и импульсивен [Там же].

Интересные данные были получены французскими учеными в 1997 году, исследования касались смертельных случаев среди пешеходов. Согласно полученным результатам, обнаружилось, что водители, которые стали пешеходами, воспринимали себя все такими же неуязвимыми на дороге, как будто находятся в «броневой машине», в силу этого расценивали дорожную обстановку необъективно и чаще попадали в аварию. Директор Института стрессовой медицины штата Коннектикут (США) Джон Ларсон сформулировал понятие «мания торопливости», которая подразумевает поведенческий паттерн, при котором водитель ведет себя суетливо в отсутствие объективной необходимости. Например, подает звуковой сигнал машине, которая находится впереди и слегка задержалась на зеленый сигнал светофора, стремится быстрее проехать, и это сопровождается выездом на перекресток, позволяет себе резкий обгон и т. д. Одна из попыток научного объяснения агрессивного поведения водителей была предпринята в рамках исследования «Социально-психологические детерминанты проявления агрессии водителями пассажирского транспорта на российских дорогах». Основной гипотезой выступило следующее предположение: чем выше показатели агрессивности, тем слабее выражено у человека доверие к себе и окружающему миру. В наши дни автомобиль считается своеобразным продолжением личности человека, демонстрирующим его социально-психологический статус, манера водить машину также характеризует личность. Так как машина у большинства людей считается продолжением личности индивида, в ситуации пробок водитель чувствует сильное напряжение и враждебность к окружающим.

Мы на факультете социальной психологии провели небольшое исследование, используя методику семантического дифференциала. В исследовании приняли участие 60 человек (30 мужчин и 30 женщин), нашей целью было выявить образы водителя и пешехода у современных горожан. В результате исследования мы получили следующую картину. Образ водителя-мужчины оказался един как для женщин, так и для мужчин, что подтверждается положительной корреляцией. Водителю-мужчине свойственны следующие положительные качества: «активность», «внимательность», «решительность», «уверенность в себе». Из отрицательных качеств респонденты выделили: «грубость», «враждебность», «склонность к риску». Наши участники в обыденном сознании воспринимают мужчину-водителя как активного, быстрого, уверенного в себе, решительного и относят такие проявления к эталонному поведению водителя на дороге. Интересен полученный факт, согласно которому водители-мужчины, говоря о самих себе, упоминают исключительно положительные характеристики, а при этом водители женского пола воспринимают мужчин-водителей негативно, считая их «грубыми», «напряженными», «увлеченными», однако при этом соглашаются, что они содействуют на дороге. В понимании респондентов мужчина за рулем воспринимается естественно, и он считается умелым участником движения. Образ водителя-женщины в восприятии мужчин и женщин получился размытым, взаимосвязи не обнаружено. Образ совмещает такие разные характеристики, как «дружелюбность», «вежливость», «напряженность», «непредсказуемость», «неуверенность». В восприятии образа водителей городского транспорта среди мужчин и женщин выевлена корреляционная взаимосвязь. Водитель городского транспорта, по мнению наших респондентов, обладает следующими характеристиками: «решитель-

ный», «внимательный», «уверен в себе», «равнодушен». Женщины отметили, что водители общественного транспорта «недружелюбны» и «не очень вежливы».

Образ пешехода-мужчины был поделен нами на два вида: в восприятии мужчин и в восприятии женщин. Образ пешехода-мужчины получается размытым, объединяют его одинаковые черты: «активность», «решительность», «уверенность в себе», «упрямство». Образ пешехода-женщины сливается в восприятии мужчин и женщин. Мы выделили следующие общие черты: «вежливость», «уступчивость», «безопасное поведение», «взаимоподдержка», «неуверенность», «нерешительность». Образ пешехода-ребенка в восприятии мужчин и женщин обладает следующими характеристиками: «активный», «быстрый», «бездействие», «непредсказуемый», «невнимательный», «склонность к риску». Женщины в отличие от мужчин отметили пешеходов-детей как «решительных», «уверенных в себе», «эгоцентричных».

Соласно различным исследованиям, в России существует гендерный стереотип по отношению к водителям. Женщина-водитель чаще всего воспринимается как второстепенный и некомпетентный участник дорожного движения, в обыденном сознании она представляется как нерешительная и непредсказуемая. А водитель-мужчина чаще всего напорист и импульсивен. Значительный объем сенсорных сигналов, которые ощущает современный горожанин, – это шум, вспышки, различные тексты на баннерах улицы, сирены, визг тормозов автомобилей, максимум впечатлений, немалое количество вынужденных случайных контактов; всё это создает значительную эмоциональную перегрузку. В связи с характеристиками города (город плотный, большой, гетерогенный) границы личного пространства постоянно нарушаются, что вызывает возбуждение и напряжение. У жителя города зарождается желание защитить себя, что чаще всего приводит к чувству бесстрастности и безразличия по отношению к другим.

Литература

1. Ильин Е. П. Пол и гендер. – СПб. : Питер, 2010. – Разд. III. – Гл. 7. – С. 688.

2. Кабалевская А. И. Представления о гендерных стереотипах в современной социальной психологии // Психологические исследования. – 2012. – № 2 (22). – С. 4.

3. Кабалевская А. И., Донцов А. И. Особенности гендерного поведения водителей // Вопросы психологии. – 2013. – № 4. – С. 69–87.

Е. В. Чернышева*, В. О. Ермош**

Социально-психологическое осмысление коррупционного поведения

В статье анализируются социально-психологические компоненты коррупционного поведения. Акцентируется внимание на понимании коррупции, коррупционного поведения разными научными направлениями. Приводятся результаты факторного анализа социально-психологических компонентов коррупционного поведения.

Ключевые слова: коррупция; коррупционное поведение; психодиагностика коррупции; психология коррупции; социально-психологические компоненты коррупционного поведения.

Коррупция, коррупционные проявления, коррупционное поведение – термины, которые все чаще произносит общество, и, к сожалению, чаще всего по отношению к людям, имеющим властные полномочия, высокий социальный статус. Коррупционное поведение рассматривается разными научными направлениями, и каждое из них выделяет свой конструкт, свои детерминирующие это поведение процессы и явления.

Увеличение масштабов коррупционных проявлений создает серьезную угрозу безопасности страны. Коррупция, проникая во все сферы жизни общества и государства, постепенно разрушает систему сложившихся взаимоотношений, нарушает нормальное их функционирование, затрудняет развитие, обостряет социальные проблемы.

Коррупция – сложное социальное явление, обладающее сильным «иммунитетом» к традиционным методам борьбы с ней. Сферу коррупционных проявлений можно разделить на коррупционную преступность и иные деяния, имеющие коррупционный характер [6]. Характеристика преступности, связанной с коррупцией, должна

* ***Елена Викторовна Чернышева*** – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии служебной деятельности и педагогики Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Екатеринбург).

** ***Валерия Олеговна Ермош*** – курсант Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Екатеринбург).

© Е. В. Чернышева, В. О. Ермош, 2016

анализировать не только уже зарегистрированные факты, но и латентность данного явления. Например, очевидным является то, что чем выше по статусу должностное лицо, совершающее коррупционное действие, тем сложнее выявить данное преступление.

Законодательство дает первичное понятие коррупции: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [7].

Юриспруденция определяет коррупцию и коррупционное поведение как комплексное, обобщающее понятие, разнопланово характеризующее это явление, причем в большинстве случаев ключевым юридическим признаком коррупции является незаконное личное обогащение, в основе которого лежат, как правило, корыстные мотивы [1].

Имеется ряд социологических исследований, предметом которых являются аспекты коррупционных проявлений. Так, например, П. Бурдье рассматривает коррупцию как перераспределение общественных ресурсов или «неофициальное финансирование расходов», составляющее деятельность профессионального корпуса чиновников, руководствующегося собственными целями [2. С. 144].

Рассмотрим коррупцию как социально-психологический конструкт личности, который детерминирует ее поведение и отношения в социально-экономической сфере общественной жизни. Р. Мэй, один из представителей гуманистической психологии, говорил: «Чтобы понять поведение человека, надо раскрыть его смысл» [4]. Чтобы понять, почему люди берут взятки, пользуются своим служебным положением и т. д., нужно понять внутренние движущие мотивы данных поступков.

Зачастую исследователи поднимают проблему внешнего проявления коррупции, которая выражается в конкретных действиях, формах и способах, совершенно исключая присутствие самой личности. Психологические особенности индивида, склонного к коррупционному поведению, необходимо, на наш взгляд, рассматривать в первую очередь. М. М. Решетников утверждает, что без психологически обоснованных подходов вряд ли что-то можно сделать, ибо коррупция – только в последствиях правовая и экономическая проблема, а исходно – сугубо психологическая и общечеловеческая [8].

Многие исследователи строят свои рассуждения о психологии коррупционера на иерархии его личных ценностей, пытаясь ответить на вопрос: чем обусловлена та или иная структура ценностных ориентаций? Другие считают, что коррупционное поведение зависит от уровня правовой культуры, функционирования институтов правовой и профессиональной социализации. Способствуют увеличению фактов коррупционных проявлений, по мнению В. А. Михайлюк и А. И. Кузнецова, слабые стимулы карьерного продвижения, отрицательные примеры личной жизни, слабо систематизированное коррупционное законодательство, распространенность стереотипов вседозволенности и допустимости использования любых средств обеспечения личного благополучия, правовой нигилизм, сращивание организованной преступности и представителей власти [5].

О. В. Ванновская вводит понятие «коррупциогенная личность», понимая под этим определенный социальный тип, обладающий высокой склонностью к коррупции и низкой антикоррупционной устойчивостью. В ситуации коррупционного давления такая личность с большей вероятностью выберет коррупционное поведение и с очень низкой вероятностью откажется от него. В своей работе О. В. Ванновская описывает психологический портрет коррупциогенной личности: осмысление жизни через приобретение материальных благ, стремление к роскоши как показателю счастья, неосознанная мотивация и недифференцированная структура установок нравственного поведения, низкий уровень удовлетворенности жизнью, негативное самоотношение и неадекватная самооценка, экстернальный локус контроля, импульсивный тип реагирования. Каждая из этих характеристик повышает склонность к коррупции, которую можно описать как интегральный показатель [3].

К настоящему времени нет универсального набора коррупционных качеств, но есть конкретные формы поведения, которые указывают на факт совершения коррупции. Конкретные факты (действия) коррупционной направленности имеют психологические компоненты, которые эти факты сопровождают. При помощи факторного анализа с применением программы «STATISTICA» выделим конкретные социально-психологические показатели фактов коррупционного поведения с точки зрения структурных составляющих личностных сфер: когнитивно-поведенческой, ценностно-мотивационной, эмоционально-волевой и сферы правосознания.

В таблице отражены психологические компоненты фактов коррупционного поведения, присущие личности, склонной к коррупции.

Таблица

Психологические компоненты фактов коррупционного поведения

Коррупционные факты	Психологические компоненты
Злоупотребление служебным положением	*Ценностно-мотивационная сфера:* ценность собственного престижа. *Когнитивно-поведенческая сфера:* склонность к агрессии и насилию, склонность к девиантному поведению. *Эмоционально-волевая сфера:* преобладание глорических, пугнических эмоций, а также отсутствие волевого контроля эмоциональных реакций. *Правосознание:* правовой нигилизм, склонность к преодолению норм и правил
Дача взятки	*Ценностно-мотивационная сфера:* ценность в установлении активных социальных контактов. *Когнитивно-поведенческая сфера:* склонность к аддиктивному, девиантному поведению. *Эмоционально-волевая сфера:* волевой контроль эмоциональных реакций, преобладание праксических эмоций. *Правосознание:* склонность к преодолению норм и правил, правовой нигилизм
Получение взятки	*Ценностно-мотивационная сфера:* ценность высокого материального положения. *Когнитивно-поведенческая сфера:* склонность к девиантному поведению. *Эмоционально-волевая сфера:* отсутствие волевого контроля эмоциональных реакций, преобладание праксических и акизитивных эмоций. *Правосознание:* склонность к преодолению норм и правил, правовой нигилизм, оправдание противоправного поведения
Злоупотребление полномочиями	*Ценностно-мотивационная сфера:* ценность собственного престижа. *Когнитивно-поведенческая сфера:* склонности к агрессии и насилию, склонность к девиантному поведению. *Эмоционально-волевая сфера:* отсутствие волевого контроля эмоциональных реакций, преобладание глорических эмоций. *Правосознание:* склонность к преодолению норм и правил, правовой нигилизм
Получение выгоды для себя	*Ценностно-мотивационная сфера:* ценность высокого материального положения. *Когнитивно-поведенческая сфера:* склонность к аддиктивному, девиантному поведению. *Эмоционально-волевая сфера:* отсутствие волевого контроля эмоциональных реакций, преобладание глорических, акизитивных и гедонических эмоций. *Правосознание:* оправдание противоправного поведения

Окончание табл. см. на след. стр.

Окончание таблицы

Получение выгоды для других	*Ценностно-мотивационная сфера:* ценность собственного престижа. *Когнитивно-поведенческая сфера:* склонность к девиантному поведению. *Эмоционально-волевая сфера:* отсутствие волевого контроля эмоциональных реакций, преобладание альтруистических, пугнических и эстетических эмоций. *Правосознание:* оправдание противоправного поведения
Склонение к коррупционным действиям	*Ценностно-мотивационная сфера:* ценность собственного престижа, установления активных социальных контактов. *Когнитивно-поведенческая сфера:* склонность к девиантному поведению. *Эмоционально-волевая сфера:* волевой контроль эмоциональных реакций, преобладание коммуникативных эмоций. *Правосознание:* оправдание противоправного поведения

Изучив особенности проявления психологических компонентов, связанных с фактами коррупционного поведения, можно комплексно разрабатывать профилактические меры предотвращения коррупционного поведения и успешно формировать социально-психологическую устойчивость для противодействия коррупции. В настоящее время все антикоррупционные мероприятия, к сожалению, носят карательный характер, совершенно не затрагивая психологических компонентов данного феномена, а борьба с коррупцией строится на мерах наказания, предусмотренных законодательством. Любые меры, предпринимаемые для выявления и борьбы с коррупционными проявлениями, должны быть научно обоснованы, и только тогда они будут восприняты обществом и начнут эффективно работать, в конечном счете, дадут положительный результат.

Литература

1. Буравлев Ю. М. Виды юридической ответственности в системе государственной службы : монография. – М., 2008.

2. Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. – М. : Институт экспериментальной социологии, 1999.

3. Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 323–328.

4. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М. : Смысл, 2007.

5. Михайлюк В. А., Кузнецов А. И. Антикоррупционный стандарт поведенческой модели сотрудников органов внутренних дел // Вестник АГУ. – 2014. – № 4 (148). – С. 117–121.

6. Морогин В. Г., Мазилов В. А. Коррупция: возможная психодиагностика, необходимая профилактика // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – Т. II (Психолого-педагогические науки). – С. 242–250.

7. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 22.12.2014). – Ст. 1.

8. Решетников М. М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. – СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 2008.

А. Б. Шинкевич*

Механизмы психологической защиты подростков

В настоящее время темпы развития процессов, протекающих в мире, настолько высоки, что современному человеку почти каждый день приходится адаптироваться к новым условиям. В подобной среде воздействие окружающих факторов, влияющих на здоровье человека, крайне негативно. И в процессе адаптации человеку приходится бороться с этими факторами и их влиянием. В этом ему помогают механизмы, осуществляющие защиту организма, такие как иммунная система, а также некоторые рефлексы. Но так как человек – существо и биологическое и социальное, то воздействие окружающей среды влияет не только на его организм, но и на его психологическое состояние.

Несомненную важность и силу эти механизмы приобретают в юношеский период, который важен для становления личности и формирования мировоззрения. В этот период проблема выбора жизненного пути, самоопределения, проблема взятия на себя ответственности за свой выбор, новое положение в семье и обществе создают огромное эмоциональное напряжение. Актуальность данного вопроса выражается в том, что понимание функционирования механизмов психологической защиты способствует последующему корректированию поведения человека в стрессовой ситуации.

Ключевые слова: психологическая защита; подростковый возраст; потребность в безопасности; механизмы защиты; формирование личности.

Подростковый возраст имеет важное значение в развитии и становлении личности человека. В этот период значительно расширяется объем деятельности ребенка, меняется его характер, в структуре личности происходят ощутимые перемены, обусловленные перестройкой ранее сложившихся структур и возникновением новых образований, закладываются основы сознательного поведения, вырисовывается общая направленность в формировании нравственных представлений и установок. И всё это происходит на фоне противоречий физиологического и психического развития подростка, на фоне его духовного становления. Отсюда

* ***Алена Борисовна Шинкевич*** – магистрант направления подготовки «Психология», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Руководитель: д-р психол. наук, доцент Зотова О. Ю.

© А. Б. Шинкевич, 2016

подростковый возраст характеризуется специалистами как переходный, сложный, трудный, критический.

Резкие изменения параметров тела вызывают определенный психологический дискомфорт, который подростки пытаются скрыть, замыкаясь в себе, комплексуя или, наоборот, пытаясь вести себя развязно, вызывающе, не всегда адекватно той ситуации, в которой они оказываются. Все эти процессы перестройки организма длительны и нелегки, но совершено необходимы для превращения ребенка во взрослого человека, во взрослую личность. Они лежат в основе подросткового кризиса.

«Психологическая защита – нормальный механизм, направленный на предупреждение расстройств поведения не только в рамках конфликтов между сознанием и бессознательным, но и между разными эмоционально окрашенными установками» [5].

Начиная с раннего детства, и в течение всей жизни, в психике человека возникают и развиваются механизмы, традиционно называемые «психологические защиты», «защитные механизмы психики», «защитные механизмы личности». Эти механизмы как бы предохраняют осознание личностью различного рода отрицательных эмоциональных переживаний и перцепций, способствуют сохранению психологического гомеостаза, стабильности, разрешению внутриличностных конфликтов и протекают на бессознательном и подсознательном психологических уровнях [2].

Как правило, в условиях психологического напряжения адаптация человека происходит главным образом посредством двух механизмов: совладающего поведения – оно используется сознательно и направлено на активное изменение ситуации, – и психологической защиты [3].

Специалисты, изучающие механизмы психологической защиты, неоднократно отмечали, что привычная для личности в обычных условиях защита, в экстремальных, критических, напряженных жизненных условиях обладает способностью закрепляться, приобретая форму фиксированных психологических защит. Это может «загнать вглубь» внутриличностный конфликт, превратив его в бессознательный источник недовольства собой и окружающими, а также способствовать возникновению особых механизмов, названных З. Фрейдом сопротивлением [4].

Вместе с тем в современных публикациях, посвященных обсуждаемой проблеме, единодушно признается тот факт, что механизмы защиты находятся между потребностью личности и ее удовлетворением. Таким образом, психологическая защита – это естественное противостояние человека окружающей среде. Она бессознательно предохраняет его от эмоционально-негативной перегрузки.

Защита не есть «встроенная» от рождения личностная структура. В процессе социализации защитные механизмы возникают, изменяются, перестраиваются под влиянием социальных воздействий. В конечном итоге психологические защиты становятся способом существования нереализуемых влечений, желаний, потребностей.

Следует также заметить, что люди редко используют какой-либо единственный механизм защиты – обычно они применяют различные защитные механизмы для разрешения конфликта или ослабления тревоги.

Рассмотрим особенности механизмов психологической защиты у подростков.

Перенос. Одним из видов переноса является уход, наиболее распространенным вариантом которого является фантазия. Защитная фантазия символически удовлетворяет блокируемое желание.

Ситуация – подросток, который был обижен, как он думает, незаслуженно. Он начинает фантазировать и воображает, как он после нервного срыва лежит в больнице и все понимают, кто виноват, и начинают его жалеть. Так в фантазиях подростка осуществляется желаемое повышение самооценки, самоподтверждение.

Следующим видом переноса условно можно назвать «переживанием из вторых рук»: если у человека в силу объективных и субъективных причин нет возможности реализовать свои желания и интересы «здесь и сейчас».

Подросток мечтает о море, хочет стать моряком, капитаном дальнего плавания. Но для исполнения мечты отсутствуют возможности: море далеко, нет денег, мал возрастом, надо много учиться, но не хочется. Тогда это желание реализуется на замещающих объектах: книгах о море, фильмах о приключениях на море.

Перенос, осуществляемый в результате ошибочного обобщения схожих ситуаций, носит название трансфера. В основе лежит тенденция к повторению закрепившегося раньше поведения в ситуациях неравенства позиций.

Ученик переносит на нового учителя враждебные отношения с предыдущими педагогами. Враждебные отношения переносятся учениками благодаря наработанному общему негативному отношению к школе.

Рационализация проявляется в размышлении над вопросом «Зачем жить, если рано или поздно умрешь?». Тогда они придумывают и вносят в жизнь смысл, а некоторые, наоборот, отказываются от размышления над данным вопросом.

Еще одним механизмом психологической защиты является ирония. Подросток в результате своей двойственной позиции не ребенок, но еще не взрослый, иронически относится и к детскости,

и ко взрослым. Подросток иронизирует по поводу тех ролей, которые ему навязывают взрослые, и над ними самими с их старомодными представлениями о жизни.

Не возникает сомнений в том, что защитные механизмы обычно складываются у человека, «неуверенно себя чувствующего в жизни». Самодостаточная личность наиболее успешно освобождается от негативного влияния психологических защит и менее «чувствительна» к их возникновению. Важнейший путь освобождения от патологического действия защитных механизмов – целостное развитие личности, ее самосознания, а также формирование адекватной возможностям жизненной перспективы [1].

Таким образом, функции психологических защит, с одной стороны, можно рассматривать как позитивные, поскольку они предохраняют личность от негативных переживаний, восприятия психотравмирующей информации, устраняют тревогу и помогают сохранить в ситуации конфликта самоуважение. С другой стороны, они могут оцениваться и как негативные. Действие защит обычно непродолжительно и длится до тех пор, пока нужна «передышка» для новой активности. Однако если состояние эмоционального благополучия фиксируется на длительный период и по сути заменяет активность, то психологический комфорт достигается ценой искажения восприятия реальности, или самообманом [6].

У представителей юношеского возраста присутствуют все виды механизмов психологической защиты, но выраженность их неравномерна. В этом возрасте наиболее выражен такой механизм, как проекция. У юношей в этом возрасте преобладают механизмы внутренней направленности (вытеснение, рационализация), а у девушек, наоборот, преобладают механизмы внешней направленности (реактивное образование, регрессия). Активное использование какого-либо механизма защиты влияет на поведение представителей данного возраста, однако активация механизмов в основном происходит из-за проблем со взрослыми или сверстниками.

Для достижения статуса взрослости подросткам приходится справляться с рядом задач развития, возникающих на этом этапе жизненного пути. Проблема механизмов психологической защиты подростков остроактуальна, так как система этих механизмов способствует поддержанию стабильности и эмоционального принятия детьми себя и своего окружения.

Литература

1. Киршбаум Э., Еремеева А. Психологическая защита. – 3-е изд. – М. : Смысл ; СПб. : Питер, 2005.

2. Кондратьев М. Ю. Типологические особенности психосоциального развития подростков // Вопросы психологии. – 1997. – № 3. – С. 69–78.

3. Бассин Ф. В. О силе Я и психологической защите // Вопросы философии. – 1969. – № 2. – С. 118–126.

4. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Преодоление эмоционального стресса подростками. Модель исследования // Обзор психиатрии и мед. психологии. – 1993. – № 1. – С. 53–60.

5. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков / под ред. Д. Б. Эльконина, Т. В. Драгуновой. – М. : Просвещение, 1967.

6. Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н. Возрастная психология. – М., 2003.

А. В. Шишигин*

Социальные факторы, определяющие гражданско-политическую идентичность жителей Перми

В статье рассматривается гражданско-политическая идентичность жителей Перми и выявляются социальные факторы, оказывающие влияние на ее устойчивость.

Ключевые слова: социальная идентичность; территориальная идентичность; гражданско-политическая идентичность; самоидентификация; город.

Территориальные идентичности, являясь социальными конструктами, многими людьми часто осмысляются в категориях примордиализма. Во многом это объясняется тем, что процесс формирования, например, локальной идентичности, сопряжен с процессом обретения чувства малой родины, прямо подразумевающим определенные, порой очень сильные, эмоциональные переживания. Вместе с тем в условиях глобализации у определенной части общества развивается конструктивистский взгляд на природу любых социальных идентичностей. Многомерность и структурированность пространства, в котором пребывает современный человек, создает условия для формирования множества территориальных идентичностей (локальных, региональных и т. д.), которые могут мирно сосуществовать, а могут вступать в конфликт друг с другом, усиливаться или, наоборот, терять свою устойчивость.

В данной работе рассматривается гражданско-политическая идентичность жителей г. Перми. В теоретическом плане полученные результаты являются эмпирическим подтверждением положений исследователей-конструктивистов (начиная с П. Бергера). В практическом плане вопрос об устойчивости гражданско-политической идентичности имеет самое непосредственное отношение к проблеме эффективности и успешности процесса социального конструирования как на муниципальном, так и на федеральном уровне.

* ***Андрей Владиславович Шишигин*** – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь).

© А. В. Шишигин, 2016

Результаты опроса взрослого населения Перми, проведенного в декабре 2012 г. (N = 960; выборка репрезентативна по полу, возрасту и месту жительства) группой исследователей из ПГГПУ в рамках проекта «Пермь как стиль», позволили получить представление о восприятии пермяками ряда территориальных идентичностей. В ходе исследования респондентам было предложено оценить пять отдельно взятых территориальных идентичностей, отметив цифрами от 1 (наиболее значимая) до 5 (наименее значимая) важность каждой из них для себя лично. Предложенный респондентам набор включал идентичность региональную (житель Пермского края), городскую (житель Перми), национальную, территориально-географическую (житель Урала) и гражданско-политическую (гражданин России).

По первостепенной значимости в рамках повседневности лидером оказалась локальная, городская идентичность, которую в качестве таковой отметила почти половина респондентов. Далее по убыванию первостепенной значимости располагались идентичности гражданско-политическая, региональная, национальная и территориально-географическая.

Спустя два года в рамках проекта «Последствия Пермского Культурного Проекта» пермякам был задан тот же самый вопрос (N = 1002; выборка репрезентативна по полу, возрасту и месту жительства). Результаты (табл. 1) несколько отличаются от тех, которые были получены в 2012 г.

Таблица 1

Оценки значимости гражданско-политической идентичности для жителей Перми в 2012 и 2014 гг.

Год	Степень значимости гражданско-политической идентичности (в %)				
	1	2	3	4	5
2012	29,1	10,5	12,7	16,6	31,2
2014	39,1	22,2	13,9	6,7	18,1

Данные за 2012 г.[1]

Первое, что бросается в глаза, – это резкое повышение значимости гражданско-политической идентичности. Причины ее актуализации достаточно очевидны. Это и вполне успешная для россиян Олимпиада 2014 г. в Сочи, и присоединение Крыма, и первое за

[1] Лысенко О. В., Шишигин А. В. Кто такой «пермяк»? Как формируется идентичность пермяка в пространстве, времени и в культуре // Стилистические особенности пермской городской идентичности / ред. О. В. Игнатьева, О. В. Лысенко. – СПб. : Маматов, 2014. – С. 50.

30 лет столь острое противостояние с Западом, результатом которого стали обоюдные экономические санкции. Спортивные и внешнеполитические события со всеми их позитивными и негативными последствиями, нашедшие отражение в массмедиа, объективно способствовали росту значимости гражданско-политической идентичности. Можно сказать, что в 2014 г. шел процесс мобилизации данной идентичности как со стороны государства, так и со стороны граждан, ностальгирующих по былому величию СССР. Пример с гражданско-политической идентичностью наглядно демонстрирует как ее конструктивистский характер, так и реальные возможности заинтересованных «конструкторов» по ее формированию.

Опрос 2012 г. показал, что выбор гражданско-политической идентичности, как наиболее значимой, не зависел от пола, возраста и национальности респондентов. Вместе с тем на данный выбор сильно влияли образование, профессия и социальный статус[2]. С ростом образования росло число тех, кто рассматривал свою принадлежность к России как наиболее значимую. Исследование 2014 г. полностью подтвердило обоснованность ранее сделанных выводов о том, что с ростом образования растет и степень привлекательности гражданско-политической идентичности (табл. 2). Интересно отметить и то, что в 2014 г. рост первостепенной значимости гражданско-политической идентичности произошел во всех образовательных группах.

Таблица 2

Оценки (в %) первостепенной значимости гражданско-политической идентичности в зависимости от уровня образования

Год	Уровень образования				
	Неполное среднее	Среднее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее
2012	23,1	24,9**		31,7	35,6
2014	37,9	36,6	35,3	41,8	47,3

** В опроснике 2012 г. среднее образование включало и среднее специальное.

В целом, выявленная зависимость приоритетной идентичности от уровня образования хорошо укладывается в теоретические построения классиков конструктивизма (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум), отмечавших, что с ростом образования узкие, локальные идентичности начинают уступать место более широким идентичностям (национальным, гражданско-политическим). Вероятно, это связанно с тем, что человек с более высоким уровнем образования более открыт внешнему миру и в меньшей степени склонен замыкаться в круге местных локальных событий.

[2] Лысенко О. В., Шишигин А. В. Указ. соч. – С. 62.

Исследование 2012 г. позволило выявить четкую корреляцию между уровнем доходов и признанием первостепенной значимости гражданско-политической идентичности. Почти каждый второй (46 %) респондент с высоким уровнем материального достатка в первую очередь ощущал себя гражданином России. У пермяков среднего достатка данный показатель снижался до 38 %, а у бедных, испытывающих затруднения даже с приобретением продуктов питания, – до 24 %[3]. Результаты опроса 2014 г. показали, что первостепенная значимость гражданско-политической идентичности плавно растет с ростом благосостояния: от 33 % у респондентов с низкими доходами до 45 % у пермяков с доходами чуть выше среднего и достигает максимума (59 %) у наиболее состоятельных горожан.

Когда мы говорим о степени выраженности гражданско-политической идентичности и ее актуализации в сознании респондентов, мы должны помнить, что результаты опросов следует рассматривать в рамках структур повседневности. При выезде за границу у многих людей данная идентичность может существенно усиливаться. Вполне вероятно, что положительная корреляция между ростом признания гражданско-политической идентичности, как наиболее важной, и уровнем доходов, отражает и факт большей социальной мобильности высокостатусных и состоятельных граждан.

В настоящий момент мы наблюдаем достаточно противоречивую ситуацию. С одной стороны, гражданско-политическая идентичность получает подпитку в виде публикаций в СМИ, уделяющих большое внимание противостоянию России и Запада, а с другой стороны – испытывает негативное влияние социально-экономических факторов в виде падения реальных доходов населения, сокращения числа граждан, выезжающих за границу, что также в значительной степени обусловлено внешнеполитическими проблемами современной России.

[3] Лысенко О. В., Шишигин А. В. Указ. соч. – С. 63.

Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества

А. И. Донцов, Е. Б. Перелыгина***

Взаимодействие в условиях социальных изменений: доверие, субъективное благополучие и психологическая безопасность[1]

Человеческие сообщества основываются на определенном ансамбле установок повседневности, согласованности действий Я в группе, упорядочивания социальных практик. Показано, что люди стремятся внести в свою повседневность доверие как форму организации добросовестного, эмоционально открытого взаимодействия, учитывающего интересы всех сторон. Недоверие перекрывает доступ к эмоциональным, интеллектуальным и деятельностным ресурсам жизнеобеспечения субъектов, препятствует их взаимной самореализации, подрывает веру в возможность добродетели и нравственности.

Ключевые слова: доверие; уровень субъективного благополучия; психологическая безопасность; социальное взаимодействие.

В современных психологических исследованиях среди феноменов самосознания, самодетерминации, «предповедения», самоопределения в социально-психологическом пространстве находит определенное отражение и рассмотрение доверия как одного из оснований категоризации социальным субъектом социального пространства, среды взаимодействия.

Доверие описывается на предметно-практической деятельности индивидов, взаимодействующих в форматах социального и экономического поведения. Оно обусловлено предшествующей совокупностью взаимодействия с другими социальными субъектами, организациями, социальными институтами и составляет основу

* ***Александр Иванович Донцов*** – академик РАО, профессор, д-р психол. наук, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, почетный президент Российского психологического общества (г. Москва).

** ***Елена Борисовна Перелыгина*** – д-р психол. наук, профессор, декан факультета социальной психологии, завкафедрой социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

[1] Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© А. И. Донцов, Е. Б. Перелыгина, 2016

прогностического понимания действий других субъектов, а также вероятных последствий. События поведения как компонент социального взаимодействия обусловливаются не только пониманием Другого, но и сакральным статусом порядка организованного взаимодействия.

Процесс персонализации, сопряженный с развитием гуманистических и нравственных оснований, дал возможность проводить параллели между рядом дихотомий: «ожидание доверия – ожидание недоверия», «состояние безопасности – состояние опасности». Эти параллели методологически оформляет Ю. П. Зинченко: «От особенностей конструирования субъективного мира, от восприятия мира через призму опасности/безопасности зависит выстраивание смысложизненных ориентаций, приведение информации о мире в определенную систему, что отражается на самосознании общества и доминирующих в нем ценностях» [3].

В своей новой книге о теориях «Я» Карол Двек (Carol S. Dweck) указывает на прогностический потенциал доверия в социальном взаимодействии: «Когда мы смотрим на сложные переходы или ситуации, чреватые неудачей, мы обнаруживаем, что доверие утрачивает свой потенциал предсказуемости» [8].

Иной контекст появляется при профессиональном взаимодействии, когда уровень ожиданий и предсказуемости поведенческого опыта связан с критериальными ценностями личности. Так, доверие к пожарному, когда вокруг бушует пламя, можно трактовать как обязывающее доверие к профессионалу, от которого зависит жизнь человека. Такого же рода обязывающее доверие может (и должно!) возникать к политическим институтам, банковским и финансовым организациям, к руководителю и др. «Институты, государственные структуры, церкви, разделение на классы существуют лишь в потоке связей и сопоставлений, который ставит их в отношения между собой. Все является зависимостью, связью, контактом и метаморфозой. <…> Здесь бесполезно искать сущность коллективных и материальных явлений вне их взаимных отношений» [5].

Фактор доверия – серьезный аргумент в психологическом взаимодействии. В межличностном общении велика роль личностной убежденности в честности и добросовестности партнера, в социальной группе искренность и добропорядочность – важный фактор безопасности межгруппового взаимодействия. На уровне государства и его институтов отношения базируются на доверительности или ее отсутствии, причем здесь оценка репутации власти, отношений, добросовестности может результироваться макроэффектами. Г. Гарфинкель добавляет акцент на оценку лиц, вносящих линию дезорганизации в социальное взаимодействие: «Мы можем

вспомнить, сколь серьезному риску подвергаются люди, чьи проявления нарушают атрибуции установки повседневной жизни – неважно, совершают ли они это в целях эксперимента или, подобно психопату, как элемент привычного поведения. Из статуса воспринимаемо компетентного – в своих глазах и в глазах других – члена, т. е. из статуса добросовестного члена, он может перейти или быть переведен людьми, для которых эти атрибуции по-прежнему имеют силу, в любой из тех статусов, которые каждое общество отводит для тех, кому “недостает здравого рассудка”» [1]. Воспринимаемая компетентность и согласованность действий Я в группе порождают современное видение организованного социального взаимодействия. Так, например, «лютеранское доминирование государства над церковью и высокий уровень общественного доверия привели к тому, что государство в Швеции стало не механизмом подавления личности, а проводником эффективных коллективных действий» [4].

История показывает, что человеческие сообщества зависят от взаимного доверия и не возникают естественным образом, если оно отсутствует. Иерархия же необходима в связи с неосуществимостью ситуации, когда каждому индивиду можно доверять в любое время в том, что он будет жить в соответствии с негласно принятыми этическими правилами. В случае, когда какой-либо член сообщества нарушает установленный порядок, сообществу, имеющему для этого комплекс установленных норм и санкций, приходится использовать принуждение. В этом смысле индивид не только становится достойным доверия, но он еще и проявляет приверженность к упорядочиванию повседневных практик, что формирует личность доверяющую и демонстрирующую уважение к сообществу. В такой чувствительной сфере, как экономика, это ценится достаточно высоко.

Доверие на уровне экономического поведения выступает иерархическим феноменом, включающим как доверие в деловом взаимодействии индивидуализированных экономических субъектов, доверительных отношений между организациями как субъектами хозяйственной деятельности, так и выстраивание «доверительного партнерства» с международными субъектами экономической деятельности. Ряд зарубежных стран демонстрирует серьезные преимущества доверия в сфере предпринимательства. Так, экономисты отмечают, что в Швеции существует «взаимное доверие и честность в делах – отсюда благоприятный бизнес-климат» [Там же].

Поскольку доверие выступает условием совместной деятельности, то на этих основаниях можно трактовать акт доверия (проявление доверия, укрепление доверия и т. д.) как форму деятель-

ности, не редуцируемую к исходной цели, однако выступающую условием, благоприятствующим взаимодействию субъекта и его межличностным отношениям в социуме.

В 2008 году японскими исследователями изучалась взаимосвязь между уровнем межличностного доверия и уровнем субъективного благополучия. Респонденты были разделены на 6 групп по возрасту (20–29, 30–39 лет и т. д.), по семейному статусу, по семейному годовому доходу (до 5 млн йен, что в 2008 году составляло около 50 тыс. долларов США; от 5 до 8 млн йен; более 8 миллионов йен). Качество жизни рассматривалось на основе персонального опросника WHOQOL. Исследование дало основания заключить, что уровень интерперсонального доверия и уровень качества жизни имеют тесную связь: чем выше QOL (уровень качества жизни), тем выше уровень интерперсонального доверия среди респондентов [9].

Разумеется, эти факторы не однозначно детерминируют неудовлетворенность индивидом своей жизнью, своими межличностными отношениями, которые в своем экстремальном варианте могут привести к самоубийству. В наши дни количество самоубийств, как утверждают российские антропологи, «заметно превосходит количество взаимных убийств: например, по данным ВОЗ, в 2000 году в мире совершено примерно 199 000 бытовых убийств, 310 000 человек погибли от увечий и травм, связанных с военными действиями, и 815 000 покончили жизнь самоубийством» [6]. Доверие вносит позитивную нравственно-психологическую составляющую в межсубъектные отношения на всех уровнях человеческой деятельности. С особым вниманием Ю. П. Зинченко отмечает, что по отношению «к каждому из “нижележащих” уровней “вышележащий” является надсубъектным. Обеспечивая собственную безопасность, субъект реализует определенную деятельность и выступает в то же время объектом по отношению к вышележащему уровню, выполняющему собственную деятельность со своими целями, мотивами, задачами» [2]. При этом на всех уровнях человеческой деятельности доверие может выступать компонентом психологического опосредствования в различных формах.

Поскольку объединение людей зависит от доверия между ними, а доверие, в свою очередь, обусловлено существующей культурой, есть основания сделать вывод, что в разных культурах добровольные сообщества будут развиваться в разной степени, апелляция к общим культурным моделям сокращается, а следовательно, повышается роль трансперсонального доверия. В наши дни, как показывают опросы населения, невысок уровень доверия ко многим социально-экономическим институтам, а в межличностном общении индивиды предпочитают осторожность.

Социальный капитал выступает как потенциал общества или его части, возникающий в результате наличия доверия между его членами. Он отличается от других форм человеческого капитала тем, что обычно создается и передается посредством культурных механизмов, таких как религии, традиции, обычаи. В связи с этим, не исключая высокой значимости роли трансперсонального доверия между индивидами и эгоистического интереса как основ конструктивного взаимодействия, надо сказать, что наиболее действенные организации объединены общими этическими ценностями и существующий между ними моральный консенсус является основой их взаимного доверия [7].

При различении культурных паттернов и этических ценностей формируются различные механизмы социальной организации и, как негативный аспект, – коммуникативной дезорганизации. Так, в Великобритании, сохраняющей и уважающей многие традиции, есть и традиционные модели экстремального характера: «В Лондоне до сих пор действует закон, запрещающий бить жену после девяти часов вечера, чтобы ее вопли не мешали отдыхать соседям...» [6].

В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, становится актуальной политика обеспечения социальной безопасности через системное создание условий для психологической безопасности индивидов, через развитие отношений доверия к Другим.

Следует отметить, что доверие к Другому, доверие социальным институтам находят свое проявление в преодолении разрыва между «Я» и «Я в безопасности». Развитие недоверия в социальном взаимодействии деформирует эти базовые основания и провоцирует установление другого порядка взаимодействия.

Литература

1. Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий // Социологическое обозрение. – 2009. – № 1. – С. 10–51.

2. Зинченко Ю. П. Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2 (6). – С. 11–14.

3. Зинченко Ю. П. Психология безопасности как социально-системное явление // Вестник Московского университета. – 2011. – № 4. – С. 4–11.

4. Зотин А. Социализм со шведским концом // Коммерсантъ Деньги. – 2013. – № 19 (927). – С. 20–21.

5. Московичи С. Машина, творящая богов. – М. : Центр психологии и психотерапии, 1998.
6. Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. – 3-е изд., стереотипное. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М. : АСТ : АСТ Москва, 2008.
8. Dweck C. S. Self-theories: their role in motivation, personality, and development. – London : Psychology Press, 2000.
9. Tokuda Y., Jimba M., Yanai H., Fujii S., Inoguchi T. Interpersonal Trust and Quality-of-Life: A Cross-Sectional Study in Japan. – URL: http://www.plosone.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0003985

О. Ю. Зотова*

Субъективное благополучие как социально-психологический конструкт[1]

Статья посвящена изучению субъективного благополучия личности. Описываются психологическая структура субъективного благополучия, его основные компоненты и характеристики. Представлен обзор исследований и теорий субъективного благополучия в зарубежной психологии. Анализируется соотношение таких близких понятий, как счастье, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие. Показана роль положительных эмоций как определенной «подушки безопасности» в определении психологического благополучия. Обосновывается роль гомеостаза в защите определенного уровня благополучия. Показано, что субъективное благополучие является многомерной конструкцией и носит стабильный характер, находясь в динамическом равновесии.

Ключевые слова: субъективное благополучие; психологическое благополучие; личность; удовлетворенность жизнью.

Проблема субъективного благополучия актуальна на современном этапе развития общества, так как переживание личностью состояния собственного благополучия является основой ее успешного функционирования в социуме.

Кэрол Рифф определила следующие аспекты психологического благополучия: самостоятельность; положительные отношения с другими людьми; цель в жизни; реализация, потенциал и самопринятие [18]. Позже ряд ученых дополнил этот список такими аспектами, как способность успешно выполнять задачи [10], психологический капитал; счастье [17] и удовлетворенность жизнью [6; 19; 20].

Первая попытка определения психологического благополучия была предпринята в 1969 году Брэдбурном. Его исследование знаменовало собой переход от диагностики психиатрических случаев

* ***Ольга Юрьевна Зотова*** – д-р психол. наук, доцент, замдекана по развитию факультета социальной психологии, профессор кафедры общей и прикладной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

[1] Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© О. Ю. Зотова, 2016

к изучению психологических реакций простых людей в их повседневной жизни. Он рассматривал, как люди справляются с трудностями, с которыми они сталкиваются ежедневно. Брэдбурн в своих трудах показал, что важным для преодоления невзгод является психологическое благополучие человека. Он считал, что человек будет психологически благополучен только в том случае, если положительные эмоции будут преобладать над негативными [2].

Эмпирические данные показывают, что положительные эмоции способствуют процессу адаптации к острым и хроническим стрессовым ситуациям. Например, люди, которые были в состоянии найти положительные эмоции и позитивный смысл при уходе за своими близкими и знакомыми, больными СПИДом, более эффективно справлялись с горем, связанным с их смертью [9]. Точно так же у женщин, которые нашли в себе силы для позитивного отношения к тяжелым родам из-за проблем со здоровьем и к дальнейшей послеродовой длительной госпитализации, зафиксирован меньший процент осложнений [1]. Возникновение положительных эмоций на фоне несчастья может обеспечить определенную «подушку безопасности», необходимую для дальнейших усилий по преодолению стрессовых ситуаций.

Увеличение количества исследований, посвященных субъективному благополучию в последние десятилетия, свидетельствует о социальной востребованности и признании того, что благополучие обязательно включает в себя аспекты, выходящие за рамки экономического процветания [7].

Современные исследования направлены на поиск индикаторов субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью, счастья. Субъективное благополучие – это то, что люди называют счастьем, удовлетворением или удовольствием в жизни.

Субъективное благополучие является достаточно стабильным конструктом. Имея определенные личностные характеристики, каждый человек обладает определенным стабильным уровнем субъективного благополучия, к сохранению которого он стремится. Так, Брюс Хиди и Алекс Веринг [13] утверждали, что существует некий баланс между личностью, событием и психологическим благополучием. Большую часть времени субъективное благополучие носит стабильный характер, находясь в динамическом равновесии. При этом равновесие включает в себя: физическое благополучие, физические ресурсы, отсутствие усталости, психологическое благополучие, свободу передвижения и эффективность в действии, хорошие отношения с другими людьми [14]. Филип Брикман и Дональд Кэмпбел [3] отмечали, что люди склонны возвращаться к исходному уровню счастья даже после ярких событий в их жизни (например, свадьба, рождение детей и т. д.). По мнению Ормел и

Шауфели [16], только последние события жизни влияют на субъективное благополучие, да и их влияние вскоре падает.

Недавно теория равновесия получила продолжение в исследованиях Каммингс и Дэвис [5], где понятие «равновесие» было заменено на понятие «гомеостаз». Авторы демонстрируют роль гомеостаза в защите определенного уровня субъективного благополучия, формулируя следующие константы:

• когда человек не испытывает никакого вызова, субъективное благополучие остается на уровне заданного значения;

• когда человек испытывает умеренный вызов, уровень субъективного благополучия будет незначительно отличаться в пределах заданного значения;

• уровень субъективного благополучия защищен от падения ниже заданного значения сильной гомеостатической обороной;

• когда задача слишком сложна для гомеостаза, уровень субъективного благополучия резко падает.

По результатам многочисленных исследований, проведенных в последние годы в психологии, субъективное благополучие тесно связано с особенностями личности (E. Diener, N. Hayes & S. Joseph, J. L. Gutierrez), религиозностью (M. M. Poloma & B. F. Pendleton), чувством собственного достоинства (U. Schimmack & E.D. Diener), гармоничностью в межличностных отношениях (A. Reid), достижением цели (H. M. Kehr). Факторы, определяющие субъективное благополучие, разнообразны и включают в себя: возраст, расу, пол, образование, доход, социальные отношения и занятость (C. L. M. Keyes & M. B. Waterman).

Субъективное благополучие зависит от достижений в многочисленных областях, например в области здоровья, финансов, досуга и работы [21]. Профессиональные факторы также оказывают существенное влияние на субъективное благополучие человека, в частности на профессиональное сравнение и профессиональную идентичность [15].

На протяжении всего XX века вопрос влияния профессиональной деятельности на личность широко обсуждался в организационных исследованиях (B. Furaker, R. Hackman & G. R. Oldham, L. H. Hansen & P. Orban, L. Lennerlof, P. Pettersson, T. Theorell, C. Von Otter), где работа рассматривалась в основном как фактор риска. С другой стороны, можно выделить исследования, сосредоточенные на положительных аспектах профессиональной деятельности. Так, по мнению ряда ученых (M. Jahoda, R. L. Kahn, S. E. Kunnen, H. A. Bosma, S. E. Van Halen & C. P. M. Van der Meulen, K. E. Weick), работа может иметь большое значение и оказывать положительное влияние на социальную жизнь человека и формировать его идентичность. Кроме того, род занятий может

оказывать положительное влияние на здоровье и психологическое благополучие человека (U. Ericsson, J. Forslin, M. Frankenhaeuser), являться жизненно важным показателем субъективного благополучия личности (L. Foldspang, M. Mark, K. Mork Puggaard, O. M. Melchior Poulsen, U. Johansson, G. Ahonen, S. Aasnaess). Таким образом, работа имеет большой потенциал личного и профессионального развития (T. Backstrom, F. M. van Eijnatten, M. Kira, G. Brulin, E. Ekstedt, P. Docherty, J. Forslin, A. B. Shani, J. Forslin). Грэхем и Шир [12] доказали, что межличностные отношения на работе и вне работы являются основными факторами, влияющими на субъективное благополучие работников.

В Швеции в 2001 году Улаф Гердхэм и Магнус Йоханнессон [11] обнаружили прямую положительную связь между уровнем образования и субъективным благополучием. Ученые выявили, что люди с высшим образованием ощущают себя более благополучными и счастливыми. Через несколько лет Мария Капорале и ее коллеги [4] доказали, что для людей с более высоким уровнем образования субъективное благополучие напрямую зависит от их дохода. Возможно, это связано с тем, что наличие квалификации порождает определенные ожидания, связанные с высокими доходами, которые не всегда реализуются. Ричард Истерлин [8] также обнаружил положительную корреляцию между уровнем образования и субъективным благополучием в течение всей жизни. Его результаты показали, что люди любого возраста с высоким уровнем образования более счастливы, чем те, кто обладает низким уровнем образования.

Сложность изучения субъективного благополучия связана с несколькими факторами.

Во-первых, в психологической науке на сегодняшний день нет методик, изучающих данный феномен.

Во-вторых, нет четких критериев определения субъективного благополучия. Одна из трудностей, с которой сталкиваются исследователи, – это использование и интерпретация данных, так как люди оперируют разными категориями. Если один респондент утверждает, что он «очень удовлетворен», а другой только «удовлетворен», можем ли мы говорить о том, что первый респондент действительно больше удовлетворен, чем первый? Может быть, да, а может быть, и нет. Вполне возможно, что первый респондент вообще редко использует превосходную степень, в то время как второй всегда использует крайности в самоописании.

В-третьих, люди с субъективным благополучием не имеют значимой социальной локализации, определенных социальных маркеров, поэтому при оценке эмоциональной безопасности приходится ориентироваться на субъективные оценки самих респондентов.

Подчеркнем психосоциальную природу субъективного благополучия, которое определяется конкретной формой взаимодействия внешних условий среды и личностных факторов. При этом данные признаки имеют, наряду с социальной, выраженную субъективную природу формирования, так как основаны на личных представлениях человека. Психологические и социальные факторы субъективного благополучия находятся в сложном взаимодействии, при этом значение психологических переменных не должно ограничиваться только формой опосредования влияния на человека внешних условий и факторов.

Итак, как интегральный показатель жизни человека и его рефлексивного потенциала субъективное благополучие представляет собой многомерную, многоуровневую и динамическую систему. Данная трактовка дает возможность выделения различных уровней проявления субъективного благополучия, которые в зависимости от степени их обобщенности и актуализированности составляют различные аспекты его измерения.

Литература

1. Affleck G., Tennen H. Construing benefits from adversity: Adaptational significance and dispositional underpinnings // Journal of Personality. – 1996. – Vol. 64. – P. 899–922.
2. Bradburn N. M. The structure of psychological well-being. – Chicago : Aldine, 1969.
3. Brickman P., Campbell D. Hedonic relativism and planning the good society // M. H. Apley (Ed.). Adaptation-level theory : A symposium. – New York : Academic Press, 1971. – P. 287–302.
4. Caporale G. M., Georgellis Y., Tsitsianis N., Yin Y. P. Income and Happiness across Europe: Do Reference Values matter? // CESifo Working Paper № 2146. – Munich, 2007.
5. Cummings E. M., Davies P. T. Marital conflict and children: An emotional security perspective. – New York ; London : The Guilford Press, 2010.
6. Diener E., Suh E. Measuring quality of life: Economic, social, and subjective indicators. Social Indicators Research. – 1997. – Vol. 40, Iss. 1. – P. 189–216.
7. Diener E., Suh E. M., Lucas R. E., Smith H. L. Subjective well-being: Three decades of progress // Psychological Bulletin. – 1999. – Vol. 125 (2). – P. 276–302.
8. Easterlin R. A. Explaining Happiness // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2003. – Vol. 100, № 19. – P. 11176–11183.
9. Folkman S., Moskowitz J. T. Positive affect and the other side of coping // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55. – P. 647–654.

10. Foresight Mental Capital and Wellbeing Project : Final Project report. – London : The Government Office for Science, 2008.
11. Gerdtham U.-G., Johannesson M. The relationship between happiness, health, and socio-economic factors: results based on Swedish microdata // Journal of Behavioral and Experimental Economics (formerly The Journal of Socio-Economics). – 2001. – Vol. 30 (6). – P. 553–557.
12. Graham J. R., Shier M. L. Social work practitioners and subjective well-being: Personal factors that contribute to high levels of subjective well-being // International Social Work. – 2010. – Vol. 53 (6). – P. 757–772.
13. Headey B., Wearing A. J. Understanding Happiness: A Theory of Subjective Well-Being. – Melbourne : Longman Cheshire, 1992.
14. Herzlich C. Health and Illness in a Changing Society. – London : Academic Press, 1973.
15. Lachterman B., Meir E. The impact of work setting congruence on wellbeing // Journal of Career Assessment. – 2004. – Vol. 12 (2). – P. 150–68.
16. Ormel J., Schaufeli W. B. Stability and change in psychological distress and their relationship with self-esteem and locus of control: A dynamic equilibrium model // Journal of Personality and Social Psychology. – 1991. – Vol. 60. – P. 288–299.
17. Pollard E., Lee P. Child well-being: a systematic review of the literature // Social Indicators Research. – 2003. – Vol. 61 (1). – P. 9–78.
18. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989. – Vol. 57. – P. 1069–1081.
19. Seligman M. E. P. Authentic happiness: Using the new positive psychology to realize your potential for lasting fulfilment. – London : Nicholas Brealey Publishing, 2002.
20. Seligman M. E. P. (Positive psychology, positive prevention, and positive therapy // C. R. Snyder, S. Lopez (Eds.). Handbook of positive psychology. – New York : Oxford University Press, 2002. – P. 3–13.
21. van Praag B. M. S., Frijters P., Ferreri-Carbonell A. The anatomy of subjective well-being // Journal of Economic Behavior and Organization. – 2003. – Vol. 51 (1). – P. 29–49.

А. Н. Веракса*, В. А. Якупова**

Страхи дошкольников: связь с познавательным и социальным развитием[1]

В статье рассматривается понятие «страх» в качестве индикатора эмоционального неблагополучия ребенка. Показано, что большое количество страхов у дошкольника не влияет на успешность познавательного и социального развития, в то время как повышенный уровень тревожности препятствует успешной когнитивной деятельности ребенка.

Ключевые слова: страхи; тревожность; эмоциональное неблагополучие; когнитивная деятельность; социальная компетентность.

Наличие страхов у дошкольников является распространенной проблемой, с которой сталкивается любой практикующий психолог. Исследователи различают понятия «страх» и «тревожность». Наиболее распространена точка зрения на страх, рассматривающая его как реакцию на конкретную, определенную, реальную опасность, а тревожность – как переживание неопределенной, смутной, безобъектной угрозы в основном воображаемого характера. Разными авторами делаются попытки установить причины появления большого количества страхов у ребенка, их связь с его эмоциональным благополучием, семейной и социальной ситуацией, в которой он растет. Большинство специалистов считает наличие большого количество страхов индикатором некоторого эмоционального неблагополучия ребенка. В представленном исследовании мы сделали попытку выяснить, находит ли отражение эмоциональное неблагополучие дошкольника в успешности его когнитивной деятельности развитием социальной компетентности.

Целью нашей работы является исследование связи большого количества страхов у дошкольника с качеством познавательной деятельности и развитием его социальных навыков.

---

* ***Александр Николаевич Веракса*** – д-р психол. наук, доцент кафедры методологии психологии, МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва).
** ***Вера Анатольевна Якупова*** – научный сотрудник факультета психологии, МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

[1] Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© А. Н. Веракса, В. А. Якупова, 2016

Выборка. В исследовании приняли участие 81 воспитанник старших групп детских садов города Москва (47 мальчиков (58 %) и 34 девочки (42 %)). Средний возраст девочек 69,2 месяца, мальчиков – 70,7 месяца.

Методики. Для реализации целей исследования были сформированы три блока взаимодополняющих методик, направленных на измерение социального, познавательного развития дошкольников и исследование уровня тревожности и количества страхов.

Результаты. При анализе полученных данных связи количества страхов с успешностью когнитивного и социального развития обнаружено не было. Посредством кластерного анализа нами были выделены 4 типа развития дошкольников, в которых наличие большого количества страхов может сочетаться с высоким уровнем развития интеллекта, внимания и памяти. При этом уровень тревожности детей, по мнению родителей, и результаты теста Равена связаны отрицательно на уровне тенденции (S = -,278; p = ,065), т. е. чем ниже тревожность ребенка, тем лучше он выполняет задания на определение уровня интеллектуального развития.

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод, что количество страхов как таковое не влияет на успешность познавательного и социального развития. Тогда как повышенный уровень тревожности препятствует успешной когнитивной деятельности ребенка.

Литература

1. Berggren N., Derakshan N. Attentional control deficits in trait anxiety: Why you see them and why you don't // Biological Psychology. – 2013. – Vol. 92(3). – P. 440–446.

2. Cheie L., Visu-Petra L., Miclea M. The role of trait anxiety and cue salience on young children's prospective memory performance // Psychology & Health. – 2010. – Vol. 25(6). – P. 137–376.

3. Lahikainen A. R., Kraav I., Kirmanen T., Taimalu M. Child-parent agreement in the assessment oa young children's fears // Journal of cross-cultural psychology. – 2006. – Vol. 37, № 1. – January. – P. 100–119.

4. Meltzer H., Vostanis P., Dogra N., Doos L., Ford T., Goodman R. Children's specific fears // Child: care, health and development. – 2008. – Vol. 35, № 6. – P. 781–789.

5. Muris P., Merckelbach H., Ollendick T. H., King N. J., Bogie N. Children's nighttime fears: Parent–child ratings of, frequency, content, origins, coping behaviors and severity // Behaviour Research and Therapy. – 2001. – Vol. 39. – P. 13–28.

6. Taimalu M., Lahikainen A.R., Korhonen P., Kraav I. Self-reported fears as indicators of young children's well-being in social change: a cross-cultural perspective // Social Indicators Research. – 2007. – Vol. 80. – P. 51–78.

7. Visu-Petra L., Cheie L., Benga O., Alloway T. P. Individual differences in trait anxiety and executive functioning in young children // The XV European Conference on Developmental Psychology. – Symposium "Working memory and executive functioning: exploring individual differences and learning outcomes" (Bergen, Norway, 2011). – Bergen, 2011.

8. Акопян Л. С. Психолого-педагогическое исследование страхов младших школьников : дис. … канд. психол. наук. – Самара, 2002.

9. Захаров А. И. Дневные и ночные страхи у детей. – СПб., 2005.

10. Ибахаджиева Л. А. Образы-символы страхов старших дошкольников // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 2. – С. 47–51.

11. Кочетова Ю. А. Страхи современных дошкольников и их связь с особенностями детско-родительских отношений // Психологическая наука и образование. – 2012. – № 3. – С. 77–87.

12. Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – М., 2000.

*А. А. Яворский**

Социальное неблагополучие, терроризм и психическое здоровье

В статье рассматривается влияние имеющихся кризисных проблем в обществе, активизации агрессивных тенденций, террористических вылазок на состояние психического здоровья населения, формирование социально-стрессовых расстройств.

Ключевые слова: террор; страх; глобализация; социализация; социально-психологические установки; психическая дезадаптация; агрессивные девиации; социально-стрессовые расстройства; деформация личности.

Среди массовых явлений, привлекающих в последние годы внимание политиков, социологов и социальных психологов, все большее место уделяется анализу истоков формирования и проявления в обществе явлений терроризма. Как известно, терроризм насчитывает тысячи лет, на протяжении которых он не просто существовал, а развивался и видоизменялся. Террор, по С. И. Ожегову, это устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения [2. С. 794]. Терроризировать (от лат. terror – страх, ужас) – преследовать, угрожая расправой, убийствами, держать в состоянии страха [5. С. 1327]. Впервые термин «терроризм» появился в XVIII в. и использовался якобинцами с положительным оттенком. Однако впоследствии термин получил расширенное толкование и стал означать всякую систему правления, основанную на страхе. Терроризм – явление многоуровневое, имеющее отклик в политике, экономике, культуре. В то же время современный мир представляет собой уникальное взаимодействие двух противоположных тенденций. Одна из них – глобализация, другая – культурная изоляция. Как правило, почти любое сообщество представляет собой мультикультуральный конгломерат, в котором в одинаковой степени сложно описать его собственную уникальность, равно как установить культурную идентичность его представителей. В этих условиях и происходит социализация граждан.

* ***Анатолий Анатольевич Яворский*** – д-р мед. наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© А. А. Яворский, 2016

Как известно, в процессе социализации человеческий индивидуум становится личностью, качество которой зависит от социальной среды, от социально-экономического строя и культуры. В социально-историческом аспекте можно утверждать, что нынешние политическая система и экономическое состояние в нашем государстве формируют прагматически ориентированную личность с элементами практицизма при угнетении рациональной, познавательной деятельности. Это ведет к возникновению у определенной части населения несогласия и агрессивных тенденций, сопряженных с формированием террористических группировок и их вылазками. Наряду с глобальными политическими и экономическими проблемами в постсоциалистический период, в конце XX – начале XXI века, в Российской Федерации произошли изменения общественного сознания, сменились жизненные ориентиры десятков миллионов людей, в значительной мере произошло обособление частной жизни от государства. Эти социальные трансформации отражаются в психическом здоровье людей. Влияние макросоциальных кризисных ситуаций на психические изменения у населения впервые было проанализировано и изложено в докладе Ф. Е. Рыбакова в 1906 г. Он отметил причинно-следственную связь между политическими событиями того времени (первая буржуазно-демократическая революция 1905 года) и ростом девиантных форм поведения, а также ростом психических расстройств среди населения [4. С. 22].

Вместе с тем господствующие в обществе социально-психологические установки и эталоны поведения при определенных условиях могут и сами выступать как системообразующий признак, особым образом дифференцирующий и интегрирующий социальную среду. Без их учета невозможно планомерное управление общественными процессами. Целостной характеристикой всего спектра проблем и явлений, относящихся к социальным недугам современного общества, становится изменение общественного сознания и развивающиеся вследствие этого массовые проявления состояний психоэмоционального напряжения и психической дезадаптации. В основе психической дезадаптации, по существу, лежат девиантные формы поведения как саморазрушительные тенденции. Среди форм девиантных типов личностного реагирования ведущее место занимают «бегство в аддикцию», агрессивные и аутоагрессивные тенденции. Агрессивные тенденции, как правило, представлены террористическими актами на бытовом уровне, а также формированием и реализацией их на уровне государства, устранением политических оппонентов и искажением международных отношений в виде аннексий и гибридных войн. Следует отметить, что терроризм в современных условиях перестает быть угрозой только отдельным личностям, когда совершаются акты угроз и

покушения на убийство или совершение политического убийства, – это угроза всему человечеству. Изменение политической, экономической, идеологической ситуации в обществе на фоне растущей личностной обособленности приводит к формированию стойких картин невротических расстройств с нарастанием и последующей фиксацией личностных девиаций.

В настоящее время выделяют социально-стрессовые расстройства. По данным А. А. Чуркина (1998 г.), число лиц с психическими расстройствами, возникшими вследствие стрессовых воздействий, в России достигает 10 млн человек [6. С. 138]. По выборочным данным, психическими расстройствами в РФ страдают 25–30 % жителей страны [3. С. 38]. Вне зависимости от характера пограничных психических и соматических расстройств, входящих в структуру клинически сформировавшегося пограничного состояния, у большинства людей с социально-стрессовыми расстройствами появляется чувство неуверенности в завтрашнем дне, ощущение одиночества и беспомощности человека во враждебном, трудноосознаваемом мире. А утрата идеологии и «символа веры», девальвация общечеловеческих ценностей, дезинтеграция общественных групп, классов и слоев, а также устойчивое недоверие к государственной власти и всем видам общественно полезной деятельности привело к агрессивности и криминализации индивидуального сознания. Безусловно, основа личностного реагирования на меняющиеся условия социального окружения во многом зависит от особенностей характера индивида, от его мировоззренческой и философской позиции. В то же время длительное пребывание в фрустрирующей ситуации ломает или искажает прежнюю структуру личности. В основе личностной трансформации, по мнению большинства исследователей, лежат изменения смыслового ядра личности, развивающиеся после экстремальной ситуации [1. С. 201]. Происходящие приспособительные трансформации имеют непосредственное отношение к деформации личности хроническим ощущением угрозы, тревожностью, недоверчивостью, ранимостью, импульсивностью, аффективной нестабильностью, ощущением вины и опустошенностью, напряженностью в межличностных отношениях, привычкой оценивать окружающее с точки зрения внешней потенциальной опасности, повышенной сенситивностью к стимулам, имеющим отношение к войне, склонностью к ауто- и гетероагрессивным действиям и аддиктивному поведению [7. С. 232].

Источником угроз для личности могут быть государство, его институты, органы или чиновники, общество, социальные группы и слои, экономические, политические и общественные объединения, семья, другие личности. Отсутствие безопасности ведет к увеличению психических расстройств в популяции, к всесторонней

деградации личности, а следовательно, и всего общества, снижению инициативы и творчества людей, являющихся главными двигателями прогресса. В наши дни становится ясно, что государство и общество тем демократичнее и сильнее, чем надежнее они могут обезопасить личность, защитить и обеспечить на деле общепризнанные права и свободы человека.

Литература

1. Нечипоренко В. В., Лыткин В. М. Расстройства личности: прежние проблемы, новые подходы. – СПб. : Первая Академическая типография «Наука», 2014.

2. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1991.

3. Положий Б. С. Социальное состояние общества и психическое здоровье // Руководство по социальной психиатрии. – М., 2001.

4. Рыбаков Ф. Е. Душевные расстройства в связи с последними политическими событиями. – М., 1906.

5. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1988.

6. Чуркин А. А. Социальные аспекты инвалидности вследствие психических заболеваний // Очерки социальной психиатрии. – М., 1998.

7. Яворский А. А. Особенности психического реагирования участников катастроф и чрезвычайных ситуаций // Стихийные бедствия, техногенные и социальные катастрофы: история, классификация, преодоление последствий : доклады Всероссийской науч.-практ. конференции (21 ноября 2004 г.). – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2005.

Л. В. Тарасова, А. М. Рикель***

Субъективное благополучие и реализация личностью стратегии жизни[1]

В работе рассматриваются феномены субъективного благополучия и стратегии жизни личности. Приводятся результаты эмпирического исследования взаимосвязи особенностей тактического планирования, стратегического целеполагания и структурирования самоорганизации деятельности и уровня удовлетворенности личности своей жизнью.

Ключевые слова: благополучие; субъективное благополучие; стратегия жизни; самоорганизация деятельности.

Понятие «субъективное благополучие» широко используется в современной зарубежной психологической литературе, однако в отечественной психологии оно появилось сравнительно недавно. Изучение феноменов счастья, позитивности, благополучия и т. п. началось во второй половине прошлого века в рамках концепции психологического благополучия Н. Брэдберна, К. Рифф, субъективного благополучия Э. Динера и стало особенно активным в начале нашего века в рамках позитивной психологии (М. Селигман, М. Чиксентмихай, К. Паттерсон и др.).

Одновременно с развитием этих направлений исследований, в отечественной психологии регулярно публиковались прикладные и теоретические исследования, в которых описывались имплицитные представления авторов о благополучии, удовлетворенности жизнью, жизнестойкости и т. д. Авторы исследований использовали несколько явно синонимичных терминов, таких как «благополучие» (Ю. А. Бессонова), «субъективное благополучие» (Н. К. Бахарева, Е. Е. Бочарова, М. Ю. Бояркин, Л. В. Куликов, С. А. Минюрова, Р. М. Шамионов, Е. Ф. Ященко и др.), «психологическое благополучие» (М. В. Бучацкая, А. В. Воронина, Т. О. Гордеева, Р. В. Овчарова и

* ***Людмила Владимировна Тарасова*** – канд. психол. наук, доцент кафедры управления персоналом факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** ***Александр Маркович Рикель*** – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

[1] Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© Л. В. Тарасова, А. М. Рикель, 2016

др.), «удовлетворенность жизнью» (Г. А. Монусова). Подобная полисемия не способствует обобщению результатов. В исследованиях тех же авторов и в других специальных исследованиях ставилась цель выявить и описать структуру благополучия и сходных с ним феноменов. При этом выделялись самые разные по количеству и содержанию компоненты Г. Л. Пучкова, М. Селигман, К. Рифф, Ю. В. Бессонова). Предпринимались попытки объединения компонентов в группы (О. С. Савельева, Л. В. Куликов). Одним из аспектов, заслуживающих особого внимания, является необходимость разделения компонентов, составляющих сущность благополучия как сложного психического феномена, и факторов – предикторов благополучия различной природы и организационного уровня, которые обеспечивают поддержку и «существование» личностного благополучия. Речь идет о нейродинамических, психологических, материальных, социальных и социально-демографических факторах.

В отечественной науке возникло целое исследовательское направление, посвященное субъективному экономическому благополучию (В. А. Хащенко и др.) и его влиянию на переживание удовлетворенности жизнью. Кроме того, ряд исследований посвящен взаимосвязи показателей субъективного благополучия и особенностей адаптации (М. В. Григорьева), удовлетворения потребностей (О. С. Копина, Р. М. Шамионов), оптимизма (И. А. Джидарьян), переживания террористической угрозы (Н. В. Тарабрина), а также стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях (И. А. Джидарьян, Р. М. Шамионов и др.).

К. А. Абульханова рассматривает удовлетворенность жизнью как одно из необходимых структурных звеньев личности. По мнению автора, именно удовлетворенность создает механизм обратной связи между различными формами и этапами активности личности, задавая тем самым последующие уровни активности. Так формируется жизненный путь личности как индивидуальная история человека, разворачивающаяся в реальном пространстве и реальном времени[2].

Практическая реализация личностью стратегии жизни непосредственно связана со способностью личности к организации времени, структурированию времени, его осознаванию и осмыслению и проявляется в сформированности навыков тактического планирования и стратегического целеполагания, особенностях структурирования самоорганизации деятельности. Таким образом, представляется важным соотнести субъективную удовлетворенность/

[2] Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. – М. : Институт психологии РАН, 2013.

неудовлетворенность личности с различными способами организации ее стратегии жизни.

Данная задача была реализована в ходе эмпирического исследования, в котором приняли участие 102 человека (выборка была сбалансирована по полу, возрасту (от 19 до 58 лет) и уровню образования). Для выявления степени субъективного благополучия была использована «Шкала удовлетворенности жизнью» (ШУДЖ), являющаяся адаптацией (Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин) методики SWLS (Satisfaction with Life Scale) Э. Динера и др. (Diener, Emmons, Larsen, GriQ n, 1984), а для выявления особенностей стратегии жизни личности – «Опросник самоорганизации деятельности» (ОСД) (Е. Ю. Мандрикова, 2010), являющийся модификацией опросника Time Structure Questionnaire (Bond, Feather, 1988).

В результате выделилась следующая связь исследуемых категорий: высокая степень удовлетворенности жизнью личности соотносится с такими особенностями построения ею стратегии жизни и самоорганизации деятельности, как умеренный уровень планомерности деятельности, гибкость в планировании и выстраивании отношений, а также склонность фиксироваться на происходящем настоящий момент времени. Низкий же уровень удовлетворенности жизнью характерен для личностей с низкими способностями планирования, но при этом выраженной настойчивостью, нацеленностью на результат, а также склонностью признавать более ценным психологическое прошлое или будущее, нежели настоящее.

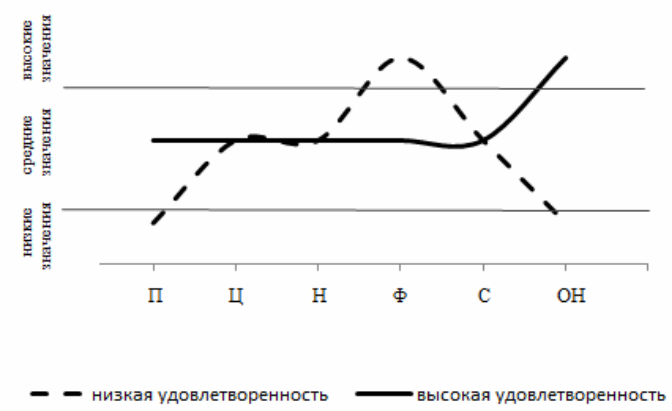


Рис. Параметры самоорганизации деятельности в группах с высокой/низкой удовлетворенностью, где П – планомерность; Ц – целеустремленность; Н – настойчивость; Ф – фиксация; С – самоорганизация; ОН – ориентация на настоящее

Таким образом, способность переживать настоящее и в то же время планировать свою жизнь в долгосрочной перспективе – это тот параметр самоорганизации деятельности и стратегии жизни, который связан со степенью субъективного благополучия личности, ее удовлетворенности жизнью. При этом такие чрезвычайно развитые качества, как исполнительность, обязательность в совокупности с неспособностью фиксироваться на настоящем и отсутствием способностей к планированию (т. е. отсутствие четкого представления и о настоящем, и о перспективе) связаны с низкой удовлетворенностью жизнью.

*Н. А. Белоусова**

Факторы, влияющие на формирование информационно-психологической безопасности детей младшего школьного возраста в России[1]

Данная статья посвящена изучению понятия «информационно-психологическая безопасность детей младшего школьного возраста». Основной целью является обзор ряда факторов, формирующих информационно-психологическую безопасность ребенка. Анализ представлений об информационно-психологической безопасности составлен на основе современных отечественных и западных исследований, посвященных проблеме безопасности.

Ключевые слова: безопасность; дети; информационно-психологическая безопасность; Интернет; информационные технологии.

В современном мире одной из наиболее актуальных проблем становится информационно-психологическая безопасность личности. XXI век – век информационных технологий, глобальных открытий, увеличения информационных потоков, через которые проходит современный человек, – раскрывает не только возможности, но и различного характера угрозы и риски.

Феномен информационно-психологической безопасности на данный момент является широко обсуждаемым в научных кругах. В соответствии с теорией потребностей А. Маслоу, «потребность в безопасности является базовой в иерархии потребностей человека, без частичного удовлетворения которой невозможно гармоничное развитие личности, достижение самореализации» [2]. По мнению Г. В. Грачева, «информационно-психологическую безопасность личности можно рассматривать как состояние защищенности ее психики от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека (и в целом, жизнедеятельности в обществе), а также адекватной системы его субъективных (личностных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе» [1].

* ***Наталья Александровна Белоусова*** – магистрант факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Руководитель: д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова.

[1] Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© Н. А. Белоусова, 2016

Проблема информационно-психологической безопасности является центральной в вопросах воспитания современных детей. Образовательные стандарты поддерживают необходимость постоянного внедрения и обновления информационных технологий, дети с первого класса изучают информатику, создают презентации, учатся находить полезную информацию. К сожалению, просветительская работа в России не столь развита, как в европейских странах, большинство родителей из-за отсутствия информации воспринимают пространство Интернета как безопасную среду, не задумываясь о существующих потенциальных угрозах.

Информационно-психологическая безопасность детей младшего школьного возраста формируется из ряда источников, среди которых:

1. Семья. Информация, которая становится основой для воспитания ребенка прежде всего поступает из семьи. Здесь становится важным всё, – от состава семьи (полная или неполная) до взаимоотношений внутри между членами семьи. Ребенок впитывает всё, что слышит и видит, воспринимая поступающую информацию как правильную.

2. Школа. Ребенок сталкивается с образовательной средой и начинает познавать мир. Учитель, одноклассники создают новую среду обитания ребенка, в которой он также черпает новые знания, способствующие формированию его информационно-психологической безопасности.

3. Интернет. По исследованиям 2009 года, Интернет стал вторым источником, по мнению школьников, к которому они готовы обратиться за информацией и которому они доверяют. На первом месте – всё-таки родители [3].

4. Сверстники, друзья. Нельзя отрицать влияние сверстников, с которыми дети проводят досуг. Ребенок становится участником социальных процессов, что накладывает отпечаток на его видение мира.

Информационный поток, в котором существует современный ребенок младшего школьного возраста, значительно обильнее, чем информационный поток во времена детства его родителей 30–40 лет назад. Дети становятся более мобильными, быстрыми, у них преобладает «клиповое мышление». Они хуже воспринимают книги, не умеют читать и вникать в информацию, им проще просмотреть фильм, презентацию, приоритет отдан мобильным сред-

ствам. Однако нельзя рассматривать информационно-психологическую безопасность только со стороны информационных источников. Современные дети подвержены интеллектуальным, физическим и психоэмоциональным перегрузкам. Совершенно нормально, когда ребенок посещает, помимо основной школы, еще минимум 2–3 дополнительных кружка или секции. Ребенок не имеет свободного времени, каждая минута расписана. Чаще всего делами, связанными с дополнительными кружками, занимаются бабушки и няни, ребенок – обделен вниманием со стороны родителей.

Все чаще исследователи пишут о комплексном подходе к информационно-психологической безопасности ребенка, в котором отводится место не только информационному полю ребенка, но и его биологическим показателям. Выделение Л. С. Выготским двух взаимосвязанных линий развития – биологической и социально-психической – является важным моментом в изучении нормального и аномального онтогенеза. Л. С. Выготский считал, что нарушение биологической линии развития создает препятствия для социально-психического развития – усвоения знаний и умений, формирования личности ребенка. Нарушение социально-психического развития также влияет на информационно-психологическую безопасность ребенка. Его неумение противостоять и сопротивляться психологическим угрозам приводит к ослаблению защитных механизмов и усилению информационно-психологических угроз.

Таким образом, можно предположить, что за формирование информационно-психологической безопасности детей младшего школьного возраста отвечают не только информационные источники, окружающие ребенка, но и важную роль играют биологические особенности ребенка, определяющие развитие ребенка.

Литература

1. Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической безопасности. – URL: http://modernlib.ru/books/grachev_g/informacionnopsihologicheskaya_bezopasnost_lichnosti_sostoyanie_i_vozmozhnosti_psihologicheskoy_zaschiti/read// (дата обращения: 26.02.2016).

2. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб., 2001.

3. Солдатова Г., Зотова Е., Чекалина А., Гостимская О. Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об Интернете / под ред. Г. Солдатовой. – М., 2011.

Е. Г. Игишева*

Субъективное благополучие и его социально-психологические особенности[1]

Данные тезисы посвящены изучению социально-психологических особенностей проявления субъективного благополучия, структуре, механизмам и функции субъективного благополучия. Рассматриваются основные теоретические подходы к изучению субъективного благополучия, детерминанты субъективного благополучия в процессе социализации личности, произведена оценка роли субъективного благополучия. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в консультативной практике психологических служб, преподавательской деятельности, в разработке программ социальной политики федеральных и региональных органов власти, а также в дальнейших исследованиях психологической модели феномена субъективного благополучия.

Ключевые слова: личность; субъективное благополучие; социокультурные условия, субъективное качество жизни, индекс человеческого развития, социализация личности, социальные отношения.

Субъективное благополучие выражает отношение человека к себе, своей личности, жизни и процессам, которые имеют существенное значение для самой личности с точки зрения интернализованных нормативных представлений о внутренней и внешней среде, которое характеризуется ощущением удовлетворенности.

Субъективное благополучие личности предполагает наличие социально-нормативных ценностных установок, реализация которых определяется всей совокупностью условий социализации, и одновременно связано со стереотипами, которые выработаны обществом и восприняты личностью в процессе социализации.

Понятие удовлетворенности и благополучия человека строится на субъективном эмоционально окрашенном отношении

* ***Елена Геннадьевна Игишева*** – магистрант факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Руководитель: д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова.

[1] Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© Е. Г. Игишева, 2016

к содержательной стороне событий и явлений. Внутренний комфорт, духовное равновесие, удовлетворенность качеством жизни позволяют человеку почувствовать себя счастливым. Это, в свою очередь, делает субъективное благополучие личности эмоционально позитивным.

Объективное благополучие личности – понятие более широкое, не всегда связанное с ощущением личного благополучия конкретного человека.

Ключевые теоретические концепции, ориентированные на исследование позитивного психологического функционирования личности, являются основой для построения многомерной модели психологического благополучия личности:

1) целевая стратегия (наличие целей в жизни);
2) стратегия самопринятия;
3) стратегия личностного роста;
4) стратегия позитивных отношений с окружающими;
5) стратегия автономии;
6) стратегия управления окружающей средой.

Качество жизни является конечной целью человечества, поэтому основная задача социальных (государственных) институтов заключается в его улучшении.

Зарубежная литература свидетельствует о приоритетных факторах субъективного благополучия: культуре, традициях (брак, доход), при этом совокупное влияние этих переменных на уровень субъективного благополучия не превышает 8–15 %.

«Переживание счастья» имеет эмоциональный и когнитивный аспекты благополучия.

«Индекс человеческого развития» (ИЧР) (до 2013 года «Индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП)) – интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории, основан на трех характеристиках:

• ожидаемой продолжительности жизни (оценивает долголетие);
• уровне грамотности населения страны (среднее количество лет, потраченных на обучение и ожидаемая продолжительность обучения);
• уровне жизни по паритету покупательной способности, измеряемой в долларах США.

Для изучения собственно субъективного благополучия следует выявить внешние, социальные, культурно-исторические и внутренние, социально-психологические, личностные и индивидные, оказывающие влияние на его уровень, факторы, что требует использования комплексного подхода в рамках социально-психологического, а также философского исследования.

Субъективное качество жизни является терминальной ценностью, которая описывается в обычной жизни как «счастливая», «комфортная жизнь».

В отечественной литературе благополучие как социокультурный феномен заменяется в зависимости от контекста другими, близкими по значению словами: счастье, благосостояние, блаженство, богатство, преуспевание.

Система отношений личности становится катализатором восприятия микро- и макросоциальных явлений.

Эмоционально-оценочные отношения, которые формируются на основе сопоставления результатов удовлетворения потребностей, социально-психологической деятельности с образцами (критериями), выступают существеннейшим фактором и основанием субъективного благополучия личности.

Объективные критерии, также подвергаясь внутренней обработке, тем не менее нестабильны; их изменения обусловлены не только объективными причинами, но и субъективными, среди которых наиболее отчетливо выступают степень возвышения в пирамиде потребностей, достижения в области профессиональной деятельности, наконец уровень личностной зрелости человека.

Принадлежность к группе также является фактором субъективного благополучия.

От конкретного этнического окружения, социально-политической ситуации, взаимоотношений, эффектов социализации зависит действие специфических элементов психологии человека в системе эмоционально-оценочных отношений и субъективное благополучие личности.

Изменение уровня удовлетворенности и субъективного благополучия может произойти в результате изменения ситуации, ее восприятия, изменения критериев, притязаний, ценностных ориентаций личности и т. д.

Типологического подхода в изучении субъективного благополучия недостаточно. Для более точного определения субъективного благополучия необходимо выявить механизмы, основания и факторы его влияния на поведение и формирование социально-психологических характеристик, детерминант его эффективности.

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья. – СПб., 2003.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : синод. изд. – М., 2004.
3. Боровская Н. В. Благополучие как социокультурный феномен. – Тюмень, 2001. – С. 17.
4. Бочарова Е. Е. Взаимосвязь ценностных ориентаций, стратегий поведения и субъективного благополучия личности. – Саратов, 2005. – С. 139–156.
5. Бочарова Е. Е., Тарасова Л. Е. Субъективное благополучие и социальная активность личности в различных социокультурных условиях // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 8 (16).
6. Бушуев В. В., Голубев В. С., Коробейников А. А., Селюков Ю. Г. Человеческий капитал для социогуманитарного развития. – М. : ИАЦ Энергия, 2008.
7. Выготский Л. С. Собр. соч. – М., 1984. – Т. 6.
8. Гончар С. Н. Субъективное благополучие как условие формирования позитивного подхода к разрешению проблем современной молодежи // Психологические науки: теория и практика : материалы Международной науч. конф. (г. Москва, февраль 2012 г.). – М. : Буки-Веди, 2012. – С. 5–7.
9. Гриценко В. В. Исследование субъективного благополучия русских и хакасов в условиях общественно-экономических перемен // Проблемы социальной психологии личности. – Саратов, 2004. – С. 132–147.
10. Джидарьян И. А. Проблема счастья в русском менталитете. Сознание личности в кризисном обществе. – М., 1995. – С. 34–48.
11. Донцов А. И. О ценностных факторах формирования личности. Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательный процесс. – М., 1975. – С. 130–140.
12. Донцов А. И., Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю., Перелыгина Е. Б. Психология безопасности : учеб. пособие для академического бакалавриата. – М., 2015. – С. 276.
13. Долгов Ю. Н. Субъективное благополучие личности в контексте жизненных стратегий // Психологические науки: теория и практика : материалы XXXII Международной науч. конф. «Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии» (сентябрь 2013).
14. Дубко Е. Л., Титов В. А. Идеал, справедливость, счастье. – М., 1989.

15. Зотова О. Ю. Психологические проблемы безопасности личности в современных условиях // 20 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации : материалы XIV Международной науч.-практ. конф. Гуманитарного университета (Екатеринбург, 19–20 апреля 2011). – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011.
16. История философии. Запад – Россия – Восток : в 4 ч. – М., 1996. – Ч. 2.
17. Кайгер В. И. Немцы-переселенцы в Украине. – Одесса, 2003.
18. Карапетян Л. В. Ощущение счастья как основа субъективного благополучия // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2010. – № 4 : Проблема субъекта в гуманитарной психологии. – С. 93–98.
19. Карапетян Л. В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 1 (123). – С. 171–182.
20. Мясищев В. Н. Психология отношений. – М. ; Воронеж, 2003.
21. Нешев К. Этика счастья. – М., 1982.
22. Пучкова Г. Л. Субъективное благополучие как фактор самоактуализации личности. – Хабаровск, 2003. – С. 125–137.
23. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.
24. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М., 2003.
25. Сухарев А. В. Основы психологического этнофункционального подхода к психическому развитию, воспитанию и психопрофилактике // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе. – Балашов, 2003. – С. 327–331.
26. Сухарев А. В. Этнофункциональный подход к внутренним условиям психического развития и воспитания человека // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе. – Балашов, 2005. – С. 457–462.
27. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия личности. – Саратов, 2004.
28. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия (к разработке интегративной концепции) // Мир психологии. – 2012. – № 2. – С. 143–148.
29. Aspinwall L. G., Richter L., Hoffman R. R. Understanding how optimism works: An examination of optimists adaptive moderation of belief and behavior [Optimism and pessimism: Implications for theory, research and practice]. – Washington, 2011.

30. Diener E., Diener M., Diener C. Factors predicting the subjective well-being of nations // Journal of Personality and Social Psychology. – 1995. – V. 69. – P. 851–864.
31. Human Development Report 2013: The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World. – URL: http://hdr.undp.org/en/2013-report
32. Pavot W., Deiner E. Review of the satisfaction with life scale // Psychological Assessment. –1993. – Vol. 5, №. 2. – P. 164–172.
33. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. A theory of organization change. – L., 1972.
34. Sirgy M. J. The psychology of quality of life. – Dordrecht ; Boston ; London : Kluver Academic Poblisher, 2010.

С. В. Мостиков*

Миграционные намерения россиян и субъективное ощущение безопасности[1]

В статье приводятся результаты исследования взаимодействия миграционных намерений россиян и субъективного восприятия безопасности. Результаты исследования показывают, что отсутствие экономической и физической безопасности увеличивает миграционную готовность граждан, в то время как ощущение культурной безопасности, наоборот, удерживает от переезда.

Ключевые слова: миграция; миграционная готовность; безопасность; безопасность личности.

Миграционная готовность населения становится все более значимой темой для социально-психологического, экономического и культурного анализа. Последние события в Европе, потоки беженцев из Сирии и Украины являются отчетливым подтверждением особой важности данной темы.

В настоящее время в Российской Федерации отмечается рост числа отъезжающих, согласно сведениям Федеральной службы государственной статистики [1], в 2011 году выехало 36 774 человека, 2012-м – 122 751, 2013-м – 186 382, 2014-м – 308 475 человек [2].

В современной научной литературе в качестве объяснительной модели мобильности населения доминируют экономические трактовки – идеи Э. Г. Равенштейна [4], безусловно, живы, – но нам хотелось в этой работе акцентировать внимание прежде всего на психологических особенностях личностного конструкта потенциального мигранта. Для этого был проведен анкетный опрос среди жителей нашего города с целью выяснить степень выраженности миграционных намерений и подтвердить либо опровергнуть их связь с субъективным ощущением безопасности.

В исследовании был использован блок «Безопасность» из комплексного метода аккультурации Дж. Берри [3]. Данный блок состоит из 13 вопросов и позволяет измерить безопасность по таким

* ***Сергей Мостиков Владимирович*** – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).
Руководитель: д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова.

[1] Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© С. В. Мостиков, 2016

параметрам, как физический, экономический и культурный компоненты. В итоге мы получаем интегративные представления о безопасности.

Вторая часть нашего исследования состоит из оценки миграционных намерений респондентов (которые можно условно дифференцировать на 3 уровня: когнитивный, поведенческий и аффективный). Поскольку исследование пилотажное, в нем участвовали 20 человек в возрасте от 18 до 49 лет. Средний возраст 32 года, 70 % респондентов – женщины.

Получены следующие результаты:

1. Миграционные намерения выше у молодых респондентов (до 25 лет), но с возрастом они начинают снижаться. При этом для молодого возраста сильнее выражен аффективный и когнитивный уровень (желание уехать и жить за границей скорее представляет собой прожект при явном дефиците действий). В более зрелом возрасте респонденты подходят более основательно к данному вопросу, поэтому намерения чаще переходят в реальные действия, так как продумывается каждый свой шаг.

2. С появлением ребенка и созданием семьи наблюдается снижение на 32 % миграционных намерений; очевидно, это резонирует с таким явлением, как брачная миграция.

3. Отмечается обратная связь между подъемом миграционных настроений и уровнем физической и экономической безопасности. В то же время фактор культурной безопасности имеет обратную связь и способствует снижению миграционных намерений граждан.

Литература

1. Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – Разд. : Население. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/ Main.htm

3. Donà G., Berry J. W. Acculturation Attitudes and Acculturative Stress of Central American Refugees // International Journal of Psychology. – 1994. – Vol. 29, Iss. 1. – P. 57–70.

4. Ravenstein E. G. The Laws of Migration / by J. Corbett. – URL: http://www.asu.edu/courses/gcu600/gcu673a/6/Readings/Ravenstein.htm

М. А. Соловьева*

Современные концепции психологии безопасности[1]

Возникновение новых угроз и опасностей, с которыми сталкивается современное общество, порождает необходимость социально-философского и общесоциологического анализа проблемы психологической безопасности личности. В статье анализируются современные подходы к проблеме психологии безопасности, рассматривается развитие способов концептуализации проблемы риска и опасности как характерных черт существования современного общества.

Ключевые слова: психология безопасности; цивилизация риска; информационная безопасность; шок будущего; технологический риск.

В современных научных исследованиях ученые, обращаясь к явлению безопасности, указывают на его чрезвычайную важность для установления гармоничных отношений между человеком и окружающей социальной средой. Эта проблема становится более актуальной в связи с тем, что количество экстремальных событий, включая войны, террористические акты, техногенные и природные катастрофы, межнациональные и религиозные конфликты, неудовлетворенность условиями жизни людей, приводящие к активному сопротивлению власти, резко возросло.

Т. М. Краснянская на основе анализа определений безопасности, предлагаемых разными авторами (С. Ю. Решетина, Г. Л. Смолян; С. К. Рощин, Г. В. Грачёв, Т. С. Кабаченко, Т. И. Колесникова, А. Г. Маслоу, А. Ребер, А. Н. Сухов, В. А. Медведев, Г. П. Серов), выделяет четыре группы ее признаков:

1) состояние стабильности общественного сознания и информационной среды, обеспечивающее нормальное развитие человека и описываемое в терминах *порядок*, *надежность*, *закон*, *структура*, *защита* и т. п.;

---

* ***Марина Александровна Соловьева*** – студентка 3-го курса специальности «Психология» факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Руководитель: д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова.

[1] Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© М. А. Соловьева, 2016

2) состояние свободы от (или отсутствия) страха или тревоги;

3) состояние защищенности (личности, психики, сознания, интересов), выражающееся в доверии, удовлетворенности и уверенности в будущем;

4) состояние целостности и адекватности, проявляющееся в возможности развития [6].

В современных условиях изменяется статус проблем безопасности конкретной личности в соотношении с глобальными проблемами человечества, а также уровень и ракурс их рассмотрения (перемещение в онтологическую плоскость комплексного междисциплинарного охвата). В данных конкретно-исторических условиях у человека подрывается чувство безопасности по новым и очень разнообразным основаниям, которые не были характерны для предыдущих периодов развития цивилизации. При этом все исследователи консолидированно в качестве главной опасности для человека и человечества в целом отмечают то обстоятельство, что у людей может не хватить психологических ресурсов для того, чтобы справиться с требованиями, характером и темпами преобразования социальной действительности.

Отмечается уникальность и масштабность проблем безопасности личности в условиях современного транзитивного общества в самых различных аспектах: «Страх всегда сопровождал общество в переходные (или гибельные) периоды истории, и все же таких масштабов и многообразия форм он прежде не имел. Фактически речь идет о прочном смещении жизненных приоритетов в сторону ценностной системы “небезопасного общества”. Перемены, происходящие в мире, приняли характер грандиозного снежного обвала. В такой ситуации трудно найти точку опоры и человек фактически оказывается в состоянии бифуркации. Он будто занес ногу для шага вперед: прежнего устойчивого положения лишился, следующего еще не достиг (и вопрос об его устойчивости остается открытым), а нынешнее – совершенно неопределенное – вызывает лишь чувство страха. Движущей силой общества становится установка “Я боюсь!”».

Длительное пребывание под постоянной угрозой всеобщей гибели порождает у большинства людей одни и те же последствия – страх, враждебность, всеобщую подозрительность, бездушие, очерствление и, в конечном счете, безразличие ко всем существующим ценностям. По прогнозам исследователей, это может привести к новому варварству, пусть даже оно будет иметь на вооружении самые совершенные механизмы.

Крупнейший зарубежный теоретик информационного общества **Элвин Тоффлер** в своих работах («*The third wave*» и «*Future shock*») впервые описал и обосновал негативные социально-психологические последствия (эффекты) информатизации и симптомы информационного стресса. Он утверждает, что человечество захватывает неведомое ранее психологическое состояние, которое по своему воздействию может быть приравнено к заболеванию. Человечество может погибнуть не от того, что окажутся исчерпанными кладовые земли, выйдет из-под контроля атомная энергия или погибнет истерзанная природа. Люди вымрут из-за того, что не выдержат психологических нагрузок.

Э. Тоффлер отмечает, что в сложившейся ситуации необходимо разработать новые стратегии выживания. Такой стратегией должно стать развитие информационной грамотности. Э. Тоффлер пишет: «Школа будущего должна учить не просто фактам, но тому, как классифицировать информацию, как оценить ее правдоподобность... как спрогнозировать возможные негативные последствия информационного воздействия – как учить себя».

Брюс Шнайер, один из наиболее авторитетных специалистов по психологии безопасности считает, что *безопасность – это компромисс*. Абсолютной безопасности не существует, и определенная степень безопасности всегда подразумевает некие компромиссы. Мы идем на компромиссы ради безопасности, большие или малые, каждый день. Мы идем на них, когда решаем запереть дверь утром, когда выбираем маршрут поездки и когда решаем, стоит ли заплатить за что-то чеком, кредитной карточкой или наличными. Компромиссы – часто не единственный фактор принятия решений, но они являются способствующим фактором. Большую часть времени мы даже не осознаем этого. Мы идем на компромиссы в области безопасности интуитивно. Результаты исследований дали Шнайеру серьезные основания утверждать, что принятие решений в области безопасности обусловлено факторами целесообразности в меньшей степени, чем всем нам хотелось бы.

Французский социолог **П. Лагадек**, специализирующийся на исследованиях в области чрезвычайного технологического риска, приводит к выводу, что сложную систему, именуемую «цивилизацией риска», «создает не непредвиденность поведения машин, а непредвиденность поступков людей, взаимодействующих с этими машинами». Наука и технология не могут развиваться без риска. Но если в прошлые эпохи риск во имя технологического прогресса был ограничен во времени и в пространстве, то в условиях современной, преимущественно техногенной цивилизации он приобретает долговременно планетарный характер и ставит под угрозу существование не отдельных индивидов, а всего человечества. Разрыв между сложностью технологии и знанием ее возможных воздействий на природу и человеческие общности растет на глазах: специальные знания создателей технологических систем отор-

ваны от знаний экологических и социальных глобальных проблем, а темпы расширения гуманитарных и биологических знаний значительно опережаются темпами технологического развития.

Возрастающая сложность технологии увеличивает опасность «пороговых эффектов», чреватых тяжелыми последствиями для окружающей природной и социальной среды, что и знаменует собой переход человечества в «цивилизацию риска». Этот переход должен сопровождаться пониманием, что опасность технологического риска оказывается сегодня столь же реальной и столь же глобальной, как и другие глобальные проблемы, возникшие перед современным человечеством.

Характерная особенность «цивилизации риска» выражается в том, что в настоящее время чрезвычайно сложно определить «уровень допустимого риска», ибо риск не только необычно велик, но и столь же необычайно разнообразен и непредсказуем. Чрезвычайная технологическая опасность, возникшая в результате стремительного развития современного технизированного производства, способна превратить неудачу при ликвидации ее последствий в полное поражение. Поэтому необходимо выйти за пределы соблазнительного здравого смысла, чтобы понять, что при изучении современной технологической опасности нельзя пользоваться старыми категориями, в том числе и категориями статистической вероятности, а следует учитывать весь комплекс социальных, политических, моральных и психологических проблем риска.

Вторая особенность современной технологической опасности, согласно Лагадеку, состоит в углубляющемся понимании того, что человеческая деятельность, опирающаяся на могущественную технологию, способна привести к бедствиям, по своей природе, масштабам и последствиям качественно отличных от тех, которые представлялись возможными ранее. Действия чрезвычайной технологической опасности не имеют географических и политических границ, а в случае ее возникновения непомерно большой степени риска могут подвергнуться большие агломерации, обширные зоны и крупные города.

Литература

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. – 1994. – Вып. 5.

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М. : Прогресс-Традиция, 2000.

3. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний : пер. с нем. – М. : Логос, 2015.

4. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М. : Весь мир, 2004.

5. Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты [Электронный ресурс]. – URL: http://bookap.by.ru/psywar/grachev

6. Краснянская Т. М. Психология экстремальности: личность, субъект, безопасность : монография. – Пятигорск : ПГЛУ, 2011.

7. Тоффлер Э. Шок будущего. – М. : АСТ : АСТ Москва : Профиздат, 2004.

8. Фролова О. С. Проблема страха в современном обществе // Актуальные проблемы социального функционирования транзитивного общества. – Ростов н/Д : Феникс, 2003.

9. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М. : Прогресс, 1990.

10. Шнайер Б. Психология безопасности. – URL: http://www.securitylab.ru/analytics/350909.php

11. Toffler A. The Third Wave. – Toronto [etc.] : Bantam Books, 1981.

12. Toffler A. Future Shock. – New York : Random House, 1975.

*О. С. Солодухина**

Субъективное благополучие и эмоциональная безопасность личности[1]

В работе рассматривается субъективное благополучие в зависимости от эмоциональной безопасности личности на примере трех групп: независимые с чувством безопасности, зависимые с чувством безопасности, независимые с чувством небезопасности.

Ключевые слова: эмоциональная безопасность; субъективное благополучие; зависимость; чувство безопасности.

Проблема субъективного благополучия имеет глубокие корни в истории философии, психологии, социологии и других наук. В XXI субъективное благополучие все чаще становится предметом исследования социальных психологов. Это вызвано острой для психологической практики необходимостью в определении того, что служит основанием для равновесия личности и общества. В настоящее время в психологической науке сложилась ситуация, которая характеризуется, с одной стороны, ростом популярности изучения феномена субъективного благополучия, в результате чего возникает много теоретических концепций, появлением все большего числа исследований, которые отражают так или иначе различные аспекты субъективного благополучия, а с другой стороны – ситуацией терминологической неопределенности. Уровень благополучия по преимуществу разрабатывался в рамках исследований качества жизни населения, где «качество жизни» используется для оценки общего благополучия как личности, так и общества в целом. Часто в исследованиях синонимами субъективного благополучия выступают такие понятия, как «оптимизм», «счастье», «удовлетворенность жизнью», «психологическое благополучие».

По мнению Р. М. Шамионова, субъективное благополучие – это «понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное значение для личности с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде и характеризующееся ощущением удовлетворенности» [5. С. 143].

Таким образом, можно сказать, что субъективное благополучие связано с психологическим и социальным здоровьем человека, его верой, надеждой, оптимизмом и, конечно, уверенностью в завтрашнем дне.

Канадский психолог Уильям Э. Блатц является одним из первых ученых, который упомянул феномен эмоциональной безопасности. Он утверждал, что любое поведение индивида во всех областях его жизни можно интерпретировать в терминах безопасности. По мнению У. Блаца, целью каждого человека, вне зависимости от его возраста, статуса и уровня доходов, является достижение чувства безопасности [1].

О. Ю. Зотова выделяет три составляющие эмоциональной безопасности:

1) эмоциональную реактивность, которая подразумевает, что при возникновении потенциально опасных ситуаций человек испытывает страх или стресс и реагирует повышением бдительности или скрытой враждебности;

2) поведенческую регуляцию – способность человека регулировать свое взаимодействие с окружающей средой, которая проявляется в случае минимизации угрожающих и потенциально опасных жизненных ситуаций;

3) внутренние представления, которые зависят от сознательных или бессознательные схем, существующих у человека в отношении потенциальной опасности [3. С. 77].

Другими словами, эмоциональную безопасность можно охарактеризовать как уверенность личности возможности справиться с проблемами на основе навыков и знаний.

Целью проведенного эмпирического исследования являлось изучение эмоциональной безопасности и субъективного благополучия личности.

Для изучения эмоциональной безопасности был выбран опросник, составленный О. Ю. Зотовой, в основу которого была положена концепция У. Блатца. Испытуемым необходимо было оценить состояние собственной безопасности/небезопасности и зависимости/независимости по пятибалльной шкале (от +2 до -2) в следующих сферах жизни – семья: родители, муж/жена; работа: профессия, коллеги, карьера; учеба: профессиональное образование, саморазвитие; хобби/досуг: увлечения, интересы, путешествия; друзья, – а также, относительно временнóй перспективы (прошлое; настоящее; будущее) [3. С. 80]. Также была использована шкала субъективного благополучия, созданная в 1988 г. французскими

* ***Ольга Сергеевна Солодухина*** – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Руководитель: д-р психол. наук, доцент Зотова О. Ю.

[1] Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© О. С. Солодухина , 2016

психологами А. Перуэ-Баду, Г. Мендельсоном и Ж. Шиша в адаптации М. В. Соколовой [4].

В исследовании приняли участие 46 студентов 2-го курса факультета социальной психологии Гуманитарного университета. Выборка была уравновешена по полу. Для обработки результатов и статистического анализа использовался метод описательной статистики, а также непараметрический критерий Н-Краскала-Уоллеса.

Как и в исследовании О. Ю. Зотовой, вся выборка была разбита на группы на основе двух критериев: состояний безопасности/небезопасности и зависимости/независимости. В результате были выделены 3 группы респондентов: I группа – независимые с чувством безопасности (33 %); II группа – зависимые с чувством безопасности (33 %); III группа – независимые с чувством небезопасности (34 %). Однако в данном исследовании IV группа респондентов, которых можно охарактеризовать как зависимых с чувством небезопасности, дифференцирована не была. Возможно, это связано с тем, что выборка исследования строго ограничена 18–19 годами, и в этом возрасте респонденты не проявляют признаков, характерных для этой группы [3. С. 82].

Следующим этапом исследования было определение субъективного благополучия в исследуемых группах.

Таблица 1

Групповые результаты по методике «Шкал субъективного благополучия»

Группа респондентов	Стены
1-я группа – «независимые с чувством безопасности»	2
2-я группа – «зависимые с чувством безопасности»	5
3-я группа – «независимые с чувством небезопасности»	10

В результате данных табл. 1 можно сказать, что независимые респонденты с чувством эмоциональной безопасности находятся в умеренном эмоциональном комфорте, они не испытывают серьезных эмоциональных проблем, достаточно уверены в себе, активны, успешно взаимодействуют с окружающими и адекватно управляют своим поведением. Данные респондентов, чувствующих себя в эмоциональной безопасности и зависимых, свидетельствуют о низкой выраженности качества: лица с такими оценками (5 стена) характеризуются умеренным субъективным благополучием, серьезные проблемы у них отсутствуют, но и о полном эмоциональном комфорте говорить нельзя. Крайне высокие оценки (10 стенов) в группе респондентов «независимые с чувством небезопасности» свидетельствуют о значительно выраженном эмоциональном дискомфорте. У лиц с такими оценками возможно наличие комплекса неполноценности, они, скорее всего, не удовлетворены собой и своим положением, лишены доверия к окружающим и надежды на будущее, испытывают трудности в контроле своих эмоций, неуравновешенны, негибки, постоянно беспокоятся по поводу реальных и воображаемых неприятностей.

Обратимся к рассмотрению показателей субъективного благополучия в исследуемых выборках.

Таблица 2

Показатели субъективного благополучия в трех группах

№	Наименование показателей	НЗБ	ЗБ	НЗНБ	Н- Краскала-Уоллеса
1	Напряженность и чувствительность	4,00	7,67	12,50	7,292*
2	Психоэмоциональная симптоматика (депрессия, подавленность, рассеянность и т. п.)	3,30	8,25	12,50	9,273**
3	Изменение настроения	3,30	8,25	12,50	9,431**
4	Значимость социального окружения	4,90	7,50	10,75	3,464
5	Самооценка здоровья	4,20	7,75	11,75	5,929
6	Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	4,10	7,58	12,50	7,012*

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; НЗБ – независимые с чувством безопасности; ЗБ – зависимые с чувством безопасности; НЗНБ – независимые с чувством небезопасности.

Межгрупповой анализ показателей субъективного благополучия в исследуемых выборках показал различия на достоверно значимом уровне относительно всех показателей ($p < 0,01$; $p < 0,05$) (табл. 2). Исключение составляют показатели значимости социального окружения и самооценки здоровья, различие которых статистически не подтверждено.

В целом выборка 1-й группы характеризуется средним уровнем самооценки здоровья на фоне выраженной значимости социального окружения. Во второй группе тревога и беспокойство связаны, очевидно, с изменениями настроения. В третьей группе респондентов степень удовлетворенности повседневной деятельностью, изменение настроения, подавленность и напряженность, возможно, зависят от их самооценки здоровья.

Иначе говоря, основанием переживания субъективного благополучия в выборке 1-й группы выступает социальное окружение, мнение, оценка, признание которого для них весьма существенны, тогда как во 2-й группе респондентов особую значимость приобретает изменение настроения самих респондентов. Если говорить

о 3-й группе респондентов, то, возможно, значимость социального окружения для них не столь важна, тогда как критическое оценивание собственного здоровья выступает предикатом к неудовлетворенности повседневной деятельностью, трудностям контроля своих эмоций, подавленности, напряженности и, возможно, депрессии.

Таким образом, проведенное исследование, раскрывающее особенности взаимосвязи эмоциональной безопасности и субъективного благополучия, открывает новые горизонты для дальнейшего изучения данного тематического поля в сфере социально-психологической науки в современном обществе.

Литература

1. Blatz W. E. Human security: Some reflections. – Toronto : University of Toronto Press, 1966.

2. Бочарова Е. Е., Тарасова Л. Е. Субъективное благополучие и социальная активность личности в различных социокультурных условиях // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 8 (16). – URL: http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/8/bocharova.pdf

3. Зотова О. Ю. Эмоциональная безопасность личности в контексте жизненного пути // Дискуссия. – 2015. – № 9 (61). – С. 76–83.

4. Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия: руководство. – Ярославль : Изд-во НПЦ «Психодиагностика», 1996.

5. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия (к разработке интегративной концепции) // Мир психологии. – 2002. – № 2. – С. 143–148.

Е. Н. Сюткина*

Архетипические аспекты доверия[1]

Потребность формирования и развития отношений доверия требует особого внимания к механизмам принятия решений социального характера. В кризисные периоды истории варианты принятия таких решений в значительной мере связаны с актуализацией архетипических схем и мифологических пластов культуры.

Ключевые слова: архетипы; доверие; ценности; социальное взаимодействие.

Характерной чертой современности многие исследователи называют идею риска. В результате сегодня само представление о риске приобретает важную роль при выработке различных решений социального характера, а доверие трактуется как конструктивная форма реакции на риск. Как социально-гуманитарный конструкт доверие включает в себя совокупность нормативных ожиданий, ориентированных на увеличение стабильности и прогнозируемости в системе социального взаимодействия, что особенно актуально в условиях бурных социальных трансформаций.

Согласно А. Селигмену, отличительной чертой доверия является его опосредованный и институализированный характер, его взаимосвязь с нормами и ценностями, поддерживающие необходимый институциональный порядок [3. С. 35]. Таким образом, доверие выступает одновременно и как общая онтологическая установка субъекта по отношению к социальному миру, и как институциональный механизм организации жизнедеятельности социума, позволяющий субъекту регулировать взаимодействия индивидов и групп.

Выделяют различные виды доверия. В частности, Э. Гидденс выделял персонифицированное доверие или межличностное доверие, а также доверие к абстрактным системам (институциональное доверие). Характерно, что в современном российском обществе

---

* ***Елена Николаевна Сюткина*** – ст. научный сотрудник кафедры рекламы факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

[1] Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© Е. Н. Сюткина, 2016

низкий уровень межличностного доверия сочетается с высоким уровнем институционального недоверия.

Потребность развития и совершенствования отношений доверия требует особого внимания к механизмам принятия решений социального характера, которые могут осуществляться в нескольких вариантах: а) эмоциональном, когда действие является результатом использования символов, бессознательно пробужденных определенными архетипами; б) логическом, в соответствии с которым действие возникает на основе быстрого нахождения простой логической схемы на внешний вызов; в) мифологическом, когда действие становится результатом функционирования определенной логической схемы, подсказанной образами мифологического символического пространства [2. С. 52]. Таким образом, варианты принятия решений в значительной мере опираются на архетипические и мифологические пласты культуры. Актуализация архетипических схем особенно заметна в кризисные периоды истории. По мере усложнения картины распадающегося на глазах привычного мира способность восприятия действительности во всем ее многообразии утрачивается и она подменяется предельно упрощенными архетипическими схемами. «Поскольку правила и законы прежнего социального пространства перестают действовать, опыт передается не в виде знания об этих правилах и законах, а в виде мифосюжетов, основанных на системе символов, снимающих сложную рефлексию, устраняющую представление о случайности. Знаковые системы и символы приобретают важнейшую роль, символические ценности оказываются выше всех прочих, поскольку ими актуализируется бессознательное как движущий инструмент социальных процессов» [Там же. С. 65].

Исследование архетипических аспектов доверия неизбежно приводит к вопросу о взаимоотношениях вождя и масс. М. Вебер, обративший особое внимание на эмоциональные отношения подчиненного к господину, на его веру в легитимность его власти, выделяет три типа легитимности. Первый тип основан на вере в законность существующей власти, второй базируется на традиции, связанной с верой в то, что властвует тот, кто имеет такое право по традиции, третий тип предполагает веру в сверхъестественную святость власти, обладающую харизмой. Харизматические личности часто приходят к власти в условиях кризиса, когда массовое общество пребывает в убеждении, что их особые личные качества помогут выжить в условиях катастрофической ломки устоявшихся норм и традиций. Этот, третий тип, легитимности власти в массовой культуре противостоит рационализму и восходит к архетипу отца, который проецируется на фигуру харизматического лидера. Поэтому в плане взаимосвязи архетипов и культуры доверия особый

интерес представляет исследование М. Вебером природы харизматичности вождя. «Преданность пророку или вождю на войне, или выдающемуся демагогу в народном собрании или парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне “призванным” руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Таким образом, архетип “отца” связан с верой потребителей “массовой культуры” существующей власти. Этот архетип широко используется за счет обращения к образам харизматических персонажей. Это могут быть популярные певцы, спортсмены, киноактеры, политические и общественные деятели – идолы современной массовой культуры. В сфере рыночных отношений такие харизматические фигуры формируют отношения доверия между товаром и потребителем, между производителем и потребителем, между продавцом и потребителем, в политике – между властью и народом. Однако их значительная роль в системе культуры доверия неслучайна, поскольку «потребность в вожде появляется только тогда, когда коллективное желание достигает максимальной силы. И когда, все надежды удовлетворения его обычным путем оказываются тщетными... Сила коллективного желания овеществляется в вожде. Все социальные установления: закон, справедливость, конституция – объявляются не имеющими никакой цены. Остается лишь мистическая сила и власть вождя, и воля его становится высшим законом» (цит. по: [1]). Тем самым причастность к подвигам героя-вождя дарит возможность ранее незаметному человеку массы совершать подвиги, преодолевая свою заурядность, а сама фигура вождя выступает гарантом стабильности в социальном взаимодействии, восполняет утраченные взаимосвязи между людьми, преобразуя их в отношения доверия.

Литература

1. Хевеши М. А. Толпа, массы, политика : ист.-филос. очерк. – М., 2001.

2. Кольев А. Политическая мифология: Реализация социального опыта. – М. : Логос, 2003.

3. Селигмен А. Проблема доверия. – М. : Идея-Пресс, 2002.

*Я. Э. Чеботаева**

Счастье как предикат субъективного благополучия в картине мира суворовцев[1]

Статья включает в себя результаты пилотажное исследования представлений о счастье среди подростков, проходящих обучение в довузовских военных учреждениях. Выделяются основные факторы, присущие понятию счастья, а также раскрываются некоторые особенности восприятия данного феномена обучающимися.

Ключевые слова: счастье; факторы счастья; субъективное благополучие; подростки; суворовцы; довузовские военные учреждения.

Один из до сих пор наиболее часто задаваемых и волнующий уже не один век умы человечества вопросов – что такое счастье? Эта проблема волнует практически всех людей, каждый хочет быть счастливым. Как точно замечает В. Татаркевич, разные понятия счастья имеют только то общее, что обозначают что-то положительное, ценное. В остальной же части понимания они различаются между собой [4. С. 31]. Хотя и невозможно дать четкое, конкретное определение понятию «счастье», с которым бы согласились сразу все, всё-таки попытаемся коснуться смысловой оболочки данного феномена.

Обратившись к ряду толковых словарей, можно заметить, что слово «счастье» является многозначным, поэтому в словарях даны несколько лексических значений. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова предлагает два значения данного понятия, первое из которых определяется как чувство или состояние удовлетворения, радости и благополучия. Второе же значение характеризует счастье как удачу, успех, случайность и желанную неожиданность [3. С. 550]. Более ранние издания толковых словарей помимо вышеуказанных значений предлагают характеризовать счастье как судьбу, рок, участь или долю [6. С. 273; 5. С. 659]. Приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что понятие «счастье» имеет как ожидаемое значение, характерное для многих языков, народов и эпох, так и специфический оттенок русской культуры определенного исторического этапа.

* ***Ядвига Эдуардовна Чеботаева*** – педагог-психолог, Федеральное государственное казенное общеобразовательное учреждение «Екатеринбургское суворовское военное училище Министерства обороны Российской Федерации» (г. Екатеринбург).

Руководитель: д-р психол. наук, профессор Перелыгина Е. Б.

[1] Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© Я. Э. Чеботаева, 2016

Исследованием вопросов счастья занималось и занимается большое количество ученых, таких как Х. Кентрил, Н. Бредберн, Д. Кэмпбелл, Ф. Конверс [2. С. 12], а также М. Селигман, И. А. Джидарьян, С. Любомирски и многие другие.

Рассматривая представления о счастье, исследование планирует заняться личностью подростка, развивающегося в особенных жизненных условиях, а именно: обучающегося в довузовском военном учреждении (на данном этапе исследования – в Суворовском военном училище).

Суворовское военное училище готовит кадры для российской армии, которая является основой государства. Одна из значимых стратегических задач в развитии кадровых военных – изучение особенностей формирования подростка в довузовском военном учреждении, а также влияние военной среды на развитие личности подростка. Суворовское военное училище отличается гомогенностью полового состава обучающихся, закрытой системой организации процесса обучения и проживания, яркими отношениями подчинения, а также жесткой системой контроля и частичной изолированностью обучающихся от социума. Такой формат не характерен для окружения подростка.

«Счастье» в данном исследовании – маркер выявления особенностей подростка в определенной среде, нетипичной для этого возраста. Именно поэтому важно понимать, какое влияние оказывает на подростка среда, имеющая свои специфические условия организации процесса.

Для достижения поставленной цели было проведено пилотажное исследование, в рамках которого участникам предлагалось написать эссе на тему «Что значит быть счастливым?». В исследовании приняли участие 69 подростков в возрасте 14–15 лет, курсантов Суворовского военного училища. Данное задание можно назвать шаблонным, так как испытуемые должны были высказать свои мысли в определенном формате, приводя примеры, имея структуру написания. Также следует учитывать, что опрос не был анонимным, а это предполагает определенный процент стандартных высказываний. Но данный формат был выбран специально для первичного исследования в качестве изучения ответов, скорее, социально приемлемых и одобряемых.

Для дальнейшей обработки результатов был выбран метод контент-анализа полученного материала с соответствующим выделением факторов, определяющих, счастлив ли человек по мнению испытуемых.

В результате анализа ответов был выделен 21 дескриптор (30 %), встречающийся всего один раз. Это еще раз говорит об индивидуальном понимании человеком понятия «счастье».

Результаты первичного исследования представлены в таблице (см. ниже), где указаны основные факторы счастья с точки зрения участников.

Ранжированный ряд факторов, обусловливающих состояние счастья (по мнению суворовцев 14–15 лет)

№	Факторы счастья	Распространенность среди испытуемых (%)
1	Любовь	54,2
2	Семья	42,5
3	Здоровье (свое и близких)	33,4
4	Друзья	23,7
5	Материальные блага	19,1
6	Осуществление мечты (достижение цели)	16,7
7	Радость	16,2
8	Любимое дело (хобби)	14,6
9	Востребованность	14,1
10	Отсутствие забот	7,5
11	Хорошая учеба	7,5
12	Дети для родителей	7,2
13	Свобода	7,0

Контент-анализ показывает, что более половины (54,2 %) испытуемых трактуют понятие «счастье» в том числе и как возможность любить и быть любимым, а также иметь предмет «обожания» и быть рядом с ним. Данный выбор является относительно закономерным, предсказуемым и согласующимся с возрастными особенностями испытуемых и особенностями довузовского военного учреждения, ограничивающего свидания молодых людей с девушками. По мнению В. А. Аверина, любовь в этом возрасте характеризуется как «дающая выход самому тяжелому напряжению» [1. С. 309].

Следующим по значимости фактором, обуславливающим состояние счастья подростков, является семья (42,5 %). Следовательно, почти половина испытуемых на первое место поставила семью, а не друзей (23,7 %), хотя в подростковом возрасте формируется, по мнению А. Е. Личко, реакция группирования со сверстниками [1. С. 315]. Возможно, это обусловлено специфическими условиями среды, делающими дружбу легко доступным благом, а время с семьей – редкостью и особой ценностью.

Третье место отведено фактору здоровье (33,4 %), раскрывающему заботу как о своем личном здоровье, так и о здоровье близких людей. Также особенностью Суворовского военного училища является постоянная пропаганда здорового образа жизни и наличие ряда дополнительных часов спорта для укрепления здоровья.

Понимание подростками счастья как материального благополучия (19,1 %) согласуется с современными тенденциями становления общества потребления. В ответах мало распространены такие факторы, как отсутствие забот, хорошая учеба, дети для родителей.

Интересно констатировать, что счастье как свобода отмечено лишь у 7 % испытуемых, что, на наш взгляд, недостаточно для раскрытия особенностей подросткового возраста. Возможно, условия военной среды сформировали понимание четких границ жизненного процесса, что обусловливает снижение желания быть свободным. Данный аспект обязательно учтется в следующих, более углубленных исследованиях.

Даже в таком формате изучения особенностей подростков мы видим, что военная среда частично искажает нормы, типичные для подростка. Это формирует такие черты поведения, как отказ от свободы под влиянием среды, недооценка понятия дружбы и переоценка понятия семьи, а также внимательное отношение к здоровью. Другие факторы и степень их распространенности (таких, как любовь) говорят о том, что процессы формирования взрослой личности протекают закономерно и предсказуемо.

Мир суворовца – мир особенный, полный нетипичных и непривычных для среднестатистического подростка ситуаций. Понятие счастья, а в будущем и понятия субъективного благополучия, доверия, удовлетворенности помогут окунуться в мир юного военного, посмотреть на жизнь его глазами и понять, как психологически грамотно помогать личности суворовца формироваться. Для достижения вновь поставленных целей необходимо провести исследования испытуемых других категорий: подростков, обучающихся в школах, а также других социальных групп.

Литература

1. Аверин В. А. Психология детей и подростков : учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1998.
2. Аргайл М. Психология счастья. – СПб. : Питер, 2003.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2010.
4. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. – М. : Прогресс, 1981.
5. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – СПб. ; М. : Издание т-ва М. О. Вольф, 1907. – Т. 4.
6. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Ушакова Д. Н. – М. : Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1935.

А. Б. Шинкевич*

Социально-психологические особенности психологической безопасности подростка[1]

Подростковый возраст наиболее уязвим для психологического воздействия, насилия, страха, а также во взаимоотношениях в окружающей среде. Психологически безопасная среда способствует удовлетворению и развитию социально ориентированных потребностей ребенка, сохранению и повышению его самооценки, обеспечивает более полное раскрытие личностных потенциалов, способствует сохранению его психологического здоровья и обеспечивает его психологическую безопасность. Это означает, что современная школа должна всерьез и по-настоящему становиться не только местом, где детей учат, но и пространством их полноценного взросления, питательной средой становления успешных, счастливых и здоровых людей.

Ключевые слова: психологическая безопасность; подростковый возраст; потребность в безопасности; самооценка индивида; влияние; окружение.

В самом общем виде психологическую безопасность личности можно рассматривать как состояние защищенности личности от действия многообразных внешних и внутренних факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование соответствующих ситуации форм и способов поведения и жизнедеятельности человека в современном обществе. Такое состояние позволяет человеку полноценно развиваться, своевременно адаптироваться к меняющимся социальным условиям и так организовать свое поведение (жизнедеятельность), чтобы удовлетворить основные потребности в социально приемлемых формах с учетом деятельности других людей и действующих социальных институтов.

---

* ***Алена Борисовна Шинкевич*** – магистрант направления подготовки «Психология», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).
Руководитель: д-р психол. наук, доцент Зотова О. Ю.

[1] Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

© А. Б. Шинкевич, 2016

Состояние психологической безопасности личности определяется объективными и субъективными факторами. Что позволяет человеку чувствовать себя в безопасности?

Это объективная безопасность ситуации, окружения, а также ощущение безопасности, личное представление об отсутствии угрозы в данной ситуации. К. Хорни, анализируя личностные состояния, делает следующий вывод: «Как страх, так и тревога являются адекватными реакциями на опасность, но в случае страха опасность очевидна, объективна, а в случае тревоги она скрыта и субъективна. Иначе говоря, интенсивность тревоги пропорциональна тому смыслу, который имеет для данного человека данная ситуация. Причины же его тревоги, в сущности, ему неизвестны» [1]. Смысл любой ситуации определяется не случайным образом, он закономерно связан с актуальными потребностями личности. Возможность или невозможность удовлетворения потребностей в конкретной ситуации определяет положительное или отрицательное отношение к ней и в соответствующих случаях порождает состояния тревоги или страха за свою безопасность. Защищенность потребностей представляет собой основу психологической безопасности личности.

В то же время психологическая безопасность – это специфическая мера стабильности психического состояния человека, во многом определяющая особенности реагирования людей на различные травматические ситуации, с которыми неизбежно сталкивается каждый человек в течение жизни: внешние трудности, болезни, проблемы взаимоотношений, конфликты, изменение условий жизни, смена места жительства, работы и т. д. [3].

А. Маслоу указывал, что общие потребности в безопасности и защите конкретизируются в форме частных потребностей: в стабильности, в законности и порядке, в предсказуемости событий и в отсутствии таких угрожающих сил, как болезнь, страх и хаос. Он считал, что проявление потребностей безопасности и защиты наиболее заметно у детей ввиду их относительной беспомощности и зависимости от взрослых [2]. Дети предпочитают определенную стабильность и более благополучно чувствуют себя в семье, где установлены четкий режим и дисциплина. Если эти элементы отсутствуют в семейном окружении, то ребенок не чувствует себя в безопасности, он становится тревожным, недоверчивым и начинает искать более стабильные жизненные территории.

Каждый возраст хорош по-своему. И в то же время в каждом возрасте есть свои особенности, свои сложности. Не исключением является и подростковый возраст. Это самый долгий переходный период, который характеризуется рядом физических изменений. В это время происходит интенсивное развитие личности, ее второе рождение. В психологическом словаре читаем: «Подростковый возраст – стадия онтогенетического развития между детством и взрослостью (от 11–12 до 16–17 лет), которая характеризуется качественными изменениями, связанными с половым созреванием и вхождением во взрослую жизнь» [4].

Вот его проявления:

• чувствительность к оценке посторонними внешности реципиента;

• крайняя самонадеянность суждения в отношении окружающих;

• внимательность порой уживается с поразительной черствостью, болезненная застенчивость – с развязностью, желание быть признанным и оцененным другими – с показной независимостью, борьбой с авторитетами, общепринятыми правилами и распространенными идеалами.

Причина психологических трудностей связана с половым созреванием, это неравномерное развитие по различным направлениям. Этот возраст характеризуется эмоциональной неустойчивостью и резкими колебаниями настроения (от экзальтации до депрессии). Наиболее аффективные бурные реакции возникают при попытке кого-либо из окружающих ущемить самолюбие подростка. Характерной чертой этого возраста является любознательность, пытливость ума, стремление к познанию и получению информации, подросток стремится овладеть как можно большим количеством знаний, без их систематизации.

Как правило, подростки направляют умственную деятельность на ту сферу, которая больше всего их увлекает. Однако их интересы неустойчивы. Одно из новообразований подросткового возраста – чувство взрослости. Когда говорят, что ребенок взрослеет, имеют в виду становление его готовности к жизни в обществе взрослых людей, причем как равноправного участника этой жизни. Самооценка в подростковом возрасте оказывается низкой по своему общему уровню и нестабильной.

Уровень самооценки влияет на уровень притязаний личности, на выбираемый круг жизненных целей, на соотношение удач и неудач на жизненном пути человека, обусловливает тенденции развития личности и ее жизненной судьбы. Завышенный уровень притязаний, когда подросток ставит перед собой слишком сложные, нереальные цели, объективно может приводить к частым неудачам, к разочарованию. Завышенные, нереалистические притязания, переоценка своих способностей порождает беспочвенную самоуверенность, часто раздражающую окружающих, вызывает конфликты, неудачи, разочарования. Но для психологического здоровья гораздо опаснее пониженное самоуважение, заниженный уровень социальных притязаний подростка, побуждающий его уклоняться

от всякой деятельности, отказываться от достижения поставленных целей, избегать людей (так как не верит в себя, боится критики, насмешки) либо быть послушным орудием в руках других людей.

Согласно У. Бронфенбреннеру, в процессе социализации личность испытывает влияние всех взаимосвязанных уровней социума и свою собственную жизненную среду строит как многоуровневую. Социальное научение ребенка должно происходить прежде всего в семье, где главными «агентами» социализации являются родители. Именно они организуют моделирование поведения детей, тщательно отбирая примеры для подражания. «Действие, свойственное ребенку лишь потенциально, возможно, никогда бы не реализовалось, если бы не пример для подражания (модель). Из этого следует, что влияние модели на поведение ребенка может осуществляться двояким образом: во-первых, можно стимулировать выработку совершенно новых типов поведения, демонстрируя какие-либо незнакомые ребенку действия; во-вторых, демонстрируя действия, уже фигурирующие в “репертуаре” ребенка, можно закрепить именно эту тенденцию поведения» [5].

Но ребенок обязательно должен быть заинтересован в наблюдении за моделью, в усвоении этого типа поведения и в его воспроизведении. Такая заинтересованность прямо зависит от предыдущей «истории подкрепления», от того, как с самых первых дней жизни ребенка родители организовывали свое поведение в качестве примера для подражания. Наиболее «заразительными» моделями для ребенка являются те родители и другие взрослые, которые обладают высоким социальным статусом, имеют власть и право распоряжаться материальными средствами, которые чаще других поощряют и поддерживают ребенка.

Одно из направлений современной психологии, связанное с изучением среды, в которой развивается человек, получило название экологической психологии. В теории экологических систем дети являются как продуктами, так и создателями окружающей среды. По Бронфенбреннеру, ситуации в жизни могут быть как навязанными ребенку, так и оказываться результатом активности самого ребенка. Когда дети становятся старше, они меняют свое окружение и переосмысляют полученный опыт. Но и здесь продолжают работать взаимозависимости, поскольку поведение детей зависит не только от их физических, интеллектуальных и личных черт, но и от того, как их воспитали, что они успели перенять у окружения.

Нынешний этап развития цивилизации диктует необходимость обеспечения условий, в которых человек смог бы в соответствии с новыми жизненными реалиями развить свои потенциальные возможности и реализовать себя как личность в многообразном и противоречивом социуме.

Литература

1. Дарвиш О. Б. Возрастная психология : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности 03100 «Педагогика и психология» / под ред. В. Е. Клочко. – М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005.

2. Немов Р. С. Психология : учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений : в 2 кн. – Кн. 1. Общие основы психологии. – М. : Просвещение : Владос, 2003.

3. Донцов А. И. Психология безопасности : учеб. пособие для академического бакалавриата / А. И. Донцов, Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотова, Е. Б. Перелыгина. – М. : Юрайт, 2015.

4. Кон И. С. Психология старшеклассников. – М., 2003.

5. Бронфенбреннер У. Два мира детства = Two Worlds of Childhood. – США, 1975.

Раздел третий

Туризм в устойчивом развитии России и региона

Л. А. Мясникова*

Туризм в условиях кризиса

В тезисах осмысляется состояние туризма в мире и, в особенности, в РФ в условиях кризиса. Выявляются причины, препятствующие развитию въездного и внутреннего туризма РФ.

Ключевые слова: кризис; туризм; развитие; внутренний и въездной туризм; региональный туризм.

Туризм играет все более заметную роль в экономике и культуре современного общества. Несмотря на кризис, в той или иной мере затронувший многие страны, турпоток в 2015 году вырос по сравнению с 2014 г. на 4,5 % и составил 1,2 млрд человек. Лидерами остаются немцы, вторые – граждане США, далее – жители Великобритании и Китая. В 2016 г. на мировом уровне прогнозируется сохранение темпов роста на уровне 4 %. Эксперты предполагают лидерство США и азиатских стран по числу выездных туристов.

А что Россия? Системный кризис в стране напрямую ударил и по туризму. На две трети сократилось количество туроператоров в сфере выездного туризма. Властными санкциями «сверху» перекрыты два основных направления массового туризма. Если есть надежда, что к началу летнего сезона Египет будет открыт (Италия уже возобновила полеты в Шарм-Эль-Шейх, Англия продлила запрет до сентября 2016 года), то турецкий берег остается недоступным.

Разрушен тандем страховых компаний и туристских предприятий. Биометрические данные для шенгенских виз – еще одно препятствие.

Новый закон о туризме, который должен вступить в силу с 1 января 2017 года, еще более усложняет деятельность как туроператоров, так и турагенств. 37 % россиян, ранее совершавших туристские поездки за пределы страны, не могут себе позволить отдых ни за рубежом, ни в России из-за неблагоприятного курса рубля по отношению к мировым валютам и неблагоприятного отношения к России (санкции, отрицательный имидж и т. д.). Миграционный кризис – еще один фактор, препятствующий выездному

* ***Людмила Анатольевна Мясникова*** – д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма, проректор по научной работе, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Л. А. Мясникова, 2016

туризму. В итоге статистика выезда россиян в наиболее популярные центры туризма показывает снижение по всем направлениям. В целом число выездов туристов из России составило в 2015 году 12 107 019, что на 30,3 % меньше, чем в 2014-м. В период дефолта 1998 г. сокращение составляло 24,6 %.

Наиболее благоприятные показатели, несмотря на запреты, оказались у Турции, ее посетило 2 665 тыс. человек, сокращение по отношению к предыдущему периоду – 19 %.

В 2015 г. в Хорватию выехало на 40 % меньше, в Болгарию – на 57 %, в Грецию – на 48 %, в Чехию – на 36 %, в Таиланд – на 46 %, в Индонезию – на 96,6 %, в Тунис – на 83 %, в Египет – на 28 %, в Италию – на 35,6 %.

Россияне остались верны Черногории, количество туристов из России там было меньше, чем в Турции, но падение составило только 7 %.

В 2014 г. резко возрос поток во Вьетнам, но в 2015-м он упал на 6 %[1].

Вместе с тем любой кризис – и болезнь общества, и возможная точка отсчета нового витка изменений (и не только негативных). Русская пословица «Не было бы счастья, да несчастье помогло», похоже, обнаруживает свою справедливость и в нынешней ситуации. Остается надежда на развитие въездного и внутреннего туризма.

Действительно, въездной поток в РФ увеличился на 16 %. Это при том, что примерно на треть выросла цена туров, она составила в среднем 30,5 тыс. руб., а в Москву и Санкт-Петербург – 59 тыс. руб. с человека. Лидерами въездных туров стали китайцы, немцы – на втором месте, далее – корейцы, туристы из Индии и Италии. Главным центром посещения остается Москва. Хотя в числе наиболее привлекательных мест для туризма, помимо Санкт-Петербурга, фигурируют Суздаль, Новгород, Углич, Мышкин. То есть обнаруживается интерес к малым городам – историческим и культурным центрам. Туры выходного дня интересны для финнов (особенно в г. Сортавалу в Карелии, с посещением о. Валаам).

Въездной туризм РФ может увеличить турпоток за счет выгодной для иностранцев разнице рубля и доллара, рубля и евро. Для иностранцев (особенно европейцев) Россия – дешевая страна. Хотя ранее все отмечали высокие цены как фактор, препятствующий въездному туризму в РФ, но причин, сдерживающих развитие въездного туризма пока больше, чем преимуществ:

1) в СМИ превалирует негативный имидж России как страны неблагоприятной для иностранных туристов;

[1] Статистика на основе данных профессионального ежедневника «Турпром». – 2016. – 10 марта (№ 40).

2) крайне сложен порядок оформления виз. Обращение представителей туристской отрасли к министру иностранных дел по вопросу упрощения визового режима для въездного туризма в одностороннем порядке оказалось «не по адресу». Упрощение осуществляется пока только на обоюдных условиях с рядом стран;

3) несоответствие цены и качества туристских услуг в РФ (от перевозки, до проживания, питания и т. д.);

4) недостаточное развитие туристской инфраструктуры во многих регионах РФ. В настоящее время осуществляется реконструкция ряда аэропортов, но это лишь малая толика решения проблемы;

5) отсутствие льгот для туроператоров и других представителей туриндустрии, слабая поддержка на федеральном и региональном уровнях;

6) отсутствие авторитетного органа управления туризмом. Встает вопрос о создании отдельного министерства по туризму. Слабая кооперация и самоорганизация представителей туристской индустрии;

7) слабая реклама туризма в РФ на международных выставках и ярмарках. Нет опыта массированных адресно направленных рекламных кампаний (подобно Египту, Турции и др.);

8) наконец, недостаточная активность и инициатива регионов с пропагандой своего турпродукта;

9) «жадность» отельеров и перевозчиков, т. е. неоправданное завышение цен на проживание и перевозку туристов.

Все это отбрасывает туристскую отрасль в экономике России далеко от стран-лидеров. Огромный потенциал и мизерный турпоток – так можно характеризовать большинство российских регионов и РФ в целом.

Внутренний туризм (особенно его пляжный сектор) подрастает, но никакого прироста внутреннего туризма в 40 % за весь год нет. Количество туристов по Краснодарскому краю выросло на 14 % (в 2014 г. – на 11 %), в Крыму – на 6 %. Совсем без выезда на отдых осталось более 40 % жителей России. Есть некоторый рост, но проблем и здесь хватает. Часть из них – общие с въездным туризмом (слабая инфраструктура, несоответствие цены и качества туристских услуг, дефицит высокопрофессиональных кадров, отсутствие денег на поездки и отдых). Но есть и собственные проблемные зоны. Казалось бы, Россия может развивать и летние, и зимние, и круглогодичные виды туризма. Но так ли это? При, казалось бы, хороших ресурсах горнолыжного туризма, мы фактически не видим его развития. Претензий со стороны качества услуг и их дороговизны предостаточно, что показал зимний опыт Красной Поляны. В новогодние каникулы одним из глав-

ных направлений является Великий Устюг (посещение Деда Мороза). Но подобных мест крайне мало, они предоставляют туры в короткий промежуток времени и серьезно увеличить турпоток нет возможности. Предел достигнут.

Как отмечалось, появился интерес к малым городам России, и не только у иностранцев. Если Суздаль, Новгород, другие города «Золотого кольца» богаты историческими памятниками культуры, и имеют более или менее развитую инфраструктуру, то другим регионам, то памятников не хватает, то они отдалены, то неизвестны, то состояние их таково, что стыдно показывать. И в этом отношении за свой туризм отвечают именно регионы.

В настоящее время в качестве позитивного примера можно назвать Казань, Алтай, в какой-то мере Байкал, Карелию, ряд городов Поволжья. Богатейший потенциал других регионов остается невостребованным.

Урал с его уникальной горнозаводской цивилизацией пока тоже на одном из последних мест в туристском рейтинге по посещаемости и привлекательности. Кое-как спасает ситуацию деловой туризм, для которого, например, в Екатеринбурге (как и в ряде крупных областных центров) создана соответствующая база. Подготовка к чемпионату мира по футболу дает надежду на позитивное изменение ситуации в сфере спортивного и событийного туризма. Что делать? При ясном и четком осознании, что в большинстве регионов РФ нет альтернативы выездному пляжному туризму, делать все возможное по развитию других видов туризма: этнического (как аборигенного, так и ностальгического), экологического и лечебного, познавательного, паломнического, событийного, приключенческого, гастрономического, образовательного…

Первоочередной задачей является работа над сменой имиджа региона. До сих пор «суровый край», «негостеприимные неулыбчивые люди», «промышленно-военная зона», «город-цареубийца», «экологически небезопасное место», «бандитский регион», «территория каторжан и мест заключения», «периферия», «задворки цивилизации» превалируют в качестве предустановок восприятия Урала. Их не могут преодолеть ни «город на границе Европы-Азии», ни «современный мегаполис», ни «Родина Б. Н. Ельцина». Другие бренды еще менее известны и узнаваемы.

Во-вторых, необходим каталог ресурсов. Создание новых туристских карт местности, представленных с точки зрения культурной (гуманитарной) географии региона.

В-третьих, должен быть богатый набор разнообразных туристско-экскурсионных программ, удовлетворяющих разные вкусы и потребности туристов.

Необходимо развивать и рекламировать малые города Урала с их уникальными и неповторимыми ресурсами; применять новейшие технологии создания культурных ландшафтов, нужны крупномасштабные новые проекты, отражающие оригинальность природы, культуры, быта, истории Урала.

Необходимо повышать качество подготовки кадров для туризма и гостеприимства, что крайне сложно в условиях современных программ бакалавриата. Нужна кооперация со смежными отраслями экономики и культуры. Все это достаточно известные проблемы и намерения. Пора их реализовывать.

*О. Г. Бекшенев**

Туризм как составляющая устойчивого социально-экономического развития Уральского рекреационного региона

Внутренний туризм может стать дополнительным фактором устойчивого развития Уральского рекреационного региона. Развитие новых сегментов туриндустрии оказывает прямое и косвенное влияние на устойчивое развитие региона и территорий. Учитывая, что основные туристские ресурсы регионов уже пережили подъем и максимальный интерес, предлагается организация и расширение эко-агротурима, геолого-минералогического туризма и туров выходного дня.

Ключевые слова: Уральский рекреационный регион; устойчивое развитие; влияние туризма на устойчивое развитие; эко-агротурим; геолого-минералогический туризм; геопарк; агропарк.

В Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, которое понимается как сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей, определены основные вехи стратегии социально-экономического развития и перспектив дальнейшего реформирования страны [1]. Сейчас в нашей стране продолжается модернизация экономики, в том числе и корректировка целей и придание большего значения туризму как отрасли экономики.

В связи со сложившейся международной обстановкой внутренний туризм получил новый импульс развития, своего рода ренессанс внутреннего российского туризма. На прошедшем совещании по внутреннему туризму (Сочи, 05.01.2016) Председатель правительства РФ сообщил о предоставлении государственной поддержки тем туроператорам, кто намерен сосредоточится на национальных маршрутах. Отмечено, что поток внутреннего туризма в России возрос относительно 2014 г. и составил почти 50 млн человек туристов (рост 40 %), при этом Россию посетили около 20 млн иностранных туристов (рост 16 %) [2]. В текущем году ожидается рост внутреннего туризма еще на 10–15 % [3].

* ***Олег Георгиевич Бекшенев*** – канд. географ. наук, доцент, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© О. Г. Бекшенев, 2016

Автор понимает термин «устойчивость» как способность систем сохранять текущее состояние при воздействии внешних воздействий. И в этом плане устойчивость регионального развития можно определить как состояние сохранения динамического развития региона, поддержание на необходимом уровне параметров качества жизни населения в пределах уровня безопасности при воздействии внешних воздействий различного характера. В основу такого типа развития положена стратегия рационального использования и сохранения всего природно-ресурсного потенциала региона, особенности экономики, существующей инфраструктуры промышленности, сельского хозяйства и потенциальных возможностей, включая географические особенности региона [4; 5]. В настоящее время внешнее финансирование регионов значительно сокращено. Поэтому в плане устойчивого развития региона на первое место выходит проблема увеличения собственных доходов на основе расширения спектра производимых товаров и услуг. Это возможно на основе более полного использования внутренних ресурсов.

Туризм как динамично развивающаяся отрасль экономики, испытывающий на себе влияние ряда внешних факторов, сам способен оказывать значительное воздействие на устойчивое социально-экономическое развитие региона. Туризм, с одной стороны, служит катализатором экономического развития региона, с другой – напрямую зависит от уровня развития данного региона. Туристская индустрия быстро и прогнозируемо реагирует на состояние экономики, что позволяет быть в некотором роде индикатором экономического и социального положения региона. При этом необходимо развивать именно устойчивый туризм, при котором объемы предоставляемых услуг соразмеряются с возможностями территории (социальными, экономическими и экологическими). Кроме того, надо внедрять оптимальные модели поведения въезжающих туристов, не наносящих ущерба природным объектам, традициям и обычаям местного населения.

Но главные туристские ресурсы регионов в своей настоящей позиции уже пережили подъем и максимальный интерес. В связи с этим представляется актуальным предложение иных возможных направлений развития туризма региона. Предшествовать реализации новых направлений развития регионального туризма должно создание информационного обеспечения в различных формах. Существующие сейчас информационные базы по рекреационному потенциалу по большей мере носят поверхностный, рекламный (в худшем смысле этого термина, типа «…ура, у нас самое лучшее в мире, стране…») характер; конечно, есть и весьма удачные примеры.

Без больших капиталовложений на уровне региона можно предложить следующие направления развития туризма:

1. Туры выходного дня. Такие туры могут осуществляться как организованно (с помощью турфирм), так и самостоятельно, на основе отзывов, рекомендаций, с помощью информационных ресурсов. Необходимо учесть, что доля самостоятельных путешествий будет преобладать. Здесь возможны другие, косвенные формы организации, как, например, предложения конкретных живописных и в небольшой мере обустроенных мест, организация автомобильных (можно на личном транспорте путешествующих), велосипедных, пешеходных, лыжных, водных видов путешествий. Можно формировать туристский продукт, учитывающий интересы и особенности потребления всех поколений. В регионах России уже отмечен рост востребованности поливозрастных туристических предложений.

2. Геолого-минералогический туризм. Это новое и занимательное направление туристской деятельности в Уральском рекреационном регионе представляет собой многоплановый туристский продукт, включающий показ геологических объектов, памятников природы, посещение месторождений полезных ископаемых, предприятий по обработке камня, поиски интересных образцов горных пород и минералов. Геолого-минералогический туризм во всем мире пользуется большой популярностью. В Китае в 2000–2012 гг. благодаря поддержке правительства, создано 140 национальных и 26 «глобальных» геопарков, которые служат делу сохранения объектов природного наследия и способствуют развитию геотуризма.

На Урале есть значительные ресурсы для развития данного вида туризма, и в этом отношении Свердловская область является ключевым объектом для всего Уральского рекреационного района. Здесь впервые в Европе и России найдены россыпные и коренные месторождения платины и организована промышленная добыча платины. В 1745 г. в Березовском найдено первое в России золото и произошла первая в мире «золотая лихорадка», более 100 месторождений было открыто и разрабатывалось в «Екатеринбургской золотой долине». Впервые найдены и описаны десятки минералов, например айкинит, крокоит, демантоид. Широкую известность приобрели малахит и родонит после открытия крупных месторождений на Урале. Несомненный интерес вызывает история геологического развития. В пределах Свердловской области в зоне Главного Уральского глубинного разлома в позднем карбоне-перми (300–270 млн лет назад) произошло столкновение Восточно-Европейской континентальной окраины с Сибирской и Киргизско-Казахстанской плитами. Редкие и уникальные геологические структуры, горные породы, минералы, геологическая позиция месторождений полезных ископаемых, возможности для создания личных коллекций.

По форме проведения туристских туров можно предложить в формате выходного дня или многодневные.

3. Эко-агротуризм. Это относительно новое направление туризма, возникшее на стыке экологического и сельского туризма. Этот сектор туриндустрии характеризуется высокой эффективностью вложений, малыми затратами, быстрой окупаемостью и конкурентоспособностью. Во всем мире и в России растет спрос на такой вид туризма. Вызвано это ростом урбанизации, ускорением темпа жизни в городах, приемлемыми ценами, непродолжительностью туров, типа туров «выходного дня», интересом к объектам культурно-познавательного, экологического и сельского туризма.

В Свердловской области, как и везде на Урале, есть широкие возможности для организации этого направления туризма. Формы могут быть самые разнообразные, как на уровне муниципального образования, так и в форме индивидуального предпринимательства, вплоть до организации частных агропарков.

Воздействие туризма на устойчивое развитие территории может быть как прямое, так и косвенное. К прямому можно отнести: диверсификацию местной экономики, поддержку местных товаропроизводителей, повышение уровня жизни местного населения, увеличение финансирования территорий и местных сообществ, улучшение местной инфраструктуры, транспортной системы, коммуникаций. Косвенное проявляется в улучшении и разработке новых систем управления, влияющих на деятельность туристического бизнеса, развитие механизмов самофинансирования территорий, определение рыночной стоимости и защиту тех ресурсов, которые ранее не использовались. Создаваемый образ территории увеличивает инвестиционную привлекательность.

Литература

1. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию : Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440. – URL: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 06.09.2013).

2. Гребенникова У. Медведев: операторы, развивающие внутренний туризм, получат субсидии // РИА Новости. – 2016. – 5 января. – URL: http://ria.ru/economy/20160105/1354970531.html (дата обращения: 05.01.2016).

3. Ломидзе М. Рост внутреннего туризма в России. – URL: http://www.gazeta.ru/ (дата обращения: 09.02.2016).

4. Рутковский В. В. Туризм как отрасль экономики и перспективы его развития // Научный электронный архив. – URL: http://econf.rae.ru/article/5801 (дата обращения: 06.01.2016).

5. Подпругин М. О. Устойчивое развитие региона: понятие, основные подходы и факторы // Российское предпринимательство. – 2012. – № 24 (222). – С. 214–221.

*Е. А. Лазо**

Тенденции развития въездного и внутреннего туризма в Свердловской области

В статье говорится о тенденциях развития въездного и внутреннего туризма в Свердловской области в контексте их важности для устойчивого развития региона. Описываются актуальные изменения на региональном рынке туристских услуг. Рассматриваются особенности ориентации Свердловской области на прием китайских туристов.

Ключевые слова: въездной туризм; внутренний туризм; тур; Свердловская область; Китай.

Вопросы развития туризма в регионах России в последнее время приобретают особую актуальность. Внимание представителей турбизнеса и туристов акцентируется на развитии внутреннего туризма (поездки лиц, постоянно проживающих в РФ в пределах ее территории) и въездного туризма (поездки лиц, не проживающих постоянно в РФ в пределах ее территории). Данные вопросы особо важны для Свердловской области – региона, обладающего высоким туристским потенциалом и активно продвигающего свои туристские ресурсы.

Важность указанных типов туризма для устойчивого развития Свердловской области подтверждают данные статистики. Во-первых, переориентация рынка на внутренний туризм увеличила интерес к туристским ресурсам регионов России. В 2015 г. был зафиксирован рост внутреннего туризма на 15 %. В Свердловской области, в частности, заметно увеличился спрос на отдых на горнолыжных курортах. В целом, стимулирование внутреннего туризма способно положительно повлиять на экономику области, а также на представления о регионе. Во-вторых, развитие внутреннего и въездного туризма заявлено как приоритетное направление в региональной Стратегии развития туризма до 2030 года. Поддержка указанных типов туризма осуществляется на всех уровнях власти, вплоть до выделения федеральных средств на региональные проекты. В-третьих, растет въездной турпоток в Россию. За 9 месяцев

* ***Евгений Александрович Лазо*** – студент 3-го курса направления «Туризм», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Е. А. Лазо, 2016

2015 года иностранцы совершили 2 млн 539,5 тыс. поездок в Россию в целях туризма [4], что на 13 % больше уровня 2014 г. Свердловскую область в 2014 году посетили около 1,5 млн туристов (на 30 % больше показателя 2013 г.). Ожидаемый рост показателя в 2015 году составляет 20 %. Кроме того, статистика учитывает только туристов, останавливающихся в отелях, и фактическое количество гостей Свердловской области намного больше (до 4 млн). Таким образом, становится необходимым исследование тенденций развития въездного и внутреннего туризма в уральском регионе, а также анализ новых предложений для гостей области на рынке туристских услуг.

Изменения затронут существующие туристские маршруты и программы экскурсий, в том числе за счет включения новых объектов показа. Так, открытый в ноябре 2015 г. музейно-выставочный комплекс «Ельцин-центр» значительно разнообразит пребывание туристов в Екатеринбурге. Новый музейно-выставочный центр, посвященный истории России времен Николая II, появился на Ганиной Яме [1]. Кроме исторических документов, в центре представлены подлинные предметы из дома Ипатьева. Следующее направление – продвижение региональных маршрутов на новых рынках. В частности, компания-оператор маршрута «Самоцветное кольцо Урала» планирует попасть в программы федеральных туроператоров и привлечь иностранных (прежде всего китайских) гостей, так как на данный момент среди туристов на «Самоцветном кольце» только жители области [1]. В целом интерес к турам и экскурсиям по Свердловской области может возрасти и у россиян, и у иностранных туристов.

Для гостей региона будут создавать новые туры и экскурсии, предназначенные для различных категорий туристов. В январе 2016 г. была достигнута договоренность между тюменскими и свердловскими туроператорами о продвижении нового тура под названием «Из духовной столицы Сибири в духовный центр Урала», соединяющего Тобольск, Тюмень и Верхотурье [6]. Ожидается, что данный паломнический тур даст старт другим межрегиональным проектам и станет основой для создания железнодорожных туров. В декабре 2015 г. под Арамилем открылась первая очередь «Парка сказов» – тематического парка, посвященного сказам П.П. Бажова, уральской народной культуре и русскому фольклору [2]. Парк можно использовать при организации туров для детей из соседних регионов, для ознакомления зарубежных туристов с русской культурой. Привлекательность парка повысит открытие этнодеревни, фермы, гостиницы и детского лагеря, запланированное на 2016–2017 гг. В перспективе предусмотрено развитие охотничьего туризма, успешно практикуемого в соседних с областью регионах и в Казахстане

[3]. Для организации поездок иностранных охотников в Свердловскую область была создана специальная организация – «Охотничий клуб Урала», и в 2015 г. регион посетили первые 8 охотников из Германии. Туристы остались довольны и заявили о намерении рекламировать новые места для охоты у себя на родине. Инициативу поддержало правительство области и охотничьи хозяйства. Наконец, развитие получат индустриальный и военно-патриотический туризм. Свердловская область в силу исторических причин ассоциируется с оборонной и металлургической промышленностью, а ими интересуются многие туристы. Ведущим центром притяжения туристских потоков называют Нижний Тагил, планируя использовать ресурсы Уралвагонзавода и других предприятий. Обсуждается возможность создания полигона, где туристы могли бы пробовать в управлении боевую технику и оружие. Также рассматривается туристский потенциал действующих и остановленных промышленных объектов (заводов, энергостанций), возможность проведения на них экскурсий. Важность данного вида туризма доказывают запланированные на 2016 г. российско-французская конференция по промышленному туризму (Екатеринбург), а также II Межрегиональная конференция по вопросам индустриального и военно-патриотического туризма в рамках выставки «Лето – 2016». Таким образом, реализация заявленного ранее кластерного подхода в развитии туризма в Свердловской области получит продолжение. Прослеживается тенденция использования тех туристских ресурсов, которым не уделялось внимания до переориентации рынка на внутренний туризм.

Общероссийская тенденция ориентации на туристов из Китая коснулась и Урала. Свердловская область присоединилась к федеральному проекту «Красный маршрут», направленному на ознакомление китайских туристов с советским периодом истории России [5]. Основой для данного события стали следующие факты: в Свердловске, на заводе «Уралмаш», работал сын Чан Кайши, а также город посещал Мао Цзэдун. Планируется проводить экскурсии, посвященные жизни конкретного города в период СССР, в Верхней Пышме, Нижнем Тагиле, Ирбите. Кроме того, выставка «ИННОПРОМ – 2015» дала старт внедрению в регионе программы China Friendly (комплекс мероприятий, направленных на адаптацию туристской инфраструктуры под нужды китайских туристов). В первую очередь новые стандарты вводятся в отелях, а затем на объектах показа, предприятиях питания и в турагентствах. На данный момент сертификацию China Friendly прошел один отель («Онегин», Екатеринбург), но работа по внедрению программы в области продолжается. Также ожидается рост числа китайских бизнес-туристов в связи с проведением российско-китайских деловых мероприятий. Таким образом, подтверждается заинтересованность области в приеме иностранных туристов и осознание выгоды от данного процесса.

Из сказанного выше следует, что важность внутреннего и въездного туризма для устойчивого развития Свердловской области осознается на всех уровнях государственной власти и в бизнес-среде. Эффективно раскрывается туристский потенциал мест, ранее не считавшихся объектами туристского интереса. Прилагаются активные усилия, чтобы сделать область доступнее и привлекательнее для иностранных туристов. Очевидно, что при сохранении данных тенденций Свердловская область станет одним из наиболее ярких и заметных регионов на туристской карте России.

Литература

1. Абрамова Е., Кобер П. Морозам вопреки // Областная газета. – 2016. – 14 января (№ 004).
2. В Свердловской области открылся первый на Урале «Парк сказов», созданный на принципах муниципально-частного партнерства // Областная газета. – URL: http://www.oblgazeta.ru/pressreleases/13200/
3. В Свердловской области положено начало новому направлению въездного туризма – охотничьи трофейные туры // Официальный сайт Правительства Свердловской области. – URL: http://www.midural.ru/news/list/document71615
4. Въездной сезон – 2015 прошел «на грани овербукинга» // RATA-news. – URL: http://ratanews.ru/news/news_14122015_2.stm
5. «Красный маршрут» привлечет в Свердловскую область самых активных туристов мира // Официальный сайт Правительства Свердловской области. – URL: http://www.midural.ru/news/list/document76149
6. Новости региона: губернатор отметил перспективы развития экономики за счет реализации межрегиональных туристических проектов // Официальный сайт Центра развития туризма Свердловской области. – URL: http://gotoural.com/posts/941

Н. А. Киселева, Е. А. Киселев***

Коллекция путешествий (выставка «Восточных коллекций» в Свердловском областном краеведческом музее)

Статья посвящена проблемам использования музейных коллекций для развития внутреннего туризма, созданию на основе «непрофильных» коллекций краеведческого музея выставок «восточной» тематики.

Ключевые слова: внутренний туризм; региональные музеи; восточные коллекции; анимация; интерактивные программы.

Областной краеведческий музей, при всем богатстве его фондов, обладает одним особым собранием, которое не связано собственно с краеведческой тематикой. Речь идет о комплексе предметов, напрямую связанных с путешествиями и представлением о том, что является экзотичным для этого места. Формирование «Восточных коллекций» в СОКМ велось с самого основания музея, с начала деятельности Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) в 1880 г. В состав «Восточных коллекций» уже на рубеже XIX–XX вв. вошли как целостные комплексы (такие, как китайские новогодние благопожелательные картины «няньхуа», одежда народов Центральной Азии и Дальнего Востока), так и отдельные этнографические предметы, керамика, изделия из фарфора, бытовые предметы, оружие и сувениры.

Каждое десятилетие пополняло коллекцию. И разные предметы становились предметами коллекционирования – разные стороны восточной экзотической жизни становились объектом изучения, хобби, объектом для подражания, хвастовства и любования.

«Восточные коллекции» – выставка о путешествиях. Эти выставки всегда были любимы и посещаемы горожанами. Долгое время посещение музея было единственной возможностью познакомиться с миром экзотических и далеких стран – показ «Восточных коллекций» позволял максимально широко охватить географию восточных территорий, затронул практически все представления о Востоке: Северная Африка, Ближний Восток, Индия, Средняя Азия, конфуцианский и буддийский Дальний Восток.

* ***Наталья Алексеевна Киселева*** – канд. пед. наук, доцент кафедры сервиса и туризма Института физической культуры, спорта и молодежной политики УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

** ***Евгений Анатольевич Киселев*** – канд. пед. наук, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург).

© Н. А. Киселева, Е. А. Киселев, 2016

Но за последние 20 лет посетитель кардинально изменился, он стал более знающим, посетил сам многие страны Востока, он привык к диалогу и интерактивному сопровождению во время образовательной и досуговой деятельности. И он ждет от музея нового языка взаимодействия.

Работа с посетителем на прежних выставках музея с использованием восточных коллекций показала, что новый неизвестный мир экзотических предметов становится основой увлекательного диалога-взаимодействия. На выставке «Письмена Желтой реки, ниспосланные миру», открытой в феврале 2002 г., экспозиция изначально задумывалась как интерактивное пространство, где посетители знакомились с различными традициями восточной культуры и принимали участие в различных практиках [1. С. 11].

На выставке проводились мастер-классы по каллиграфии, посетители знакомились с традиционными китайскими настольными играми, на выставке состоялись показательные выступления секций восточных единоборств, фестивали оригами, совместно с журналом «Урал» были организованы конкурсы поэтических переводов с текстов на тушнице, подаренной музею писателем Д. Н. Маминым-Сибиряком, проходили занятия клуба любителей икебаны, чайных церемоний, бонсаистов и пр.

Необходимо учесть, что многие виды интерактивного взаимодействия с посетителем в городе были впервые опробованы на этой выставке, и предметный ряд экспозиций, особая «экзотичность» и «неизвестность» способствовали стабильно высокому интересу к выставке. Неожиданность, непонятность предметного ряда подкреплялась синестезией воздействия – посетитель активно участвовал, он видел, слышал, обонял, создавал, творил сам еще недавно совершенно неизвестную ему культуру по канонам этой культуры: пил чай в соответствии со старинным ритуалом или примерял сандалии-гэта и пробовал в них ходить. Погружение в иную культуру происходило среди музейного пространства [2. С. 47].

Свердловский областной краеведческий музей готовит новую выставку к своему юбилею, который празднуется в этом году. Вновь будут представлены «Восточные коллекции», но в нынешней ситуации выставка примет уже иного посетителя, знакомого со многими проявлениями культуры Востока. Сегодня Восток стал доступен для путешествий, появилась возможность видеть, слышать, пробовать на вкус. Но тема возможного путешествия – уже не в фантастику далекого мира, а в живую историю, подлинность

которой музей доказывает своими особыми способами, – остается востребованной и интересной.

Литература

1. Киселев Е. А. Подготовка студентов туристского вуза к разработке музейных анимационных программ : автореф. дис. … канд. пед. наук. – М., 2009.

2. Киселева Н. А. Подготовка студентов туристского вуза к разработке туристских программ при изучении культурологических дисциплин. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006.

М. Н. Шумихина*

Политический миф как форма сохранения культурного наследия и ресурс туризма

В статье рассматривается политический миф как способ сохранения культурного наследия через социокультурные практики туризма.

Ключевые слова: политический миф; культурное наследие; социокультурные практики туризма.

К началу XXI века наше государство, обладая тысячелетней историей и культурой, вновь начинает поиски идей на Западе. Это ведет к тому, что молодое поколение плохо знает историю своей страны, поскольку вырастает в основном на образцах западной массовой культуры. Один из образованнейших людей XX – начала XXI в. П. Л. Вайль, указывая на данную проблему в своей поэтической прозе, писал: «Европу легко представить домом с множеством помещений и пристроек, разного времени, стиля, разных народностей… Россия – двор при этом доме: огромный, неогороженный, незаметно переходящий в поле и лес. Оттуда время от времени появляются люди странных манер и образа мыслей. Идеи их большей частью заимствованы из самой же Европы, но преображены до такой крайности и абсурда, что кажутся диковиной» [1. С. 427].

В России множество раз происходило разрушение культурной платформы, на которой должно расти и развиваться новое поколение. Отсюда все более острой проблемой для российского общества становится сохранение культурного наследия.

Как сохранить культурное наследие, чтобы оно вошло в живую деятельность людей? Как объекты наследия вывести из пассивного состояния и включить их в живую актуальную культуру? Е. Ю. Погорельская пишет по этому поводу: «Культурное наследие, чтобы быть живым, должно быть частью повседневного мира, в нем надо жить, тогда оно будет жить вместе с нами, самым естественным способом обеспечивая нам глубину» [4. С. 25].

---

* ***Марина Николаевна Шумихина*** – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© М. Н. Шумихина, 2016

Культурное наследие сохраняется в разных артефактах, в том числе и в мифе. Мифы в своеобразной форме устанавливают связь между прошлым, настоящим и будущим человечества. Они являются каналом, по которому одно поколение передает другому накопленный опыт, знания, ценности, понятие о культурных благах и т. д.

Мифология в современной России осознается одним из ресурсов модернизации страны, поэтому нужно возродить забытое мифическое наследие, чтобы оно стало частью современной культуры и создало образцы для подражания молодому поколению. Рассмотрим только один аспект проблемы на примере использования политического мифа в социокультурных практиках туризма.

Политический миф – это не только форма идеологии, но и культурная форма, которая бытует и живет наряду с другими формами культуры. Политический миф – это особый миф, который хранит в коллективной памяти народа его социальный опыт, императивы духовно-нравственного измерения политических процессов [3. С. 52]. Уникальность политического мифа заключается в том, что он не всегда облекается в словесную форму. В рамках идеологии политические мифы приобретают совершенно различное внешнее выражение и воплощение, такое как знамя, партийная эмблема, плакат, монумент, молитва, клич, фильмы, песни и даже анекдоты. Все они несут в себе мифические элементы. Таким образом политические мифы выражаются не только в словесных, но и в наглядных формах. И в этом плане политический миф является ресурсом туризма.

Политический миф, и вообще мифы всегда предполагают различное воплощение в виде баек, сказок, анекдотов и т. д. В связи с этим любой памятник может совсем по-новому предстать в качестве туристского объекта, если он оживает в мифах. Для примера расскажем об одной достопримечательности.

В историческом центре Екатеринбурга рядом с плотиной городского пруда есть «мифический» памятник культуры – Дом Главного горного начальника (ныне здание областной больницы № 2). Здание было построено в первой четверти XIX века, проектирование и строительство жилого дома Булгаковых велось архитектором М. П. Малаховым. Казалось бы, что здесь мифического, это просто памятник. Но когда данный артефакт сливается с мифическими образами, он сам становится мифическим объектом. В начале 1830-х гг. здание покупает казна для квартиры Главного горного начальника. Самым известным из них был генерал В. А. Глинка, фигура эта была именно политическая, так как главный горный начальник был наделен огромными полномочиями, рядом с которыми власть губернатора и тем более местных гражданских чиновников совершенно терялась. Он имел право не только утверждать избранных горожанами лиц на должности в органах самоуправления, но и контролировать наиболее важные статьи городского бюджета, рассматривать просьбы города об его нуждах, осуществлять контроль и надзор за жизнью населения – городских обывателей [2. С. 45].

В настоящее время, если собрать мифические образы, которые представлены в самых разнообразных формах культуры, можно получить интересное и разностороннее представление об этом политическом деятеле. Прежде всего, интересен образ генерала в народном творчестве, где он являлся центральной фигурой анекдотов того времени.

Рассказывают интересный анекдот о встрече этого горного царька с пермским губернатором Огаревым. Встретились они где-то на проселочной дороге зимой, и одному пришлось бы свернуть в сторону. Произошло недоразумение: ни та, ни другая сторона не желала уступать. Генералы рассердились. Губернатор, высунувшись в окно кареты, крикнул:

– Уральский хребет едет…

На это последовал ответ Глинки:

– А у меня едет вся уральская шкура!..

По преданию, губернатор, побежденный таким ответом, скромно свернул в сугроб, чтобы дать дорогу горному царю. Впрочем, и сам Глинка, как гласит предание, любил называть себя царем.

Политический миф, выступая в виде анекдота, казалось бы смешного мини-рассказа о бывшем и небывшем, воспроизводит фантастическую мифическую реальность. Как отмечает Л. Н. Столович «родство анекдота с мифом не в последнюю очередь проявляется в том, что он не просто фантастически-художественно отражает жизнь, становясь художественным произведением, но и бытует в жизни, делаясь ее частью. Да и анекдот нередко порождается самой жизнью людей, их бытом» [6. С. 479].

Действительно, следующий сюжет устного народного творчества о начальнике Горных заводов, был, по-видимому, результатом реальных событий и рисовал уже совершенно противоположный образ В. А. Глинки.

«Раз генерал, объезжая заводы, остановился закусить в доме простого рабочего. Ему понравилась чистенькая обстановка, поданные хозяйкой простые щи и сама хозяйка.

– А дети есть? – спросил Глинка смутившуюся хозяйку.

– А, нет!

– Ну, чтобы в следующий раз, когда поеду, были дети.. слышишь? Сам буду крестить... слышишь?.. Да чтобы был мальчик.

Действительно, через год Глинка опять приехал в этот завод. Является какой-то рабочий и требует, чтобы его допустили к «самому генералу» по важному делу.

– Чего тебе? – Сурово встретил смельчака Глинка.
– Готово, ваше высокопревосходительство…
– Что готово-то?
– А тогда мальчика заказывали, ваше превосходительство… Так все готово, только дожидались вас, крестить. – Глинка окрестил “заказанного мальчика” и потом поместил его на свой счет в какое-то учебное заведение» [2. С. 38].

Еще один образ генерала, который достоин представления в рамках современных экскурсионных программ, появился в 1891 году в повести Д. Мамина-Сибиряка «Верный раб». Писатель представил его в образе потерявшего влияние старого генерала Голубко. Отдельные образы генерала мы находим и в живописи, например, замечательный портрет В. А. Глинки кисти художника Корзухина Алексея Ивановича (время написания портрета 1854–1855 гг.).

Нужно отметить, что памятник остается наследием культуры, пока он «облачен в миф». Вовлечение политического мифа в социокультурные практики туризма не только даст возможность сохранить частицу культурного наследия России, но и поможет сломать определенные стереотипы, сложившиеся в народном сознании, изменит самосознание нашего народа, сделает общество политкорректным и, конечно, расширит потенциал туристской отрасли.

Литература

1. Вайль П. Л. Гений места. – М. : КоЛибри, 2008.
2. Город Екатеринбург : сб. историко-статистических и справочных сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. – Екатеринбург : Екатеринбургская неделя, 1889.
3. Корниенко Т. А. Сущность и структура политического мифа // Власть. – 2009. – № 10.
4. Погорельская Е. Ю. Память и культурно-историческое наследие // В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : коллектив. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.] ; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011.
5. Свод памятников истории и культуры Свердловской области. – Екатеринбург : СОКРАТ, 2007. – Т. 1.
6. Столович Л. Н. Анекдот и миф // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество / Рос. ин-т культурологии ; редкол. О. К. Румянцев (отв. ред.) и др. – М. : Академический Проект : РИК, 2005. – С. 476–484.

Е. В. Андреева*

Паломничество в Екатеринбургской епархии в устойчивом развитии регионального туризма

Разновидностью религиозного туризма является паломничество, которое в нашей стране своими корнями уходит в дореволюционную эпоху. Святынями в Екатеринбургской епархии считались икона Тихвинской Богоматери, мощи праведного Симеона Верхотурского и мощи старца Далмата. Новыми религиозными центрами поклонения стали места, связанные с именем последнего российского императора. Духовные мотивы верующих людей оказывают влияние на устойчивое развитие религиозного туризма Уральского региона.

Ключевые слова: религиозный туризм; паломничество; крестные ходы; мощи.

Устойчивое развитие России и Уральского региона в частности зависит от преемственности системы духовных ценностей, развития культурного наследия нашей страны. И пока в нашей стране будут люди, готовые пожертвовать временными и преходящими материальными ценностями во имя вечного, духовного, способные осуществить какое-либо благое дело просто по чистоте душевной, до тех пор будет жива самобытная наша Родина.

Религиозный туризм – это самостоятельный вид туризма, связанный с предоставлением услуг и удовлетворением потребностей туристов, направляющихся к святым местам и религиозным центрам, находящимся за пределами обычной для них среды. Разновидностью религиозного туризма является духовно-паломнический туризм. Совершать паломничество людей побуждает много различных мотивов. Это желание исцелиться от физических или душевных недугов, помолиться за родных или близких, обрести благодать, набраться сил, сделать какую-нибудь работу (строительство храма, уборка территории монастыря). Паломничество может быть обусловлено также стремлением выразить благодарность

* ***Елена Владимировна Андреева*** – канд. истор. наук, доцент кафедры рекламы факультета социальной психологии, замдекана по инновационной и методической работе ф-та социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Е. В. Андреева, 2016

высшим силам за блага, ниспосланные ими. Некоторые верующие люди таким образом проявляют преданность вере, испытывают собственные намерения и способности к подвижничеству, хотят обрести смысл жизни [1. С. 9–10].

Чаще всего паломниками являются глубоко религиозные люди с уже сложившейся и устоявшейся системой ценностей. Поэтому большинство из них готово на время поступиться привычным образом жизни: временем, рабочей суетой, удовольствиями, кругом общения, питанием – для достижения своих духовных и нравственных целей.

В XXI в. в нашей стране произошло возрождение интереса к религии и православной церкви. Традиции паломничества в России уходят корнями еще в дореволюционное время. Древнее русское благочестие было всегда связано главным образом с монастырями: они были центрами духовной и культурной жизни.

Сегодня на территории Российской Федерации действуют 716 монастырей, тогда как в 1917 г. насчитывалось 1 025 мужских и женских обителей. В 2015 г. в составе Екатеринбургской епархии было 7 монастырей[1], а на 1917 г. их было 14 [2]. Большое количество православных обителей до революции в России связано с тем, что политика Русской православной церкви поддерживалась государством, православие являлось государственной религией в нашей стране.

Паломничества за пределы своей епархии совершались в известные монастыри, к знаменитым в народе святыням. О. В. Никифорова пишет в своей статье «Паломничество в формировании религиозного опыта»: «Для населения северных районов Оренбургской епархии для богомолья ближе других были Верхотурье и Далматов монастырь» [3].

Начиная с 26 июня 1811 г. в день чествования Тихвинской иконы стали совершаться ежегодно крестные ходы вокруг Екатеринбургской женской обители и всего города Екатеринбурга. В эту икону по предложению митрополита Новгородского Амвросия из Новгородского Софийского собора вложили переданные двадцать пять частиц святых мощей [4. С. 10].

На празднование юбилея той или иной обители всегда стекалось большое количество паломников. Так в 1910 г. отмечали 100-летие Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря и более 1 000 богомольцев пришли поклониться Тихвинской иконе Божьей Матери. Создание большого соборного храма – Александра Невского тоже было отмечено большим стечением богомольцев в летние месяцы, особенно в день чествования Тихвинской иконы.

[1] Список монастырей России // Храмы России : [сайт]. – URL: http://temples.ru/monastery.php

С 12 сентября 1846 г. к мощам праведного Симеона стали совершаться крестные ходы из всех приходских церквей в Верхотурский Николаевский монастырь. А после перенесения мощей из медной в серебряную раку поклонение к ним усилилось. Многочисленные дары богомольцев и паломников давали существенные средства для существования и процветания мужского монастыря. Самым ходовым товаром в монастырской лавке стали иконки Симеона и книжечки («Житие праведника Симеона Верхотурского»). В 1858 г. на стенах под сводами святых ворот была написана сцена перенесения святых мощей праведного Симеона, содержание росписи Надвратной церкви должно было напоминать богомольцам, что они входят в святое место, где покоятся мощи праведника [5. С. 123]. Из-за увеличивающегося количества богомольцев в 1892–1894 гг. построили двухэтажную каменную гостиницу. В начале XX в. на территории монастыря появилось еще несколько бараков для паломников. Под нужды богомольцев приспособили и монастырскую заимку «Октай».

По желанию жителей и по просьбе Далматовского волостного правления Пермская духовная консистория приказала с 1864 г. проводить и в Далматове ежегодный крестный ход – 24 июня в день преставления старца Далмата [6].

На рубеже XIX–XX веков в печати началась кампания по пропаганде мощей Праведного Симеона. Было выпущено несколько книг: описание П. Токмакова, очерк И. Н. Божерянова, работы В. С. Баранова. Проводилось это с целью популяризации мощей Святого Симеона. С 1909 г. Синод разрешил настоятелю Верхотурского монастыря ежегодный крестный ход с мощами Симеона вокруг монастырских храмов. При составлении программы крестного хода братия учла опыт наиболее прославленных российских монастырей (Почаевской Лавры, где покоились мощи преподобного Иова, Ниловой пустыни, где почивали мощи преподобного Нила). За счет этого Верхотурский Николаевский мужской монастырь превратился в региональный центр паломничества [7].

Участие большого количества человек при паломничестве из Екатеринбурга в Верхотурье 6–24 мая 1914 г. описал в своей брошюре А. Пономарев. Как выяснилось позже, «паломничество стало откликом жителей Урала на царскую милость к Верхотурскому монастырю, которому Николай II подарил драгоценную сень для раки святого Праведного Симеона» [8. С. 4].

В советское время был наложен запрет на общественную и культурно-просветительскую деятельность монастырей, начались гонения на священнослужителей.

В Екатеринбургской епархии паломнический отдел возродился только в 2000 г. На сегодняшний день отдел имеет опыт организации

паломнических поездок как внутри епархии, так и за ее пределами. Епархиальный паломнический отдел принимает групповые заявки от школ, техникумов, предприятий и организаций на проведение православных экскурсий по Храму-на-Крови, в монастырь в честь Святых Царственных Страстотерпцев на Ганиной яме, к святыням Верхотурья, Алапаевска и других городов и сел. В 2001 г. создан был епархиальный отдел «Сибирский паломник», который помогает совершить паломничество по святыням Тюмени, Тобольска, юга Тюменской области, Курганской, Свердловской, Пермской областей.

Руководитель пресс-службы Ново-Тихвинского монастыря Екатеринбурга в 2004 г. на Первой общецерковной конференции «Православное паломничество: традиции и современность», проходившей в г. Москве, предложила программу «Возрождение святынь Уральской земли».

На 2006 г. количество паломников, посетивших только Храм-на-Крови, было 25 тыс. человек, а на 2007-й – более 30 тыс. человек[2].

2008 г. стал знаменательным из-за Общероссийского крестного хода из Петербурга в Екатеринбург, который начался 5 апреля 2008 г., в память о расстреле царской семьи, произведенном 90 лет назад. Участники крестного хода – паломники (около 250 человек) из разных регионов России, а также из Украины, Белоруссии, Молдавии, других стран СНГ и дальнего зарубежья – прошли пешком около 3 тыс. километров. Завершился крестный ход 15 июля в Екатеринбурге. Пешие паломники с иконами, крестами и хоругвями прошли вдоль железной дороги, повторяя путь, по которому семью императора Николая II везли в Сибирь и на Урал [7]. Одним из значительных мероприятий стало празднование пятилетия со дня освящения в Екатеринбурге Храма-на-Крови и открытие Всемирного русского народного собора, который прошел в Царские дни на Урале.

Каждый год в России появляются новые, современные формы крестных ходов. В качестве святых мест выступают многочисленные чудодейственные источники Урала и священные купели: Тимофеевский источник в Алапаевске, источник Платониды на территории заповедника «Оленьи ручьи» в городе Нижние Серги, родник в поселке Старопышминск, источник в честь святых апостолов Петра и Павла в Сысертском районе, источник «Святой ключ» в поселке Арти и другие.

Таким образом, Западная Сибирь и Урал богаты не только природными ресурсами и красотами. Святыни региона привлекали и привлекают паломников со всех частей света.

[2] Данные паломнического отдела Екатеринбургской епархии.

Паломнические ритуалы сегодняшнего дня обнаруживают преемственность по отношению к паломнической практике прошлого. Такая преемственность проявляется в новом «наполнении» старых содержательных и структурных ритуальных схем (новая мифология как основа плана содержания, использование прежних культовых мест и дат в новом социокультурном контексте и т. п.). За счет этого и осуществляется устойчивое развитие религиозного туризма Уральского региона.

Литература

1. Христов Т. Т. Религиозный туризм : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : ИЦ «Академия», 2013.

2. Андреева Е. В. Монастыри Екатеринбургской епархии: административно-экономическое и социально-культурное развитие (1861–1935 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2006.

3. Никифорова О. В. Паломничество в формировании религиозного опыта сельского православного населения Оренбургской епархии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // История православия на Урале. – Екатеринбург, 2005. – С. 246–247.

4. Монастырский благовест. – 1997. – № 5.

5. Игумен Тихон (Затекин), Нечаева М. Ю. Уральская лавра. К 120-летию со дня образования Екатеринбургской епархии. – Нижний Новгород, 2006.

6. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2721. Л. 2.

7. Андреева Е. В. Паломничество в Екатеринбургской епархии: история и современность // Религиозное и светское паломничество: ритуал и практика : монография / Л. А. Мясникова, Е. А. Калужникова, Е. В. Андреева ; под общ. ред. д.ф.н., проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2008. – С. 103–149.

8. Паломничество из Екатеринбурга в Верхотурье / сост. А. Пономарев. – Екатеринбург, 1914.

*Е. А. Калужникова**

Светское паломничество в устойчивом развитии туризма (на примере объектов Екатеринбурга и Свердловской области)

Статья посвящена феномену «светского паломничества» на примере знаковых мест Екатеринбурга и Свердловской области. Автор обосновывает преемственность светского паломничества, предлагает собственную классификацию объектов нерелигиозного паломничества, актуального в эпохи аксиологических трансформаций.

Ключевые слова: светский; паломничество; ритуалы; аксиология; архитектура; культура.

Паломничество рассматривается нами в двух аспектах – паломничество *религиозное,* когда почитаемые святыни являются частью религиозных представлений, и паломничество *светское,* когда объекты поклонения не связаны с какой-либо религией, но по ряду причин имеют для паломника ценностное, духовное значение. Это могут быть могилы известных писателей, музыкантов, т. н. «культовые» архитектурные места, археологические и природные памятники, «аномальные объекты» и т. д. Посещение этих объектов реализует не столько познавательную, сколько психологическую и аксиологическую функции.

Светское паломничество чрезвычайно неоднородное и противоречивое явление, поскольку наделение объекта сакральными, транскультурными смыслами – процесс во многом субъективный. Тем не менее формирование ритуально-смысловой системы вокруг того или иного объекта позволяет говорить о преемственности по отношению к паломнической практике прошлого. Эта преемственность проявляется в новом «наполнении» старых содержательных и структурных ритуальных форм новым содержанием.

К категории «светского паломничества» тот или иной объект может быть отнесен по следующим ***признакам***: 1) сакрализации объекта посещения; 2) ритуализированности посещения объекта; 3) малодоступности или малоизвестности объекта для «непосвященных».

* ***Екатерина Аркадьевна Калужникова*** – канд. культурологии, ст. преподаватель кафедры СКСиТ, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Е. А. Калужникова, 2016

Преемственность паломничества как формы путешествия к святыне обнаруживается на уровне ритуального плана выражения. *Структура* паломнического ритуала едина как для религиозного, так и для светского паломничества, она формируется определенным набором и соотношением *символических языков-кодов* (персонажного, акционального, пространственного, временного, предметного, вербального, музыкального, изобразительного) – с одной стороны, композиционной организацией действа – с другой. Следует отметить, что паломничество включает все основные известные мировой обрядовой практике коды, направленные на раскрытие сакральных смыслов странствия к святыне. Однако в соотношении кодов паломнического ритуала наблюдается специфика: главное значение среди всех символических языков приобретает *пространственный*, что обусловлено самой идеей путешествия, центральной в паломническом ритуале[1]. Сущность паломнического ритуала – наличие в содержательном аспекте сакрального начала, инициируемого мифологическими представлениями его носителей.

Автор благодарит участников интернет-опроса, поделившихся своим видением и опытом посещения «культовых мест» Екатеринбурга и Свердловской области, особенно Татьяну Мосунову, Варвару Смирнову, Нину Садыкову, Ольгу Мишунину.

Мы предлагаем следующую классификацию объектов светского паломничества на Урале: 1) объекты светского паломничества *официально-общественного значения (мемориалы, советские памятники)*; 2) объекты *общественно-культурные (архитектурные памятники*; 3) объекты светского паломничества *неформальных объединений молодежи*; 4) *природные* объекты.

1. Объекты светского паломничества *официально-общественного значения.* К ним относятся мемориальные места могилы и захоронения, а также памятники известным персоналиям и культурно-историческим событиям.

В России большинство святынь *официально-политического* значения возникло в рамках идеологии советской эпохи. Но за последние 25 лет статус и состав официальных святынь существенно изменился. Так, *стела у Вечного огня* в Екатеринбурге уже не является местом традиционного «свадебного паломничества». Обычай исчез примерно в начале 2000-х годов. Сейчас новобрачные предпочитают посещать Храм-на-крови и монастырь на Ганиной яме.

[1] Подробнее о кодах паломнического ритуала см. [1].

Памятник воинам-интернационалистам *«Черный тюльпан»*, напротив, является местом проведения целого ряда официальных церемоний. Для участников боевых действий монумент является местом памяти, скорби. Помимо возложения цветов в годовщины начала и окончания локальных войн на Площади Российской армии приносят присягу воспитанники военных колледжей Екатеринбурга.

Иногда в массовом сознании происходит переосмысление первоначальной сущности культового персонажа. Так, до настоящего времени школьники села Герасимовка (Тавдинский район Свердловской области) перед экзаменами или накануне Нового года приходят к *могиле Павлика Морозова* и прячут в ограде записочки с просьбами и пожеланиями.

Могила декабриста В.П. Ивашева и Камиллы Ле-Дантю (Туринск). Камилла Ле Дантю – одна из «жен декабристов», последовавшая за своим мужем в ссылку. Сейчас могила Камиллы и Ивашева – место паломничества прежде всего девушек и женщин, а также молодоженов Туринска. Их называют «туринскими Ромео и Джульеттой». В настоящее время, по словам сотрудников туринского музея декабристов, «вместе с загсом музей организует вечера для молодоженов “И жизнь, и слезы, и любовь”. В первый день дарим им свою экскурсию. На второй день после официального бракосочетания музейные работники, молодые, родители, друзья – все идем на могилу Василия Петровича и Камиллы» [2; 3].

Особая и достаточно неожиданная ритуальная практика сформировалась в среде выпускников радиофакультета УрФУ-УПИ. Своим «неофициальным покровителем» они считают российского изобретателя радио Александра Попова и трогательно ухаживают за памятником (ул. Пушкина, Нуровский сквер). Седьмого мая, в День Радио, студенты и выпускники чистят памятник А. Попову, украшают цветами и воздушными шариками, вечером от памятника к зданию УПИ на ул. Мира устраивается шествие всех выпускников радиофака.

2. *Объекты общественно-культурного значения* связаны с почитанием популярных, любимых массовой аудиторией писателей и поэтов, музыкантов и художников, режиссеров и актеров. Идейная основа подобных ритуалов формируется путем объединения в массовом сознании фактов биографий художников с наиболее известными аспектами их творчества. К этой категории можно отнести и архитектурные нерелигиозные памятники, которые осмысляются как часть городской мифологии.

Данную группу объектов можно разделить на а) *«общественно-культурные объекты»* и *б) объекты – элементы сюжета художественных произведений.*

К *общественно-культурным объектам* относятся театры, музеи, городские скульптуры, археологические памятники.

Конструктивизм «Динамо» и «Белой башни». «Городок Чекистов» – гостиница «Исеть». Вообще конструктивистские объекты – особенно после Биеннале-2015 приобрели в Екатеринбурге особый статус

Для краеведов, историков, экскурсоводов, а также тех, кто неравнодушен к историческому наследию города, особое значение имеют утраченные, уничтоженные памятники городской архитектуры. Несколько лет назад возникло «кладбище архитектурных памятников» – «город-призрак».

Большая часть *археологических памятников* – анонимна, поэтому посещение храмовых комплексов, отделов древности, если это не связано с профессиональным интересом, осмысляется как приобщение к общечеловеческой истории мировой культуры, «путешествие в глубь веков». Нередко археологические объекты в силу их малопонятности для рядового зрителя, малоизученности мифологизируются, наделяются магическими чертами. Древность в бытовом сознании ассоциируется с «золотым веком» магии, мудрости, сакрального знания, поэтому многие древние объекты непременно считаются «культовыми» и даже «волшебными». Нередко рациональное, даже бытовое, объяснение какого-либо археологического объекта не принимается и не запоминается посетителями музея (скучно и малопонятно), зато мистическая, мифологическая трактовка, как художественный образ, усваивается и транслируется дальше. Разумеется, профессиональных историков подобная ситуация не устраивает, и те же хранители Шигирского идола предпочитают не популяризировать Идола, чтобы не было «массового паломничества, как в Аркаим».

Среди наиболее знаковых археологических памятников следует назвать Уральские дольмены на территории Свердловской области (окрестности г. Шитовской толстик) и Шигирского идола.

К «культовым» местам относят единственный частный театр Екатеринбурга – *«Коляда-театр»* (Тургенева, 19; Ленина, 97). Прежде всего, благодаря многогранной фигуре его создателя – Николая Коляды – драматурга, режиссера, актера, педагога, блогера. Вокруг театра сформировался свой круг поклонников, которых нередко иронично называют «сектой», поскольку поклонники Коляда-театра чрезвычайно бурно защищают и оберегают репутацию театра.

Объекты паломничества – элементы сюжета художественных произведений.

Сфера искусства может осмысляться как область сакрального, как вневременное бытие и как «связь времен», т. е. нечто,

осязаемым образом преодолевшее законы физической смерти, когда слово, картина, скульптура на много сотен (и даже тысяч) лет переживает своего создателя. «Оставить след в искусстве» – значит приблизиться к тайнам Творца, победить саму смерть. Частью паломнического ритуала становится перечитывание книги, пересмотр фильма, в котором описывается то или иное место. Таким образом в памяти «закрепляется» не просто место, а «образ места», поиск, обход знаковых мест, взаимодействие с ними.

Екатеринбург Бориса Рыжего. Борис Рыжий (8 сентября 1974, Челябинск – 7 мая 2001, Екатеринбург), наверное, самый известный современный екатеринбургский поэт. Сейчас в Екатеринбурге ежегодно проходят поэтические встречи памяти поэта, в Центре современной драматургии идет моноспектакль «Рыжий». Кроме Вторчермета и могилы поэта, «адреса́ Бориса Рыжего» – это улица Шейнкмана, где жили родители поэта и где жил он сам в последние годы жизни.

3. *Объекты светского паломничества неформальных объединений молодежи*. В Екатеринбурге культовыми местами уральских и приезжих неформалов в середине 80-х – начале 90-х считались: *«Плита»* (пятачок в сквере у Пассажа, площадка тусовок неформалов и тогдашнее место торговли картинами); *рок-клуб «Фауст»* (на Педагогической, 20); *«Грот»* (недостроенный подземный переход на Плотинке); *«у Родонита»* (камень перед «водопадом» на Плотинке, место встреч); *«Букашник»* (частный дом на ул. Толмачева), мастерская народного художника-скомороха Б. У. Кашкина – Евгения Малахина, место проведения неформальных перформансов, выставок и концертов); *Сурикова, 31, «Ленина, 11»*; *«Станция вольных почт»* – места действия экспериментальных художественных выставок, 225-я *«комната СашБаша»* в общежитии УрГУ на ул. Большакова, в которой жил поэт и музыкант Александр Башлачев.

Сейчас из всего перечисленного сохранился только Родонит, комната СашБаша (про которую даже не все студенты знают), *Грот* превратился в *Переход* и является по-прежнему знаковым местом для неформальной молодежи Екатеринбурга. Остальные объекты либо уничтожены (Букашник, сквер у Пассажа), либо полностью утратили свой культово-паломнический статус в молодежной среде (Сурикова, 31; Ленина, 11).

У экстремальных туристов считается культовой *недостроенная телевизионная башня* у цирка. Она посещалась активно во второй половине 90-х годов, пока не был окончательно закрыт к ней доступ. Некоторые верхолазы совершали на нее подъемы более 200 раз.

В последние годы сформировался целый пласт объектов уличной художественной культуры – т. н. граффити и арт-объекты, сознанные независимыми «уличными» художниками (например, *фонари-абажуры* Тимофея Ради на проспекте Ленина), временные арт-инсталляции *«Страна возможностей»* Славы Парк – инсталляция из костылей в здании заброшенной больницы в Зеленой Роще.

4. Объект паломничества – природные памятники.

Поклонение природе – древнейший пласт религиозной культуры. Издавна люди поклонялись родникам, горам, деревьям. В современном мире путешествия к природным красотам, в нетронутые цивилизацией уголки обусловлены конфликтом цивилизации и природы.

Источник Платонида (окрестности поселков Мариинск и Красный Яр) – родник, к которому приходят те, кто желает иметь детей. В этой связи сформировался достаточно странный и неэкологичный обычай развешивать на кустарниках и деревьях рядом с источником предметы нижнего белья и полотенца. Якобы это способствует «исполнению желания».

Местом паломничества фотографов и клипмейкеров считаются *«Пески» под Березовском*. У геологов/спелеологов-любителей место паломничества – отвалы в Мурзинке. У нудистов культовое место – пляж на озере Песчаном.

В последнее время особое внимание стал привлекать *перевал Дятлова* – место гибели свердловских туристов на севере Свердловской области (окрестности г. Холат-Сяхл). Туристами перевал посещается время от времени, но общественный интерес возобновляется благодаря множеству возникающих версий, книгам (например, благодаря повести «Перевал Дятлова» Анны Матвеевой), документальным фильмам и т. д. Нераскрытая тайна гибели дятловцев, мансийские легенды, труднодоступность объекта – все это образует мрачноватый ореол.

Особую категорию природных объектов составляют заброшенные шахты и карьеры. Здесь можно назвать карьер *«Старая линза»*, озеро *Тальков Камень*. В Оленьих ручьях некоторые вполне ритуально обязательно из пригоршни пьют воду из *Митькиного ручья* (или из других ручьев и самой Серги), даже если не испытывают жажды. Существует народное предание, что «нужно во всех Митькиных озерах искупаться, но это не каждому дано». «На Старой линзе – обязательно необходимо сфотографироваться с гигантской бензопилой, как будто ты ее держишь».

Выбранные нами объекты, безусловно, могут через несколько лет измениться или исчезнуть. Процесс формирования паломнических центров, как религиозных, так и светских, нередко стихий-

ный и нерегламентируемый. В любом случае возникновение паломнических центров связано с реализацией аксиологической, социальной и мировоззренческой функций. И это делает паломничество явлением вневременным, живым и постоянно обновляющимся.

Литература

1. Калужникова Е. А., Мясникова Л. А. Паломничество и паломнический ритуал: понятие, сущность, структура, функции // Мясникова Л. А. Религиозное и светское паломничество: ритуал и практика : монография / Л. А. Мясникова, Е. А. Калужникова, Е. В. Андреева; под общ. ред. д. ф. н., проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2008. – С. 29–35.

2. Музей декабристов : [сайт]. – URL: http://decemb.hobby.ru/index.shtml?alphavit/alf_i#ivashev

3. О декабристах в Туринске. – URL: http://alshevskix.livejournal.com/394620.html

Н. А. Слободчиков*

Имитация культуры под влиянием туризма

В тезисах рассматривается влияние туризма на культуру. Автор показывает социально-культурное и экономическое влияние туризма. Несмотря на огромные доходы от туристской деятельности, мы не должны забывать о том воздействии, которое оказывают на культуру и окружающую среду туристские центры. Развитие туризма должно быть ориентировано на сохранение культурного наследия региона и сохранение природной среды.

Ключевые слова: туризм; конструирование; культура; симулякры.

Огромное влияние на все стороны жизни общества, отдельных людей и культуру в целом оказывают мощнейшие процессы глобализации. Усиливая роль транснациональных взаимодействий, глобализация расширяет масштабы коммуникации, делая более удобной культурную жизнь общества. Удобства, создаваемые этими процессами, можно расценивать как исключительно положительные результаты. В разгар экономического кризиса мы можем говорить и о негативных последствиях интеграции обособленных культур в глобальную интернациональную суперкультуру К. Болдуинга [2]. Любое развитие предполагает как положительные, так и отрицательные результаты.

Процесс глобализации в туризме проявляется в развитии массовых форм отдыха, стандартизации услуг и развитии информационных технологий. С другой стороны, туризм может оказывать негативное влияние на национальное, культурное, территориальное своеобразие. На фоне глобализации развиваются процессы регионализации, происходит осознание региональных интересов. По достижении определенного момента регионализация начинает сдерживать глобализацию, иными словами регионализация, являясь следствием глобализации, становится препятствием на ее пути.

Говоря о процессе глобализации, который влияет и на развитие культуры, Г. Гачев утверждает: «…в ядре своем каждый народ остается самим собой, пока сохраняются особенный климат, времена года, пейзаж, пища, этнический тип, язык и проч., ибо они

* ***Николай Александрович Слободчиков*** – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Н. А. Слободчиков, 2016

непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления. Соответственно и о Единой материальной Вселенной (Космос) или Духа (Логос) у каждого народа складывается свой образ. Инвариант бытия видится каждым в своем варианте, в особой проекции, как единое небо сквозь атмосферу, определяемую разнообразием поверхности Земли… Национальные образы мира есть диктант национальной Природы в Культуре» [1. С. 17–18, 21–24].

Развитие туризма влечет за собой последствия для многих областей общества, в первую очередь экономической, экологической и социальной. Об этом пишет Джон Урри: «Туристы во все большей мере воспринимаются как главные загрязнители окружающей среды по сравнению с местными обитателями, каковым отводится роль носителей аутентичных форм жизни. Это сравнение, конечно, не полностью оправдывает себя из-за огромного влияния фермерской деятельности местных на качество окружающей среды. Тем не менее туристы увеличили риск для тех, кто живет в отдельных местах» [5. С. 85].

Современный туризм основывается не только на природных и культурных факторах, он создает огромное количество симулякров, которые никак не соотносятся с действительностью. Если модель представляет собой более простое представление реальности, то за симулякрами реальности нет. Симулякр основывается на сконструированном псевдособытии, имитационном ландшафте, т. е. на знаке без референта.

«Средства виртуализации формируют миры, т. е. замкнутые универсумы сколь угодно большого или локального масштаба. «Мир медиа», «мир рекламы», «мир моды» («мир кожи», «мир паркета», «мир меха») порой становятся для массового потребителя первостепенными и более важными, чем сами товары, факты и люди…» Постепенно накопленные симулякры замещают реальность и становятся самостоятельными. «Симулякр – это копия копии, лишенная подобия» [4. С. 112, 118].

Как положительное, так и отрицательное влияние туризма на культурную среду можно рассматривать как конструирование культуры, поскольку туристская деятельность приводит к изменению изначального состояния культуры и достраивает ее искусственными конструктами, а не естественной реальностью, т. е. природой.

Необходимо отметить значимость мифа в конструировании современной культуры, так как миф является колыбелью искусства, литературы, религии и философии.

Удовлетворение желаний туристов – это процесс, при котором все туристские объекты подвергаются строгой стандартизации. Все ресурсы, такие как ландшафт, жилье, напитки и еда, должны

соответствовать потребностям и запросам туристов. Некоторые вещи могут уйти из культуры региона из-за своего несоответствия туристским стандартам и нормам.

Таким образом, мы наблюдаем за тем, как туристская деятельность постепенно видоизменяет мышление людей, ценности, привычки. В совокупности эти факторы перестраивают культуру, заменяя старые кирпичи новыми, достраивая новые этажи, образуя что-то совершенно новое, имеющее сходство со старым, но кардинально отличающееся от него своей искусственностью. Вместо культурных артефактов и природной основы культуры остается имитация.

Литература

1. Гачев Г. Д. Национальный космос // Современная драматургия. – 1990. – № 2.

2. Кравченко А. И. Социология : учебник для студентов вузов. – М. : Логос, 1999.

3. Мурзина И. Я., Мурзин А. Э. Очерки истории культуры Урала : монография. – Екатеринбург : ООО «Форум-книга», 2008.

4. Покровский Н. Е., Черняева Т. И. Туризм: от социальной теории к практике управления : учеб. пособие. – М. : Логос, 2008.

5. Урри Дж. Туристическое созерцание и окружающая среда // Вопросы социологии. – 1996. – Вып. 7.

Е. В. Хохрякова, М. В. Чудиновских***

Страхование гражданской ответственности туроператоров как инструмент повышения качества туристского продукта

В статье рассмотрены причины низкой эффективности защиты интересов туристов посредством страхования гражданской ответственности туроператора, проблемы законодательного обеспечения этого вида страхования и возможные пути их решения.

Ключевые слова: туристский продукт; туроператор; турист; договор о реализации туристского продукта; гражданская ответственность туроператора.

Туризм является важным направлением в сфере социально-культурного сервиса. На туристическом рынке России действует более 4 тысяч туроператоров, из них выездным туризмом занимаются 695. За 9 месяцев 2015 года в туристических поездках за рубежом побывали почти 10 миллионов россиян [3]. Взаимовыгодные цивилизованные партнерские отношения между турфирмами и туристами, наличие эффективных инструментов защиты их интересов будут способствовать развитию российского туристического рынка.

При организации путешествия стороны заключают договор о реализации туристского продукта, в соответствии с которым туроператор оказывает туристам все входящие в туристский продукт услуги и несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по такому договору. Туристу гарантируется возмещение реального ущерба при существенных нарушениях такого договора по вине туроператора [1].

Предусмотрено два варианта финансового обеспечения выполнения туроператором обязательств по договору с туристом:

* ***Евгения Владимировна Хохрякова*** – ст. преподаватель кафедры экономико-правовых дисциплин, Уральский институт коммерции и права, преподаватель АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** ***Марина Вячеславовна Чудиновских*** – канд. юрид. наук, доцент кафедры экономико-правовых дисциплин, Уральский институт коммерции и права (г. Екатеринбург).

© Е. В. Хохрякова, М. В. Чудиновских, 2016

банковская гарантия или договор страхования гражданской ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта [1]. Как показывает практика, 98 % туроператоров предпочитают страхование [4].

С 2012 году в России действует ассоциация «Объединение туроператоров в сфере выездного туризма “Турпомощь”», основной задачей которой является оказание экстренной помощи туристам, оказавшимися в сложной ситуации за рубежом из-за финансовых проблем туроператора. Для этой цели создан компенсационный фонд. Взносы в него вносят туроператоры, работающие в сфере выездного туризма (минимальный размер взноса 100 000 рублей; закон [1] предусматривает взносы в размере 0,1 % от оборота туроператора).

Несмотря на ряд имеющихся гарантий, проблема защиты интересов путешественников очень актуальна. В потрясениях туристического рынка за последние пять лет пострадали десятки тысяч граждан. Особенно показателен в этом отношении был 2014 год, за который 20 туроператоров прекратили деятельность (для сравнения – в 2015 году только 5).

Можно выделить следующие причины банкротства туроператоров:

- рост курса доллара и евро по отношению к рублю и, как следствие, переориентация туристских потоков на внутренний туризм;
- недостаточность собственных средств и, следовательно, зависимость туроператоров от банковских кредитов [6];
- ошибки или отсутствие финансового планирования деятельности туроператоров, в результате чего резко возросла задолженность перед контрагентами, построение своего рода «пирамиды» (туроператоры рассчитывались по текущим обязательствам за счет предоплаты, вносимой туристами за будущие туры);
- снижение туристского потока за рубеж после террористического акта в Египте и ухудшения отношений с Турцией;
- запрет на выезд отдельных категорий граждан;
- недостатки государственного регулирования.

В результате банкротств туроператоров количество пострадавших туристов составило 175 216 человек, общий объем требований по возмещению ущерба – около 4 млрд руб. При этом за счет страховщиков было компенсировано не более 50 % от стоимости оплаченных туров, а выплаты из компенсационного фонда объединения «Турпомощь» составили 300 млн руб (75 % фонда) [5. С. 17].

Основные причины невыплат компенсаций страховщиками:

- страхование с лимитом ответственности в размере минимально допустимой для выездного туризма суммы финансового обеспечения (30 млн руб.). Этим объясняется низкий уровень компенсационных выплат (2,8–10 %);
- превышение суммы требований о компенсации над лимитом ответственности по договору страхования ответственности туроператора;
- выбор страховых компаний, не обладающих достаточной финансовой устойчивостью.

Так, СК «Восхождение», с которой были заключены договоры страхования ответственности большинства обанкротившихся летом 2014 года туроператоров, не имела достаточных активов и резервов для принятия совокупного риска в размере около 2 млрд руб. Компания была признана банкротом, и в августе 2014 г. ЦБ РФ отозвал у нее лицензию. Средств компенсационного фонда «Турпомощи» также может оказаться недостаточно в случае, если потребуется вывозить из-за рубежа тысячи человек. По итогам 2015 года резервы «Турпомощи» составляют всего 215 млн руб. [7].

Таким образом, действующие финансовые механизмы защиты интересов путешественников недостаточно эффективны. Как можно это исправить?

1. Необходимо установить более жесткие требования к страховщикам, осуществляющим страхование ответственности туроператоров (по аналогии со страхованием ответственности застройщиков: минимальный размер уставного капитала для страховых компаний установлен в размере 1 млрд руб.), и предусмотреть их обязательное членство в НССО (Национальном союзе страховщиков ответственности). Реализация этого предложения исключит возможность работы в этом сегменте страхового рынка слабых, финансово неустойчивых страховщиков.

2. При заключении договоров страхования ответственности необходимо обязать туроператоров предоставлять страховщику бухгалтерскую отчетность и аудиторское заключение о финансовой деятельности за три предшествующих года – это позволит страховщику оценить финансовую устойчивость своего клиента-туроператора и определить реальный объем обязательств туроператора, а следовательно, и своей страховой ответственности. Нежелание страховщиков страховать договорную ответственность туроператоров объясняется непрозрачностью информации об их платежеспособности, неполнотой официальных статистических данных, невозможностью проверить туроператора на добросовестность. Действующее законодательство не предусматривает обязательного опубликования отчетности туроператоров, она передается только в Федеральное агентство по туризму [2].

3. Необходимо увеличить размер минимальных сумм финансовых гарантий для внутреннего туризма, увязав их с оборотом турфирм за предыдущий год. В условиях запретов полетов в Турцию и Египет, а также влияния девальвационного фактора на туристический рынок можно ожидать существенного смещения спроса в сторону внутреннего туризма. Низкий размер финансового обеспечения по внутреннему туризму не позволит защитить интересы туристов при наступлении страхового случая.

4. Для членов ассоциации «Турпомощь» также было бы целесообразно увеличить размер взносов в компенсационный фонд (допустим, до 0,5 % от оборота, но не менее 200 000 руб.). Такая мера будет способствовать росту резервов ассоциации. С учетом переориентации туризма с выездного на внутренний, в перспективе может встать вопрос о распространении действия этой ассоциации и на защиту интересов туристов при поездках по России.

5. Необходимо разработать механизм оперативного обмена информацией между страховщиками и Федеральным агентством по туризму, чтобы не допустить заключения договоров страхования с исключенными из федерального реестра туроператорами.

Реализация предложенных мер позволит туроператорам и страховщикам более эффективно выполнять свои обязательства перед туристами, будет способствовать повышению качества туристского продукта, росту доверия к туроператорам и к страховщикам, а это, в свою очередь, позитивно отразится на развитии туристической отрасли.

Источники

1. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // СЗ РФ. – 1996. – № 49. – Ст. 5491.

2. Об утверждении Порядка предоставления юридическими лицами, осуществляющими туроператорскую деятельность, бухгалтерской отчетности в Федеральное агентство по туризму и внесении изменений в Приказ Ростуризма от 10 мая 2007 года № 28 : Приказ Ростуризма от 04.08.2009 № 175 // Российская газета. – 2009. – № 178.

3. Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального агентства по туризму. – URL: http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/

4. Вараксина Я. Сумма страхового покрытия ответственности туроператоров снизилась вдвое [Электронный ресурс] // Страхование сегодня. – URL: http://www.insur-info.ru/press/110846/

5.Данилейко Н. Г. Организация и технология проведения внешнего аудита турагентов : дис. … канд. экон. наук. – Краснодар, 2015.

6. Куделя Е. В., Максимов Д. В., Куделя А. В., Волкова Т. А. Банкротство туроператоров: причины и следствия [Электронный ресурс] // Управление экономическими системами. – 2014. – № 12. – URL: http://uecs.ru/uecs-72-722014/item/3277-2014-12-27-07-41-09

7. Турпомощь : Ассоциация «Объединение туроператоров в сфере выездного туризма. – URL: http://www.tourpom.ru/

С. В. Заякин*

Гостеприимство как основа устойчивого развития России

В настоящей работе мы рассмотрим существующие подходы к государственному гостеприимству как механизму адаптации и интеграции вновь пребывающих лиц в принимающее общество, как залог его устойчивого развития.

Ключевые слова: государственное гостеприимство; миграция; устойчивое развитие.

По данным Международной организации по миграции, число мигрантов, прибывших в Европу в 2015 году, превысило отметку в 1 миллион человек [1]. Россия в этом новом переселении народов пока играет роль перевалочной базы по пути в страны Северной и Восточной Европы. Но даже на этом фоне вопрос о государственном гостеприимстве играет большую роль.

Вопрос о государственном гостеприимстве с 80-х годов XX века рассматривается во французской политической философии: ее предметом, с одной стороны, является гостеприимство, а с другой – образ иностранца и государственная политика в отношении иммиграции [2. С. 96]. Английский социолог Э. Гидденс выделяет две модели государственного гостеприимства, существующие с конца Нового времени, и особо востребованные в XX веке. Во-первых, модель мультикультурности (культурный плюрализм [3. С. 230]), на протяжении длительного времени реализуемая в странах Евросоюза (Франция, Германия), Великобритании и Канаде. В рамках мультикультурализма государство всячески помогает иммигрантам сохранить свою культурную и национальную идентичность и, вместе с тем, стать полноправными членами принимающего общества, наделяя их привилегиями даже большими по сравнению с коренным населением (курсы по изучению языка, квоты при приеме в вузы и на работу, социальная поддержка). В настоящее время данная модель переживает кризис. Сохранив свою идентичность, «новые граждане» не стали интегрироваться в окружающее их об-

* ***Сергей Владимирович Заякин*** – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет»; аналитический центр «Эксперт», руководитель проектов/ЦРЭИ ВШЭМ УрФУ, специалист по аналитической работе (г. Екатеринбург).

© С. В. Заякин, 2016

щество, продолжая жить замкнутыми общинами (выходцы из стран Магриба во Франции, турецкие общины в Германии). Часто национальные общины паразитируют на проблемах принимающего государства (высокий уровень безработицы среди иммигрантов и жизнь на социальные пособия), имеют высокий уровень криминогенности (что хорошо показано во французских фильмах «13-й район» и «Пророк») и недовольства действиями властей, принимающих меры по изменению сложившейся ситуации. Следствием этого стали «бунты окраин» в Париже в 2006 и 2010 гг., в Лондоне в 2011 г. Ответом коренного населения на подобные действия иммигрантов (злоупотребление гостеприимством) являются ксенофобия и терроризм (например, теракты А. Брейвика в Норвегии в 2011 г.).

Во-вторых, это модель ассимиляции [3. С. 230], ярким примером которой являются США. Впервые идею «плавильного котла» озвучил Дж. Гектор Сент-Джон де Кревкер в 1782 г., в «Письмах американского фермера» [5]. В рамках данной модели прием в общество осуществляется на условии формирования новой идентичности взамен культурно-национальных отличий. Это ведет к утере или вестернизации национальных культур, обезличиванию гостеприимства и превращению его в индустрию приема (прагматический подход к гостеприимству).

В России, на наш взгляд, существует противоречивая смешанная модель: стихийно развивающийся мультикультурализм (иммигранты сохраняют свою культурную идентичность, проживая довольно замкнутыми общинами) соседствует с усилиями государства по формированию общей для населения России идентичности по территориальному («россияне») или религиозному признаку. Данная ситуация является социально опасной как для коренного населения, так и для представителей общностей иммигрантов. Отсутствие внятных действий по отношению к гражданам других государств (по их адаптации в российское общество, защите их интересов) и соблюдение при этом прав и свобод граждан РФ порождает: 1) ксенофобские настроения среди коренных жителей [4. С. 212–254]; 2) страх перед Россией у представителей ряда государств, прежде всего западных.

Социологическое изучение практик гостеприимства, функционирующих на уровне муниципальных органов, региональных структур и государства в целом, актуально в XXI веке по следующей причине: гостеприимство является феноменом-антагонистом ксенофобии – ксенофилией – открытым и предупредительным отношением к представителям других государств, а также рас и национальностей. Знание этих особенностей позволит оптимально выстраивать структуру взаимодействия принимаемых субъектов, органов власти и местного сообщества.

Литература

1. Международная организация по миграции. – URL: http://publications.iom.int/system/files/migration_initiatives2016.pdf

2. Гай-Никодимова М. Возможна ли гуманистическая философия гостеприимства? // Традиционные и современные модели гостеприимства / сост. А. Монтандон и С. Н. Зенкин. – М. : РГГУ, 2004. – С. 96–118.

3. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс, при участии К. Бердсолл ; пер. с англ. – 2-е изд., перраб. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2005.

4. Гудков Л. Д. «Россия для русских»: смешанная агрессия, ксенофобия антимигранские настроения в России // Абортивная модернизация. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2011. – С. 212–254.

5. Melting pot [Электронный ресурс] // Wikipedia.org. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Melting_pot

С. А. Рамзина, М. Семензато***

Инфраструктура гостеприимства в устойчивом социально-культурном туристском пространстве Свердловской области

В статье рассмотрены факторы, обусловливающие бизнес-активность региональной сферы гостеприимства. Также обозначены возможности предприятий гостеприимства – производителей туристского продукта в создании устойчивого туристского социально-культурного пространства Свердловской области.

Ключевые слова: инфраструктура гостеприимства; устойчивость развития туризма; туристское пространство; предприятия размещения; сфера общественного питания; комфортность среды; атрибуты туристской аттракции.

Устойчивость регионального развития туризма в современных российских условиях предопределяется влиянием факторов внешней среды: экономической, политической, правовой. Барьеры выездного туризма выступают стимулом активизации туристской деятельности на внутреннем рынке, что подтверждают данные пассажироперевозок Свердловской железной дороги: в 2014 г. отправлено 31,8 млн пассажиров, в 2015 – 30,0 млн [7]. В 2014 г. количество пассажиров на внутренних и международных рейсах международного аэропорта Кольцово было приблизительно равным. Причинами 29 %-ного спада пассажиропотока на международных линиях в 2015 г стали рост курса валюты и изменчивая международная политическая ситуация. Перевозка пассажиров на внутренних рейсах увеличилась на 14 % [5].

Инфраструктурные объекты сферы гостеприимства вовлечены в туристские практики. Гостиницы, санатории, рестораны, развлекательные клубы, базы отдыха, выставочные операторы и проч. формируют региональное социально-культурное пространство территории.

* ***Снежана Александровна Рамзина*** – канд. социол. наук, завкафедрой социально-культурного сервиса, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** ***Марио Семензато*** – профессор Института гостеприимства им. Пьетро Абано (Италия, г. Падуя).

© С. А. Рамзина, М. Семензато, 2016

Социальность физического пространства основана на опыте туристского, гостевого восприятия, проживания, присвоения, интерпретации места. Согласно трактовке П. Бурдье, социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве услуг и благ, а также взаимодействие физически локализованных агентов, присваивающих услуги и блага [3. С. 104]. Социально-культурное пространство гостеприимства представляет одновременно и объективную социальную реальность (физическое пространство предприятий), и субъективную возможность людей задавать пространственную структуру через общностную консолидацию, установление социальных связей, распределение социальных ролей и обязанностей.

Социально-культурный феномен регионального гостеприимства проявляется через разные способы организации, функционирования и развития взаимоотношений субъектов социальной среды-акторов гостеприимства г. Екатеринбурга и Свердловской области (рисунок).

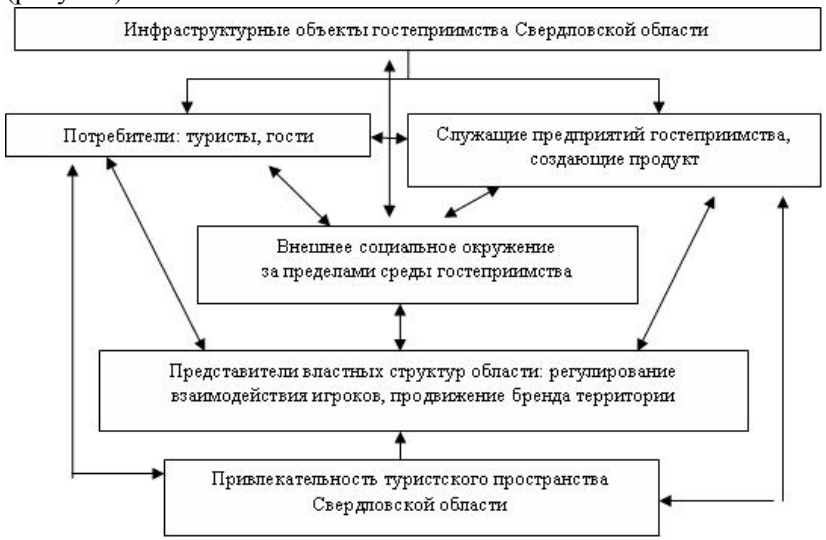


Рис. Социальные общности взаимодействующих субъектов практик гостеприимства

Гости-туристы воспринимают коммерциализированное гостеприимство города, области как необходимый атрибут комфорта в пространстве своего путешествия. В рамках проекта «Маркетинг территории: продвижение Екатеринбурга в англоязычном “Фейсбуке” по заказу Администрации Екатеринбурга Digital-агентство Done Creative проводило исследование среди 100 туристов из США,

Европы и Азии, посетивших Екатеринбург. В их восприятии «Екатеринбург – это настоящая Россия (True Russia), люди здесь традиционных взглядов, приветливые и готовые помочь». По итогам опроса исследователи выстроили ассоциативный ряд места: «Николай II, Борис Ельцин, Сибирь, граница Европы и Азии, глубинка» [11]. Анализ комментариев опыта пребывания в Екатеринбурге англоязычных подписчиков страницы «Keep Calm & Go to Ekaterinburg» отражает их интерес к гостевому опыту других иностранных туристов. Ранжирование тем контента (см. ниже) позволило: охарактеризовать широту гостевых запросов, определять содержание и порядок гостевых предпочтений.

Распределение тем контента англоязычного сегмента страницы «Фейсбук» «Keep Calm & Go to Ekaterinburg» (Добро пожаловать)

Отлично: *праздники в России, особенно религиозные; уральская природа; краткие гиды в стиле «3 дня в городе? Куда сходить» – привлекает то, что отсутствует в стране подписчика страницы.*

Хорошо: *фото дня / городские зарисовки; достопримечательности; иностранцы о городе; вопрос-ответ; известные на Западе россияне, связанные с Уралом (Борис Ельцин).*

Удовлетворительно: *история города; известные люди; инвестиционные и новостные материалы о городе и регионе.*

Неудовлетворительно: *афиша событий; дайджест новостей; малоизвестные на Западе деятели, связанные с Уралом» [11].*

Взаимодействие гостей с внешним социальным окружением в рамках потребления дополнительного продукта формирует интерес к истории, достопримечательностям, известным людям, фактам повседневной жизни, событиям культуры края. Инфраструктурные возможности гостеприимства через аттрактивные практики влияют на устойчивость туристского интереса, формируя постоянство регионального гостевого, туристского потока.

Ярким примером гостевой, туристской аттракции Екатеринбурга с конца 2015 г. стал Ельцин-центр. Инфраструктура многофункционального центра ориентирована на реализацию деловых, культурно-просветительских проектов. Основной продукт определен главной задачей центра – сохранением, изучением и осмыслением исторического наследия Б. Н. Ельцина в контексте политических и социальных событий России 90-х. Он реализуется главными инфраструктурными составляющими: музеем, архивом, библиотекой Б. Н. Ельцина [6]. Широкая линейка проектов превращает

Ельцин-центр в место притяжения и развития культуры, науки, образования, спорта и туризма. Здесь проводятся художественные выставки, музыкальные конкурсы, концерты, кинопоказы в Центре документального кино, театральные спектакли, поэтические вечера, конкурсы научных работ, лектории, открытые дискуссии, книжные ярмарки, проекты поддержки молодежи, людей с ограниченными возможностями. Услуги буфета и кафе «1991» с десертами по рецептам Н. И. Ельциной усиливают гостевое удовольствие.

С помощью туристских аттракций через символы, атрибуты материальной культуры продукт гостеприимства Ельцин-центр передает традиции индустриального края, самобытность культуры, уральского образа жизни, уникальность социального, политического, культурного пространства современного Екатеринбурга.

Популярность ценностных символов Екатеринбурга, Свердловской области, закрепленная в инфраструктурных объектах социально-культурного назначения, пробуждает гостевой интерес к посещению территории. Географичность уральской культуры гостеприимства определяется территориальной закрепленностью объектов инфраструктуры, свойствами территории, на которой эти объекты расположены, представлениями, с которыми она связана. Приведенный ниже случай из практики показывает особенности конструирования отношений между окружающей средой в культурном контексте и смыслами, которыми эта среда наделяется посредством практик гостеприимства.

Меню высокой уральской кухни
(август 2015 г., Екатеринбург)

Авторы: бренд-шеф сети «Арт Ресторантс» В. Олькиницкий и шеф-повар ресторана Steak House М. Аракелов

В меню вошли сугубо местные блюда уральской кухни: «паштет из печени кролика с редисом, кинзой, черешней и красным луком; куриная грудка с пюре из трав, пряной моркови, с пшенной кашей и лесными грибами; ростбиф с молодой зеленью, свежими овощами, битыми огурцами, крамблом из бородинского хлеба с чесночным кремом; терин из щуки в пудре из раков с пюре из цветной капусты, картофельным крокетом, укропным гелем, пеной из фенхеля и ароматным мхом; пюре из печеного яблока с кремом из халвы, с хрустящим безе и свежими ягодами. Также в уральское меню вошли три коктейля: “Борщ” – на основе выпаренного кваса, “Уральский сбор” из горькой травяной настойки из уральских трав и “Хмельной русский” – с облепихой» [4].

Этот кейс демонстрирует кулинарные традиции, актуализированные в модных ресторанных практиках заведения премиального сегмента Екатеринбурга. Ресторанный продукт требует наполнения его содержания смыслом потребительских знаний, представлений о традициях, свойственных территории.

Культурные стереотипы в отношении традиционных уральских пирогов и пельменей преодолеваются эногастрономическими принципами ресторанного дела. Несмотря на заимствованные кулинарные технологии, блюда, приготовленные из местных продуктов, можно назвать уральской кухней. Традиционная уральская кухня – симулякр, воспроизведенный исключительно с аттактивными целями, обеспечивающими репутационный капитал создателям – законодателям кулинарной моды.

Уральская кухня создавалась на стыке кулинарных традиций русской, в том числе советской, и сибирских кухонь. Идентифицировать ее аутентичность, как и любой региональной кухни мира, сложно. Культурная диффузия в кулинарии, когда страны, регионы перенимали друг у друга кулинарные традиции, стирает аутентичность кухни. Национальная идентичность кухни создается в сознании потребителей оригинальностью вкусовых оттенков, которые делают блюда специфичными.

Процесс формирования уральской кухни, открывающий возможности этносервиса, выступает значимым инструментом брендирования территории, позиционирования конкретного образа места в сознании гостей. Создание уральской кухни нуждается в мифологизации, в истории, наполненной характерными для территории смыслами. Уральская аутентичность, закрепленная в позициях ресторанного меню, – драйвер, способный привлечь инвестиции от потока туристов, желающих познакомиться с образом культуры края.

По количеству объектов питания и по обеспеченности посадочными местами Средний Урал входит в первую десятку по России. Общее количество предприятий общественного питания, включая предприятия социальной (специализированной) сети, составляет 6 439 единиц [9]. В Екатеринбурге сосредоточена большая часть предприятий с высоким уровнем сервиса: 148 ресторанов, 170 баров, 438 кафе, 200 закусочных и огромная сеть предприятий быстрого питания [2].

Состояние гостиничной инфраструктуры Свердловской области (более 500 предприятий размещения – более 10 тыс. номеров – около 30 тыс. койко-мест) отражает устойчивость практики регионального гостеприимства. Свердловская область занимает пятое место по обеспеченности койко-местами в коллективных средствах размещения, уступая Московской, Ленинградской областям, Краснодарскому краю и Республике Татарстан [8].

Согласно данным Министерства инвестиций и развития Свердловской области, 39 гостиниц имеют категории [1]. Статус классифицированной гостиницы выступает мощным стимулом привлечения гостей. На начало 2016 г. в Екатеринбурге расположено свыше 60 % различных средств размещения всего региона. По результатам исследования компании trivago, специализирующейся на сервисе on-line поиска отелей и сравнения цен на них, Екатеринбург вошел в топ-100 городов мира с лучшими гостиницами. В список из 800 тыс. отелей, цены на услуги которых сравниваются на основании данных с 200 сайтов бронирования, Екатеринбург занял 75-е место, обогнав Санкт-Петербург (87-е место) [12].

В Екатеринбурге работает 112 средств размещения на 7 500 номеров общей емкостью номерного фонда 19 500 мест [8]. Из них хостелов – больше 60. В городе представлены отели 10 международных и российских сетей. Международные гостиничные операторы (в Екатеринбурге их 6, в Нижнем Тагиле – один, в Башкирии – три, Челябинской области – два, Пермском крае – один) отличаются от местных операторов и силой бренда цепочки, и традиционным вниманием к стандартизации сервиса.

Международный гостиничный оператор Radisson, начавший работу за пределами областного центра (г. Нижний Тагил), дает надежду на то, что туризм в состоянии стать инструментом диверсификации экономики этого промышленного города. Туристы, гости Нижнего Тагила, приезжающие на Российскую выставку вооружений, или комплекс трамплинов на горе Долгая, или в госпиталь восстановительной медицины В. Тетюхина, или осматривающие демидовские заводы, нуждаются в инфраструктуре размещения, питания, в объектах туристской аттракции. Задача, стоящая перед муниципальной властью города, ожидающей получения мультипликативного эффекта от туризма, – возрождение гостиничной базы.

К 2016 г. процедура классификации гостиниц приняла обязательный характер. 378 коллективных средств размещения Свердловской области планируют пройти классификацию и получить свидетельство до 30 июня 2016 г. [1]. Это 83 екатеринбургских объекта размещения и 295 средств размещения, находящихся за пределами областной столицы.

Соответствие гостиничной инфраструктуры требованиям ФИФА (Международной федерации футбольных ассоциаций) – одна из самых насущных задач, стоящих перед представителями органов власти городов, на территории которых пройдет ЧМ-2018 по футболу. Согласно данным ГУП СО «Урал – 2018», Средний Урал отвечает требованиям FIFA по подготовке гостиничного фонда: наличие 10 000 номеров в 100 км от места проведения чемпионата.

Министерство инвестиций и развития Свердловской области совместно с Администрацией города Екатеринбурга в рамках соглашения между АНО «Оргкомитет Россия-2018» и средствами размещения об использовании инфраструктуры во время проведения чемпионата мира по футболу реализуют классификацию гостиниц, иных средств размещения. По прогнозам экспертов, около 60 % гостей – участников и болельщиков мундиаля в Свердловской области расположатся непосредственно в Екатеринбурге [8].

Значимость дополнительных сервисов рекреационной направленности поддерживается административными ресурсами города и области. Развитие событийного туризма в Екатеринбурге, опыт сотрудничества бизнеса и власти обеспечивают продвижение города как центра деловых событий. Ежегодная международная промышленная выставка ИННОПРОМ, организуемая Правительством Свердловской области, Министерством промышленности и торговли РФ, в 2015 г. обеспечила 52 тыс. посетителей из 70 стран, что на 14 % выше показателя 2014 г. (46 тыс. чел). Загрузка отелей на данный период максимально приблизилась к 100 %. В выставке участвовали 485 экспонентов, страной-партнером стал Китай (около 2 тыс. гостей) [10].

Уральская индустриальная биеннале современного искусства, ежегодные международный фестиваль меццо-тинто, театральный фестиваль Коляда-Plays, Евразийский экономический форум молодежи, Кубок Европы по скалолазанию, этапы мирового Гран-при по волейболу среди женских сборных, архитектурный форум 100+ Forum Russia, др. – придали городу новое значение в аспекте проведения культурных, научных, спортивных, политических мероприятий. Органы власти формируют событийный календарь, позволяющий повысить показатели загрузки гостиниц, уровень узнаваемости территории. Организация событий (выставок, форумов, фестивалей, конкурсов, др.) дополняет туристский компонент бренда территории, придает дополнительный импульс ее развитию.

Увеличение количества событийных мероприятий влечет за собой развитие инфраструктуры гостеприимства и рост доходов бюджета за счет привлекаемого инвестиционного потока. Развитая сеть отелей, ресторанов, культурных, развлекательных учреждений, спортивно-оздоровительных центров создает условия для удобного пребывания и интересного досуга. Полиэтническое и поликультурное пространство Урала, сочетание деловых, культурно-исторических и природных ресурсов создают региону туристскую привлекательность. Комфортность среды, характер использования объектов инфраструктуры придают и усиливают потребительскую ценность социально-культурного пространства Свердловской области в интересах устойчивого развития территории.

Литература

1. Коллективные средства размещения Свердловской области, прошедшие классификацию // Министерство инвестиций и развития Свердловской области : официальный сайт. – URL: http://mir.midural.ru/ (дата обращения: 03.01.2016).

2. Министерство агропромышленного комплекса и продовольствия Свердловской области : официальный сайт. – URL: http://mcxso.midural.ru›news/show/id/459/news main (дата обращения: 31.01.2016).

3. Бурдье П. Социология социального пространства / общ. ред. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т эксперим. социологии : Алетейя, 2005.

4. Стихина Е. Инвесторов в регион завлекут высокой уральской кухней // Деловой квартал. – 2015. – 28 августа. – URL: http://ekb.dk.ru›news/investorov-zavlekut-v…uralskoy… (дата обращения: 18.11.2015).

5. Более 4,2 миллиона пассажиров обслужил аэропорт «Кольцово» в 2015 году // Информационный портал по логистике, транспорту и таможне. – URL: http://logistic.ru›news/news.php?…2016/01/14/72/31268243 (дата обращения: 31.01.2016).

6. Ельцин-центр. – URL: http://www.yeltsin.ru/ (дата обращения: 25.01.2016).

7. О дороге // РЖД : официальный сайт. – Свердловская железная дорога. – URL: http://svzd.rzd.ru›О дороге (дата обращения: 31.01.2016).

8. Гостиницы Екатеринбурга практически готовы к ЧМ-2018... // Россия 2018.рф: Чемпионат мира по футболу в России 2018 : [сайт]. – Новости. – URL: http://россия2018.рф›гостиницы-екатеринбурга-практически/ (дата обращения: 13.01.2016).

9. В Екатеринбурге к ЧМ-2018 рестораны исполнят «футбольное» меню // Чемпионат мира по футболу 2018 : [сайт]. – 2014. – 14 марта. – URL: http://2018.championat-rostov.ru›Новости›view/25 (дата обращения: 31.01.2016).

10. INNOPROM – главная промышленная выставка : официальный сайт. – URL: http://www.innoprom.com (дата обращения: 30.01.2016).

11. Пономаренко М. Маркетинг территорий: продвижение Екатеринбурга в англоязычном «Фейсбуке» // Cossa.ru : [сайт]. –2016. – 21 января. – URL: http://www.cossa.ru/216/118033/ (дата обращения: 23.01.2016).

12. trivago.ru – система поиска и сравнения цен на отели. – URL: http://www.trivago.ru/ (дата обращения: 28.01.2016).

*О. Ю. Минина**

Роль туризма в развитии малых городов Урала

В данной статье рассматривается роль туризма в жизни малых городов уральского региона, обозначаются основные проблемы развития туризма в этих городах, лежащие как в экономической, так и в культурологической плоскости.

Ключевые слова: туризм; малый город; локальная культура; локальное сообщество.

Быстрый экономический рост современных развивающихся стран нередко сопровождается усилением территориального неравенства в них. Меняющиеся социальные и экономические характеристики регионов больно бьют по жителям малых городов, в этих изменчивых реалиях они оказываются одними из наименее защищенных. Все мы хорошо знаем, каким тяжелым испытанием стало разрушение СССР для значительной части населения нашей страны, особенно обитателей сельской местности и малых городов. Не стали исключением и города Урала. Большинство малых городов нашего региона исторически формировалось как промышленные центры. Некоторые из них остаются таковыми и по сей день, процветая и преображаясь – в качестве примера можно привести город-спутник Екатеринбурга Верхнюю Пышму. По показателям численности населения Пышму все же следует отнести к категории средних городов, но 50-тысячный рубеж (малым городом считается населенный пункт с количеством жителей менее 50 000 человек) город преодолел как раз в годы перестройки и в дальнейшем имел по этому показателю устойчивый рост. Другим городам повезло меньше: градообразующие предприятия во многих из них были остановлены, либо было сокращено производство. Актуальными проблемами для них стали безработица, низкий уровень доходов населения, изменение демографического состава и проч. Проблемы развития малых городов Уральского региона и стратегическое управление их развитием имеют сегодня большое значение.

* ***Ольга Юрьевна Минина*** – аспирант, преподаватель кафедры СКСиТ, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© О. Ю. Минина, 2016

Новые реалии дают малым городам шансы для активного и устойчивого развития за счет новых отраслей специализации. Мировой опыт подсказывает, что одним из возможных путей эволюции малых городов является развитие их как туристских центров. Если это и не принесет колоссальных доходов, то, как минимум, окажет влияние на различные сферы общественной жизни региона: позволит создать новые рабочие места, развить инфраструктуру и благоустроить территории, параллельно начнет происходить развитие смежных отраслей хозяйства. Значение этого трудно переоценить, ведь малые города – это и носитель преемственности и народных традиций, в них нередко сохраняется уклад жизни и масштабы пространства, которые почти безвозвратно утеряны в больших городах. Для жителей окрестных сел малые города имеют значение экономической и культурной «столицы».

Во время проходившего несколько лет назад в Костроме Межрегионального туристического форума «История России в малых городах» один из его участников – представитель маленького французского городка Провэн под Парижем Брюно Барон-Рено – делился опытом успехов европейских коллег в области развития малых городов за счет туризма. В частности он называл совершенно фантастические по российским меркам цифры: в этом 10-тысячном городке ежегодно бывает 700 тысяч туристов [2]. Такой рекорд пока остается заоблачной мечтой для подавляющего числа малых российских городов, даже если рассматривать лидеров отечественного провинциального туризма. Правда, определенные шаги в этом направлении в России планомерно осуществляются (среди городов-отличников нельзя не упомянуть Суздаль или Мышкин).

По всей видимости, малым городам Уральского региона этот путь только предстоит пройти. С одной стороны, политическая и экономическая ситуация 2015–2016 годов способствует переориентации турпотоков и открывает новые перспективы для развития въездного и внутреннего туризма в регионе. С другой стороны, попытки использования этих ресурсов и возможностей, предпринимаемые на данный момент Министерством инвестиций и развития Свердловской области и Центром развития туризма, сложно назвать очень успешными. Нашумевший проект автотуристского кластера «Самоцветное кольцо Урала», направленный на развитие внутреннего туризма, который объединил в себе различные тематические маршруты по Свердловской области, в том числе охвативший ряд малых исторических городов, несмотря на серьезную государственную поддержку, отчетливо выявил сложности развития внутреннего, а тем более въездного туризма в регионе. Стоит отдать должное, что благодаря этому проекту были заданы высокие стандарты обслуживания туристов, в определенной степени

решены некоторые инфраструктурные задачи. Однако при всех усилиях и немалых материальных вложениях, активной рекламе, несмотря на амбициозные планы и заявления, ажиотажного спроса на поездки по региону не возникло. Регулярные сборные туры не только не проводятся каждые выходные, как это заранее предполагалось, но и количество участников на них далеко от первоначально планировавшегося.

Складывается ощущение, что проект «Самоцветного кольца» немного опередил свое время, а проблемы неразвитости регионального туризма кроются глубже, чем недостаточно развитая инфраструктура, неприспособленные к длительным переездам трассы, экономическая ситуация в стране, общий спад покупательской способности и прочие очевидные вещи.

Интересный подход к проблеме малых городов можно увидеть в высказываниях Виталия Куренного, заведующего отделением культурологии Высшей школы экономики и научного редактора философского журнала «Логос». Основной особенностью культуры малых российских городов он считает отсутствие в таких городах сплоченных сообществ. Казалось бы, именно в малом городе должны существовать консолидированные сообщества с тесными связями, но на деле мы видим совсем иную картину: культура малого города сегодня не существует как локализованное целое. Культура в России – это понятие бюрократическое, что является наследием советской реальности, когда культура была структурирована различными организациями и ведомствами. Это касается самой сути культурной жизни и находит явное проявление в малых городах, культура которых больше похожа на многослойный пирог и существует как ансамбль различных ведомств. В таком случае и культурная активность в городе не существует как связанная активность местного сообщества. Проблема отсутствия локальной привязки характерна для многих малых городов России. Даже город Суздаль, являющийся известным туристским брендом, это не Суздаль как таковой, а иллюстрация общероссийской истории. Отсутствие локальной привязанности выражается также в социальной и политической жизни. В регионах чувствуется потребность в стратегиях культурного развития. Как правило, подобные идеи исходят «сверху» и нередко не воспринимаются обычными людьми. Так, например, общество в свое время не приняло культурных реформ в Перми. На Западе проекты, нацеленные на позиционировании территории, городское брендирование основаны на инициативе местного сообщества, т. е. исходят от народа [1].

В итоге мы наблюдаем порочный круг: государство не обладает свободными средствами для развития туризма в малых городах, а попытки привлечь в эту сферу частных инвесторов, как правило, стопорятся на том, что точку вложения денег инвесторы видят, а точку выхода – пока нет. Без серьезных вложений в инфраструктуру туристы массово не поедут в провинциальные уральские города, а вкладываться в нее, пока нет устойчивого турпотока, слишком рискованно. В результате картина не меняется годами: с одной стороны, в малых городах мы по-прежнему сталкиваемся с уникальными энтузиастами, замечательной интеллигенцией и истинными подвижниками – директорами местных музеев, отдельными местными предпринимателями, неравнодушными к локальной истории. С другой – их инициативы далеко не всегда находят поддержку как у местных властей, так и у местных жителей, которые озабочены своими насущными проблемами и далеки от понимания перспектив развития туризма.

Помимо материальных проблем остро стоит проблема брендинга уральских городов и региона в целом. Над этим активно работает столица региона – Екатеринбург, так как, несмотря на все предшествующие попытки разработки позитивного бренда города, его географический образ остается не самым «симпатичным» с точки зрения развития туризма. Но если крупные уральские города часто вызывают у потенциальных гостей не очень позитивные ассоциации, то малые чаще всего не вызывают никаких ассоциаций вообще. Символическое конструирование городских брендов, создание достопримечательностей, привлекательных для туристов, невозможно без участия локального сообщества. Такие сообщества сами являются важным ресурсом для туризма.

Исследователи этой проблемы [3] отмечают, что для развития туризма в малых городах недостаточно просто иметь богатую историю или набор достопримечательностей, важно научиться производить особый туристский опыт, менять привычные установки туриста. Эта естественная установка может трансформироваться как за счет получения новой информации, меняющей или дополняющей имеющееся у туриста знание (в таком случае формирование туристского опыта опирается на историю местности), так и путем погружения туриста в сказку, сознательного отказа от реальной истории. Классическим примером такой сказки для туристов является Диснейленд. Но не стоит далеко ходить: подобные примеры есть и в России, они прекрасно иллюстрируют возможные варианты развития малых городов. Так, город Мышкин, не обладавший никакими особо значимыми историческими и культурными богатствами, создал альтернативную основу для развития туризма: легенду о мыши, спасшей князя от гибели, и сделал эту мышь туристским брендом. Именно «сказочность» Мышкина и сделала его популярным. Можно по-разному оценивать такой способ фабрикации истории и традиций, но его коммерческий успех довольно

очевиден. Для его реализации властями была проделана серьезная работа с экскурсоводами Мышкина и его местными жителями, направленная, в том числе на формирование позитивного образа мышкинцев как сообщества, да и самого этого сообщества. Это во многом перекликается с мнением Виталия Куренного относительно роли сплоченных локальных сообществ для развития туризма в целом и формирования туристских брендов в частности. Ведь аутентичность малого города может строиться на примечательных фактах его истории, реальных особенностях либо многочисленных мифах, но так или иначе локальное сообщество необходимо как их ретранслятор.

Таким образом, становление туризма – один из перспективных векторов устойчивого развития малых городов Урала. Наш край обладает богатым туристским потенциалом, однако его использование осложняется в силу не только экономических проблем, но и более глубоких причин, лежащих в области культурологии и культурной политики.

Литература

1. Куренной В. Культура провинциального города // Постнаука. – URL: http://postnauka.ru/video/20394 (дата обращения: 25.02.2015).

2. Турханова Э. На неведомых дорожках. Для развития туризма малым городам не хватает средств, полномочий и инициативы местных властей [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2011. – 20 декабря (№ 5662). – URL: http://www.rg.ru/2011/12/19/reg-cfo/turizm.html (дата обращения 26.02.2016)

3. Юдин Г. Б., Колошенко Ю. А. Стратегии производства туристического опыта в малом городе: локальное сообщество и символическое конструирование в городе Мышкин // Лабиринт. – 2014. – № 5. – С. 5–14.

Ю. О. Баранникова*

Рынок ивент-услуг: процесс развития в современной России

В статье рассматривается процесс становления рынка ивент-услуг в современной России. Актуализируются некоторые данные о состоянии ивент-рынка.

Ключевые слова: ивент-рынок; ивент-услуга; институционализация ивент-деятельности.

Когда на Западе к 90-м гг. XX века ивент-менеджмент оформился уже в самостоятельную отрасль, в России же в это время он лишь актуализировался.

Говоря о предыстории становления ивент-менеджмента в России, можно предположить, что процесс интенсивного формирования был запущен в начале XX века: именно в это время на волне политических изменений в СССР возросла потребность в кадрах, призванных организовывать массовые мероприятия.

В постперестроечный период (90-е гг. XX века), в связи с развитием рынка и корпоративного сектора, потребность в массовых мероприятиях сменилась интересом к частным и корпоративным событиям. Это время можно назвать неким *предэтапом институционализации ивент-деятельности* в России. События, которые организовывались в это время, чаще всего напоминали традиционные праздники, не преследующие никаких маркетинговых, деловых целей и задач. Устойчивая потребность в организаторах событий способствовала созданию из массовиков-затейников, режиссеров и общественников, вынужденных приспосабливаться к условиям рынка, группы универсальных специалистов-организаторов. По мере развития рынка ивент-услуг произошла постепенная дифференциация, в результате которой исполнительские и управленческие функции разделились, функция организации события закрепилась за ивент-менеджерами.

В 2000-х гг., в связи с интенсивным развитием рыночной экономики в России, организация событий начинает рассматриваться не только как деятельность по подготовке всевозможных развлечений и праздников, но и как деятельность, направленная на реше-

* ***Юлия Олеговна Баранникова*** – студентка, ФГБОУ ВПО Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург).

© Ю. О. Баранникова, 2016

ние конкретных бизнес-задач (ивент-маркетинг), таких как продвижение бренда, поддержание потребительской лояльности, формирование имиджа компании, товара, услуги посредством организации специальных событий. Так, в 2005 году наряду с процессом развития коммуникации между игроками ивент-рынка получает развитие первый этап профессионализации ивент-деятельности – *этап познавательной институционализации*. Этот период характеризуется возникновением у ивенторов потребности в получении специального образования, в приобретении недостающих им знаний и умений – и наличием возможности для реализации этой потребности [3. С. 63].

В 2009 году на фоне продолжающегося становления ивент-образования и развития коммуникации между игроками рынка ивент-услуг начинает формироваться второй этап профессионализации – *организационная институционализация.* В это время появляется первая профессиональная ивент-ассоциация [Там же. С. 65], одной из главных задач которой являлась и является до сих пор «консолидация членов Ассоциации в целях идентификации интересов отрасли и выработки направлений решения текущих и перспективных задач» [1].

Активность членов профессиональных ассоциаций в отстаивании своего права на профессиональное обособление, ведение диалога с органами власти по данному вопросу могут способствовать благоприятному решению проблемы юридического оформления ивент-деятельности и закрепления за «профессионалами» статуса особой профессиональной группы ивент-менеджеров. Это должно произойти на завершающем третьем этапе профессионализации – *профессиональной институционализации*, сущность которого заключается в легитимации ивент-деятельности и группы ивент-менеджеров [3. С. 67].

В России процесс становления ивента идет более интенсивно, благодаря опыту США и стран Европы, однако с присущими российскому обществу особенностями.

Поскольку ивент-деятельность в России формируется в условиях неопределенности (нет четкого понимания организационных технологий, целей), то подражательное поведение агентов ивент-поля с точки зрения экономии ресурсов является наиболее удобным и оправданным.

Рынок ивент-услуг в России на сегодняшний день не очень цивилизован, и его довольно трудно структурировать, и тем более невозможно измерить его с помощью строгих критериев, будь то объем рынка, обороты и т. д.

При этом этот рынок остается одним из наиболее динамично развивающихся. Число компаний, оказывающих услуги по организации мероприятий, постоянно увеличивается. По оценкам экспертов, только на московском рынке в настоящий момент работают более 1 000 ивент-компаний [2. С. 6]. Однако информация об участниках рынка остается довольно скудной.

На ивент-рынке действуют агентства, оказывающие услуги по организации событий, основными из которых являются: маркетинговые (выставки, презентации, открытия и т. п.), праздничные (юбилей, свадьбы, корпоративные и массовые городские праздники) и деловые (конференции, встречи и т. д.).

Что касается стоимости ивент-услуг, то на нашем рынке цены только относительно нормируемые, поскольку на них оказывает влияние множество факторов: сегмент рынка, местонахождение фирмы, сезон и др. Любая стоимость проекта складывается из собственно стоимости – 40–45 % (себестоимость), 40 % – развитие проекта, 5–7 % – доходная часть и 10 % – непредвиденные расходы.

Несмотря на все вышеизложенное, мы можем говорить о намечающейся позитивной тенденции формирования профессионального сообщества, внутренней консолидации. Постепенно заполняются информационные пробелы в деятельности ивент-менеджеров: развиваются информационные ресурсы для менеджеров, работающих в этой сфере; появляются издания, посвященные ивент-отрасли, интернет-ресурсы; проходят отраслевые праздники (День ивент-менеджера). Данная тенденция, безусловно, способствует тому, что рынок постепенно становится более цивилизованным.

Литература

1. Национальная ассоциация организаторов мероприятий [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ивентros.ru (дата обращения: 06.02.2016).

2. Российский рынок event-услуг: маркетинговое исследование. – Вып. 2. – М. : Консалтинговая компания «АМИКО», 2010.

3. Старцева Н. Н. Ивент-менеджеры как профессиональная группа: процесс формирования в современной России: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Екатеринбург, 2014.

А. С. Боровкова, А. В. Нивчик***

Возможности и ограничения деятельности внутренних и внешних ивент-менеджеров

Статья посвящена анализу качества работы внутренних и внешних ивент-менеджеров и определению того, кто из них наиболее эффективен для деятельности организации.

Ключевые слова: ивент-менеджер; ивент-проект; внутренний ивент-менеджер; внешний ивент-менеджер; ивент-рынок.

Активное действие процессов дифференциации – интеграции субъектов ивент-рынков, а именно ивент-менеджеров, можно трактовать как один из признаков институционализации ивент-деятельности в России. «Ивент-менеджеры – это субъекты управления, выполняющие ряд функций по проектированию и управлению ивент-проектом, а именно разрабатывающие ивент-проекты, организующие свою деятельность и деятельность управляемых субъектов по реализации ивент-проекта»[1]. По мнению ивент-менеджеров и российских исследователей, «процесс институционализации ивент-деятельности в России протекает в три этапа: от познавательной институционализации через организационную к профессиональной институционализации»[2]. На первом этапе познавательной институционализации осуществляется дифференциация в зависимости от того, приобретают ли они профессиональные знания и умения со спецификой ивент-деятельности. Согласно этому, их можно разделить на «профессионалов» и «непрофессионалов». Рассмотрим эти две подгруппы, формирующие группу ивент-менеджеров в России. *«Профессионалы»* – это «ивент-менеджеры, выполняющие управленческие функции в процессе подготовки и реализации ивент-проекта; обладающие профессиональными знаниями, полученными в рамках системы ивент-образования, а также имеющие опыт работы в должности ивент-менеджера; идентифицирующие себя с профессиональной группой ивент-менеджеров; “распознаваемые” другими членами группы как “свои”; испытывающие интерес, потребность, готовность к активизации профессионализации ивент-деятельности и процесса формирования ивент-менеджеров как особой профессиональной группы»[3]. *«Непрофессионалы»* – это «исполнители, которые берут на себя управленческие функции, но не могут обеспечить качество их выполнения; специалисты, только частично обладающие характеристиками, присущими ивент-менеджерам, а именно самоидентификацией с группой ивенторов, что позволяет им выдавать себя за “профессионалов”»[4].

Однако разделение ивенторов на субгруппы по профессиональному признаку не исчерпывает всех возможностей их дифференциации. Сегодня в зависимости от положения относительно среды организации-клиента можно выделить две субгруппы ивенторов – внутренних и внешних ивент-менеджеров. Внутренний ивентор – это специалист, который является частью организации, выполняет некоторые функции по организации и реализации ивент-проектов, а внешний ивент-менеджер – это приглашенный специалист, являющийся сотрудником специализированного ивент-агентства, который занимается организацией и управлением событий (маркетинговых, культурно-досуговых, деловых).

Предлагаем проанализировать качества как внутренних, так и внешних ивент-менеджеров, определить эффективность, возможности и ограничения деятельности внутренних и внешних ивенторов для компании-клиента.

Анализ показал, что нередко декларируемые возможности внутренних ивент-менеджеров перетекают в ограничения их деятельности. На первый взгляд, наиболее весомой возможностью для внутренних ивент-менеджеров является ***экономия ресурсов компании***, и поэтому работодатель считает необходимым иметь в штате такого сотрудника. Как правило, практика показывает, что данная возможность является мнимой, так как внутренний ивентор сталкивается с большими трудностями, ведущими чаще всего к увеличению затрат на ивент-проект или существенному искажению отношения между показателями затраты – прибыль (затраты – эффект). Иногда этому могут служить объективные причины, на-

* ***Анастасия Сергеевна Боровкова*** – студентка, ФГБОУ ВПО Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург).

** ***Александра Васильевна Нивчик*** – студентка, ФГБОУ ВПО Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург).

[1] Старцева Н. Н. Ивент-менеджеры как профессиональная группа: процесс формирования в современной России : автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.04 / Старцева Наталья Николаевна. – Екатеринбург : Уральский институт управления-филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2014. – С. 9.

[2] Там же. – С. 10–11.

[3] Старцева Н. Н. Указ. соч. – С. 10.

[4] Там же.

© А. С. Боровкова, А. В. Нивчик, 2016

пример отсутствие должного опыта работы внутреннего ивентора. Так, за его плечами, как правило, нет наработанной базы подрядчиков и исполнителей. Внутренний ивентор не имеет неформальных каналов связей, у него нет возможности пользоваться системой скидок, предоставляемых компаниями-подрядчиками при выстроенных долгосрочных отношениях. Нередко желаемая для руководства экономия ресурсов недостижима и по субъективным причинам, например из-за настроения и расположения руководства к событию, его готовности «оплачивать» ивенты. Часто бывает, что еще вчера руководство устраивал разработанный проект, смета с большими суммами, а завтра он сигнализирует об отмене всего мероприятия. С внешними ивент-менеджерами этого обычно не происходит, поскольку их деятельность регулируется заранее согласованным контрактом, расторжение которого может повлечь за собой оплату неустойки.

Организация событий с учетом особенностей организации – еще одна декларируемая возможность внутреннего ивент-менеджера. Кажется, зная специфику деятельности, персонал, финансовые возможности компании и другие особенности, внутренний ивент-менеджер может обеспечить организацию мероприятия «на славу», но обычно этого не происходит из-за отсутствия опыта, всё сводится к проведению увеселительных мероприятий, а не событий, призванных решить проблему и служить целям организации. Внешние ивент-менеджеры, напротив, имеют огромный практический опыт, обладают арсеналом профессиональных компетенций в данной сфере деятельности, владеют инструментами и приемами организации ивентов, а значит, могут организовать событие, способное удовлетворить компанию-заказчика. Однако, если так все хорошо, в чем причина того, что многие, особенно крупные компании, отказываются от привлечения внешних ивенторов? Дело в том, что непрофессионалов среди внешних ивент-менеджеров также большое количество. Не все могут предложить качественный и уникальный ивент-проект. Нередко программы таких непрофессионалов обыденны (бесконечные предложения пиратских вечеринок и мероприятий в стиле «гетсби» или «стиляги» и «пионерские вечера»). Сегодня заказчики часто сталкиваются с данной проблемой, их требования не учитываются уже на начальной стадии подготовки к событию. Исходя из этого, внутренний ивент-менеждер обладает некоторыми преимуществами перед внешним ивентором, что выражается в его готовности использовать ***креативный, индивидуальный, подход*** к организации и планированию мероприятий. Скрупулезность, настойчивость, готовность к риску – базовые качества, необходимые ивент-менеджеру, что в большей степени сегодня готовы предлагать именно внутренние специалисты.

На сегодня весомое ограничение для внутреннего ивент-менеджера – это ***неспособность оценить эффективность и качество реализованного ивент-проекта***. Внутренний специалист не владеет инструментами и методиками оценки события и способен сделать вывод об успешности ивента, основываясь лишь на субъективном личном мнении или мнении руководителя: «понравилось/не понравилось». Подобная ситуация не может устроить руководителя компании. Внешний ивентор, как правило, инструментами оценки события владеет, умеет их применять, использовать результаты события для формирования новых предложений по организации ивентов.

Таким образом, деятельность внутренних ивент-менеджеров характеризуется множеством ограничений. Считаем, что с приобретением профессионального опыта, развитием и совершенствованием личностных и профессиональных качеств внутренние ивенторы могут стать профессионалами. Безусловно, наиболее благоприятным вариантом был бы тандем внутреннего и внешнего ивент-менеджера, что позволило бы развить ивент-рынок, обогатить его профессионалами своего дела. Единственная проблема, которая затрудняет реализацию данного сценария сегодня, – это неготовность как внешних, так и внутренних ивенторов к такой слаженной работе.

Т. А. Кравчук, Д. А. Савенкова***

Классификация событийных мероприятий Омской области по основным сферам событийного менеджмента

Статья посвящена современному состоянию и проблемам развития событийного туризма на территории Омской области. Выявлена проблема недостаточной оценки событийного туризма как одного из способов продвижения региона и необходимость повышения его привлекательности. Авторами предлагается идея создания систематизированного событийного календаря.

Ключевые слова: событие; событийный туризм; календарь событий.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года актуально стоит вопрос о развитии внутреннего и въездного туризма, законодательной и научной базы в области туристской деятельности. Особое внимание должно уделяться продвижению туристского продукта на внутреннем и зарубежном рынках [4]. Также на территории Российской Федерации реализуется Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [6]. Целью Программы является повышение конкурентоспособности российского туристского рынка, удовлетворяющего потребности российских и иностранных граждан в качественных туристских услугах. Однако одной инфраструктуры недостаточно для того, чтобы вызвать у туристов желание путешествовать по России. Нужны интересные и значимые для туристов события, которые привлекут их в тот или иной регион России.

* ***Татьяна Анатольевна Кравчук*** – канд. пед. наук, профессор кафедры туризма, ФГБОУ ВО Сибирский государственный университет физической культуры и спорта (г. Омск).

** ***Дарья Аркадьевна Савенкова*** – студентка 2-го курса, направление 43.04.02. «Туризм», профиль «Современные технологии организации турагентской и туроператорской деятельности», ФГБОУ ВО Сибирский государственный университет физической культуры и спорта (г. Омск).

© Т. А. Кравчук, Д. А. Савенкова, 2016

На территории Омской области осуществляется Стратегия социально-экономического развития Омской области до 2020 года [5]. Она определяет долгосрочные цели и приоритеты, задачи, а также основные направления развития экономики и социальной сферы Омской области. Стратегия является базовым документом, определяющим социально-экономическую политику Правительства Омской области на долгосрочную перспективу. В целях совершенствования территориального размещения производительных сил осуществлен анализ социально-экономического развития районов Омской области, определены территории, имеющие предпосылки ускоренного экономического роста. В результате выделено пять экономических районов, в трех из которых туризм является перспективным направлением развития экономики Омской области: центральный, западный и восточный экономические районы.

Приоритетными задачами Правительства Омской области в этой сфере являются: развитие существующих и создание новых туристско-рекреационных, лечебно-оздоровительных, курортных зон; привлечение инвесторов в сферу туризма; развитие туристической инфраструктуры; сохранение природы и историко-культурного наследия Омской области, развитие музейно-выставочной деятельности и народных промыслов; формирование позитивного имиджа Омской области как региона, привлекательного для туристов; содействие кадровому обеспечению туристической деятельности.

На территории Омской области можно развивать следующие виды туризма: лечебно-оздоровительный, экологический, религиозный, культурно-познавательный (экскурсионный), приключенческий, сельский, событийный и т. д.

Событийный туризм – это непроходящая атмосфера праздника, индивидуальные условия отдыха, незабываемые впечатления и шанс стать участником величайших событий в мире спорта, культуры и искусства. Особенность этого вида туризма заключается в том, что он неисчерпаем по содержанию, и каждый год пополняется новыми событиями, которые из случайных переходят в разряд регулярных [1].

С помощью контент-анализа интернет-ресурсов (официальных сайтов администрации г. Омска и Омской области, а также организаций, реализующих какие-либо события в регионе) нами был проведен анализ событийных мероприятий на территории Омской области за 2015 год.

Анализ показал, что на официальном портале Омской области (www.omskportal.ru) есть раздел «События», где имеются вкладки новости, новости Прииртышья, план на неделю, план на квартал, памятные даты 2016 года. На официальном портале нет единого

календаря событий, он разбит на подразделы «Спорт», «Культура», «День города», что затрудняет поиск информации. На сайте Министерства культуры Омской области (omsk-turinfo.com) есть раздел «Туристический портал Омского Прииртышья». Предоставляется информация по следующим разделам: «Новости», «Театры», «Музеи», «Рестораны», «Развлечения» и т. д. Также на сайте имеется календарь событий Омской области в формате pdf. Но не все события могут являться поводом для развития событийного туризма.

Для туристов является важным быстрый поиск интересующего события в Интернете. Необходимым предварительным этапом специального мероприятия является его информационная поддержка. Она должна проводиться весь период подготовки события. По нашему мнению, недостаток информации о проведении событийных мероприятий можно решить с помощью событийного календаря как России, так и отдельных регионов. Событийный календарь – это систематизированный список мероприятий, проводимых в регионе, представленный вместе с их описанием, датой и местом проведения. Корректно составленный календарь может привлечь в регион огромное количество туристов.

На данный период времени существует множество классификаций событий по различным признакам: по масштабу; по тематике; по целевой аудитории; по сферам событийного менеджмента; по продолжительности; по значимости; по основной цели события; по видам; по наличию повода для туристов; другое [2; 3; 4].

События, проходящие на территории Омской области, мы условно разделили по организаторам и сферам событийного менеджмента (табл.).

Это события, связанные с организованным досугом (спортивные соревнования, концерты, карнавалы, фестивали цветов и т. п.); культурные события (политические церемонии, религиозные праздники, события в мире искусства, культурного наследия и фольклора); персональные события (свадьбы, дни рождения, юбилеи); организационные события (коммерческие и промышленные выставки, политические конференции, деловые форумы и т. п.) [2. С. 20–21].

Анализ событий показал, что 288 событий проходит на региональном уровне, 56 событий – на всероссийском уровне и 27 событий проходят на международном уровне.

Классификация событийных мероприятий Омской области по основным сферам событийного менеджмента (С. В. Донских, 2014)

№	События	Министерство по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области	Министерство образования Омской области	Министерство культуры Омской области	Министерство экономики Омской области	Министерство сельского хозяйства и продовольствия Омской области	Министерство природных ресурсов и экологии Омской области	Министерство промышленности, транспорта и инновационных технологий Омской области
1	События, связанные с организованным досугом	236	18	33	1	3	4	
2	Культурные события			1			1	
3	Персональные события							
4	Организационные события	8	2	5	14	6	5	7
5	Итого	244	20	39	15	9	10	7

Выводы

1. Анализ событийных мероприятий региона показал, что 90 % событий на территории Омской области связаны с организованным досугом (спортивные мероприятия) и организационными событиями (10 % – выставки и форумы). На территории региона недостаточно культурных событий, фестивалей, карнавалов и т. д.

2. Основным ответственным государственным органом, проводящим событийные мероприятия, является Министерство по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области (244 события).

Литература

1. Адашова Т. А. Особенности организации событийных туров // География ментальной сферы общества: состояние, проблемы и перспективы развития. – 2013. – № 1. – С. 4–8.

2. Донских С. В. Событийный туризм : учеб.-метод. пособие. – Минск : РИПО, 2014.

3. Бабкин А. В. Специальные виды туризма : учеб. пособие. – Ростов н/Д : Феникс, 2008.

4. Дональд Г. Организация мероприятий и туризм событий. Нью-Йорк : Осведомленный, 2005.
5. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/
6. Стратегия социально-экономического развития Омской области до 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.omskportal.ru/
7. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.russiatourism.ru/

Ни Вайян Радита Нови Пуспитасари*

Коммодификация культуры: танцоры Бали как товар при капитализме**

Растущий спрос на туристские аттракционы привел к двойственному результату для балийцев: с одной стороны, к росту экономического благосостояния, с другой – к потере традиционных социокультурных ценностей. В статье рассматриваются оба эти процесса на примере изменений традиционного танца ради повышения привлекательности для туристов.

Ключевые слова: туризм; традиция; ценности; туристская привлекательность.

I. Introduction

The Balinese dance is a symbolic act to describe the true identity of the society. The gestures and movements of dancers are transferred by the figurative cultural and social backgrounds. Tourist attraction started in 1914, where weekly performances of tourist attraction happened in several hotels in Denpasar. The aim was to demonstrate the Balinese theatre into the audience's world. The tourist gaze and seeking of originality became the primary reason of changing its purpose. In the sense of a commodity, traditional culture of Bali, especially the dances, recreated themselves into commodification that Karl Marx described it as an object of desire. It transformed in the terms of a commodity, by which the meaning of a dance changed from sacral to profane. By analyzing the commodification of Balinese culture, the aim of this paper is to highlight on how is the dynamic of the changes of the body of a dancer into a tourist commodity? I will focus this issue on the conception of sacral and profane, where the establishment of capitalism becomes the commodity of the performance.

II. Theoretical and Methodological Framework

In the work of Karl Marx, estranged labor is a theory that worker becomes alienated from the activity of his work, himself, and what he produces. The worker sinks to the level of a commodity and it becomes upside-down to the power; owner and workers have their permanent

* ***Ни Вайян Радита Нови Пуспитасари*** – магистрант, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Индонезия; Россия, г. Екатеринбург).

** Печатается в авторской редакции.

© Ни Вайян Радита Нови Пуспитасари, 2016

position that cannot be changed. Marx notes that capitalist has their influential power to create the hierarchical structure of the labor, by means that "a worker becomes alienated from the activity of his work, from the object that he produces, from himself, and from the other men, while the capitalist luxuriates in the profit of the worker's labor." He also states "the alienation of the worker in his product means not only that his labor becomes an object, but that it exists outside him as something alien to him and that it becomes a power on its own confronting him". The worker of the capitalist world lays his own life into an object of a labor that he will loose himself into a product of the capitalist. The work of Max Weber also can be seen as an ideal theory to subscribe the phenomena of changing authenticity of Balinese dance from sacred to profane. In his work of *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, the core relationship is created between the ascetics Protestantism with the emergence spirit of capitalism. He states that, "asceticism seems to have turned much more sharply against the acquisition of earthly goods than it did in Calvin, who saw no hindrance to the effectiveness of the clergy in their wealth, but rather a thoroughly desirable enhancement of their prestige". The emergence of modern spirit of capitalism aims at the profit and they pursue its purpose as virtue. By looking at these two theories, this paper will analyze the current position of traditional dance as one of the influential factor of the emerging capitalist world in Bali. The method that I am using to overhaul my work is the hermeneutic and dialectic approach.

III. Literature Reviews

To analyze the traditional Balinese dances, it is critical to overlook at the previous study of Balinese culture from different researchers. Michel Picard is one of the outstanding Balinese scholars, that in his book of *The Politics of Religion in Indonesia: Syncretism, orthodoxy, and religious contention in Java and Bali*, many of the researchers gather their work as unity of Bali. One of them is Annette Hornbacher, in which in her subtitle of "The withdrawal of the gods: Remarks on ritual trance-position and its decline in Bali", explains that the degradation of Balinese tradition can be seen from the disappearance of trance-possession in the Balinese rituals. It relates to the changing altitude of the meaning of the dance from sacred to profane. The book of Leo Howe, *The Changing World of Bali: Religion, Society and Tourism*, also states that "Balinese culture is being sold for tourist dollars, thus debasing it and reducing it to a commodity". He is focusing his work on the religious rituals, in which the Hindu adherents are not concern of the verbal doctrine, but they converge to the action of performing rituals. Moreover, on the work of Mark Hobart "Rethinking Balinese Dance: Special edition on Indonesian performing arts Indonesia and the Malay

World", he states that traditional dance is the substitute of traditional theatre that the Dutch wanted to put it as a tourist-targeted performance. Through the studies that had been done by the scholars, there is still a void in which it has not been discussed.

IV. Bodily Dance: The Concept of Sacral and Profane

Base on the development of tourist attraction of the traditional Balinese culture, the dance which was originally used for the purpose of religious matter, nowadays has changed its meaning to fulfill the needs of tourism. On the original state, the dance, therefore, can be divided into three different kinds of purposes, such as *Tari Wali* (Wali dance), *Tari Bebali* (Bebali dance), and *Tari Balih-balihan* (Balih-balihan Dance) that can be described as follow:

a. Wali Dance

The performance of Wali Dance, such as Rejang Dewa dance, Baris dance, Sanghyang dance and Barong dance can be done only in the purpose of a sacred religious ritual and during sacred times. To perform Rejang Dewa, the dancers must be virgin or they must not have their first menstruation. According to Annette Hornbacher, the main component of Balinese ritual is the trance-possession, where the spirit of the God enter the taintless human body and it symbolizes successful rituals.

b. Bebali Dance and Balih-balihan Dance

Bebali dance (semi-sacred dance) is a performance only in the territory of the temple; and *Balih-balihan* dance (modern dance) can be performed in every kind of situation which is the aim to entertain the society. Some of the dances, such as *Legong Kraton* dance, *Oleg-Tamulilingan* dance, *Topeng* dance, etc. are changing their originality from the sacred dances to a commercial commodity of *Balih-balihan* dances.

V. Advanced Capitalism: Bodily Dances as Commodity

Beginning of the 20th Century, Bali becomes the "multi-billion dollar tourist industry". Almost all of the Balinese cultures are changing into capitalist commodity; including the traditional dances. *Adat* (tradition) becomes vague in the era of New Order, in which it was mixed with *budaya* (culture) and *agama* (religion) by the process of finding their identities. The tourist gaze also becomes intense, as the news of "heavenly Bali" spread through the entire world. Many of them wanted to seek places that can be characterized by non-everyday experience, where they can daydream and have the collection of signs. The performance also turns into juxtapose ritual that cannot be apart from the value of commodity. It is a bodily movement that the tourist purchases it for the spectacle. Capitalism, as Max Weber said in his work of *The Protestant*

Ethic and the Spirit of Capitalism, is the main role of commodification in the Balinese cultural tradition. The development of major industry of tourism has the negative impact on the society of Bali.

The degradation of traditional dance is unrestrainable that directly influences the value of the dancers. From the view point of Kadek Dwi Sutawan, as a local dancer, the position of Balinese dancers are in the disadvantage position. Many of them have not get any benefit by the low payment. The function of the body of a dancer is changing into commodity. Huge hotels are demanding their abilities to perform in an event by using panders (Event Organizer) as their "manager". In the case of crime, Kadek informs that the early payment from the hotel is around 12.000.000 rupiahs (60.000 rubles) for one performance and 50 % of the payment belongs to the panders, so that the dancers get only 5.000.000 rupiahs (25.000 rubles). It happens also to the unsupportive local government, in which the dancers get paid only 15.000 to 50.000 rupiahs (75 to 250 rubles/person). The transportation to carry the dancers is uncomfortable that they need to be carried by truck, so that it will economize the expense of the government's outlay. The exploitation continues by referring to Hobart as "brute commoditization of labor." By relating to this condition, there are many artisans appear as instant dancers. The qualities of the performances are arbitrary and the artisan's ability is unprofessional. The shift between artist to artisan cannot be avoided. The body of the dancers needs to fit to the modern society and they cannot seek welfare as the real artist. It brings cultural degradation of the Balinese society, where it is decreasing into a commodity.

VI. Conclusion

Through the rapidly changing progression of tourist industry and the needs of investors, make the Balinese society loose their integrities of cultural originalities. It started after the Dutch had the program of "Balinization of Bali", where they wanted to keep the authenticity of the Balinese culture. By the development of capitalism, the Balinese people are hardly relies on the profit of tourist attraction. Most of them become workers of the capitalist owners. The body of the dancers also cannot release from its influence, where many of them are being exploited as artists. Estranged labor becomes an ideal form of the phenomena, where the artist cannot get fully their incomes as a dancer. The term of commodification of Balinese dancers happens in the 20th Century by uncooperative governmental side. The disadvantage lies in the worker as dancers, in which they have no rights to defend themselves as professional artists.

References

1. Hobart M. Rethinking Balinese Dance: Special edition on Indonesian performing arts Indonesia and the Malay World. – URL: https: //eprints.soas.ac.uk/7078/1/Rethinking_Balinese_ dance.pdf (3 November 2015).

2. Howe L. The Changing World of Bali: Religion, Society and Tourism. – London : Routledge, 2005.

3. Marx K. Estranged Labor. – URL: https://www. marxists.org/ archive/marx/works/1844/manuscripts/labour.htm (18 January 2016).

4. Max W. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Chapter 5, "Asceticism and the Spirit of Capitalism." – URL: https://www. marxists.org/reference/archive/weber/protestant-ethic/ch05.htm (18 January 2016).

5. Picard M., Madinier R. The Politics of Religion in Indonesia: Syncretism, orthodoxy, and religious contention in Java and Bali. – New York : Routledge, 2011.

6. Urry J. Tourist Gaze. – London : Sage Publications, 2005.

Interviews:

Kadek Dwi Sutawan, SSN., Msn. On 3 January 2016 (Lecturer in ISI Denpasar (Institute of Arts of Indonesia) and an Artist of Balinese Dancer).

Prof. Dr. Phil. I Ketut Ardhana, M.A. on 12 November 2015 (Docent of History, Faculty of Letters, Udayana University).

Ni Wayan Radita Novi Puspitasari
Ural Federal University (Yekaterinburg)

COMMODIFICATION OF CULTURE: BALINESE DANCERS AS CAPITALIST'S COMMODITY

The increasing demands of tourism attractions lead the Balinese people into two-sided outcome of benefitting the economic values and decreasing the socio-cultural values. By looking at these two concepts, this paper delves to look at the changing bodily process of the traditional Balinese dancers in the realm of the tourist gaze.

Key words: tourism; tradition; values; tourism attraction.

Е. С. Филиппова, И. И. Чукреева***

Ивент-технологии и рынок ивент-услуг: перспективы развития в современной России

В статье на основании результатов проведенного теоретического исследования были определены наиболее вероятные перспективы развития российского рынка ивент-услуг. Актуализированы возможные изменения для реальных и потенциальных клиентов событий и ивент-менеджеров как профессиональной группы.

Ключевые слова: рынок ивент-услуг; ивент-менеджер; ивент-индустрия.

В настоящее время инвент-менеджмент трактуется как управление планированием, подготовкой, реализацией событий и мероприятий, применение методов проект-менеджмента к задаче проведения мероприятий разного масштаба и разных целей. Например, проведение Олимпийских игр, маркетинговых мероприятий, научных конференций. Очевидно, что ивент-индустрия – одна из самых динамично и быстро развивающихся отраслей во всем мире. В мировом масштабе ивент-индустрию оценивают сегодня в триллионы долларов.

История мирового ивент-рынка начинается с XIX века: в 1896 году в Детройте группой ведущих коммерческих компаний США впервые был создан конгресс-центр для организации различных собраний и выставок разнообразных тематик. В 1928 году первая профессиональная ассоциация ивент-менеджмента (International Associationof Exhibitionsand Events) приступила к формированию облика отрасли и утверждению отраслевых стандартов.

С 1960 года в экономически развитых странах мира наблюдается стабильный рост вложений в инфраструктуру, обеспечивающую организацию конференций, конгрессов и прочих массовых мероприятий. Сейчас более 80 стран мира имеют профессиональные ассоциации ивент-менеджмента и выступают регулярными площадками для организации мероприятий мирового уровня.

* ***Елена Сергеевна Филиппова*** – студентка 4-го курса факультета экономики и управления Уральского государственного университета путей сообщения (г. Екатеринбург).

** ***Ирина Игоревна Чукреева*** – студентка 4-го курса факультета экономики и управления Уральского государственного университета путей сообщения (г. Екатеринбург).

© Е. С. Филиппова, И. И. Чукреева, 2016

В России рынок ивент-услуг существует около 20 лет, но он находится на начальном этапе развития и занимает 1,1 % рынка отрасли. Согласно результатам исследований комиссии экспертов Ассоциации коммуникационных агентств России, общий объем рынка маркетинговых коммуникаций в 2013 году составил 418 миллиардов рублей [1].

Причинами нынешнего масштабного отставания, кроме общих финансово-экономических сложностей, могут являться затрудненность создания и развития транспортно-логистической инфраструктуры, отсутствие единых общепринятых стандартов качества оказываемых услуг и единой системы квалификации ивент-менеджеров. Целенаправленная работа по стандартизации и, в частности, по подготовке образовательных программ основного и дополнительного уровней, нацеленных на системную подготовку ивент-менеджеров высокой квалификации в университетах мира, еще только начинается.

Наиболее актуальная проблема на ивент-рынке заключается в отсутствии твердых цен на услуги, – в связи с чем у клиента возникают проблемы с ориентацией в предложениях и расценках. Серьезной проблемой российского рынка ивент-услуг является отсутствие законодательной базы.

В 2009 г. зарегистрирована первая общественная организация, которая объединяет компании, профессионально занимающиеся организацией специальных событий, – Национальная ассоциация организаторов мероприятий (НАОМ). В 2010 году был создан деловой Союз организаторов мероприятий – Event Лига – первое в России саморегулируемое объединение профессиональных участников ивент-рынка. Цель объединения – содействие профессионалам ивент-индустрии в приобретении и систематизации знаний, правовой защите и юридическом сопровождении деятельности членов Союза, в PR и продвижении партнерских проектов.

Отдельно стоит сказать и о профессии ивент-менеджера. По мнению экспертов, эта профессия очень перспективна. Конкурс на эту специальность составляет 11 резюме на 1 вакансию – это в 3,5 раза больше, чем в среднем по рынку труда [5]. Специализированных учреждений и программ образования, готовящих ивент-менеджеров, крайне мало. «Ни маркетологи, ни специалисты в области рекламы и связей с общественностью, ни менеджеры, ни какие-либо другие схожие профессии не способны в полной мере и без дополнительной подготовки осуществлять профессиональную деятельность на должности ивент-менеджера» [3. С. 308]. Этот вывод подтверждают и мнения экспертов, участников несинхрон-

ного онлайн-интервью на портале «Профессионалы.ru». Так, эксперт из Москвы отмечает: «Пришедшие в ивент из маркетинга и PR должны учиться творчеству, дабы облечь свои зашитые в event послания целевым аудиториям в творческую, недирективную форму» (мужчина, 54 года, в ивент-бизнесе более 15 лет, г. Москва) [3. С. 308].

Подведем итоги. Принимая во внимание анализ сегодняшней ситуации, можно наметить следующие перспективы развития отечественного рынка ивент-услуг.

Для рынка инвент-услуг в целом:

1. Увеличение объема рынка. Ивент как инструмент воздействия обладает своей уникальной и востребованной сегодня спецификой, при этом остается сравнительно недорогим средством продвижения, а значит, будет пользоваться спросом, что, в свою очередь, будет способствовать расширению предложения, а значит, и ивент-рынка.

2. Укрупнение и жесткий отбор игроков. Спрос на яркие идеи и нестандартные решения активно растет, поэтому отрасли будут требоваться профессионалы, способные обеспечить организацию уникальных событий, что приведет, с одной стороны, к ужесточению требований к уровню профессионализма ивенторов, с другой стороны – к закрытию границ ивент-отрасли для непрофессионалов.

3. Появление западных операторов, заинтересованных в выходе на российский рынок. Поскольку рынок ивент-услуг в России активно развивается, границы его открыты (нет никаких преград для входа на него ни со стороны государства, ни со стороны профессионального ивент-сообщества), то это таит в себе опасность входа на российский ивент-рынок брендовых западных ивент-компаний, которые могут предложить готовые, эффективные и прозрачные решения для потенциальных клиентов ивент-услуг (особенно относительно маркетинговых ивентов).

4. Разработка законодательной базы и официальных форм ценообразования. Уже сегодня Национальная ассоциация организаторов мероприятий способствует формированию адекватных и прозрачных цен на рынке специальных событий.

5. Интеграция event-технологий, т. е. адаптация продукта под нужды конкретного мероприятия, возможность отслеживать информацию в режиме онлайн.

Для реальных и потенциальных клиентов:

1. Формирование стандартов качества и «воспитание своего клиента». Уже сегодня назревает необходимость информирования возможных клиентов об ивент-рынке и популяризации ивент-услуг.

2. Персонализация мероприятий, т. е. адаптация под нужды каждого конкретного зрителя.

3. Краудсорсинг в подготовке контента для мероприятия. Уже сейчас посетители могут повлиять на выбор темы, содержания и основных идей выступления спикера. По мнению Т. Линна, это только первый уровень, второй – создание мероприятий самими зрителями [2].

4. Краудфандинг – коллективный сбор средств на организацию мероприятия – отличная возможность превратить пассивного наблюдателя в активного участника происходящего.

5. Виртуализация аудитории, т. е. онлайн-трансляция мероприятий через специальные приложения.

Для ивент-менеджеров как профессиональной группы:

1. Автоматизация работы ивенторов. Нужно отметить, что автоматизация рабочих процессов не должна быть причиной сокращения штата ивенторов. Она может стать отличной возможностью облегчить труд ивент-менеджеров, переориентировать их на другие, более ответственные и интересные задачи.

2. Концентрация на стратегии развития. Для того чтобы ивент-команда смогла забыть о мелочах и сконцентрироваться на поставленных стратегических задачах, необходимо внедрить умные технологии.

3. Институционализация ивент-деятельности. Процессы институционализация ивент-деятельности и формирование ивент-менеджеров как особой профессиональной группы могут быть завершены при некоторых условиях: «если ивенторы через ивент-ассоциации будут активно отстаивать право группы на профессиональное определение и государство будет готово реагировать на подобные инициативы» [4. С. 12].

Резюмируя все вышесказанное, можно заключить, что рынок ивент-услуг находится на этапе своего становления. У него большой потенциал и позитивные перспективы развития, что подтверждается мнениями ивент-экспертов.

Литература

1. Горинов И. Российский ивент рынок. Настоящее и будущее в цифрах [Электронный ресурс]. – URL: http://event.ru/trips/rossiyskiy-event-ryinok-nastoyashhee-i-budushhee-v-tsifrah/ (дата обращения: 14.01.2016).

2. Демидова Е., Линн Т. Что ждет event-индустрию в ближайшие 15 лет? [Электронный ресурс]. – URL: http://event.ru/trips/trevor-linna (дата обращения: 14.01.2016).

3. Старцева Н. Н. Институционализация event-деятельности в современной России // Казанская наука. – 2013. – № 13. – С. 307–312.

4. Старцева Н. Н. Ивент-менеджеры как профессиональная группа: процесс формирования в современной России : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / Старцева Наталья Николаевна. – Екатеринбург : Уральский институт управления-филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2014.

5. Event-менеджер [Электронный ресурс] / Исследовательский центр портала Superjob.ru // Superjob.ru : портал. – 2012. – 26 июня. URL: http://www.superjob.ru/research/articles/2220/event-m (дата обращения: 24.01.2016).

И. А. Самарина*

Студенческий спортивный туризм как фактор устойчивого развития

Статья посвящена вопросам студенческого спортивного туризма как фактора устойчивого развития туризма. Рассматриваются проблемы спортивного студенческого туризма, даются некоторые рекомендации по организации и проведению спортивных походов с несхоженными студенческими группами.

Ключевые слова: туризм; спортивный туризм; устойчивое развитие; несхоженная туристская группа.

Спортивный туризм возник и развивался как объективная общественная потребность. В советское время самодеятельный туризм являлся целым направлением спортивного движения [1; 2]. Постепенно он утвердился как одно из важных средств воспитания людей. В 1915 году в России отмечалось 120-летие спортивного туризма [4].

Однако в последнее время количество спортивных клубов можно пересчитать по пальцам. Возникла проблема: есть большая востребованность, особенно у молодежи, в спортивных походах, а количество специалистов, умеющих правильно, а главное, безопасно организовать и провести поход, совершенно недостаточно.

Было время, когда практически в каждой школе существовал туристский кружок. Дети ходили в степенные, категорийные походы, география которых распространялась на всю территорию бывшего Советского Союза. В помощь преподавателям, руководителям таких кружков было написано множество пособий [3]. К сожалению, в последние два десятилетия система школьной подготовки в значительной степени деградировала, связь поколений прервалась, и теперь во многом эту систему надо восстанавливать. Современные студенты не получили навыков спортивного туризма в школе.

В стенах институтов, готовящих специалистов в области туризма и сервиса, студенты получают, главным образом, теоретические знания. Практический опыт они должны добыть, активно используя предоставленные им широкие возможности для стажи-

* ***Ирина Александровна Самарина*** – канд. пед. наук, доцент, доцент Института технологий туризма, ФГБОУ ВО Российский государственный университет туризма и сервиса (г. Калуга).

© И. А. Самарина, 2016

ровки в гостиницах, ресторанах, турагенствах как в России, так и за рубежом.

Скорее всего, им предстоит трудиться в таких отраслях туризма, где все направлено на то, чтобы угодить гостю, где каждое его движение подхватывают, желание предвосхищают, и где для физических нагрузок предусмотрены теннисные корты, бассейны и поля для гольфа. А в остальном – максимум комфорта и полное отсутствие бытовых и иных проблем.

Даже родители современных студентов в большинстве своем представляют себе туризм как пляжно-гостиничный отдых. Из года в год они сами едут и детей своих везут загорать на пляжи, объедаться в ресторане отеля, осматривать достопримечательности из окна комфортабельного автобуса. Выросло уже несколько поколений россиян, которые слово «туризм» ассоциируют исключительно с чемоданно-гостиничным отдыхом, с «allinclusive», аниматорами и другими прелестями выездного туризма.

Теперешние 20-летние студенты – это как раз те самые дети тех самых родителей. Преподавая в вузе, готовящем менеджеров туризма, мы выяснили, что подавляющее большинство студентов никогда не участвовало в туристском спортивном путешествии. Многие даже и не представляют себе, что это такое.

Их неведение имеет под собой реальную основу. В течение последних двадцати лет россияне, которые раньше не имели возможности свободно путешествовать по миру, ринулись в «дальнее зарубежье». Интерес к туризму внутри страны упал. Да и сама страна распалась. Привычные «места обитания» туристов оказались в других государствах или в политически нестабильных регионах России. И вот, с одной стороны, открылись большие возможности безопасно путешествовать по всему миру, а с другой – огромное количество внутренних маршрутов прекратили существование.

Кроме того, постепенно исчезла инфраструктура. Развалены, приватизированы, стали недоступными для туристов по другим причинам многие туристские объекты бывшего Союза. Ушел в другие сферы, состарился персонал. В некоторых местах доступ к туристским объектам стал непомерно дорогим.

Практически рассыпалась система подготовки спортивных туристских кадров, которая когда-то широко охватывала школьников и студентов.

Поэтому первым побуждающим мотивом для нас, преподавателей, стало желание восполнить «пробел в образовании» студентов и сходить с ними в спортивный туристский поход. Профильные туристские вузы должны познакомить своих студентов со всем многообразием туризма, в том числе и со спортивными туристскими путешествиями.

Организовать поход с несхоженной группой совсем не просто. В отличие от похода в системе спортивной подготовки, студенты, никогда прежде не бывавшие в категорийном походе, не знают, что ожидает их на маршруте. Нужна технология, позволяющая применять средства и методы туристского похода к любому контингенту и в любых условиях.

За несколько лет такая технология была отработана.

Главная задача, которую успешно удается решить с ее помощью, – дать студентам реальный опыт полноценного туристского похода, со всеми его трудностями и прелестями. И при этом так провести его, чтобы у каждого участника возникло желание пойти снова или, как минимум, осталось положительное впечатление и приятные воспоминания.

Основой технологии являются «три кита»: полигон, маршрут и сценарии. Нелишними будут также многочисленные «рояли в кустах». Очень серьезным документом оказался и придуманный нами договор, который руководитель подписывает с каждым участником в отдельности.

Мы не зазываем, не заманиваем студентов, соблюдая правило: нет обещаний – нет и разочарований. А следовательно, и оснований для недовольства. Обсуждая перспективы похода с его потенциальными участниками, не обещаем хорошей погоды и массу удовольствий, делаем упор на то, какие ограничения и испытания предстоят на маршруте. И при этом выбираем самый пессимистичный сценарий. На этом этапе студенты видят все «в розовом цвете». Скорее всего, не удастся их напугать и заставить отказаться от намерений пойти в поход. И если кто-то испугался – ему лучше с нами не ходить.

Большое количество выходных дней в начале мая, большая вероятность хорошей теплой погоды в южном регионе России, а также наличие природных, историко-культурных объектов определили район и время путешествия – Северо-Западный Кавказ, Краснодарский край, начало мая. Важно и то, что этот район политически стабилен и безопасен. Нитка маршрута: станица Убинская – Партизанская поляна – Красная речка – Пшадские водопады – Черный Хутор – гора Папай – урочище Монастыри – гора Тхаб – Плесецкая щель – Михайловский перевал.

Маршрут путешествия соответствует требованиям I категории сложности. Нитка проложена таким образом, что маршрут проходим при любой погоде и состоянии группы. Вместе с тем он интересен как для новичков, так и для бывалых туристов.

Руководитель – режиссер-постановщик и исполнитель главной роли. В его голове хранятся старые и возникают новые сценарии поведения группы в каждом конкретном эпизоде. Не вдаваясь в подробности, кратко сформулируем закон сохранения потенциала группы, которому руководитель следует при выборе сценария: «Чем больше возможностей предоставляет природа и погода, тем больше сложностей, испытаний, дополнительных тренировок и занятий, а иногда и больше километров пройдет группа». Иногда можно даже позволить себе «заблудиться и выбраться» или сбегать в «радиалку» к интересному объекту.

Если же погода создает суровые условия или физическое состояние участников таково, что само движение по маршруту превращается в выживание (и такое случалось), то работа группы сводится к прохождению маршрута вовремя и с наименьшими «потерями». В данном случае под потерями мы понимаем неиспользованные «рояли в кустах».

По ходу маршрута участники получают возможность взойти на вершину, преодолеть перевал, искупаться у водопада. На скалах их встречает специалист со снаряжением и предлагает занятие по скалолазанию. Есть и специальные закладки-туры, оставленные в предыдущие годы, которые интересно найти, но для этого надо разобраться с картой, компасом и легендой. И здесь найдется инструктор, который научит, подскажет. Если позволит ситуация, построим туристскую баню и попаримся в ней (одно из самых ярких впечатлений для новичка). Даже в автобусе, который увозит группу с маршрута на вокзал, оказывается экскурсовод, который попутно проводит экскурсию по Геленджику и Новороссийску.

Наряду с традиционными анимационными играми, применяем специфические туристско-экологические. Матч в туристский гольф – не что иное, как уборка территории от мусора, оставленного предшественниками. Ведь цель игры – загнать консервную банку клюшкой в яму за наименьшее число ударов. После таких игр поляна остается чистой.

Непременным нашим спутником является гитара. Нынешнее поколение студентов совсем не знает туристских песен. А ведь это один из пластов нашей культуры. Вечера у костра без плееров и алкоголя дают возможность почувствовать прелесть авторской песни.

В этой технологии результат всецело зависит от руководителя группы.

В ходе такого мероприятия успешно справиться с проблемными ситуациями может только человек соответствующей квалификации. Как привлечь специалистов, бывалых туристов, имеющих опыт организации спортивных походов и не боящихся работать с несхоженными группами? Пока все держится на энтузиастах.

При организации и проведении туристского похода мы преследуем не только спортивные и оздоровительные, но и образовательные цели. Студенты получают знания по географии, истории, культуре, экологии, навыки работы по организации досуга. Во время подготовки к походу и написания отчета студенты знакомятся с районом путешествия, изучают картографический, краеведческий материал. Приходится «перелопатить» множество источников информации.

Такие походы мы проводили ежегодно с 2007-го по 2015 г. В них приняло участие более сотни студентов, в том числе 4 иностранных. Участники похода прошли за это время около 800 километров пути, увидели и описали на маршруте более 20 объектов, написали по итогам путешествия несколько статей, сделали творческие отчеты по итогам экспедиций.

По результатам все участники похода получили справки о прохождении маршрута I категории сложности, что позволит этим студентам участвовать в походах более высоких категорий, если они того захотят.

Большинство студентов положительно отзываются о походе и с удовольствием вспоминают его, но не становятся активными туристами-спортсменами. Однако десять человек из этих ста участвовали в походах I категории дважды. Два студента принимали участие в походе II категории сложности на Кольский полуостров в район Хибинских тундр. Они уже смогут организовывать спортивные путешествия как руководители.

На сегодняшний день мы имеем воспитанного в стенах института действующего организатора и руководителя спортивных походов.

Практика показала, что спортивный туризм является не только хорошей школой для будущих специалистов, но и мощным средством воспитания граждан – патриотов России. Большинство студентов после первого похода не «заболевают» спортивным туризмом настолько, чтобы продолжить активные занятия этим видом спорта. Но они на всю жизнь сохранят позитивное отношение к нему. Те же из них, кто делает следующие шаги, сначала как участники более сложных походов, а потом и как организаторы и руководители, составят контингент, который захочет и сможет развивать это направление.

Сегодня на всех уровнях возникло понимание того, что внутренний спортивный туризм должен получить новый мощный импульс поддержки, как один из факторов устойчивого развития России. Небольшой вклад в это развитие вносят и самодеятельные

спортивные туристские походы студенческих групп. Дальнейшие шаги на этом пути – создание туристских клубов, развитие их материальной базы, привлечение широких студенческих масс.

Литература

1. Константинов Ю. С. Детско-юношеский туризм : учеб.-метод. пособие - 2-е изд., стереотип. – М. : ФЦДЮТиК, 2008.

2. Из истории детского туризма в России (1918–2008 гг.) / автор-сост. Константинов Ю. С.- М. : ФЦДЮТиК, 2008.

3. Самарина И. А. Основы туристско-экологической деятельности учащихся : учеб.-метод. пособие. – М. : ФЦДЮТиК, 2007.

4. Тезисы выступления президента федерации спортивного туризма России С. М. Миронова на съезде Федерации спортивного туризма России «Основные вехи спортивного туризма от создания российского общества туристов до наших дней» (3 октября 2015 г.) // Туристско-спортивный союз России : [сайт]. – URL: http://www.tssr.ru/main/docs/decision/1658/

М. В. Сметанина*, А. С. Слукина**

Инструментарий развития устойчивого туризма в регионе

В обществе формируется новое мышление с вектором на устойчивое развитие, что приводит к возникновению новых мотиваций в сфере туризма: потребности приобретения туристического опыта с экологической и социальной ответственностью. Туристические поездки в Россию чаще носят познавательный характер. Для этих туристов знакомство с Россией имеет особое значение, они хотят получить объективное представление о жизни страны, ее людей. Авторы показывают, что создание современной высокоэффективной инфраструктуры и конкурентоспособной индустрии туризма обеспечивает широкие возможности для удовлетворения потребностей отечественных и зарубежных граждан в туристических услугах.

Ключевые слова: устойчивое развитие; туризм; устойчивый туризм; развитие туризма в России; инструменты устойчивого развития.

Устойчивый туризм [3] – туризм, который удовлетворяет потребности современных туристов и местного населения и одновременно сохраняет и увеличивает возможности для будущего.

Устойчивый туризм предполагает возможность создания долгосрочных условий как для развития собственно туризма, так и для сохранения природных ресурсов, социальных и культурных ценностей общества. При этом его целью является достижение более высокого уровня жизни населения путем экономического роста и сохранения экологических благ, природного капитала для будущих поколений. Такой подход вписывается в мировые тенденции туризма, определяющие формирование нового туристского бренда, когда высокая сохранность природных и культурных комплексов является непременным условием устойчивого развития [Там же].

Необходимость устойчивого развития туризма ежегодно становится заметнее. Негативные стороны влияния сферы туризма

* ***Марина Вячеславовна Сметанина*** – студентка 3-го курса факультета социальной психологии, направление «Туризм», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** ***Анна Сергеевна Слукина*** – студентка 3-го курса факультета социальной психологии, направление «Туризм», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© М. В. Сметанина, А. С. Слукина, 2016

становятся очевиднее, а положительные эффекты не так значительны, как были раньше.

Сегодня и в ближайшем будущем в обществе формируется новое мышление с вектором на устойчивое развитие. Это уже привело к возникновению новых мотиваций в сфере туризма: потребности приобретения туристического опыта с экологической и социальной ответственностью. Это залог долгосрочного успеха туристических учреждений. Таким образом, изменение парадигмы мышления в обществе предопределяет развитие туризма. Данная гипотеза отражена в формировании не только эко-ориентированных видов туризма, но и в возникновении направления в туризме, обеспечивающего устойчивость в данном секторе экономики.

Авторитетной действующей стороной в области проблематики устойчивого туризма является ВТО. Ею были сформулированы принципы устойчивого туризма уже в 1988 г. Согласно ВТО устойчивый туризм – это «такое направление развития туризма, которое позволяет удовлетворять нужды туристов сейчас, учитывая интересы принимающего региона и позволяющего сохранить эту возможность в будущем. При этом предусматривается управление всеми ресурсами таким образом, чтобы экономические, социальные и эстетические потребности удовлетворялись с поддержанием культурной и экологической целостности, без нанесения вреда биологическому разнообразию и системам жизнеобеспечения» [2].

Основание устойчивости в туризме сводятся к экологической, культурной, экономической устойчивости, а также устойчивости для местных сообществ. Это значит, что для достижения долгосрочного устойчивого развития туристические компании должны прибегнуть к предложенным мероприятиям.

Например, расширение международных связей способствует большим возможностям для продвижения национального туристического продукта на мировой рынок. Так же, как и привлечение к мировому информационному пространству, передового опыта организации туристической деятельности. На сегодняшний день развитие туризма в России имеет худшие позиции, чем в других экономически развитых странах. Но благодаря своему туристско-рекреационному потенциалу Россия имеет все шансы стать туристической державой мирового уровня.

Туристические поездки в Россию в большинстве случаев носят познавательный характер, этот вывод подтверждают социологические опросы иностранных туристов, которые посещали нашу страну. Потенциальных туристов сегодня интересуют как исторические памятники России и ее культурное наследие, так и общественно-политические процессы. Среди них можно увидеть политологов, социологов, общественных деятелей, преподавателей высших и специальных учебных заведений, юристов, врачей, студентов, инженерно-технических работников, религиозных деятелей, бизнесменов, представителей культуры и театра. Для этих туристов знакомство с Россией имеет особое значение, поскольку участие в экскурсионных программах дает возможность через личные контакты и оценки получить объективное представление о жизни страны, ее людей.

Программы поездок намечаются с учетом аудитории, социально-демографических особенностей туристской аудитории и страны постоянного места проживания туристов, их интересов и предпочтений. Для туристов, прибывающих группами, программы готовят заранее, как по заявкам иностранных фирм, так и самостоятельно турфирмы с учетом цели поездки конкретной группы (познавательные поездки, отдых и лечение, спорт, охота, деловые поездки, встречи с родственниками, участие в международных выставках, конференциях, фестивалях, обучение и паломничество, инсентив-туры), ее состав и маршрут [1].

Инструментами политики устойчивого развития туризма обеспечивается соучастие трех сторон [5]:

1) самих туристов – потребителей туристского продукта и услуг;

2) турфирм – производителей и продавцов турпродукта и услуг;

3) государственных органов, осуществляющих административно-правовые функции.

Создание современной высокоэффективной инфраструктуры и конкурентоспособной индустрии туризма предусматривают государственные программы развития туризма в России. Они обеспечивают широкие возможности для удовлетворения потребностей отечественных и зарубежных граждан в туристических услугах. Также это хороший вклад в развитие народного хозяйства за счет налоговых поступлений в бюджет, притока иностранной валюты, увеличения количества рабочих мест, сохранения и рационального использования культурного и природного наследия.

Вместе программы конкретных туристических поездок фирм должны учитывать как условия конкуренции, так и потребности туристов. Они должны содержать информацию [4]:

- о маршруте путешествия, расписании движения транспортных средств на международных и внутренних линиях, о средствах размещения (гостиница, мотель, частный дом, пансионат, санаторий и т. п.), их адреса, классификацию, тарифы;
- о достопримечательности (дни, часы работы с учетом национальных и религиозных праздников, событий и т. д. и условий работы в разное время года);
- о работе театров и их репертуаре, фестивалях, конкурсах и концертах.

Уже на стадии разработки программы необходимо предусмотреть возможные дополнительные услуги для участников путешествия, которые помогут выгодно выделить поездку, а турфирме – получить дополнительный доход. Программа поездки должна также учитывать возможности туристов воспринять информацию: большой объем информации вызывает переутомление, у женщин – недовольство. Сбалансированность познавательного и развлекательного моментов каждой программы положительно влияет на туристов и в целом повышает эффективность поездки [1].

Литература

1. Квартальнов В. А., Сенин В. С. Организация туристско-экскурсионного обслуживания. – ЦРИБ ЦСТЭ, 1987.
2. Планирование развития туризма : техн. пособие / ВТО. – Мадрид, 2004.
3. Попова Р. Ю. Государственное регулирование становления и развития туризма в России на переходном этапе. – М. : МГТУ, 1997.
4. Пузаков Е. П., Честакова В. А. Международный туристский бизнес. – М., 2003.
5. Ушаков Д. С. Экономика туристской отрасли : учеб. пособие. – Ростов на/Д : Феникс : МарТ, 2010.

Ю. И. Арсланова*, В. Д. Батырева**

Туристские практики в региональном маркетинге территорий

В данной статье рассматриваются способы развития регионов России в соответствии с современным представлением о туризме. Что такое сегментация рынка? Что такое региональный маркетинг? Какое значение он имеет в развитии того или иного региона?

Ключевые слова: туризм; региональный маркетинг; туристский рынок; туристский продукт; туристские услуги; сегментация рынка; потребитель.

В настоящее время туризм представляет собой сложную экономическую систему, состоящую из различных компонентов, и включает человеческие ресурсы, природно-рекреационные объекты и сооружения, туристские организации. Согласно Федеральному закону от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» туризм определяется как «временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – лица) с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания».

Для того чтобы успешного развивать регион, туристским организациям необходимо сосредоточиваться на определенном сегменте потребителей туристского продукта и строить свою деятельность на рынке таким образом, чтобы наиболее полно удовлетворить потребности именно этого сегмента потребителей. Поэтому специалистами проводится сегментация[1] туристского

* ***Юлия Ильфатовна Арсланова*** – студентка 3-го курса направления подготовки бакалавриата «Туризм», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** ***Виктория Дмитриевна Батырева*** – студентка 3-го курса направления подготовки бакалавриата «Туризм», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

[1] Разделение рынка на сегменты выявляет широкие группы потребителей со сходными признаками, и относительно однородным спросом.

© Ю. И. Арсланова, В. Д. Батырева, 2016

рынка, т. е. они делят его на однородные отдельные рынки. В основе сегментирования лежит стремление туристских организаций стать монополистом если не на всем рынке, то хотя бы в той его части, которая наиболее выгодна с точки зрения ее финансовых возможностей. Например, в 2015 году туристические организации начали выдвигать Республику Коми как новый регион для отдыха на зимние каникулы.

Разделение рынка на сегменты должно производиться по определенным параметрам. В настоящее время популярностью пользуется метод сегментации, который основывается на географических, социальных и психологических критериях.

Кроме того, важной составляющей в развитии туристских регионов является региональный маркетинг.

Он представляет собой систему мер по привлечению в регион новых субъектов хозяйственной деятельности. Задача регионального маркетинга – выявление местных преимуществ региона, их усиление и создание новых для привлечения в регион субъектов хозяйственной деятельности, способных повысить благосостояние его жителей. В настоящее время каждый субъект Российской Федерации пытается выделить свои уникальные и интересные объекты, которые в дальнейшем туристы ассоциировали бы именно с этой местностью. Например, в Республике Башкортостан был составлен список «7 чудес Башкортостана», куда, в частности, вошли гора Янгантау, памятник Салавату Юлаеву и другие объекты.

Региональный маркетинг выявляет и частично создает уникальные свойства региона, которые могут быть полезны для туристов: достопримечательности, климатические условия, возможности для отдыха. В целом это можно назвать объектами туристского интереса.

Под маркетингом туристского региона понимается деятельность, предпринимаемая с целью создания, поддержания или изменения определенного имиджа[2] территории. Маркетинг территории должен быть ориентирован на потребности целевых групп покупателей услуг региона, куда, например, относятся инвесторы, туристы.

Основными целями маркетинга туристского региона являются:

1) повышение конкурентоспособности объектов туристкой индустрии в регионе;

2) усиление степени идентификации жителей региона со своей территорией;

[2] **Имидж** – искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия.

3) привлечение в регион новых потребителей и производителей товаров и услуг;

4) создание положительной репутации, высокого уровня известности на туристском рынке.

В результате маркетингового исследования органы государственной власти туристского региона и региональные организации индустрии туризма смогут определить общую концепцию и составить перспективную поэтапную программу становления туризма в регионе, а также рационально использовать существующий собственный туристский продукт. Например, для развития Уральского региона была придумана программа «Самоцветное кольцо Урала», в ходе которой туристы смогут увидеть сохранившуюся чистую природу, а самое главное – работу уральских мастеров – поиск и огранку знаменитых уральских самоцветов: турмалинов, бериллов, аметистов.

Изучение этих вопросов в разрезе регионального рынка туристских услуг требует более детальной характеристики всех компонентов этого рынка, и прежде всего анализа и прогнозирования развития туризма на конкретной территории и в определенном субъекте Российской Федерации.

Современный брендинг выполняет маркетинговую функцию, привлекая потребителей, партнеров, инвесторов. Задача регионального брендинга – сделать регион привлекательным для туристов.

Брендинг территорий – стратегия повышения конкурентоспособности городов, областей, регионов, географических зон и государств с целью завоевания внешних рынков, привлечения инвесторов, туристов. Брендинг мест направлен на преодоление дефицита ресурсов в регионе, в его основе лежит идея донесения до широкой общественности представления об уникальности территории.

Основная задача любого бренда – вызвать доверие и построить отношения, основанные на доверии. Если территория обладает брендом, то она будет привлекать внимание бизнеса и государства, а также инвестиции. Если она не обладает брендом, то она будет использоваться как некая сырьевая база.

Для России создание и продвижение брендов территорий – еще очень молодая тенденция. Тем не менее в этой области уже сложились определенные методики. В качестве брендов могут использоваться любые символы, имена, достопримечательности, связанные с этим регионом и вызывающие положительные эмоции. В качестве примера можно назвать Всероссийский фестиваль военно-исторических клубов, посвященный Азовскому осадному сидению донских казаков в 1641 году. В 2016 году фестиваль пройдет в 12-й раз. За время существования фестиваль перерос из реконструкции сражения в масштабный праздник с народными гуляни-

ями, вошел в Российский календарь туристических событий. Если в 2004 году военно-исторических клубов было 3, зрителей – не более 500 человек, то в 2013 году в фестивале приняло участие 30 клубов (320 человек), а число зрителей составило более 11 тысяч человек.

Таким образом, мы видим, что региональный маркетинг и сегментация рынка являются важными составляющими в развитии рынка туризма. Без них развитие регионов было бы невозможным. Однако, к сожалению, не многие из российских регионов, имеющих потенциал развития брендинга мест, используют возможности для привлечения и продвижения региональных проектов, укрепления собственного имиджа и повышения инвестиционной привлекательности.

Литература

1. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (в ред. от 30.12.2008 №309-ФЗ).

2. Асаул А. Н. Организация предпринимательской деятельности. – СПб. : АНО ИПЭВ, 2009.

3. Планирование развития туризма : техн. пособие / ВТО. – Мадрид, 2004.

4. Чудновский А. Д., Жукова М. А. Управление индустрией туризма России в современных условиях : учеб. пособие. – М. : КНОРУС, 2007.

5. Юркина Н. А. Стратегические направления маркетинга территории // Современные трансформационные процессы в мировом туризме : тезисы научно-практ. конференции (декабрь, 2001 г.). – М., 2001. – С. 45–51.

О. Ю. Минина*

Жизнь и смерть как традиционные ценности и основание социально-культурных практик «черного туризма»

В статье раскрывается понятие черного туризма в контексте его связи с традиционными для европейской культуры ценностями жизни и смерти, перечисляются наиболее известные центры черного туризма в мире и Урало-Сибирском регионе.

Ключевые слова: ценности; черный туризм; танатотуризм.

Современный туризм – динамичная, быстро развивающаяся индустрия, которая тесно связана с общественной жизнью. Зародившись несколько десятилетий назад, массовый туризм стал неотъемлемой частью сегодняшней жизни, важной составляющей мировой экономики, любопытным предметом разнообразных научных исследований. Многогранность феномена туризма позволяет отдельно и в совокупности изучать различные его стороны и проявления. Одной из возможных исследовательских оптик является рассмотрение туризма как культурно-аксиологической практики, т. е. «ценностно значимой и одной из наиболее актуальных сфер культурного развития современной России, как практическое средство культурных коммуникаций и ценностного обмена» [6].

Рассуждая о системе ценностей человека, многие опираются на феноменологическую аксиологию М. Шелера. Шелер выделял четыре уровня ценностей: 1) гедонистические ценности полезности; 2) витальные ценности; 3) духовные ценности (этика, эстетика, право и т. д.); 4) ценности религиозной святости [2]. При этом, как отмечают некоторые исследователи, витальные (жизненные) ценности и жизнь как ценность не являются тождественными. «Жизнь как ценность принадлежит к высшей ступени в иерархии, так как она, с одной стороны, переживается в интенциях чувств, соответствующим абсолютным ценностям, и, с другой – является основой бытия» [1].

---

* ***Ольга Юрьевна Минина*** – аспирант, преподаватель кафедры СКСиТ, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© О. Ю. Минина, 2016

Действительно, ценность жизни вообще, и в особенности человеческой жизни в нашей культуре, не подлежит сомнению, обсуждению и мыслится как нечто само собой разумеющееся. Европейский человек живет в структуре определенных мировоззренческих идей, которые естественны и привычны для него. Ценность жизни для обывателя величина абсолютная. При этом мы не часто задумываемся о том, «что эти представления являются продуктом определенной среды и связаны с особенностями исторического развития общества и что аксиологическое отношение к жизни может иметь совершенно иной характер в другой социальной среде, пропитанной другими мировоззренческими представлениями» [7].

Современный этап жизни человечества нередко определяют как период коренных социокультурных трансформаций. При этом меняются и преобразуются сформировавшиеся веками традиции и ценности, и процесс этот становится все более сложным и стремительным. Так, многие общества на протяжении своей истории накладывали табу на тему смерти. В русской культуре отношение к ней вполне однозначное. Во всем, что касается смерти, у нас тесно переплетены древние языческие и христианские традиции и представления, которые так или иначе предполагают существование жизни после смерти, некоего загробного мира, в котором человек или его душа продолжает свое существование. Тем не менее смерть воспринимается как трагедия, величайшее горе, нежелательная, хотя и неизбежная перспектива, которую по возможности необходимо отсрочить. Отсюда обилие традиций и примет, связанных со смертью: нельзя дарить часы, хранить дома вещи усопших или тем более их прах (во всяком случае так утверждают «экстрасенсы» – участники различных телевизионных шоу), опасно играть со смертью и играть смерть (например, изображать покойника в театральной постановке).

Логично было бы предположить, что туризм, который в последнее время приобретает все более развлекательный характер, и скорбная тема смерти никак не могут быть связаны между собой и уж тем более не должны находить какие-то точки соприкосновения. Однако на практике мы видим абсолютно иную картину: появление новых типов путешествий и экскурсий, являющихся ответом на стремление к нетрадиционности, эпатажности, эксцентричности. Появился даже специальный термин – «черный туризм». Стоит отметить, что единого мнения о том, как именовать и классифицировать такую разновидность путешествий, не существует. Так, например, Е. В. Мошняга [3] упоминает про следующие разновидности:

• мрачный (dark) или черный (black) туризм – по местам загадочных смертей;

• мемориальный (memorial) и могильный (grave) туризм – по кладбищам и местам захоронений;

• туризм стихийных бедствий и катастроф (disastertourism);

• танатотуризм (от др.-греч. thanatos) – по местам, связанным с насильственной смертью, и др.

Кто-то не проводит подобного разделения, а объединяет все перечисленные виды туризма, так или иначе связанного со смертью, под названием танатотуризм, или черный туризм. «Стихийные бедствия, войны и катастрофы, места связанные со смертью и разрушениями – когда их покидают военные, спасатели и врачи, туда приходят… туристы» – такими словами начинается телепередача о туризме одного из омских телеканалов. Черный туризм – это путешествия в места массовой гибели людей, крупных катастроф, кладбищ, природных явлений, повлекших большое количество смертей и разрушений. Это направление экстремального туризма получило широкое развитие в последние 15–20 лет, но подобные туры существуют уже не менее сотни лет. Так, первые экскурсии на место гибели «Титаника» были проведены уже через 6 лет после его гибели. В определенной мере к черному туризму можно причислить практически обязательное для всех туристов в Египте посещение пирамид или поездку в уничтоженный Везувием итальянский город Помпеи. Сегодня «черные» туристы с интересом посещают места природных и техногенных катастроф: места, пострадавшие от цунами в Таиланде и на Шри Ланке, побережье Мексиканского залива, пострадавшее от урагана Катарина; территории, пострадавшие в результате аварии на Чернобыльской АЭС, город Бхопал (Индия), где в 1984 году на химическом заводе произошел огромный выброс ядовитых паров, крупнейшую в мире свалку радиоактивных отходов в штате Вашингтон, США.

Список подобных достопримечательностей может быть продолжен: районы, где совершались массовые убийства (концентрационные лагеря, например Аушвиц-Биркенау в Польше; остров Роббен на побережье Кейптауна, известный тюрьмой строгого режима для политических заключенных; «Поля Смерти» – захоронения жертв красных кхмеров в Камбодже); индийский Варанаси; места жительства личностей, прославленных кровавыми преступлениями (например, замок графа Дракулы), дома серийных убийц. Мемориальный центр геноцида Кигали, Мемориальный музей мира в Хиросиме, Цицернакаберд (музей геноцида армян) в Ереване, разнообразные музеи пыток, музеи смерти – это лишь малая часть перечня мировых музеев, связанных с такой печальной тематикой. А экскурсии по кладбищам и вовсе часто популярная туристская услуга по всему миру. Во Франции даже выпущен соответствующий путеводитель.

Россия в этом отнюдь не остается в стороне. Не стоит далеко ходить: Урало-Сибирский регион может предложить немало интересных мест для любителей «пощекотать нервы». Из наиболее примечательных и популярных стоит отметить:

• мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36» – бывшая исправительно-трудовая колония строгого режима для осужденных за «особо опасные государственные преступления»;

• тобольский тюремный замок – бывшая каторжно-пересыльная тюрьма (с 1855 года), в советские годы больше известная как Тобольский централ. Вплоть до 1989 года в нем содержались и расстреливались особо опасные преступники. Сегодня его можно посетить как музейный объект и даже остановиться там на ночь (в бывших камерах сейчас находится хостел) или поучаствовать в специально разработанных квестах;

• кладбища Екатеринбурга – в частности, «аллеи героев» 90-х годов. Широкореченское кладбище привлекает отечественных и иностранных туристов могилами «центровых», Северное кладбище с захоронениями лидеров и рядовых членов ОПС «Уралмаш» не столь популярно у туристов, так как, по слухам, у этих могил до сих пор ведется видеонаблюдение;

• места, связанные с историей гибели «дятловцев», – памятник на Михайловском кладбище в Екатеринбурге. Сам перевал Дятлова для массового туриста малодоступен, зато с 2015 года неподалеку от Екатеринбурга стали проводиться экскурсии-реконструкции, посвященные перевалу Дятлова, в ходе которых восстанавливается общая картина драматических событий ночи с 1 на 2 февраля 1959 года. Сайт организаторов анонсирует: «Реконструкция проводится в формате трехчасового вечернего похода. В 20 км от Екатеринбурга, в географической точке с похожим ландшафтом, воссозданы ключевые элементы трагедии, которые позволяют приблизиться к пониманию ее причины» [5];

• музей мировой погребальной культуры (или попросту Музей смерти) в Новосибирске [4], расположенный в Парке Памяти новосибирского крематория. Это первый в России и один из крупнейших музеев смерти, где можно познакомиться с историей традиций ношения траура и традиционными траурными костюмами рубежа XIX–XX веков, посмотреть коллекцию подлинных украшений, изготовленных из волос усопших, ношение которых было обыкновенным для данного исторического периода (т. н. постижерное искусство), узнать о традиции делать посмертные фотографии, познакомиться с тем, как бальзамируют усопших перед процедурой прощания, подержаться за настоящий гроб (к слову, бывший в употреблении), увидеть человеческий прах. Для особо интересующихся экскурсию можно завершить посещением действующего крематория, выкрашенного в жизнерадостный апельсиновый цвет, и даже «подсмотреть» за процедурой кремации в специальное окошко печи. В ночь музеев желающие могут прокатиться по прилегающей к крематорию территории в гробу на катафалке.

Конечно, черный туризм провоцирует определенный ценностный конфликт, суть которого можно свести к вопросу: «Как относиться к туризму, целью которого является знакомство с местами смерти?» О. В. Солопов рассматривает три возможных варианта [6]:

1. Подобные места не должны использоваться в качестве объектов туристского интереса, так как это оскорбляет память умерших и чувства их наследников, особенно если посещение данных мест связано с постоянным фотографированием на фоне захоронений.

2. Использование мест смерти для организации туризма допустимо, но только при условии, что знакомство с данной территорией связано у туриста с рефлексией, чувством глубокого уважения к умершим, стремлением к пониманию смысла своей жизни.

3. Смерть является неотъемлемой и неизбежной частью жизни, поэтому интерес к местам, связанным со смертью, логичен и предсказуем. Спрос рождает предложение. Почему бы не воспользоваться данным туристским ресурсом? Это может явиться основой для экономического развития страны.

Ответ на данные вопросы каждый дает сам для себя, очевидно, однако, что ответ это далеко не однозначен. Наряду с теми, кого коробит одна мысль о возможности столь необычных экскурсий и туров, есть и те, кто относится к местам черного туризма с огромным интересом. Кстати, это не так часто бывают представители субкультур (например, готы), для которых интерес к теме смерти казался бы логичным и оправданным, чаще это совершенно обычные люди разного пола, возраста, социального статуса. Что движет такими туристами и как это можно соотнести с пониманием жизни как высшей ценности? Возможно, в каждом из нас живет желание испытать сильные эмоции и переживания, которые бы нарушили привычный ход жизни, возможно, это желание прикоснуться к вечности, заглянуть за завесу тайны. А для кого-то подобное путешествие явится и способом переоценки, переосмысления своих жизненных устремлений и приоритетов.

Литература

1. Веряскина В. П. Жизнь и ценности как основополагающие понятия философской антропологии [Электронный ресурс] // Жизнь как ценность : сб. – М., 2000. – URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000659/st000.shtml (дата обращения: 28.02.2016).

2. Ермишин О. Философия религии. Концепции религии в зарубежной и русской философии [Электронный ресурс]. – М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. – URL: http://www.labirint.ru/books/393619/ (дата обращения: 28.02.2016).

3. Мошняга Е. В. Основные тенденции развития туризма в современном мире // Вестник РМАТ. – 2013. – № 3 (9). – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-turizma-v-sovremennom-mire (дата обращения: 28.02.2016).

4. Музей мировой погребальной культуры : официальный сайт. – URL: http://musei-smerti.ru/ (дата обращения: 28.02.2016).

5. Перевал Дятлова. – URL: http://repereval.wix.com/pereval (дата обращения: 29.02.2016).

6. Солопов О. В. Культурно-аксиологические практики в контексте туристского процесса // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2015. – № 4 (16). – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-aksiologicheskie-praktiki-v-kontekste-turistskogo-protsessa (дата обращения: 28.02.2016).

7. Шаталов А. Т. Предисловие [Электронный ресурс] // Жизнь как ценность : сб. – М., 2000. – URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000659/st000.shtml (дата обращения: 28.02.2016).

Е. В. Юдина*

Сельский туризм в устойчивом развитии муниципального образования (на примере Сергиево-Посадского района Московской области)

Статья посвящена вопросам устойчивого развития туризма. Рассматриваются особенности развития сельского туризма как фактора устойчивого развития муниципального образования. Проанализированы ресурсы Сергиево-Посадского муниципального района Московской области для развития сельского туризма.

Ключевые слова: туризм; сельский туризм; устойчивое развитие; муниципальное образование.

В мире наблюдается поворот от массового туризма к более содержательным видам путешествий. На смену трем S: sun, sea, sand – солнце, море, песок – приходят три L: landscape, lore, leisure – пейзаж, традиции, досуг.

Новый характер спроса, сложившийся на туристическом рынке, диктует необходимость поиска новых форм турпродукта. Ориентация на групповой туризм, на «массовые заезды» не отвечает сегодняшним требованиям. Передовой зарубежный опыт говорит о мировой тенденции к индивидуализации турпродукта. Это требует:

- новых форм организации туристической отрасли;
- открытия новых направлений (секторов) туриндустрии;
- новых видов турпродуктов.

И сельский туризм полностью отвечает вышеперечисленным требованиям.

Пугающий многих поток неорганизованных туристов необходимо рассматривать не как угрозу сельской территории, а как огромный, никем на сегодняшний день не занятый рынок. Сельский туризм способствует комплексному развитию сельских территорий и сельской инфраструктуры. Это один из факторов стратегии преодоления бедности в сельской местности, распространения знаний и информации об исторических, естественных, этнографических

* ***Елена Владимировна Юдина*** – канд. социол. наук, доцент, доцент Института технологий туризма, ФГБОУ ВО Российский государственный университет туризма и сервиса (г. Сергиев Посад).

© Е. В. Юдина, 2016

особенностях территории, которые являются основанием для признания сельского туризма общественно ценной и полезной сферой отношений. Поэтому сельский туризм заслуживает всевозможной поддержки со стороны государства, так как сохраняет культурное наследие, природу и предоставляет отдых от больших и шумных городов.

На сегодняшний день устойчивое развитие почти в любом его проявлении – это компромисс (ограничение потребностей) членов общества ради достижения поставленных целей сохранения ресурсов, природной среды при обеспечении удовлетворенности («счастья») всего населения.

Реализация принципов устойчивого развития на государственном и муниципальном уровне было введено в международную практику относительно недавно, и документы не имеют единого формата и степени детализации. При этом наиболее активная работа по унификации понимания устойчивости развития ведется Евросоюзом. Для Российской Федерации характерно практически полное отсутствие опыта создания комплексных документов устойчивого развития, что связано не только с недостаточной готовностью государственной системы, но и со слабой заинтересованностью общества принимать на себя дополнительные обязательства. Официальное определение устойчивого развития существует только в Градостроительном кодексе РФ: «Обеспечение при осуществлении градостроительной деятельности безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений». Отдельные положения устойчивого развития присутствуют в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, однако их реализация на региональном уровне осуществляется исходя из экономических приоритетов. Таким образом, в России деятельность по переходу на устойчивое развитие ведется несистемно, зачастую внимание уделяется лишь отдельным его элементам.

Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28.12.2008 г. позволил муниципалитетам использовать центробежную силу туризма для вовлечения в хозяйственную деятельность множества предприятий сферы услуг. В частности, в соответствии с 51 ст. ФЗ № 131, органы местного самоуправления могут создавать муниципальные предприятия и учреждения, участвовать в создании хозяйственных обществ, в том числе и межмуниципальных, необходимых для осуществления полномочий при решении вопросов местного самоуправления.

Муниципальные образования, развивая туризм на своей территории, могут получить дополнительные возможности, пополнить местный бюджет, активизировать малый бизнес, работу учреждений культуры, а также сопутствующих отраслей (транспорт, связь, общепит, торговлю, народные промыслы).

Муниципальное образование (МО) может стать главным и единственным производителем сельского туристического продукта своей дестинации. Именно на муниципальном уровне туристический потенциал конкретной сельской местности – как природный, так и культурно-исторический – преобразуется в туристический ресурс – то, что можно в любой момент использовать в организации маршрутов, экскурсий, досуга туристов.

Именно здесь создаются и оборудуются средства размещения и питания, разрабатывается комплексный пакет туристических услуг – турпродукт, реализуемый в данной местности.

Основные задачи для развития сельского туризма в муниципальном образовании можно определить так:

- формулирование и реализация концепций турпродуктов данной дестинации;
- политическая, информационно-рекламная и иная поддержка инициатив местного сообщества в сфере сельского туристического бизнеса;
- подготовка кадров для организации сельского туристического бизнеса и производства сельского турпродукта на местах;
- работа с населением по формированию позитивного отношения к сельскому туристическому бизнесу, конструктивных поведенческих моделей и т. д.;
- привлечение материально-технических, финансовых и людских ресурсов для совершенствования инфраструктуры туризма;
- информационное обеспечение сельской туристической деятельности с применением информационных технологий;
- формирование позитивного образа данной дестинации, условий для информационно-рекламного обеспечения туристической деятельности и продвижения конкретных турпродуктов.

Самая сложная и очень важная стратегическая задача – установление партнерских отношений на уровне местных сообществ. Развитие туризма на территории МО невозможно без достижения консенсуса с местным населением и вовлечения бизнес-кругов в реализацию конкретных планов и проектов.

Развитие такого вида туризма в Сергиево-Посадском районе Московской области позволит обеспечить сельских жителей работой и достаточным уровнем дохода, а городских жителей – до-

ступным и качественным отдыхом. Кроме того, Сергиево-Посадский район обладает достаточным природным и культурно-историческим потенциалом и выгодным географическим положением, необходимыми для привлечения иностранных туристов.

К положительным факторам также можно отнести то, что состояние природной среды в сельской местности остается на достаточно высоком уровне, что повышает ценность этой территории для отдыха. Для Сергиево-Посадского района отдых на селе – новое направление, находящееся в стадии становления.

Природные рекреационные и климатические ресурсы Сергиево-Посадского района достаточно благоприятны для развития сельского туризма. Ландшафты определены чередованием крупнохолмистого рельефа Клинско-Дмитровской гряды с глубоко врезанными долинами на большей части территории и песчаной слабохолмистой, частично заболоченной Ламско-Дубненской низиной на севере района.

Район лежит в лесной зоне, где преобладают елово-широколиственные и березовые леса, благоприятные для лечебно-оздоровительного отдыха. Богатая флора и фауна района способствует организации природных парков и развитию охоты и экологического туризма.

Биоклимат района характеризуется относительно комфортными условиями. Термический режим хорош как для летней, так и для зимней рекреации, так как летом здесь нет чрезмерной жары, а в зимней период преобладают среднеморозные температуры. Все эти погодные условия комфортны как для спортсменов, так и для обычных туристов.

Использованию данных ресурсов будут способствовать следующие факторы:

- строительство новых объектов инфраструктуры туризма (средства размещения, питания, рекреационные учреждения);
- повышение квалификации обслуживающего персонала существующих объектов;
- развитие профессионально-квалифицирующей структуры;
- рациональное использование имеющихся рекреационных ресурсов.

Рациональному использованию рекреационных ресурсов данного района будут способствовать:

- соблюдение норм антропогенной нагрузки на природные и историко-культурные объекты;
- осуществление контроля за санитарно-гигиеническим и экологическим состоянием территории;
- осуществление охранных мероприятий и мер восстановления рекреационных ресурсов.

Территория района находится в широте (56,4 с.ш.), где режим ультрафиолетовой радиации по медико-климатической характеристике является оптимальным и комфортным. То есть здесь в летний период отсутствует избыток ультрафиолета, который может быть очень опасен, а в зимний период нет его дефицита, который также может привести к негативным последствиям. В связи с тем, что Сергиево-Посадский район расположен в центре материка и удален от морей, океанов и горных систем, он имеет стабильные параметры атмосферных циркуляций. То есть вероятность контрастной смены погоды, сопровождающейся перепадами давления, температуры воздуха, изменением направления ветра, усилением его скорости практически минимальна. Все параметры атмосферных циркуляций по режиму воздействия можно отнести к благоприятным.

Годовая сумма осадков по данным климатических карт в среднем составляет 600 мм. Основываясь на данных, можно отметить, что продолжительность периода с устойчивым снежным покровом – 140–145 дней, максимальная высота снежного покрова равна 60 см, что по характеристике режима осадков в зимний период является оптимальным условием и одним из важнейших критериев для развития сельского туризма на этой территории.

Летом осадков выпадает около 415 мм, что составляет около 69 % годового количества. Это является негативным фактором, влияющим на развитие туризма летом, поскольку дожди идут практически весь летний период (80 дней).

Таким образом, биоклимат Сергиево-Посадского района оценивается как благоприятный для развития сельского туризма.

Муниципальное образование расположено на Смоленско-Московской возвышенности Клинско-Дмитровской гряды в северо-европейской части. Местность холмистая, от 184 до 234 м над уровнем моря. В связи с тем, что имеются небольшие перепады высот (40–50 м), данная местность подходит для прокладывания лыжных трасс, сноубординга, велосипедного спорта в летний период.

Около 50 % территории Сергиево-Посадского района занято лесами. Лес, помимо всего прочего, обладает эстетической привлекательностью и является отличным дополнением к живописному рельефу местности, что, вместе взятое образует наилучшие условия для организации сельского туризма.

Следует сделать вывод, что ландшафт Сергиево-Посадского района является относительно благоприятным для рекреационного освоения. И основная проблема здесь – отсутствие соответствующих водных объектов для туризма или их ненадлежащее экологическое состояние.

Что касается экологической обстановки, то ее нельзя назвать достаточно благоприятной из-за большого количества промышленных предприятий. Но в целом экология в Сергиево-Посадском районе позволяет размещать здесь предприятия длительного отдыха: санатории, пансионаты, турбазы, детские рекреационные учреждения. Следовательно, экологическая ситуация способствует организации сельского туризма и созданию этнографической деревни.

Проанализировав и оценив природно-рекреационные ресурсы Сергиево-Посадского района, можно сделать вывод, что данная территория имеет подходящие условия и большой потенциал для организации сельского туризма. Первостепенное значение имеет наличие в течение практически пяти месяцев в году плотного снежного покрова. Другим фактором, предопределяющим удобства и привлекательность территории, является ее холмистый рельеф, который хорошо подходит для прокладки лыжных трасс. Немаловажным условием является климат, который в данной местности не отличается суровостью, а наоборот, по всем своим параметрам располагает к отдыху и рекреации. Недостаток – малое количество водоемов, пригодных для использования в туристских целях, компенсируют имеющиеся реки, красивые лесные массивы, формирующие разнообразный и живописный пейзаж. Инфраструктура и материальная база Сергиево-Посадского района соответствует требованиям для эффективного развития сельского туризма. Многое нуждается в доработках и изменениях, а также в больших инвестиционных вложениях.

Наиболее оптимальной формой развития сельского туризма в районе, по нашему мнению, является создание этнографической деревни в русском стиле. Целесообразно планировать этнографическую деревню с хорошим обслуживанием и средним по цене жильем. Комплекс должен включать старинную русскую деревню, кузницу и ремесленную мастерскую, крестьянскую избу, дом ремесел, ветряную мельницу, ладью, русскую баню. Конкурентов у данной деревни в Сергиево-Посадском районе пока нет.

Стратегической целью устойчивого развития Сергиево-Посадского района года является создание условий для сбалансированного накопления и воспроизводства экономического, экологического и человеческого капитала территории на основе научно-технического прогресса. Исходя из сформулированной стратегической цели, необходимо сбалансированное развитие в трех основных сферах, с формированием видения в каждой из них. Экономическое благополучие: район с диверсифицированной экономикой, обеспечивающий материальное благополучие и самореализацию всех жителей. Сохранение среды и эффективность использования ресурсов: район, в котором сохраняется и улучшается качество окружающей среды и эффективно используются природные ресурсы; район, способный адаптироваться к требованиям современного глобального общества. Развитие человеческого капитала территории: район с высоким уровнем развития человеческого капитала и разнообразными культурными функциями, предоставляющий широкие возможности.

Доходы от туризма позволяют более эффективно использовать ресурсы и применять более современные технологии. Все это дает значительный импульс для развития экономики и роста благосостояния местных жителей, особенно в районах, удаленных от крупных индустриальных центров, с традиционно низким уровнем экономического развития.

Литература

1. Андреева Н. П., Ларичкина Л. В.Информационно-консультационное обслуживание фермерских хозяйств : учеб. пособие. – М. : ФГНУ «Росинформагротех», 2003.

2. Демишкевич Г. М. Высококвалифицированные кадры – залог успешной работы сельских консультационных центров // Роль служб сельскохозяйственного консультирования в устойчивом развитии сельских территорий : сб. – М. : ФГУ «Российский центр сельскохозяйственного консультирования», 2004.

3. Левин В. Ф., Смирнов В. А. Природа и экология Сергиево-Посадского района. – Сергиев Посад : Весь Сергиев Посад, 2003.

4. Рыкун Ю. П. О специфике функционирования агротуризма в российской и международной практике: социологический аспект : материалы VII Международной конференции. – Ставрополь, 2005. – Т. 1.

5. Юдина Е. В. Туризм как поиски «потерянного рая» // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей : материалы XVII Международной научно-практической конференции / ред. кол. Л. А. Закс и др. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2014. – С. 452–455.

*А. Д. Холодова**

Гостиничный сервис для особых гостей как фактор развития устойчивого туризма

Статья посвящена проблеме предоставления гостиничных услуг людям с ограниченными физическими возможностями. Создание особых условий в пространстве российских гостиниц позволит этим маломобильным путешественникам быть включенными в туристские практики.

Ключевые слова: гостиничная индустрия; туризм; особые гости; мобильность; Россия.

Круг потребностей современного путешественника, выезжающего за пределы своего постоянного места жительства, постоянно обновляется. В связи с этим возникает вопрос о выборе средства размещения для временного проживания. Главной отраслью предоставления временного ночлега выступает гостиничная индустрия. Исходя из этого, можно утверждать, что гостиничная индустрия является комплексным и неотъемлемым элементом туризма, поэтому развитие гостиничной индустрии прямо влияет на состояние туризма.

В настоящее время российская гостиничная индустрия – динамично развивающаяся отрасль сферы услуг. Гостиничный бизнес ориентируется на современные тенденции в различных сферах жизни общества. Предоставление гостиничных услуг «особым гостям» – знаковая для сегодняшнего дня инновация.

Особый гость – человек с ограниченными физическими, психическими и умственными способностями, не способный к полноценной жизнедеятельности. На Генеральной Ассамблее ООН 13 декабря 2006 года была принята «Конвенция о правах инвалидов». В этом договоре описываются общие положения, такие как уважение к людям с ограниченными возможностями, равенство возможностей, недискриминация, полное и эффективное вовлечение и включение в общество, доступность, равенство мужчин и женщин. По данным октября 2015 года, в «Конвенции о правах инвалидов» приняло участие 160 стран. На основе этого в 2009 году в Российской Федерации создана, а затем реализована государственная программа «Доступная среда».

* ***Анастасия Дмитриевна Холодова*** – студентка 2-го курса факультета социальной психологии, направление «Гостиничное дело», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© А. Д. Холодова, 2016

Целью Государственной программы является формирование к 2015 году условий для обеспечения доступа людей с ограниченными возможностями, наравне с другими, к объектам физического, социального и экономического окружения. В связи с изменившимся отношением общества к людям с ограниченными возможностями здоровья, предъявляются повышенные требования к гостиницам по предоставлению особому гостю комфортного размещения и ряда других услуг, учитывающих потребности клиента.

Также важно учесть, что понятие «особый гость» подразумевает подразделение людей с ограниченными возможностями на 5 категорий, учитывая их специфические потребности в оказании услуг: инвалиды с нарушением слуха, с нарушением зрения, инвалиды-колясочники, инвалиды с нарушением опорно-двигательного аппарата, инвалиды с нарушением интеллекта.

В последние годы наблюдается актуализация проблемы маломобильности инвалидов. Физические недостатки не являются препятствием для полноценной жизни. Ярким примером могут послужить достижения наших параолимпийцев, которые не уступают результатам участников Олимпийских игр.

Поток особых постояльцев средств размещения увеличивается, все больше появляется лиц с ограничением жизнедеятельности. В связи с наличием многочисленных барьеров эти гости нуждаются в особых адаптивных условиях потребления гостиничного продукта.

Для комфортного размещения особых гостей необходимо учесть три составляющие: техническое оснащение гостиницы, функциональность и организация работы персонала. Например: персонал с невербальными навыками общения, т. е. со знанием сурдоперевода; расширенные дверные проемы, наличие пандусов, отсутствие порогов; наличие санитарно-гигиенической зоны (для инвалидов-колясочников); обозначение номера комнаты, с использованием шрифта Брайля; обозначение кнопок вызова лифта «вверх», «вниз»; звуковое сопровождение в номере отеля (для слепых); наличие бегущих строк с необходимой информацией (для глухонемых); наличие психолога (для людей с небольшими психическими отклонениями).

Из 120 гостиниц города Екатеринбурга только 5 имеют полноценные условия для предоставления размещения людям ограниченными возможностями. Это такие отели, как Hyatt Regency Ykaterinburg*****, Double Tree by Hilton****, Park inn by Radisson****, Angelo**** и Атриум Палас отель*****. В остальных

случаях лица с особыми потребностями в гостиничных услугах относятся к числу выключенных из жизни общества.

Социальное положение инвалидов – показатель цивилизованности того или иного государства. Кроме того, особые гости, пользуясь гостиничными услугами, могут оказать положительное влияние на экономическую составляющую гостиничной индустрии, туризма и страны в целом, обеспечивая устойчивость развития туризма.

Е. В. Хузина*

Особенности работы хостела в туристском пространстве

В статье представлена краткая характеристика хостела как средства размещения, выявлена его целевая аудитория. Специфика организации временного проживания гостей хостела стирает языковые, социальные, национальные рамки взаимодействия в социально-культурном пространстве.

Ключевые слова: предприятие размещения; хостел; гость; ночлег.

Гостиничное предприятие как объект размещения – это важная часть социального, культурного, коммуникационного, информационного пространства. Анализируя воздействие процесса информатизации на пространство, Э. Кастельс делает вывод, что современное общество построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного воздействия, изображений, звуков и символов [1. С. 386].

В России активно развивается внутренний туризм. «В связи с закрытием для российских туристов таких направлений, как Турция и Египет, потенциал роста внутреннего туризма составляет как минимум 5 млн человек», – заявил В. Мединский в ходе совещания по вопросам внутреннего туризма (под председательством главы Правительства РФ Д. Медведева в г. Сочи). Итоги года позволяют сделать вывод, что рост въездного туризма можно оценивать примерно в 8 %, а выездной туризм сократился на 20 % [2]. Это, в свою очередь, формирует необходимость в различных средствах размещения, в том числе в бюджетных предприятиях. Самым бюджетным вариантом размещения, актуальным в контексте экономического спада, выступает хостел. Специфика организации временного проживания гостей хостела стирает языковые, социальные, национальные рамки взаимодействия в социально-культурном пространстве. Этот объект размещения не претендует на роль «дома вдали от дома», однако кроме койко-места предлагает гостям, например, оборудованную кухню, услуги связи.

---

* ***Елизавета Вадимовна Хузина*** – студентка 2-го курса факультета социальной психологии, направление «Гостиничное дело», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Е. В. Хузина, 2016

История хостелов началась с 1909 года. Хостел – средство размещения, располагающееся только в городском пространстве. Так как хостел рассчитан на большой поток путешественников, то и его формат – многоместное размещение с возможностью смешанного поселения.

Своеобразна целевая аудитория хостелов – молодые люди, готовые «сэкономить» на комфортности, низкодоходный контингент путешественников, склонных «сэкономить» на комфортности ночлега в пользу наибольшей возможности окунуться в настоящую культуру города, прочувствовать его «дух» в полной мере.

Анализ гостевой привлекательности хостела (в оценках гостей порядка 50 респондентов) позволил выявить следующее: хостелы пользуются популярностью в основном у молодежи. Представители старшего поколения относятся к ним скептически.

Треть респондентов посчитала, что не хостел «красит» место, а место хостел. Привлекательный город даже хостел сделает привлекательным в глазах путешествующих.

В нашей стране хостелы не пользуются таким спросом, как, например, на Западе. По заявлению В. Боликова, заместителя главы Администрации города Екатеринбурга по вопросам потребительского рынка и услуг, в Екатеринбурге официально действует 41 хостел [3]. К 2018 г. планируемое количество хостелов (100 предприятий) позволит полностью удовлетворить потребность в проживании гостей города. Как и прочие объекты размещения, к 2016 г. хостелы должны проходить обязательную процедуру классификации, что приведет к повышению качества услуг размещения, росту привлекательности города в целом.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.

2. Выездной туризм в России сократился на 20 % по итогам 2015 года //Альянс Медиа. – 2016. – 8 января. – URL: http://www.allmedia.ru/newsitem.asp?id=954735

3. Владимир Боликов проверил готовность екатеринбургских хостелов к обязательной процедуре категорирования // Официальный портал Екатеринбурга. – 2014. – 6 августа. – URL: http://www.ekburg.ru/news/14/50474-vladimir-bolikov-proveril-gotovnost-ekaterinburgskikh-khostelov-k-obyazatelnoy-protsedure-kategorirovaniya/

Е. П. Теплых*

Специфика туристского восприятия города Екатеринбург

Тезисы написаны на материале гостевых отзывов, отражающих восприятие города Екатеринбурга как динамично развивающегося туристского центра. Нами проанализированы отзывы туристов, посетивших город с 2008-го по 2016 год, отражающие визуальные характеристики социального и физического пространства Екатеринбурга.

Ключевые слова: восприятие города; туризм; Екатеринбург; отзывы гостей; образ города.

Каким житель видит свой город? Для жителей города первостепенной характеристикой города становится его функциональность – ЖКХ, дороги, здравоохранение и т. д. Для туриста же самым важным фактором является эмоциональность места, его эстетика и необычность. Отсюда и пресловутое «восприятие туриста», открывающее иной срез действительности, чем обыденное восприятие. В его рамках визуальные характеристики наиболее существенны, эстетическая установка доминирует. Кратковременность контакта заставляет искать некие обобщенные характеристики образа города. Материалом для них служат обычно достопримечательности…[1].

Богатым туристским потенциалом обладает как сам Екатеринбург, так и его окрестности, изобилующие памятниками природы и местами активного отдыха. В 2006 году столицу Урала посетило 450 тысяч [2], а в 2015 году уже 2 100 тысяч туристов [3] (хотя прогнозировали всего 1,5 млн [4]). На данный момент основным видом является деловой туризм – 87 % всех приезжающих в город Екатеринбург прибывают в качестве деловых туристов для участия в российских и международных форумах, выставках, конференциях. За 2007 год было проведено 179 выставок, что составляет 15 % от общего числа проведенных в стране подобных мероприятий. В последние несколько лет ежегодно в городе проходит более 200 региональных, федеральных и международных выставок и более 400 конференций [2].

---

* ***Евгения Павловна Теплых*** – студентка 3-го курса, направление «Туризм», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Е. П. Теплых, 2016

Чтобы стать успешным туристским местом, территория должна уделять большое внимание туристам, их запросам, потребностям. Кроме того, значимой задачей становится продвижение уникальности места в туристском пространстве.

Для характеристик образа современного туристского, гостевого Екатеринбурга, нами были проанализированы несколько популярных сайтов с отзывами гостей города: news.turizm.ru, otzovik.com, www.tourister.ru.

Отвечая на некоторые вопросы, туристы оказались единодушны, а несколько тем оказались хорошим материалом для споров пользователей сети Интернет.

Исходя из текстов отзывов, город Екатеринбург посещают люди разного социального статуса, разных должностей, возрастов и т. д. На просмотренных мною сайтах опубликованы отзывы российских туристов. Среди гостей, приехавших в город в командировку, болезненной оказалась тема высокой стоимости гостиничных услуг, а также затруднений на дорогах. Но при этом, по словам гостей, они получили услуги высокого качества и радушный прием. Гости, приехавшие с другими целями, уделяют больше внимания архитектуре города и доступности объектов их интереса.

Что же все-таки гостям Екатеринбурга нравится в городе? Многие отмечают развитую инфраструктуру города (как правило, это отзывы 2008–2012 годов): кто-то говорит про хорошее медицинское обслуживание, про образование или про дороги. Один из пользователей сайта otzovik.com назвал Екатеринбург «благородным и роскошным», отметил обилие в городе предприятий питания со вкусной и здоровой пищей. В 2013–2015 годах пользователи данного ресурса отмечали наличие пандусов практически на всех предприятиях обслуживания и высокий уровень сервиса в индустрии гостеприимства.

Спорными оказались темы архитектуры города: одни подчеркивали органично вписанную современную застройку в историческом центре Екатеринбурга, другие отмечали подобное полной безвкусицей. Еще одним спорным вопросом оказались дороги. Несколько человек отметили, что их качество на высоком уровне, но большая часть говорит обратное. Хорошее качество дорог, описанных в комментариях, датируется 2008–2009 годами, что соответствует датам проведения саммитов ШОС и БРИК, проведенных в Екатеринбурге в это время.

Интересно было читать отзывы о населении города. Многие пользователи негативно высказываются о многолюдности улиц. Однако встретилось несколько отзывов об отзывчивости и доброжелательности жителей города, еще один из пользователей заметил, что в толпе народа, гуляющего по Екатеринбургу, очень много молодых людей.

Негативную оценку гости города давали экологической ситуации, дорожным условиям (включая качество дорожного полотна и заторы на улицах города), стоимости услуг, старому парку общественного транспорта. В этих вопросах гости города солидарны с большей частью его жителей, которые считают Екатеринбург обычным промышленным центром, с очень плохим воздухом.

Отдельно хотелось бы отметить отзыв некоего пользователя под ником bikk. Он писал, что для него идеальным городом был Свердловск 1986–1987 годов, «город элиты науки и техники». Интересная позиция, не правда ли?

Проанализировав большое количество отзывов с нескольких интернет-сайтов о городе Екатеринбурге, мы увидели образ современного, динамично развивающегося города, органично представляющего единое доступное туристское пространство.

Источники

1. Восприятие городской среды туристом. – URL: http://marina-klimkova.livejournal.com
2. Экономика Екатеринбурга. – URL: http://ru.wikipedia.org
3. В 2015 году Екатеринбург принял 2 100 тысяч туристов. – URL: http://www.tourprom.ru
4. Екатеринбург в 2015 году посетят полтора миллиона туристов. – URL: http://news.turizm.ru
5. Отзывы о городе Екатеринбург. – URL: http://otzovik.com
6. Екатеринбург. Отзывы туристов. – URL: http://www. tourister. ru

Раздел четвертый

Отечественная индустрия одежды в контексте потребностей и возможностей современного российского общества

А. С. Анохина*

Многонациональная Россия как источник вдохновения дизайнеров одежды

Стиль «этно» давно нашел свое место на подиуме и до сих пор остается одним из самых значимых модных течений. Красный сарафан, матрешка и хохлома – только ли эти богатства хранит русский народ? Какие традиции с XVI века передают из поколения в поколения народы Алмазного края? Практичность меха и простота покроя, гармония сочетаний цвета и узора, старина и современность – новое слово в моде от суровой Якутии.

Ключевые слова: многонациональная Россия; русский костюм; традиции; якутский костюм.

Волна патриотизма достигла давно не виданных масштабов. Граждане страны фальшиво или искренне начинают смотреть по-новому на свою Родину. Любовь к России распространяется далеко за пределы самого государства, и вот уже мы видим, как гражданин Турции, например, говорит, а даже иногда и кричит о том, как он любит Россию и русских. Он вешает флаг над кроватью, пишет шариковой ручкой в тетради с гербом, на обложке которой флаг России! Ему мало приобщения к великой нации, и он идет в магазин за одеждой в русском стиле. А какая она, одежда в русском стиле?

Обращение к русским традициям не ново в мире моды. Многие, именитые и не очень, дизайнеры мира вдохновлялись Русью. Вспоминается фотопроект журнала VOGUE «Святая рысь», где длинные сарафаны в цветок сочетают с кружевами, вышивками, боярскими мехами и шапками. Конечно, если спросить любого человека в Европе, Америке и даже в России о русском стиле в одежде, то незамедлительно в голове возникают мысли о матрешках, балалайке, скатертях с вышивкой, цветочных шалях, меховой шапке, гжели и хохломе. Плохо это или хорошо – вывод у каждого свой. Россия сейчас – не просто Русь. Уже не делится

---

* ***Алина Сергеевна Анохина*** – студентка 2-го курса факультета конструирования и моделирования одежды, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© А. С. Анохина, 2016

она на Московскую и Киевскую. Россия сегодня – многонациональное государство – 85 субъектов: 46 областей, 22 республики. А еще в ее состав входят 9 краев, 3 города федерального значения, 4 автономных округа и 1 автономная область. Наше государство отличается большим этнокультурным многообразием. Согласно данным переписи населения 2010 года, в нашей стране проживают представители более 200 национальностей. Около 80 % населения России составляют русские, а остальные 20 % приходятся на другие национальности.

Конечно, разнообразие национального состава легко могут заметить иностранцы, приезжая в столицу нашей Родины. Но если спросить их о России, то в ассоциативный ряд непременно войдет Сибирь, а то и будет в нем на первом месте. Для многих иностранцев Сибирь – дикий край, который, если зазеваешься, убьет тебя если не зверем, то точно морозом. Но в Сибири живут и процветают большие и малые народы. Один из них – якуты, или саха, как они сами себя называют. Якутский народ – самый многочисленный из коренных народов Сибири. «Последняя волна южных предков якутов проникла на Среднюю Лену в XIV–XV веках. По сравнению с другими тюрко-язычными народами Сибири, они характеризуются наиболее сильным проявлением монголоидного комплекса, окончательное оформление которого происходило в середине второго тысячелетия нашей эры уже на Лене. Предполагается, что некоторые группы якутов, например оленеводы северо-запада, возникли сравнительно недавно в результате смешения отдельных групп эвенков с якутами, выходцами из центральных районов Якутии. Включение якутов в состав Русского государства в 1620–1630-х годах ускорило их социально-экономическое и культурное развитие. Во второй половине XVIII века большая часть якутов была обращена в христианство, однако сохранялись и традиционные верования» (из статьи на портале «Википедия»).

Традиционный якутский костюм с далеких времен по наше время претерпевал различные изменения в ходе исторических событий, социальной и культурной жизни этноса, но всегда сохранял древнейшие художественные традиции. Разумеется, особенности костюма напрямую зависят от климата, где живет народность. Основные занятия древних якутов – скотоводство, оленеводство и табунное коневодство – диктовали свои материалы, которые использовали как в быту, так и в костюме: кожу, замшу, мех домашних животных. Отделка верхней одежды мехом пушного зверя – перенятые у предков якутов навыки, направленные в первую очередь на борьбу с холодом. Импортные шерсть и шелк, полученные путем обмена, использовались только в качестве отделки изделий. Одежду из плотного китайского хлопка «дабы» носили только богатые люди, остальные использовали для нательной и летней одежды тонкие замшевые кожи. Костюм украшается орнаментальными вставками, бисером, металлическими украшениями и подвесками. Разнообразие видов традиционной одежды якутов основывается на климатических условиях окружающей среды и заимствовании некоторых элементов из костюмов других народов Севера: демисезонное пальто (кытыылаах сон), мужское пальто расклешенного силуэта (сон), нарядное зимнее пальто со сборкой по окату рукава (бууктаах сон), костюм из платья (халадай) и жилета (хассыат), головной убор (дьабака), праздничная женская одежда с короткими рукавами (таналай), зимнее пальто (сагынньях) и т. д. Были в якутском костюме и заимствованные крои летней одежды, но использовались редко из-за большого расхода ткани. Подход к рациональному использованию материалов диктовал простой покрой одежды, но это лишь малая составляющая красоты традиционного якутского костюма. Растительный и геометрический якутский орнамент – основа отделки изделий. Он использовался как в вышивке (сутажной или бисерной), так и в различных подвесках, пуговицах, пряжках и аксессуарах. Якутский орнамент всегда символичен, каждый элемент рассказывает историю или служит оберегом. Кроме вышивки, чаще всего в праздничном костюме использовали подвески из меди (позже из бисера или дерева). Основными видами украшений были нагрудные, наспинные подвески; браслеты, серьги, кольца. Кроме того, украшениями декорировали одежду, головные уборы, косы, пояс, сумочки и т. д.

Традиции якутского костюма бережно хранятся самим народом. Большинство якутских дизайнеров вдохновляется традициями национального костюма. Например, бренд TANAS – первый бренд повседневной и спортивной одежды с национальным якутским колоритом. Дизайнеры Иван Федоров, Айталина Сафронеева, Степан Савин, Анастасия Постникова, Дарья Олесова, Юрий Лукин, Анжелика Кириллина – все они вносят самобытный характер своего народа в мир моды, участвуя как в областных, так и в мировых показах. Коллекция «Шаманы» сезона осень-зима 15/16 Натальи Валевской, основанная на символике цвета и орнаменте якутского костюма с оригинальными принтами, получила мировое признание. Но если в одежде дизайнеры осторожно заимствуют некоторые элементы традиционного костюма, то в аксессуарах такой осторожности нет. В любом дополнении – от варежек до колье – смело используют узоры и вышивку, как это делал древний северный народ. Применяется орнамент и в современных аксессуарах: например, в металлических накладках для мужских галстуков – бабочка.

Загадочная северная земля, вопреки всему полная жизни и невероятных красок. Глубокая символика каждого узора и каждого цвета. Магия северного сияния. Все это Якутия – уникальная культура, наследие которой нам еще только предстоит оценить и понять в полной мере. Возможно, недалек тот день, когда якутский костюм, да и другие традиционные костюмы многонациональной России по значимости будут занимать равное положение с «русским» костюмом.

О. А. Бакеркина*, О. Е. Краюхина**

Школьная форма как вариант возрождения производства корпоративной одежды

Рассматриваются возможности использования соцзаказа на школьную форму в качестве одного из вариантов развития региональной индустрии одежды и повышения уровня подготовки специалистов в области проектирования одежды.

Ключевые слова: школьная форма; корпоративный стиль; потребительский запрос; дизайн-проектирование; швейное производство; учебная программа.

С 1-го сентября 2013 года в России вступил в силу Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ), который устанавливает обязательное ношение школьной формы в детских образовательных учреждениях [1]. При этом повседневная форма одежды детей определяется непосредственно школой (ст. 28 ч. 3 п. 18), что, в свою очередь, приводит к возникновению большого количества нарушений как непосредственно в школах, так и на предприятиях, выполняющих заказы по изготовлению школьной формы.

В современных условиях введение стандартной школьной формы для всей территории России, как это было в СССР, по ряду весомых причин нецелесообразно. Во-первых, тенденции к индивидуализации сознания людей в обществе требуют дифференциации внешнего вида человека уже на уровне детских учреждений. Во-вторых, многообразие климатических условий регионов нашей страны определяет необходимость различной комплектности школьной формы. В-третьих, в соответствии с корпоративным подходом в решении проблемы экономически целесообразно проектирование и производство комплектов школьной формы малыми партиями [2].

Согласно поправкам, принятым к закону о школьной форме, внешний вид российского ученика должен соответствовать при-

* ***Оксана Артуровна Бакеркина*** – канд. культурологии, доцент кафедры стиля и имиджа,ФГАОУ ВПО РГППУ (г. Екатеринбург).

** ***Ольга Евгеньевна Краюхина*** – канд. пед. наук, доцент, завкафедрой стиля и имиджа,ФГАОУ ВПО РГППУ (г. Екатеринбург).

© О. А. Бакеркина, О. Е. Краюхина, 2016

нятым в обществе нормам делового стиля и носить светский характер. Основные характеристики деловой и светской одежды в современном мире задаются стилевыми нормами, сложившимися в обществе к середине XX века и трендами европейской моды, поэтому в проектном поиске решений стиля современной школьной формы логично опираться на традиции визуализации светского образа, сложившиеся в европейских странах.

Современный деловой имидж определяется классическим стилевым направлением в одежде, ведущим историю от мужского английского классического костюма. Интересно, что родиной школьной формы в современном понимании также является Великобритания, где этот вид одежды появился в XVI в. в благотворительном интернате Christ's Hospital и практически не изменился более чем за 460 лет. При этом традиции в отношении школьной формы особенно тщательно сохраняются и культивируются в сознании учеников. В Великобритании школьная форма является частью истории каждого учебного заведения, и ученики особенно гордятся тем, что форма их повседневной одежды подчеркивает корпоративную принадлежность. По внешнему виду школьная форма в Англии, как правило, решена в классическом стиле [3].

В Италии и Франции, также задающих тренды мировой деловой одежды, нет утвержденной обязательной школьной формы, но определен дресс-код детской одежды для посещения учебных заведений. Кроме того, во многих странах Евросоюза (Испания, Бельгия, Германия, Швейцария) варианты школьной формы в деловом европейском стиле существуют во многих католических школах и частных детских учебных заведениях, а также для учеников начальной школы [5].

Школьная форма относится к категории униформы и является составляющей корпоративной культуры учебного заведения. Формирование корпоративной культуры предполагает выработку традиционных правил, по которым существует учреждение. Эти правила являются определяющими и в решении внешнего вида представителей корпорации (школьников и учителей). Школьная форма в европейских странах проектируется по принципу создания законченного образа, т. е. кроме комплекта одежды для помещения включает обувь, аксессуары и верхнюю одежду. При этом такой комплект практически полностью оплачивается учебным заведением или спонсорскими компаниями, а доля родительского финансирования либо полностью отсутствует, либо составляет не более 15–20 % от всей стоимости.

В России сегодня сложилась следующая ситуация: школьная форма изготовляется на любых швейных предприятиях (как государственных, так и частных), как правило, не имеющих сертификатов на производство этого вида изделий. Проектирование ее практически никак не связано с правилами дизайн-проектирования фирменного (корпоративного) стиля одежды, а образцы утверждаются руководителем учебного заведения, подчас не имеющим представления о стилевых правилах, требованиях к повседневной детской одежде, психологии цвета и т. п. Экспертиза качества школьной формы, проведенная объединением «Союзформа» в 2015 году, показала, что только 19 % отобранных образцов изделий удовлетворяют требованиям к этому виду продукции. Как видно, ситуация резко ухудшилась по сравнению с 2014 и 2013 годами (32 и 34 % соответственно) [4]. При этом родители вынуждены приобретать некачественную продукцию, утвержденную советом школы, так как, согласно закону, школьная форма является обязательной.

Для создания условий проектирования и производства в России современной качественной школьной формы, способной удовлетворить социальный и потребительский запрос, необходимо решить ряд проблем. Для начала нужно разработать и внедрить просветительскую программу для детей, педагогов и родителей, объясняющую значение внешнего вида ученика не только для статуса учебного заведения, но и для обеспечения стимулирования процесса получения знаний. В систему проектирования и производства школьной формы должны быть вовлечены квалифицированные специалисты, способные обеспечить и проконтролировать соблюдение всех требований к детской одежде специального назначения на всех стадиях ее производства, от проекта до реального изделия. При этом дизайн-составляющая процесса должна быть одной из главных, так как в современном обществе становление личности во многом определяется правильной визуализацией образа.

Исследования, проведенные студенческим научным сообществом кафедры СИ РГППУ в школах г. Екатеринбурга и Свердловской области в 2014–2015 гг., показали крайнюю заинтересованность в скорейшем решении проблемы школьной формы в потребительской среде. Выявление запроса потребителя показало, что существует большая заинтересованность в расширении ассортимента составляющих комплекта школьной формы: он должен включать повседневную и спортивную одежду, одежду для торжественных случаев, обувь, верхнюю одежду и головные уборы. Заметим, что запрос этот будет постоянным, а его удовлетворение позволит возродить хотя бы часть швейной промышленности региона. Кроме того, большинство представителей педагогического состава школ (85 %) заинтересованы в проектировании образа не только современного школьника, но и современного учителя. Это также может способствовать стабильной работе швейных пред-

приятий, а также возникновению спроса на специалистов в области проектирования и разработки одежды, учитывающей корпоративную стилистику и отвечающей современным требованиям качества и внешнего вида.

В свете обрисованных проблем целесообразны разработка и внедрение в процесс подготовки специалистов модной индустрии в вузах Екатеринбурга программ по проектированию школьной формы и внешнего вида современного школьника и современного педагога, учитывающих региональные, ментальные, материальные и прочие запросы выявленной потребительской группы.

Источники

1. Закон о школьной форме // Блог инспектора народного образования : [сайт]. – 2014. – 10 июня. – URL: http://eduinspector.ru/2014/06/10/zakon-o-shkolnoj-forme/

2. Одежда для школы: плюсы и минусы // Модный magazin : [сайт]. – URL: http://www.e-mm.ru/article/16751

3. Scott J. School uniforms: A history of ‘rebellion and conformity’ // BBC News Online. – 2014. – 5 September. – URL: http://www.bbc.com/news/uk-england-29047752

4. Экспертиза качества школьной формы // Союзформа : Национальный союз производителей школьной и форменной одежды : [сайт]. – URL: http://www.soyuzforma.ru/article/46

5. School uniforms by country // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/School_uniforms_by_country

Л. Б. Лаврова*

Специфика российского дизайна одежды

В статье рассматриваются характерные черты отечественного дизайна одежды в условиях российских реалий начала XXI века. Определены стилистические особенности современной моды, их влияние на формообразование и художественно-колористические решения одежды. Рассмотрены варианты использования традиционной русской культуры в творчестве ведущих дизайнеров.

Ключевые слова: дизайн; мода; полистилизм; микростиль; комбинаторика; формообразование.

Основная задача дизайна – создание новых культурных образцов предметного мира. Дизайн – явление многогранное. Предметы дизайна, во-первых, имеют четко выраженные утилитарные функции (прикладной аспект). Во-вторых, дизайн относят к феноменам «высокой моды» (художественный аспект); и, наконец, в-третьих, мировоззренческий аспект дизайна связан с проблемами экологии, отчуждения человека и т. д. Коллизии современной российской культуры изменили образ жизни и быт россиян, что не могло не сказаться на их отношении к социальным, эстетическим, этическим нормам и модным образцам. В этих условиях гротескные формы (как порождение «кризиса идентичности»), наряду с демократизмом, эклектизмом, многообразием стилей, форм и образов не могли не появиться в дизайне предметов, как важнейшем элементе предметной среды и компоненте культуры.

Сейчас ни у кого не возникает возражений по поводу причисления сферы проектирования одежды к дизайну, так как костюм является неотъемлемой частью предметной среды, тесно связанной с человеком, среды наиболее контактной, мобильно отражающей изменения ценностных ориентаций человека. Наша одежда, с одной стороны, отражает как экран все аспекты социального, материального, технического уровня развития российского общества, с другой – непосредственно связана с образом человека, его настроением, поведением, личными эстетическими пристрастиями.

Отсутствие жестких эстетических норм, единого модного образца дали большие возможности для выбора и эксперимента в

* ***Людмила Борисовна Лаврова*** – доцент кафедры конструирования и дизайна одежды, АНО ВО «Гуманитарный университет»т (г. Екатеринбург).

© Л. Б. Лаврова, 2016

области дизайна одежды, а тенденция к индивидуализации стала определяющей для развития отечественного дизайна последнего десятилетия. Можно сказать, что российские дизайнеры усвоили основное правило, согласно которому проектирование – это не «украшение» традиционных форм, а поиск и создание новых функций и качеств одежды в соответствии с изменением образа жизни и потребностей россиян. Иными словами, современный дизайнер, проектируя одежду, формирует определенный образ человека, однако окончательный продукт его творческой деятельности (костюм) будет востребован лишь в том случае, если он удовлетворяет современным потребностям или порождает эти потребности. Понимание природных и социокультурных потребностей людей, как индивидуальных, так и коллективных, – важный ценностно-мировоззренческий ориентир, определяющий смысл деятельности дизайнера одежды.

Еще недавно такие категории, как стиль и мода преимущественно диктовали композиционное и конструктивное формообразование одежды. Им в большей или меньшей степени подчинялись все объекты материально-художественной культуры. Стиль и мода организовывали и формировали предметно-пространственную среду, окружающую человека. Проектирование одежды регламентировалось теми же законам, т. е. рамки определенного стиля диктовали форму, композиционный строй и конструкцию одежды. Именно стиль определенным образом формализовал и унифицировал средства художественной выразительности.

В истории костюма и моды определена последовательность «больших стилей» разных эпох: романский стиль, готика, ренессанс, барокко, классицизм, рококо, неоклассицизм, ампир, романтизм, модерн. Общие принципы формообразования архитектуры и предметной среды, характерные для каждого «большого стиля», определяли, как сказано выше, и особенности формообразования одежды каждого из указанных периодов. Но со сменой исторических эпох ушли в прошлое времена больших художественных стилей. Возрастающие потребности общества, развитие информационных технологий и массового рынка привели к тому, что нарративные репрезентации коллекций одежды актуальны не в одном стиле, а во множестве стилевых форм и пластических образов. Сегодня речь идет не о «большом стиле» как таковом, а скорее о «модной стилистике», которая не обладает устойчивостью «больших стилей» той или иной эпохи. В российской моде такие процессы начались в конце 70-х годов XX века, когда для каждого десятилетия существовали свои «микростили» в одежде, последовательно сменявшие друг друга. Тенденция многообразия стилей (полистилизм) характерна и для первых десятилетий XXI века. Российская действительность стремительно меняется, возникают новые формы общения и философии жизни, формируется иной взгляд на моду, стиль, на одежду в целом, в итоге – новое социальное значение костюма. Современная одежда – это демократичный костюм-образ, в котором размыты возрастные и национальные рамки, классовая принадлежность, гендерный статус, стерты грани между деловой и нарядной одеждой. Стили, ранее четко разграниченные, теперь сплетаются в эклектичном смешении, заимствуя друг у друга отдельные детали, декор, колорит, пропорции и др.

Таким образом, характерными признаками современного российского дизайна одежды являются:

- потеря стилистических границ;
- избыточность неосвоенных форм одежды;
- высокая степень комбинаторики стилей.

В результате подавляющее большинство создаваемых образов костюма выглядит конгломератом форм, родственно связанных между собой. Для современной одежды характерны перегруженность, замысловатость и многообразие форм, вычурные комбинации, избыточность пластического языка.

Являясь стимулятором формирования стиля как части современной российской культуры, мода, в отличие от последнего, характеризуется более кратковременным и поверхностным изменением внешних форм одежды. Элизабет Уилсон сравнивает моду с виртуальным спектаклем, чередой образов и нескончаемых перемен. Мода эпохи «полистилизма» стала более демократичной, по крайней мере в том, что касается стилей [3]. Однако надо добавить, что разница в качестве одежды и материалов, из которых она сделана, по-прежнему значима и является, по сути, разницей между отдельными слоями российского населения.

В последнее время современные аналитики утверждают, что тенденция прогрессивного развития моды кажется уже исчерпанной: стало трудно создавать что-то новое. Именно этим фактом можно объяснить повышенный интерес российских дизайнеров к историческому наследию. Игра со старым, имитация нового через комбинаторику прошлого стали характерной чертой современной моды. Как справедливо замечает М. И. Килошенко, обращение к прошлому ценно «…не механическим перенесением старых форм, не культивированием старых традиций, а их всемерным развитием и обогащением» [1. С. 276]. Обращение к историческим корням (национальным, этническим), проникновение в их эстетическую сущность, оценка их эмоциональной выразительности помогает дизайнеру одежды постичь закономерности появления, становления и развития формы костюма и на этой базе создать совершенно новые эксклюзивные вещи. Многие исследователи, занимающиеся

изучением проявления моды в костюме, рассматривают костюм любой эпохи как произведение искусства, «…ибо человек всегда мыслит себя как некий художественный образ, отвечающий его эстетике» [4. С. 4].

Российские дизайнеры активно используют отечественную культурную традицию, которая определяется этническим и историческим контекстом. Понимание специфики, закономерностей сохранения и развития исторического наследия стимулируют и, в конечном итоге, обеспечивают поиск путей вариативности конструктивного формообразования и художественной образности в одежде. «Ведь осмысление настоящего и его дальнейшее развитие в разнообразных формах костюма, как, впрочем, и в любой другой сфере деятельности, невозможно без обращения к пройденным цивилизационным ступеням» [2. С. 89]. Интерпретация национальных, этнических костюмов прослеживается в творчестве отечественных дизайнеров: Вячеслава Зайцева, Валентина Юдашкина, Дениса Симачева и др.

Справедливо заметим, что Вячеслав Зайцев находится в стороне от остальных дизайнеров. Он знаковый персонаж отечественной моды. Его тяготение к элементам «фолька» дает основания считать его основателем эпохи постмодернизма в российском искусстве дизайна одежды, ведь именно он начал цитировать хорошо забытое старое и играть с культурной традицией. Его последние коллекции логически продолжили интерес Зайцева к классике, романтизму и фольклорному стилю. В них удачно сочетаются традиции и современность. Его зимние наряды напоминают национальные русские одежды, адаптированные к нашему времени. Модельер использует и искусственные, и натуральные меха, многослойные юбки и приталенные жакеты, высокие меховые шапки, цветные сапожки и тоненькие пояса. Его коллекции отличают многоцветие и яркий оригинальный декор (аппликации, вышивки) [6].

Для Валентина Юдашкина русский национальный костюм стал постоянным источником творчества. Поиски новой элегантности на стыке традиционного русского образа и современной функциональности неоднократно выступали в качестве базиса его коллекций. Визуальные образы В. Юдашкина часто основаны на цветовой гамме русских промыслов (дымковская игрушка и др.). Дизайнер развивает упрощенные фольклорные формы в сложные, подчеркнуто женственные образы. Платья-рубашки, сарафаны, квадратные проймы, косые застежки – эти традиционные атрибуты придают моделям истинно русское звучание.

Молодой российский дизайнер Денис Симачев практически ввел в моду китчевую хохлому (сейчас хохлома прочно ассоциируется с его именем). По мнению дизайнера, хохлома стала настоящим социальным трендом. Она стала новым лубком, который может появиться где угодно. Эта тема фактически вышла за рамки промышленного дизайнва.

Для молодых дизайнеров представляет интерес советское наследие как «постреволюционная» классика. Переосмысляя советское искусство, идеалы, они свободно импровизируют темы эстетики конструктивизма, молодежных идеалов, комсомольских строек и др.

Говоря об отечественном дизайне, нельзя оставить без внимания и российских потребителей одежды. Справедливы мнения зарубежных и отечественных экспертов по поводу тяготения потребителей (особенно это касается женщин) к излишней роскоши, к китчу и к ярким лейблам с громкими именами. Радует, что в последнее время эта тенденция заметно ослабла. Может быть, женщины наконец-то поняли, что огромная со сверкающими стразами надпись D&G на груди не соберет у их ног толпы поклонников, а на «западе» вообще может посчитаться полной безвкусицей. Поэтому русские модницы и обратили свое благосклонное внимание на отечественных модельеров, тем более что российская школа дизайна одежды уже достигла определенных высот [5].

В завершение можно сказать, что, несмотря на сложную ситуацию, российский дизайн активно функционирует, формируя, воплощая, реализуя и удовлетворяя потребности человека. Хотя он по ряду объективных причин еще не обрел мирового значения, несомненно, это невероятно перспективная отрасль с внушительным потенциалом.

Литература

1. Килошенко М. И. Психология моды. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2014.

2. Росновская Л. В. Этнокультурный аспект профессиональной подготовки бакалавров в сфере конструирования изделий легкой промышленности // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 1 (8). – С. 89–93.

3. Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность / пер. с англ. Е. Демидовой, Е. Кардаш, Е. Ляминой. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 236–269.

4. Джексон Ш. Костюм для сцены. – М. : Искусство, 1984.

5. Яковлева М. В. Особенности российских практик моды // Вестник СПбУКИ. – 2014. – № 3 (20). – С. 128–132.

6. Зайцев В. Коллекции. – URL: http://womanadvice.ru/vyacheslav-zaycev-kollekcii.

*О. С. Перина**

Тенденции «модного» потребления в периоды экономической нестабильности

В статье освещается ряд закономерностей в потреблении модной одежды и услуг сферы красоты, проявляющихся периодически в моменты экономических спадов. Помимо этого обозначены некоторые направления стабилизации предприятий, выпускающих модную одежду.

Ключевые слова: альтернативный экономический индекс; гардеробные практики; поиск возможностей; стратегии стабилизации.

Известный российский социолог, специалист в области истории и теории социологии, социологии культуры, индустриального дизайна и моды – Александр Бенционович Гофман в своем труде «Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения» определяет моду как «одну из форм, один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения». Современная система моды активно откликается на все экономические, политические, социальные и культурные события, выступая, таким образом, своеобразным индикатором состояния общества в целом. Именно мода наглядно демонстрирует малейшие изменения в поведении и настроениях потребителей. Таким образом, модные тенденции – это, прежде всего, реакция на глобальные изменения, происходящие в мире [1].

Мода, фундаментальной ценностью которой является современность, которую можно трактовать как стремление соответствовать конкретной ситуации, по-своему индексирует потребление посредством изменения спроса на модные товары и услуги сферы красоты. В периоды экономической нестабильности наблюдается процесс смены потребительских моделей, символизирующих современность и престижность. Эти изменения косвенно прослеживаются на примере колебаний экономических индексов, которые экономисты называют альтернативными. Среди них выделяют ряд своеобразных показателей:

- индекс губной помады;
- индекс спроса на галстуки;

* ***Ольга Сергеевна Перина*** – ст. преподаватель кафедры конструирования и дизайна одежды, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© О. С. Перина, 2016

- индекс длины юбки;
- индекс мужского белья;
- индекс женских причесок [3].

Рост продаж декоративной косметики, как эффект замещения желаемого доступным, выявил в 2001 году Леонард Лаудер из Estee Lauder и назвал «индексом губной помады» (Leading Lipstick Indicator). Когда женщина не может себе позволить лишних расходов на приобретение одежды, обуви и аксессуаров, она прибегает к недорогим способам стать красивее.

Мужчины в трудные времена чаще покупают галстуки. Так, в кризис 2007 года в Великобритании после новостей о возможных массовых увольнениях объем продаж галстуков удвоился. Угроза сокращения кадров и желание продемонстрировать свои деловые качества при найме на работу спровоцировали рост индекса спроса на галстуки (Skinny Tie Indicator).

Индекс длины юбки или подола (Hemline Index) был введен в 1926 году экономистом, профессором Уортонской школы университета Пенсильвании Джорджем Тейлором. Согласно его теории, чем лучше обстоят дела в экономике, тем короче юбки, что объясняется возможностью женщин покупать более дорогие чулки. Динамика изменения длины подола женской одежды иллюстрирует данную закономерность, поскольку очевидна зависимость показателя от состояния экономики. Наибольшая длина юбки зафиксирована в первой половине XX века – во времена Великой депрессии 30-х годов, а в 60-х годах экономика демонстрировала прекрасные показатели и в моду вошли дерзкие мини. Современные леди также успешно экономят на колготках, отдавая предпочтение более практичному ассортименту – брюкам. Поэтому в настоящее время сложно судить о связи длины юбки с экономическими спадами.

В периоды экономических кризисов снижается спрос на мужское нижнее белье (Men's Underwear Index). Потребители пытаются сэкономить деньги неочевидным для окружающих способом. Дополнительных расходов требуют и женские короткие стрижки, популярность которых падает во времена экономической нестабильности (Hair Cut Indicator).

Вышеперечисленные альтернативные экономические индексы, с одной стороны, сигнализируют об изменении потребительских настроений, с другой – служат поводом для пересмотра индивидуальных предпочтений и ассортиментной политики швейных предприятий.

Кризис вынуждает потребителя проанализировать и перестроить свое модное поведение. Возможности российских граждан со средним уровнем доходов относительно невелики и в периоды экономической стабильности, а в периоды спада требуют особого под-

хода. Самоидентификация личности как участника моды требует адаптации модных новинок к собственным телесным, интеллектуальным, культурным и финансовым возможностям. Индивидуальные гардеробные практики, как правило, смещаются в сторону тщательного выбора одежды и обуви. При этом специалисты по стилю и имиджу рекомендуют потребителю следующие противокризисные решения:

- игнорировать изделия категории «недолговечная мода»;
- избегать модной продукции сезонных цветов;
- отдавать предпочтение долговременным тенденциям и базовым вещам.

Дополнительные материальные ресурсы можно извлечь, пересмотрев личный гардероб с целью выявления неносимых вещей (новых и в отличном состоянии) для обмена с родственниками и подругами. Изменив способ покупки, можно сэкономить на цене, приобретая одежду любимых брендов в интернет-магазине (где она существенно дешевле), предварительно примерив изделие в условиях фирменного бутика [2].

Помимо вышеупомянутых изменений в потребительском поведении, следует перечислить другие заметные и устойчивые тенденции, на которые рекомендуется ориентироваться производителям одежды в период кризиса:

- демократизацию стилей (нивелирование социальных различий в одежде);
- стремление к универсальности и функциональности (в том числе многофункциональности);
- интерес к сдержанной цветовой гамме (особенно оттенкам ахроматических и приглушенных цветов);
- лаконичность дизайнерских решений.

Реалии современной экономики отражают зависимость моды от социально-экономических потрясений, регулярно терзающих мировое сообщество каждое десятилетие и длящихся в среднем 4–5 лет. Принимая во внимание существующую периодичность спадов в мировой и российской экономике, предприятиям родного «легпрома» (легкая промышленность) следует тщательнее планировать свою деятельность, чутко реагируя на изменения спроса [2].

Российская индустрия одежды находится в стадии зарождения, и процесс ее формирования протекает в сложной обстановке экономической нестабильности. Количество производств отечественной модной промышленности не увеличивается, не растет число учебных заведений, готовящих кадры для отрасли. Поэтому перед российскими специалистами отрасли стоят сложные задачи одновременного поиска эффективных стратегий выживания и путей дальнейшего развития. Кризисы не обходят стороной и более раз-

витую модную индустрию стран, исторически доказавших свое превосходство в данной области: Франции, Великобритании, Италии. Успешное функционирование отрасли этих стран в условиях различных состояний экономики привело к накоплению значительного опыта, который следует учитывать специалистам в области моды при выборе точек опоры для устойчивого развития отечественной легкой промышленности.

Стратегии стабилизации функционирования швейных предприятий и производств должны основываться на следующих принципах:

- изучении спроса на выпускаемый ассортимент одежды;
- постоянном мониторинге рынка модной одежды с целью выявления потребительских настроений;
- исследовании предпочтений в отношении художественно-конструктивных признаков аналогичных моделей;
- оптимизации структуры выпускаемого ассортимента;
- поиске путей снижения цены на готовую продукцию без ущерба для ее качества;
- заботе о потребителе путем проектных решений, повышающих функциональную ценность изделия.

Кризисная мода, как и всякое другое явление, имеет свои позитивные стороны и служит фильтром, отсеивающим малоэффективные стратегии. Наименьшее влияние экономические спады оказывают на модный дизайн, наибольшее – на экономику модной индустрии, промышленность, производство и торговлю. Субъекты моды – производители, распространители и потребители – вынуждены пересматривать модели поведения, взвешивать принимаемые решения и тщательно планировать действия. Люди становятся осторожнее в расходах и внимательнее к качеству одежды и обуви, и их желание приобрести универсальную недорогую одежду стимулирует производителя к выпуску ассортимента, который будет «по карману» потребителю. Именно такая политика, направленная на оптимизацию использования всех ресурсов, а отнюдь не бездумный перерасчет цен в сторону увеличения позволит швейным предприятиям медленно, но верно выйти из ситуации кризиса. Таким образом, периоды экономической нестабильности – это время размышлений, которое необходимо использовать для поиска жизнеспособных стратегий стабилизации предприятий отрасли, учитывающих характерные изменения тенденций потребления.

Литература

1. Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. – М. : Книжный дом Университет, 2013.

2. Зыкова Т. Кутюрье по имени Кризис: Как экономика и политика влияют на стиль нашей одежды // Российская газета. – 2016. – 8 февраля. – Федеральный выпуск № 6894 (26). – URL: http://www.rg.ru/2016/02/08/kak-ekonomika-i-krizis-povliiali-na-stil-odezhdy.html

3. Platt E. The 15 Most BIZARRE Economic Indicators // Business Insider. – URL: http://www.businessinsider.com/author/eric-platt

Л. В. Росновская*

Проблемы и перспективы российской модной индустрии

В статье рассматриваются проблемы отечественной индустрии моды в условиях современной российской действительности. Выделены концептуальный, организационно-производственный и кадровый аспекты темы. Анализируются причины недостаточной зрелости российских брендов, системы их продвижения на потребительском рынке, несбалансированности кадровой политики, определяются перспективы развития fashion-индустрии.

Ключевые слова: модная индустрия; модный бизнес; промышленный дизайн; инфраструктура модного бизнеса; мини-серия.

Понятие «модная индустрия» подразумевает взаимодействие двух сфер – моды (идеологии) и бизнеса. Данный термин получил распространение на территории постсоветского пространства после 1990 г. и связан с приобщением к европейской традиции и системе ценностей, основанной на индивидуализме и рыночной экономике. Становление и развитие отечественного модного рынка происходит в условиях материальной нестабильности, несформированности класса потребителей отечественной одежды, недоступности европейских достижений в области моды (инфраструктура и корпоративная система, взаимодействие с химической и текстильной промышленностью, сезонные тренды, производственные мощности и пр.). Его развитию препятствует необходимость делать крупные начальные инвестиции в рекламу новых стилей, которые могут окупиться лишь спустя длительный промежуток времени. Поэтому на российском модном рынке даже сейчас значительную долю товаров представляют изделия зарубежных фирм [6]. Для успешного функционирования отечественного модного бизнеса нужны дизайнерские идеи и разработки, промышленная база (швейные предприятия, фабрики), система организации спроса и сбыта и, наконец, сбалансированная система подготовки кадров.

Российские производители дизайнерской одежды концептуально не ориентированы на промышленный дизайн. Отечественная

* ***Людмила Валентиновна Росновская*** – канд. пед. наук, завкафедрой конструирования и дизайна одежды, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Л. В. Росновская, 2016

мода апеллирует в большей степени к индивидуальности, уникальности отдельных моделей. Модные дома, дизайнерские студии и бюро производят одежду практически в единичных экземплярах, в то время как на западе линия «pret-a-porte» имеет тысячные тиражи. Известно, что имидж марки (бренда) создается именем дизайнера, его концептуальной идеей. В российском модном бизнесе таких имен не много. Самые известные из них, узнаваемые широкой публикой, – это Вячеслав Зайцев и Валентин Юдашкин. Остальные (Денис Симачев, Сергей Теплов, Александр Терехов, Татьяна Парфенова, Кира Пластинина и др.) в большей степени знакомы профессиональной среде. Вячеслава Зайцева знают как «мэтра моды Советского Союза», того, кто впервые вывел ее на мировые подиумы. Его концепция – национальная русская идея (советская Москва, знаменитые телогрейки, роскошные русские меха и ткани). Валентин Юдашкин обычно представляет высокую моду на отечественных и зарубежных дефиле (стилизованные расшитые наряды, уместные только на помосте). Модели этих дизайнеров «с именем» уникальны и неповторимы, обычно они (дизайнеры) работают с клиентами, которые могут себе позволить такую роскошь.

Российские дизайнеры нового поколения воплощают идеалы своего времени, стремятся создать одежду, ассоциируя ее с субкультурными явлениями, адресуют свои продукты конкретной потребительской группе, ориентируясь на ее вкусы и идеалы. А последние, зачастую судят о моде по ее отражению «…в зеркале глянца или в крайне адаптированном виде, в котором она выходит на прилавки масс-маркета» [3]. Получается, что дизайн-концепция, призванная формировать вкус и спрос потребителя, вынуждена подчиняться пристрастиям целевой аудитории. Наверное, поэтому творчество многих отечественных дизайнеров находит выражение именно в индивидуальной авторской тематике – это «…интерпретации как исторического, народного костюма, так и мира природы, мира культуры, мира “мужского” и “женского”. Современные модные образы являются сложными, емкими многоуровневыми конструкциями, в которых может быть определенным образом (в зависимости от желания автора) соединено множество первоисточников» [1. С. 131]. Но, к сожалению, эти авторские, иногда маргинальные, разработки не способны удовлетворить повседневный спрос широкого круга потребителей, они актуальны на подиуме, где публика обычно воспринимает их как чисто зрелищные вещи. Для того чтобы их реализовать, хотя бы в мини-серии необходима адаптация (частичная трансформация) к производственным условиям, где важна не только эстетика образа, но и чисто экономические факторы.

Наш отечественный модный бизнес, к сожалению, организован так, что профессиональным дизайнерам приходится быть директорами своих брендов. Но из-за низкой бизнес-грамотности это под силу далеко не каждому из них (данное обстоятельство является сдерживающим фактором развития компаний). Чтобы разместить заказ на каком-нибудь швейном предприятии, необходимо разработать конструкторско-технологическую документацию и выполнить коллекцию опытных образцов-моделей в соответствии с техническими нормами этого предприятия. Это обязывает содержать финансово не только себя, но и свои производственные группы. Разумеется, вся эта работа может быть выполнена в рамках единой производственно-конструкторской цепочки предприятия или специализированными фирмами-посредниками. Но, к сожалению, связи в системе «дизайнер – производство» на сегодняшний день практически не работают, модели к производству готовят сами дизайнеры (иногда делая это не вполне профессионально с точки зрения технико-производственных критериев), они же отдают товар на реализацию. Процесс затратный, требующий больших денежных вложений. А неотлаженная система организации сбыта и спроса (в России нет рекламной индустрии, продвигающей отечественные бренды) увеличивает время возврата вложенных денежных средств. Таким образом, неразвитость инфраструктуры модного бизнеса не дает дизайнерам возможности перейти к производству более крупных партий одежды. Позицию самих дизайнеров по данному поводу можно выразить словами Виктории Андреяновой: «Нет связей между дизайнером с его коллекцией и торговлей, швейной промышленностью, текстильной… Нет ни-че-го! Отдельно взятый дизайнер может наладить свою цепочку, чем мы и занимаемся, но в масштабе страны это нереально. Что странно – Россия большая и неодетая» [4].

Модная индустрия заработает тогда, когда магазины захотят приобрести и продать, швейные предприятия захотят и смогут произвести, инвесторы захотят вкладывать. «Эта область станет бизнесом, когда в нее войдут осмысленные деньги, когда под нее будет подведена юридическая и финансовая база и все войдут в единую систему партнерских отношений» [3].

Не менее важен кадровый аспект рассматриваемой проблемы. Профессия дизайнера, благодаря демонстративности, публичности, общественному признанию, обладает высоким социальным статусом. Это привело к тому, что в российской действительности многие дизайнеры наибольшие усилия прилагают к приобретению личной популярности и «громкое имя» дизайнера часто оказывается умением «не быть, но казаться». Кроме того, система подготовки дизайнеров одежды не дает должного представления о производ-

стве и его организации (большинство дизайнеров не в состоянии руководить компанией, как этого требуют наши условия). Основное внимание уделяется развитию творчества, фантазии, образно-ассоциативного мышления, созданию креативных коллекций. Вузы (да еще и колледжи, и лицеи) ежегодно выпускают сотни дизайнеров одежды, воспитанных так, что все они поголовно считают себя творцами. Они настроены на самореализацию за спонсорские деньги, на создание эксклюзивной (авангардной) одежды – такая своеобразная «игра в дизайн». Как отмечает Ольга Гассер, основатель и руководитель конструкторского бюро «Grasser», «у начинающих дизайнеров плещет фантазия, одежда получается перегруженной и не продается. Их модель можно разложить на 10 вполне коммерчески успешных изделий» [2].

По всей вероятности, дело не только в содержании, акцентах обучения и воспитания дизайнеров, а, скорее, в расстановке приоритетов в направлениях подготовки кадров для индустрии моды. К сожалению, в высшей школе слишком мало готовят таких профессионалов, как конструктор одежды и технолог швейного производства. А именно эти специалисты владеют искусством переноса авторской идеи в серийное производство. Ни для кого не секрет, что именно конструктор способен создать лекала, обеспечивающие отличную посадку одежды на фигуре – один из главных залогов привлекательности товара, а значит, успешности его производства и продажи. И никто лучше технолога не рассчитает производственный процесс изготовления моделей одежды с оптимальным экономическим эффектом.

В системе подготовки кадров модной индустрии игнорируются профессии среднего звена, непосредственно связанные с процессом изготовления одежды. По этому поводу справедливо замечание арт-директора и президента дома моды «Lidia Soselia»: «Важная проблема российской моды в том, что появление новомодных “колледжей” и “лицеев” перечеркнуло систему подготовки портных – самых главных специалистов нашей индустрии» [5]. И не только портных, но еще и швей и закройщиков.

Нам нужен развитый промышленный дизайн, полноценный модный бизнес – не скромные мини-серии, а фабричное производство довольно крупных партий одежды. В этой связи хочется добавить, что российская мода из-за рубежа кажется невероятно перспективной отраслью с внушительным коммерческим потенциалом, хотя на сегодняшний день является недоразвитой абсолютно во всех отношениях. Так, по крайней мере, считает американское консалтинговое агентство Russian Trends Watch. «Практически во всех странах мира высок процент русскоговорящего населения, которое может стать основным потребителем продукции российских брендов… Этот факт поддерживает высокий интерес американских и европейских байеров к продукции российской текстильной и модной промышленности» [6].

Хочется верить, что в отечественной модной индустрии произойдут кардинальные перемены, связанные с развитием модных брендов, отечественных марок, укреплением производственных мощностей текстильных и швейных предприятий, переходом к профессиональному менеджменту и ориентацией не только на внутренний, но и на внешний рынок.

Источники

1. Яковлева М. В. Особенности российских практик моды // Вестник СПбУКИ. – 2014. – № 3 (20). – С. 128–132.

2. Второе дыхание отечественной моды. – URL: http://geometria.ru/blogs/fashion/84117.

3. Спицына А. Экономика уникальности бренда: Обзор отечественной индустрии моды // Legport : портал легкой промышленности. – URL: http://legport.ru/news/14208/

4. Индустрия моды в России. Тенденции развития. Мнения специалистов. – URL: http://www.lekalaim.ru/ru/statyi/.view/id/8/

5. Лидия Соселия // Модная Россия : [сайт]. – URL: http://soselia.modnaya.ru/

6. Недоразвитая мода // Trendy Men : [сайт]. – URL: http://trendymen.ru/business/markets/52521/

*Л. В. Степанченко**

Унификация методов технологической обработки одежды как основа повышения эффективности ее производства

Автором рассмотрены виды унификации методов обработки швейных изделий в сочетании с применением современного швейного оборудования и клеевых материалов. Унифицированная технология, систематизация и типизация методов обработки швейных изделий облегчают решение задач комплексной механизации и автоматизации швейных изделий, способствуют сокращению цикла проектирования и выпуска одежды новых моделей, дают значительный экономический эффект благодаря повышению качества изделий и снижению трудоемкости их изготовления.

Ключевые слова: унификация; типизация; систематизация; методы обработки; комплексная механизация; качество; конкурентоспособность.

Унификация является основным, наиболее употребительным и действенным методом стандартизации, имеющим главной целью уменьшение многообразия существующих видов, типов и типоразмеров изделий одинакового функционального назначения. Унификация является неотъемлемой частью проектирования изделий. Она успешно осуществляется при проектировании специальной, ведомственной и бытовой одежды. Различают унификацию конструкций одежды и унификацию методов обработки.

Нормативно-техническая документация «Ассортимент и унифицированная технология поузловой обработки швейных изделий» содержит ассортимент, унифицированную технологию поузловой обработки швейных изделий на основе принципов унификации методов изготовления и обоснованных норм затраты времени, новое высокопроизводительное оборудование.

Методы поузловой обработки одежды чрезвычайно разнообразны. Выбор того или иного из них зависит от конструкции изделия, ассортимента и свойств применяемых материалов, наличия

* ***Людмила Васильевна Степанченко*** – канд. техн. наук, доцент кафедры конструирования и дизайна одежды, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Л. В. Степанченко, 2016

или отсутствия соответствующего технологического оборудования. Опыт работы промышленности показывает, что большое разнообразие методов обработки швейных изделий не способствует улучшению качества одежды и оказывает отрицательное влияние на рост производительности труда, затрудняет комплексную механизацию и автоматизацию технологических процессов. В связи с этим в промышленности постоянно ведется работа по унификации методов обработки и сборки деталей и узлов одежды различных видов. Унифицированная технология изготовления разной одежды предусматривает использование наиболее рациональных методов обработки в сочетании с применением современного швейного оборудования и клеевых материалов. Унификация методов технологической обработки создается на основе изучения и обобщения опыта работы передовых швейных предприятий, зарубежного опыта, а также на основе научно-исследовательских работ, посвященных систематизации методов обработки швейных изделий. В швейной промышленности проделана большая работа по типизации и унификации конструкции и методов обработки разных видов одежды из разных материалов. Результаты этой работы значительно облегчают решение задач комплексной механизации и автоматизации швейных изделий, способствуют сокращению цикла проектирования и выпуска одежды новых моделей, дают значительный экономический эффект благодаря повышению качества изделий и снижению трудоемкости их изготовления. Совершенствование изготовления одежды осуществляется в разных направлениях: ручные операции заменяются машинными; внедряются параллельно последовательные методы обработки, при которых за один прием выполняется несколько операций; применяются параллельные методы с широким использованием клеевых материалов и способов клеевого соединения, обеспечивающих эффективную обработку и сборку деталей одежды. Широко внедряются машины полуавтоматического и автоматического действия, а также средства малой механизации.

Унификация методов технологической обработки швейных изделий позволяет разработать нормативно-техническую документацию с целью обеспечения конкурентоспособности выпускаемой продукции. Показатели эффективности промышленного внедрения научно-технической документации показывают сокращение затрат времени до 20 % за счет новых методов обработки, использования материалов новых структур, высокого технического уровня современного оборудования. В качестве примера рассмотрим унификацию методов обработки обрядовой одежды на основе свойств применяемых материалов.

При изготовлении обрядовой одежды традиционные методы обработки узлов отличаются значительной долей ручного труда,

изделия характеризуются неудовлетворительным качеством. На действующих производственных участках большое место занимают машины универсального действия, при работе на которых ручные приемы продолжают преобладать и определять производительность труда и качество обработки. Возрастающий спрос на церковную одежду или облачения требует увеличения объемов производства такой одежды. Для увеличения производства обрядовой одежды, улучшения ее качества необходимо внедрять новое, более совершенное оборудование, средства малой механизации, унифицированную технологию. Максимальная механизация и автоматизация этого производства позволит повысить его технологичность и приблизить его к условиям серийного.

В последнее время для изготовления церковной одежды используются новые виды основных, подкладочных и прокладочных материалов, применение которых позволяет повысить формоустойчивость и качество изделий. Свойства используемых материалов являются одним из основных параметров, обеспечивающих высокое качество изготовления богослужебных облачений. Изменение ассортимента основных, прокладочных материалов, использование дополнительных прикладных элементов, внедрение клеевой технологии дублирования деталей обрядовой одежды приводят к изменению технологии обработки узлов изделия. Самым сложным узлом обработки фелони является иордань. Наличие жесткой прокладки в оплечье фелони значительно усложняет процесс производства. При традиционном способе изготовления срез горловины жесткой прокладки входит в шов настрачивания галуна по иордани фелони. Большая толщина и повышенная жесткость прокладки вызывают затруднения при продвижении пакета материалов под лапкой машины и приводят к разным технологическим дефектам. С целью снижения трудоемкости изготовления и повышения удобства эксплуатации предлагается усовершенствованный метод обработки горловины фелони. Предлагаемый метод предполагает:

- обработку жесткой прокладки как самостоятельной части изделия;
- использование подкройных обтачек для соединения с горловиной фелони.

Обработка жесткой прокладки оплечья фелони как отдельной самостоятельной части изделия, новый способ обработки горловины позволят адаптировать изготовление обрядовой одежды к современным условиям производства.

Самостоятельная деталь жесткой прокладки фелони состоит из двух деталей подкладочного материала и пакета прокладочных материалов. Детали кроя подкладки на 1,0 см вкруговую больше прокладки. По среднему срезу дается припуск 1,5–2,0 см для расположения срезов жесткой прокладки «встык» с целью уменьшения

толщины в области среднего шва фелони. Детали подкладки после обтачивания образуют «карман», в котором располагается пакет прокладочных материалов. Предварительно на одной из детали подкладки намеляют месторасположение контактной ленты «велькро» по вспомогательным лекалам (рис. 1). Отрезки ленты настрачивают в трех местах детали (рис. 2). Ленту настрачивают с четырех сторон на расстоянии 0,15 см от края. Аналогично настрачивается «велькро» на подкладке основного изделия (фелони) на этапе начальной обработки детали (рис. 2, строчка 2). Далее подготовленные детали подкладки складывают лицевыми сторонами внутрь, срезы уравнивают и обтачивают ш.ш. 1,0 см (рис. 2, строчка 7), оставляя пропуск в строчке.

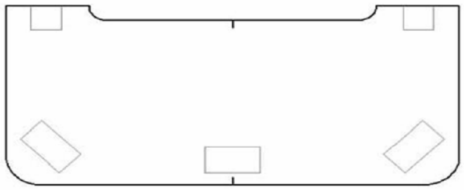
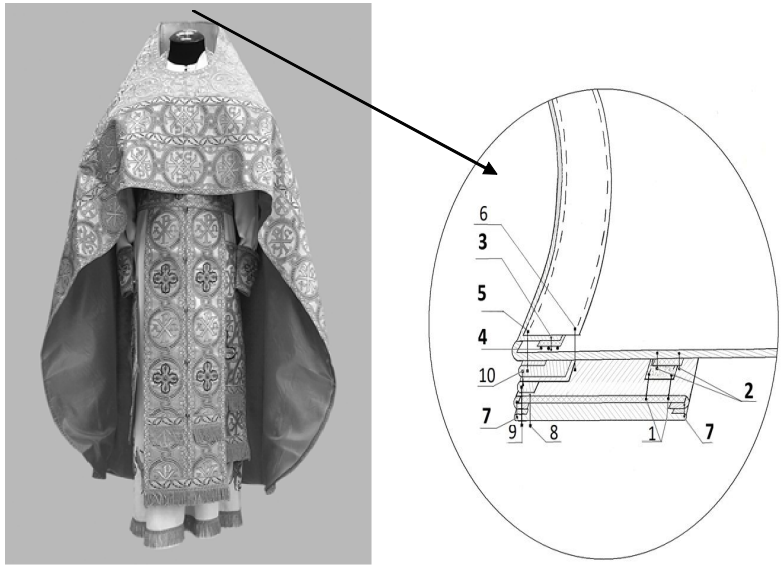


Рис. 1. Намелка настрачивания отрезков контактной ленты «велькро» на детали подкладки жесткой прокладки



а б

Рис. 2. Обработка горловины (иордани) фелони
а – внешний вид иерейского облачения
б – обработка горловины (иордани) фелони

Обтачанную деталь выворачивают на лицевую сторону через технологическое отверстие, выправляя углы. Обработанную жесткую прокладку вставляют в «карман», расправляя прокладку внутри детали. По горловине (иордани) прокладывают отделочную строчку на расстоянии 0,15–0,2 см от края (рис. 2 строчка 8), застрачивая технологическое отверстие и одновременно подкладывая под строчку косую полоску ткани шириной 3,0 см (рис. 2, строчка 9).

Полоска ткани, выкроенная по косой, необходима для соединения самостоятельной детали жесткой прокладки с горловиной изделия. Для строчки используют машину цепного стежка – для более быстрого удаления строчки при стирке изделия или замене прокладки. Затем стачивают обтачанные припуски среднего среза жесткой прокладки, шов разутюживают. Обтачанные припуски шва закрепляют строчкой настрачивания отрезка контактной ленты «велькро» с лицевой стороны детали. Предложенный способ обработки не только уменьшает толщину в области среднего шва изделия, но и дает возможность регулировать длину горловины прокладки по длине горловины фелони.

Обработанную жесткую прокладку соединяют с горловиной изделия с помощью подкройных обтачек (рис. 2).

Вторую подкройную обтачку прикрепляют к горловине фелони строчкой настрачивания галуна (рис. 2, строчка 5). Заготовленную жесткую прокладку оплечья складывают с изделием лицевыми сторонами вовнутрь, уравнивая края деталей, совмещая срезы подкройных обтачек. Прокладывают строчку с использованием машины цепного стежка (рис 2, строчка 10). Прокладку выворачивают на изнаночную сторону и закрепляют ее края к подкладке изделия по периметру в четырех точках с помощью контактной ленты «велькро». В случае чистки и ремонта фелони разработанный способ соединения жесткой прокладки с изделием дает возможность легко снимать каркасную деталь оплечья за счет повышенной распускаемости ценного стежка.

В результате использования подкройных обтачек, контактной ленты «велькро», способа обработки жесткой прокладки как отдельного каркасного элемента были исключены операции по закреплению жесткой прокладки и фелони в области горловины ручными стежками. Расчет экономической эффективности от внедрения предлагаемого метода позволил выявить преимущества унифицированного метода обработки. Применение предлагаемого метода обработки иордани фелони позволил сократить трудоемкость изготовления на 45 %, увеличить процент механизированных работ с 38 % при существующих методах до 62 % для нового способа, улучшить эргономические и эксплуатационные показатели качества. Этот метод обработки может быть реализован в производственных условиях швейного предприятия.

Т. Л. Трушина*

Мода как социальный феномен современной культуры

В статье рассматриваются различные подходы к пониманию феномена моды: мода как самопрезентация личности, как коммуникация с другими и мода как социальное явление, мода с точки зрения потребительских практик и с точки зрения творца.

Ключевые слова: мода; феномен моды; индустрия моды; самопрезентация; костюм; одежда.

«Следовать моде смешно, а не следовать глупо!» – вот уже несколько лет с экранов телевизоров звучит этот лозунг из уст Александра Васильева, историка моды. В последнее время в России появилось довольно много литературы, телепередач, интернет-ресурсов, призывающих не просто обращать внимание на свой внешний вид, но и следовать модным тенденциям в одежде. Сегодня все большее внимание мы уделяем манере одеваться, выдерживать пропорции в костюме. В оборот входит такое словосочетание, как «стильный образ». Становится популярной профессия стилист-специалист, который способен создать определенный имидж человека с помощью одежды, прически и макияжа. Что же такое мода? И какую роль она играет в современном обществе?

В русском языке слово «мода» появилось в XVII в., но только два века спустя начинает использоваться в привычном для нас понимании. В широком смысле понятием «мода» можно охарактеризовать ценности общества и образцовый стиль поведения. Мода прослеживается во всех сферах жизни, но наиболее наглядно, конечно же, в одежде. Четкое и единственно верное определение понятия «мода» вывести довольно сложно, так как каждый исследователь данного вопроса руководствуется собственными суждениями и исходит из контекста своего времени. Немецкий социолог Г. Зиммель говорит, что «мода – не что иное, как одна из многих форм жизни, посредством которых тенденция к социальному выравниванию соединяется с тенденцией к индивидуальному различию» [1. С. 269]. Зиммель придает моде классовый характер, утверждая, что «мода находит себе применение лишь в высших

* ***Татьяна Леонидовна Трушина*** – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Т. Л. Трушина, 2016

сословиях. Как только ее начинают перенимать низшие сословия, тем самым переходя поставленную высшими сословиями границу … высшие сословия сразу же отказываются от данной моды и принимают новую, которая позволяет им вновь дифференцироваться от широких масс» [1. С. 271]. Современные исследователи высказывают другую точку зрения: «особенно устаревшей кажется мысль о том, что “низы” будто бы стремятся подражать в манере одеваться “верхам”. Правильнее представить, что мода складывается под разными влияниями, в том числе под влияниями, которые исходят отнюдь не от привилегированных слоев общества» [2. С. 223]. Действительно, изначально мода создавалась королями и их фаворитами, а все приближенные стремились на них походить и постепенно модные платья спускались все ниже и ниже, а в королевском дворе к тому времени уже появлялись новые формы и силуэты. В XIX в. появились так называемые кутюрье, и производство модной одежды становится отныне их прерогативой. Кутюрье – не просто портной, занимающийся пошивом одежды, кутюрье позиционировал себя творцом и обещал новшества! Вскоре появляются модные дома, где главным действующим лицом становится дизайнер, он же художник, и мода приобретает сезонный характер. В настоящее время модные тенденции зарождаются не только в высших слоях общества, сегодня на формирование моды влияет гораздо больше факторов: это и значимые события, происходящие в мире, и вкусовые предпочтения звезд кино и шоу-бизнеса, и образы модных блогеров в Интернете, да и просто улица. «В наши дни, чтобы снова стать желанной, марке приходится осваивать язык улицы» [Там же. С. 225]. Это признают многие дизайнеры и часто именно там черпают вдохновение.

Феномен моды – явление настолько широкое, что рассматривать его можно с абсолютно разных сторон, вследствие чего и отношение к моде формируется различное и не всегда однозначное. В современной культуре мода часто воспринимается как нечто поверхностное, несерьезное и противоречивое. И причиной тому служит изменчивость моды, ее демонстративный характер, появление в жизни людей абсолютно нефункциональных или просто неудобных вещей. Но если всмотреться в более глубинные смыслы этого явления, то становится понятно, что мода способна решать серьезные задачи, а в контексте сегодняшнего дня, пожалуй, одни из самых существенных для современников – вопросы самоопределения и самопрезентации личности. «Формируя свой внешний облик, индивидуум занимает некую позицию по отношению к другим, а также и к себе самому. В этих условиях мода – один из доступных человеку способов стать самим собой» [Там же. С. 231]. Нельзя сказать, что скомпонованная определенным образом одежда сможет полностью справиться с поставленной задачей, но она точно сыграет не последнюю роль. «Выбирая костюм, личность продолжает работу над самоидентификацией» [2. С. 232]. Каждый костюм – это некий язык, визуализированный язык символов и образов. И здесь мы понимаем моду как высказывание. В процессе взаимодействия информация, которую несет костюм, невольно считывается людьми. Эта информация может быть различного характера, но интерес личности в том, чтобы его костюм был адекватен ситуации или обществу, в котором он находится. Одежда содержит отпечаток статусной позиции человека. «Поэтому мода означает, с одной стороны, присоединение к равным по положению, единство характеризуемого ею круга и именно этим отъединение этой группы от ниже ее стоящих, определение их как не принадлежащих к ней» [1. С. 269]. Правда, сегодня наблюдается общая тенденция к сглаживанию различий в одежде. При этом нельзя сказать, что исчезают богатые и бедные, исчезают явные признаки, по которым их различают. Стало гораздо проще, по сравнению с прошлыми веками, с помощью одежды сымитировать статус. А состоятельные люди надевают общедоступную одежду – джинсы, футболки, которые, возможно, будут в более высокой ценовой категории, но отличить это смогут только знатоки.

Интересная черта моды, свойственная ей с момента появления, – стремление выразить себя, показать, что ты отличаешься от толпы, ты другой. Но в то же время быть среди своих. Часто, копируя кого-то вне своего круга, человек отличается от своего ближайшего окружения, становясь примером для подражания в нем. «В рамках предлагаемого разнообразия личность делает свой выбор, руководствуясь вполне рациональной стратегией. Она осознанно ищет возможность сочетать стремление отличаться с подражанием, чтобы таким образом стать тем, кем она хочет быть» [2. С. 232].

В современном обществе стремление на кого-то походить выражено очень ярко. Модным ориентиром часто являются звезды шоу-бизнеса, популярные модные блогеры и общепризнанные «иконы стиля». Обычно демонстрируемые ими комплекты собраны из брендовой дорогой одежды, которую может позволить себе лишь небольшая группа людей с высоким доходом. А так как жажда подражать велика, появляется огромное количество подделок. На них большой спрос, объяснить который можно лишь желанием людей приблизиться к элите хотя бы во внешней составляющей.

Свою индивидуальность стремятся подчеркнуть далеко не все, многим проще слиться с толпой, затеряться в ней – «область всеобщего подражания, возможность плыть в широком социальном фарватере, освобождение индивида от ответственности за его вкус и действия» [1. С. 280] – и такую возможность мода тоже предоставляет.

Рассматривая моду как социальное явление, мы видим отражение всего, что происходит в жизни общества, государства. И прочитать этот язык часто довольно просто. Например, ткани, производившиеся в СССР, с зарисовками советских самолетов, тракторов, всевозможной революционной и идеологической символикой, прекрасно отражают политическую и экономическую обстановку того времени. В Европе в предвоенные годы (1935–1936) была популярна одежда с деталями и силуэтами, характерными для военной формы. И в это же время, параллельно с военным, появляется романтический стиль, как бы отражая двойственное отношение людей к напряженной обстановке в мире. Сегодня в моде гораздо большее разнообразие, мы уже не зацикливаемся на одном модном силуэте или цвете, и меняется она намного быстрее, чем раньше, что тоже характеризует наше время, время головокружительных перемен и постоянного движения вперед во всех областях жизни. «Чем более нервна эпоха, тем быстрее меняются ее моды» [1. С. 273]. Эти слова как нельзя лучше описывают обстановку в мире в XX–XXI вв.

Нельзя не проанализировать моду с точки зрения потребительских практик. Современное общество – это общество потребления, важной чертой которого является массовое производство. С появлением масс-маркетов, где одежда представлена по демократичным ценам, мода становится доступной не только самым состоятельным людям, а практически всем. В таких магазинах можно найти фасоны с подиумов, воплощенные в довольно дешевых, часто синтетических тканях с использованием фурнитуры не самого высокого качества. Но модные тенденции учтены, и для многих потребителей этого достаточно, чтобы принять решение о покупке. Ассортимент магазинов одежды стал меняться чаще, чем, скажем, еще пять лет назад. Модные циклы ускоряются, множатся стимулирующие к покупке предложения в виде скидок, акций и других льготных условий, обещающих выгоду для покупателя, появляется термин «быстрая мода». Покупка одежды часто спонтанна и не обусловлена действительной необходимостью. Эти моменты были прекрасно проиллюстрированы в документальном фильме «Реальная цена моды», который вышел на экраны зимой 2015 г. В картине раскрывается невидимая на первый взгляд сторона индустрии моды. В частности, приведены ужасающие данные о том, что индустрия моды является вторым по величине загрязнителем в мире после нефтяной промышленности – результат массового производства одежды. Применение химических красителей, использование генномодифицированного сырья – все это приводит к необратимым последствиям, пагубно влияющим на здоровье людей и окружающую среду. Массовый пошив одежды уже давно производится в странах с дешевой рабочей силой: Китае, Индии, Пакистане, Бангладеш и др., где условия труда часто не отвечают самым основным требованиям безопасности. Большинство швей на фабриках лишены прав и социальной защиты. Заработная плата составляет около $3 в день [3]. Такова оборотная сторона медали, позволяющая, в свою очередь, ощутимо удешевить производство одежды и предоставить возможность всем и каждому прикоснуться к модным веяниям.

С точки зрения творца, мода – это возможность высказаться. Дизайнеры всего мира стремятся не только воплотить в коллекциях свои фантазии, но и выразить свое отношение к происходящим в мире событиям. Эта же тенденция прослеживается и в творчестве современных российских дизайнеров. Например, историческая коллекция от Нины Ручкиной приурочена к 70-летнему юбилею Второй мировой войны. Коллекция изобилует военной символикой, цель которой – сохранить память о великом подвиге нашего народа [4]. Идея такой коллекции неслучайна. Обстановка в мире довольно напряженная, и желание сплотиться, усилить патриотический дух и вспомнить о былых подвигах сегодня особенно актуально. В коллекциях Ульяны Сергеенко, представленных на Неделях высокой моды в Париже, неизменно звучит тема российской действительности различных эпох. Вологодское и елецкое кружева уже становятся визитной карточкой модельера. Своим творчеством Ульяна рассказывает зарубежным ценителям прекрасного, а также напоминает соотечественникам о том, что Россия – страна с богатым культурным наследием, о котором не стоит забывать.

С экономической, политической, социокультурной точек зрения модная индустрия – одна из самых значимых в мире на сегодняшний день. Отношение к ней может быть различным, но один факт неоспорим: быть модным – значит, быть современным, быть в курсе тенденций, а следовательно, понимать суть происходящих в мире событий.

Литература

1. Зиммель Г. Избранное. – Т. 2 : Созерцание жизни. – М. : Юристъ, 1996.

2. Эрнер Г. Жертвы моды? Как создают моду, почему ей следуют / пер. с фр. Н. Кисловой. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010.

3. Реальная цена моды : док. фильм / реж. Эндрю Морган. – 2015.

4. Историческая коллекция для UVZSHOP.ru от Нины Ручкиной // Nina Ruchkina: Индивидуальная dressировка : [сайт]. – URL: http://ninaruchkina.ru/novosti/istoricheskaya-kollekciya/

*О. В. Черных**

Детская мода в России: вчера, сегодня, завтра

В статье рассматривается история развития детской моды и нынешнее состояние отечественного рынка одежды для детей, показана его зависимость от социокультурного и экономического состояния российского общества; определены предпосылки дальнейшего развития детской моды в России.

Ключевые слова: детская мода; история детской моды; производство детской одежды.

Современный рынок детской одежды пестрит разнообразием, в котором воплощены все мыслимые и немыслимые дизайнерские идеи. Любой родитель, даже слишком притязательный и искушенный в моде, имеет возможность огромного выбора самого лучшего предложения сообразно своим вкусам и пристрастиям.

А ведь буквально совсем недавно, каких-то пару-тройку столетий назад, о детской моде не могло быть и речи. Одежду для детей проектировали точно так же, как и для взрослых, просто меньших размеров. Больше всего в этом плане «не повезло» детям аристократических семей, и особенно королевских. На девочек, с очень раннего возраста, надевали тугие корсеты и огромное количество тяжелых юбок, мальчиков наряжали в узкие сюртуки и камзолы, в которых абсолютно невозможно было двигаться [1]. Крестьянским детям в этом плане было куда лучше, их одежда была простой, в ней можно было свободно двигаться. Отношение к детям как ко взрослым было во всех сферах жизни: дети наравне со взрослыми присутствовали на казнях, в крестьянских семьях все спали в одной постели, даже интимная жизнь родителей не скрывалась.

Так продолжалось довольно долго, пока философ Жан-Жак Руссо не издал свой роман-трактат «Эмиль, или о Воспитании». Этот роман произвел переворот в отношении к детям. «Самые мудрые из нас гонятся за тем, что людям важно, – знать, не принимая в расчет того, в состоянии ли дети научиться этому. Они постоянно ищут в ребенке взрослого, не думая о том, чем он бывает прежде, чем стать взрослым» [2. С. 1]. После такого открытого заявления общество стало иначе относиться и воспринимать детство, обратило пристальное внимание на здоровье детей, признало важность того факта, что детская одежда не должна вредить растущему организму, не должна стеснять свободу движения ребенка, должна быть сообразна детской психике, детскому восприятию окружающего мира. Однако любые изменения в сознании человечества, даже резко и импульсивно возникающие, на практике претворяются довольно медленно и болезненно. Так и детская одежда изменялась постепенно.

* ***Ольга Викторовна Черных*** – студентка 2-го курса факультета конструирования и моделирования одежды, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© О. В. Черных, 2016

Своеобразный прорыв в детской моде совершила Екатерина II, которая первая создала маленький костюмчик-комбинезон, ничем не напоминающий взрослую одежду. Конечно, он был далек от идеального представления об удобстве и комфорте, но именно с этого нововведения медленно, но верно детская одежда начала свой путь становления-превращения по-настоящему в детскую – простую, свободную, эргономичную.

Целое столетие понадобилось для того, чтобы взрослая и детская одежда стали абсолютно непохожими. В конце XIX и начале XX века в платьях мамы и дочки можно было найти лишь один общий элемент – заниженную талию. Но на платье дочки присутствовал широкий пояс с бантом. В это же время для детей начали изготавливать матросские костюмчики, остававшиеся актуальными очень долгое время. (Они присутствуют в моде по сей день.) С этого момента берет начало понятие «детская мода». Правда, развитие детской моды проходило неравномерно и гораздо медленнее моды взрослой. Надо отметить, что практически сразу начался обратный процесс «овзросления» детской моды. Этому способствовала политическая ситуация в стране: революция, приход к власти большевиков и установившийся тоталитарный режим превратили одежду в форму, что существенно затормозило процесс формирования детской моды. Дети фактически превратились в младших «товарищей», девочек и мальчиков в одинаковых белых рубашечках и свободных шароварах, марширующих под дробь барабана. В детской одежде остался голый функционал.

Следующим серьезным препятствием на пути становления и развития детской моды стала Великая Отечественная война, которая породила дефицит всякой одежды. В это время для детей большей частью перешивали поношенную взрослую одежду и детская мода не была в приоритетах. Послевоенное советское время диктовало жесткую дисциплину во всех областях. В этих условиях производство детской одежды попало под строжайший контроль,

особенно форменная одежда для школы. Юные октябрята, пионеры и комсомольцы должны были выглядеть и вести себя так, как предписывал соответствующий устав. Здесь не допускалось никаких вольностей, только общепринятые нормы и правила. Единственными, для кого делали модную разнообразную одежду, были дошколята. Яркие платьица и костюмчики отличались высоким качеством, были эстетичны и эргономичны.

После 90-х гг. прошлого века ситуация резко изменилась. Новая экономическая ситуация, свободная торговля обусловили большие потоки товаров (в том числе детских) из Турции и Китая. Это была дешевая, яркая детская одежда из синтетики. Разумеется, все стали одевать детей в эту, мягко говоря, не очень полезную одежду. Но выбора не было, ведь в результате изменений в политике и экономике большая часть населения оказалась за чертой бедности, а хорошие, качественные вещи резко выросли в цене и стали просто недоступными. Одежда стала роскошью, доступной только состоятельным людям. Крупные отечественные предприятия, ориентированные на детский ассортимент, с трудом адаптировались к новым рыночным отношениям. Они стали разоряться или распадаться на ряд мелких, более мобильных. Но и они с трудом выживали в условиях жесткой конкуренции с «импортом». Тем не менее в это время начали с небольших производств такие, ныне известные, детские бренды, как «Крокид», «Шалунишка», «Веселый малыш» и другие.

Модой нельзя было назвать то, что пришло на российский рынок из Турции, Китая и других стран. По-настоящему судить о возрождении и развитии детской моды можно лишь с начала XXI века, когда активно стал пропагандироваться культ семьи, здорового образа жизни. В такой ситуации дети оказались в центре внимания родителей, на детях перестали экономить, скорее наоборот, культовым стал девиз «все лучшее – детям». Этим по сей день пользуются многие недобросовестные производители и продавцы детской одежды, искусственно завышая цены.

Современные дизайнеры не оставляют без внимания детскую одежду, практически у любого из них есть детские коллекции. Некоторые дизайнеры специализируются исключительно на детской одежде: так, например, молодой дизайнер Полина Голубь каждый сезон предлагает новые коллекции. Для Александры Гайды источником вдохновения является собственный ребенок. Модели, создаваемые ею, не только привлекательны, но и долговечны: они выдержат бурные игры, а также контакт с влагой, грязью и песком. Модели для детей дизайнера Натальи Солдатовой из Санкт-Петербурга – практически копии взрослых одежд. Спокойные цвета, строгие, но при этом удобные фасоны – настоящая находка для юных леди и джентльменов.

Один из последних трендов – одевать ребенка в такую же одежду, как у родителей. Нередко можно встретить маму с дочкой в одинаковых платьях и папу с сыном в одинаковых футболках и джинсах. Особенно этим увлекаются знаменитости и люди, добившиеся определенного успеха в жизни. Очевидно, что тем самым они реализуют свои стремления сделать свое чадо как можно более похожим на них самих, столь же успешным и знаменитым.

Надо отметить, что современная детская одежда стала как никогда эргономична. В 2008 году были введены новые российские антропометрические стандарты детского населения. Такого внимания к детям не было с 70-х гг. прошлого века.

Таким образом, детская мода очень активно развивается: новые формы, детали, отделка, оригинальные цветовые решения делают ее разнообразной, оригинальной, индивидуальной. Ну а требования удобства и комфорта направляют развитие сырьевой базы в сторону экологичных современных тканей и материалов. Одежда для детей становится удивительно легкой, практически невесомой, она прочная и легкая в уходе, она дышит, создавая максимально комфортный микроклимат для растущего организма. Дефицита детской одежды будто и не было, наоборот: огромное разнообразие и возможность выбора.

В заключение хочется отметить, что модернизация и технологическое обновление производственной сферы легкой промышленности, включая возрождение в России производства текстильной продукции для детей, дает основание утверждать, что детская мода и, соответственно, рынок детской одежды активизируются. Одна из перспективных задач детского fashion-сектора – развитие и насыщение отечественного рынка детской одежды новыми и перспективными коллекциями и материалами, а также развитие дизайнерской составляющей в представленных моделях одежды.

Литература

1. Васильев А. А. Судьбы моды. – М. : Альпина нон-фикшн, 2009.
2. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о Воспитании [Электронный ресурс]. – URL: http://www.klex.ru/bob
3. Российские дизайнеры детской одежды: стильный облик с юных лет. – URL: http://teammy.com/notes/261646

Н а у ч н о е и з д а н и е

Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии

Материалы XIX Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета 12–13 апреля 2016 года

Том первый

Редакторы:
Е. А. Цепелева, С. В. Фельдман
Компьютерная верстка В. В. Курьянович

Подписано в печать 28.03.2016. Формат 60x90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 29,25. Тираж 200 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19
Лицензия № 0074 от 29.05.2012

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «ИРА УТК»
620089, г. Екатеринбург, ул. Луганская, 59